UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324460 5

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/chetyrnadtsatoed00mere

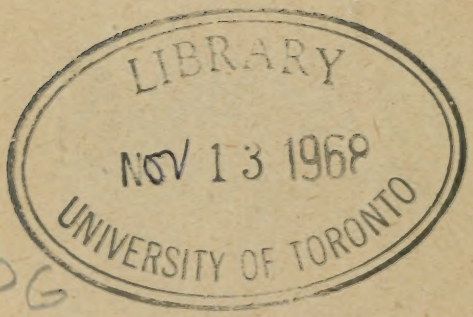
103

14 ДЕКАБРЯ

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

14 ДЕКАБРЯ

ПАРИЖЪ
1921



PG
3467
M4C5

Типографія «ЗЕМГОРА», 216, Bd Raspail, Paris.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Любить землю — грѣхъ, надо любить небесное. А я не могу, — больше всего на свѣтѣ люблю Черемушки. Пока въ нихъ жила, — и не знала, что такъ люблю. А вотъ уѣхала — и залюбила, затосковала до смерти...

— Вы землю вашу, какъ живую, любите, Марья Павловна?

— Ну, конечно, живая! Выбѣгу, бывало, въ рощу — молодыя березки — тоненькія, какъ восковыя свѣчечки, кожица у нихъ такая мягкая, теплая, солнцемъ нагрѣтая, совсѣмъ какъ живая. Обниму, прижмусь щекою и ласкаюсь, цѣлую: миленькая, родненькая, сестричка моя!

Въ голубоватомъ свѣтѣ зимнихъ сумерекъ, едва пробивавшемся сквозь обледенѣлое оконце кибитки, князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ, вглядываясь въ милое лицо дѣвушки, думалъ: «Сама, какъ та березка весенняя».

Марья Павловна Толычева съ виду была

обыкновенная уѣздная барышня изъ тѣхъ, о которыхъ сказано:

Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой.

Одѣта по модной картинкѣ изъ Телеграфа: мѣховой палатинъ добротнаго бабушкина гродетура темно-зеленаго, клѣтчатый капоръ съ розовыми лентами; густая черная коса заплетена въ видѣ корзиночки, съ висячими вдоль щекъ, легкими гроздьями локоновъ; старинныя гранатовыя серьги въ ушахъ, вѣрно, тоже подарокъ бабушкинъ. Хорошо воспитана, говоритъ по-французски. А у самой лицо, какъ у деревенской дѣвушки, которая сидитъ на завалинкѣ, въ желтомъ, съ красными горошинами, платочкѣ, смѣется съ парнями и грызетъ сѣмечки.

Можетъ быть, никого еще не любитъ, но благоуханьемъ любви окружена, какъ цвѣтущая сирень свѣжестью росною. И всѣ это чувствуютъ: станціонные смотрители, шлагбаумные инвалиды, распаренные чаемъ купцы толстобрюхіе, ямщики краснорожіе, — всѣ, глядя на Марью Павловну, думаютъ: «Ахъ, хороша дѣвка!»

По дорогѣ изъ Василькова въ Петербургъ, Голицынъ остановился въ Москвѣ, чтобы повидаться съ членомъ Тайнаго Общества, Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ. Пущинъ, служившій въ Уголовномъ Департаментѣ Московскаго Надвор-

наго Суда, жилъ у тетки, старосвѣтской барыни, въ захолустномъ особнякѣ, въ приходѣ Пятницы Божедомской, на Старой Конюшенной. Здѣсь, тоже проѣздомъ въ Петербургъ, остановилась дальняя родственница Пущиныхъ, серпуховская помѣщица Нина Львовна Толычева съ девятнадцатилѣтнею дочкою, Марьей Павловной. Голицынъ согласился сопровождать ихъ по просьбѣ Пущина.

Тогда только-что началъ ходить изъ Москвы въ Петербургъ почтовый дилижансъ — низкій, длинный возокъ, обтянутый кожей, съ двумя оконцами, сзади и спереди. Лежать въ немъ было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли — двое впередъ, двое назадъ — по дорогѣ; а такъ какъ прежняя зимняя кибитка означала лежанье, то ямщики прозвали это новое изобрѣтеніе «нележанцами». Голицынъ, съ сбѣими дамами и состоявшей при нихъ горничной дѣвкою, Палашкою, отправился въ такомъ нележанцѣ.

Госпожа Толычева, родомъ изъ семьи зажиточной, привыкла ѣздить не иначе, какъ по дворянскому обычаю, на своихъ, на долгихъ, съ молельнею, кухнею, съ обозомъ домашней клади и дворовой челяди. Почтовыхъ дилижансовъ боялась, какъ неслыханнаго новшества, и рада была надежному спутнику.

Тотчасъ разсказала ему всю свою исторію. Воспитывалась въ Смольномъ. Почти прямо изъ института вышла замужъ и безъ малаго двадцать пять лѣтъ прожила съ мужемъ, какъ у печки погрѣлась. Павелъ Павловичъ Толычевъ служилъ въ арміи: за Итальянскій походъ произведенъ Суворовымъ въ подпоручики; въ Двѣнадцатомъ году раненъ; вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника. Былъ большого ума человѣкъ и даже сочинитель — въ Сіонскомъ Вѣстникѣ статья его напечатана; съ господиномъ Лабзинымъ былъ въ дружбѣ, а когда его за вольныя мысли сослали, едва не добрались и до Павла Павловича. Терпѣлъ гоненія, потому что любилъ правду, злыхъ людей обличалъ, лихоимцевъ-чиновниковъ и тирановъ-помѣщиковъ. Самому архіерею доказывалъ, что не должно быть крѣпостного состоянія — ни господъ, ни рабовъ. Собственныхъ крестьянъ своихъ пожелалъ отпустить на волю, но начальство не позволило. Фармазономъ объявили, безбожникомъ и возмутителемъ. Губернаторъ хотѣлъ въ острогъ посадить. Отъ многихъ огорченій Павелъ Павловичъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ. Нина Львовна осталась одна одинешенька съ малолѣтнею дочкою. Трехъ дѣтей при мужѣ схоронила; Маринька — послѣдняя. Дѣла по имѣнью разстроились; видя доброту покойнаго барина и не понимая благородныхъ чувствъ, мужики — отродье хамо-

во — избаловались такъ, что никакого съ ними сладу нѣтъ; половина — въ бѣгахъ, половина — пьяницы; ни оброка, ни подушныхъ не платятъ. Сама ничего въ хозяйствѣ не смыслитъ; знакомыя дамы прозвали ее бѣлоручкою за то, что не бивала людей: боится-де замарать свою ладонь о холопьи щеки. А управляющій — плутъ. Имѣніе въ Опекунскомъ Совѣтѣ заложено — долгъ 25.000, а процентовъ нечѣмъ платить, — продадутъ съ молотка, и ступай по міру.

Но самъ Господь надъ ними, сиротами, сжалился — послалъ добраго человѣка. Пріѣхалъ къ роднымъ изъ Петербурга въ Серпуховъ статскій совѣтникъ Порфирій Никодимычъ Аквилоновъ—въ Департаментѣ Внѣшней Торговли служитъ, — на балу въ уѣздномъ клубѣ увидѣлъ Мариньку и такъ плѣнился, что черезъ нѣсколько дней предложеніе сдѣлалъ. Человѣкъ немолодой, лѣтъ за пятьдесятъ, но почтенный, благонамѣренный, на прекрасномъ счету у начальства и большой капиталъ, говорятъ, имѣетъ. А въ Маринькѣ души не чаетъ. «Если, говоритъ, согласьемъ осчастливите, ничего не пожалѣю для счастья вашей дочери: выйду въ отставку, хозяйствомъ займусь въ Черемушкахъ и дѣла ваши поправлю». Маринька не отказала, но просила подумать. И Нина Львовна не неволитъ дочери: сама понимаетъ, дѣло молодое — любви хочется, союза сердечнаго. А Порфирій Нико-

димычъ ей не пара, — въ отцы годится. Такъ-то годъ прошелъ, все думала и, наконецъ, письмо получили отъ господина Аквилонова: почтительнѣйше проситъ участь его рѣшить и, ежели есть надежда, хоть малая, въ Петербургъ пожаловать для свиданія личнаго; да и самой Нинѣ Львовнѣ должно прибыть безъ отлагательства по дѣламъ имѣнія, такъ какъ уплата взносовъ просрочена, могутъ наложить запрещеніе и объявить торги.

Есть у нихъ еще надежда на троюродную бабушку, Наталью Кирилловну Ржевскую. Старуха богата, да скупа и привередлива: какъ заладила, чтобъ имѣніе продали и къ ней на житье въ Петербургъ переѣхали, — такъ и стоитъ на своемъ. «А то, говоритъ, ломанаго гроша отъ меня не получите». А Маринька объ этомъ слышать не хочетъ. «Лучше, говоритъ, выйду за Аквилонова, а не уѣду изъ Черемушекъ. Здѣсь родилась, здѣсь и умру».

Кончивъ разсказъ, Нина Львовна заплакала: какъ ни хвалила жениха, а жаль было дочери.

Голицынъ сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи ночью съ Палашкою, а днемъ съ Ниной Львовной. Но на второй день разболѣлась у нея голова и, чтобъ ей отдохнуть полулежа, Палашку усадили къ ямщику на козла, а Марья Павловна пересѣла къ Голицыну.

Нележанецъ ползъ черепахою. Санный путь

еще не сталъ, какъ слѣдуетъ; снѣгу было мало, полозья визжали по голымъ камнямъ; возокъ встряхивало. За перегородкой слышно было сонное дыханіе Нины Львовны. Колокольчикъ звенѣлъ усыпительно. Въ замерзшемъ оконцѣ густѣлъ голубоватый свѣтъ вечернихъ сумерекъ, похожій на свѣтъ, который бываетъ во снѣ. И обоимъ казалось, что снится имъ сонъ незапамятно-давній, много разъ видѣнный.

— А мнѣ все кажется, Марья Павловна, что мы уже съ вами когда-то видѣлись. Только вотъ не могу вспомнить, когда, — сказалъ Голицынъ, продолжая вглядываться въ милое лицо дѣвушки.

— А вѣдь и мнѣ... — начала она и не кончила.

— Ну что?

— Нѣтъ, ничего. Глупости, — отвернулась, покраснѣла. Вообще легко краснѣла, внезапно и густо, во всю щеку, какъ маленькая дѣвочка, и тогда становилась еще милѣе. Наклонившись къ оконцу, провела по ледянымъ узорамъ тоненькимъ розовымъ пальчикомъ.

Вглядывалась въ Голицына украдкою, пристально, и лицо его странно мѣнялось въ глазахъ ея, какъ будто двоилось: то сухое, жесткое, желчное, съ недоброй морщинкой около губъ, вѣчно-насмѣшливой, съ пронзительно-умнымъ и тяжелымъ взоромъ изъ подъ слѣпо-поблескивавшихъ стеколъ очковъ — она ихъ вообще не любила:

только старики да ученые нѣмцы, казалось ей, носятъ очки, — чуждое, почти страшное; а то вдругъ — простое, дѣтское, милое и такое жалкое, что сердце у нея сжималось, какъ будто чуяло, что этому человѣку грозитъ бѣда, опасность смертельная. Но все это темно и смутно, какъ сквозь вѣщій сонъ.

— Я, вѣдь, васъ боюсь немножко, — проговорила, все такъ же вглядываясь въ него, украдкой, пристально. — Кто васъ знаетъ, можетъ быть, и вы такой же насмѣшникъ, какъ Иванъ Ивановичъ?

— Пущинъ предобрый; его бояться нечего. Да и меня тоже.

— Вы тоже добрый?

— А вы какъ думаете, Маринька... Марья Павловна?

— Ничего. Меня всѣ зовутъ Маринькой. Я сама не люблю Марьи Павловны, — заглянула ему прямо въ глаза и улыбнулась; онъ — тоже. Смотрѣли другъ на друга, улыбаясь молча, и оба чувствовали, что эта улыбка сближаетъ ихъ неудержимо растущею близостью, жуткой и радостной, какъ будто послѣ долгой-долгой разлуки вспоминали, узнавали другъ друга.

Вдругъ опять отвернулась, покраснѣла, потупилась. Но сквозь длинныя рѣсницы опущенныхъ глазъ онъ успѣлъ поймать стыдливо блеснувшую ласку, — можетъ быть, не къ нему, а все равно

къ кому, — ко всѣмъ: такъ солнечный лучъ равно ласкаетъ все, на что ни упадетъ.

— Ужъ вы меня извините, князь, —проговорила, все еще не подымая глазъ. — Я ужасно дикая. Все одна да одна въ своихъ Черемушкахъ, вотъ и одичала. Съ людьми говорить разучилась. Всего боюсь.

— Не стоитъ людей бояться, Маринька: бояться людей, значитъ, ихъ баловать.

— Да я не людей боюсь, а сама не знаю чего. Въ Черемушкахъ я не боялась,всегда была храбрая, а какъ оттуда уѣхала, — такое вдругъ все чужое, страшное. Когда была маленькой, няня, бывало, уложитъ, перекреститъ, задернетъ на кроваткѣ занавѣску и говоритъ: «Спи, говоритъ, дитятко, спи съ Богомъ! У кота-ли воркота, колыбелька хороша. Да глазокъ не открывай, изъподъ занавѣски не выглядывай, а то возьметъ Хо — вонъ оно подъ кроваткой лежитъ». А потомъ я часто думала, что не только подъ кроваткой, а вездѣ — Хо. Вся жизнь — Хо...

— А вы отъ него отчурайтесь, оно васъ и не тронетъ.

— Да какъ отчураться?

— Будто не знаете?

— Не знаю... Нѣтъ, право, не знаю, — медленно, какъ бы въ раздумьѣ, покачала она головой, и длинные локоны вдоль щекъ, какъ легкія гроздья, тоже качнулись. Возокъ на замерзшемъ

ухабѣ подпрыгнулъ, лица ихъ нечаянно сблизились, и нѣжный локонъ коснулся щеки его, какъ будто обжегъ поцѣлуемъ.

— А вы знаете? Ну такъ скажите.

— Нельзя сказать.

— Почему нельзя?

— Потому что каждый самъ долженъ знать. И вы когда-нибудь узнаете.

— Когда же?

— Когда полюбите.

— Ахъ, вотъ что, любовь! — опять покачала головой сомнительно. — А какъ же говорятъ, нынче и любви-то настоящей нѣтъ, а одна измѣна да коварство?

—Кто говоритъ?

— Всѣ.

Le plus charmant amour
Est celui qui commence et finit en un jour.

Это мнѣ Щукинъ намедни сказалъ. И тетенька тоже: «Ахъ, говоритъ, Маринька, ты еще не знаешь, какая это птица любовь: какъ прилетитъ, такъ и улетитъ». И бабенька...

— Сколько ихъ у васъ, тетенекъ да бабенекъ!

— Охъ, много, страсть!

— И вы имъ всѣмъ вѣрите?

— Ну, конечно!

У нея была привычка повторять эти два слова: «ну, конечно!» и она дѣлала это такъ мило, что онъ ждалъ, когда она ихъ скажетъ.

— Какъ же не вѣрить? Надо вѣрить старшимъ. Сама-то, вѣдь, глупенькая, такъ вотъ умнымъ людямъ и вѣрю. Я вся изъ чужихъ словъ, какъ одѣяльце изъ лоскутковъ пестренькихъ.

— А подъ одѣяльцемъ кто-то прячется? — улыбнулся онъ.

— А вотъ узнайте кто, — прищурилась она, глядя на него исподлобья и тоже улыбаясь лукаво-дразнящей улыбкой. И опять блеснулъ тотъ солнечный лучъ, который ласкаетъ все, на что ни упадетъ.

Помолчала, вздохнула, и лицо омрачилось мыслью недѣтскою.

— Такъ-то, князь. Любовь улетитъ, а Хо останется: оно, вѣдь, безъ крыльевъ, какъ червякъ, ползучее, или вотъ, какъ большой, большой паукъ, ужасный, отвратительный...

Оба замолчали и опять почувствовали, что молчаніе сближаетъ ихъ неудержимо растущею близостью.

— Ну, хорошо, — сказалъ Голицынъ,—пусть бабеньки да тетеньки какъ имъ угодно. А вы-то сами хотите, чтобъ любовь улетѣла?

— Ну, конечно, нѣтъ! Я люблю любить крѣпко — не умѣю любить немножко. Надо, чтобъ епанча не спадала съ одного плеча, а держалась на обоихъ твердо.

— Такъ, Маринька, такъ! — посмотрѣлъ на

нее Голицынъ, какъ будто, наконецъ, вспомнилъ, узналъ: «Такъ вотъ ты кто!»

— Какая вы хорошая! — проговорилъ уже другимъ, тихимъ голосомъ.

— Ну, вотъ, нашли хорошую! Вы меня еще не знаете. Спросите-ка маменьку: она вамъ скажетъ, какая я несносная дѣвчонка, злая, упрямая.

— Послушайте, Маринька, можно съ вами говорить просто?

— Ну, конечно. Я сама люблю — просто. Этихъ церемоній терпѣть не могу!

— Такъ вотъ что, Марья Павловна, — началъ онъ и вдругъ остановился; такъ же, какъ давеча Маринька, отвернулся, покраснѣлъ и потупился. Она посмотрѣла на него съ любопытствомъ.

— Не выходите замужъ за господина Аквилонова, — проговорилъ онъ съ внезапною рѣшимостью.

— Это еще что? Почему?

— Потому что вы его не любите.

— Какъ не люблю? Женихъ — значитъ, люблю.

— Нѣтъ, не любите. Онъ для васъ — Хо.

— Какія глупости! Человѣкъ прекрасный, почтенный, благонамѣренный. Можетъ составить счастье всякой дѣвушки. Это всѣ говорятъ — и маменька, и тетенька, и бабенька...

— А все-таки не выходите.

— Да вамъ-то что? Какой чудакъ! И какъ вы смѣете? Мнѣ бы разсердиться надо, а я не умѣю, дура...

— Ну, простите. Не буду. Не сердитесь, хорошая моя, милая, милая дѣвушка...

Онъ вдругъ замолчалъ. Взглянулъ на нее украдкою. Опять, какъ давеча, наклонилась къ замерзшему оконцу и дышала на него, приложивъ ладони ко рту; потомъ начала что-то выводить пальчикомъ на кружкѣ оттаявшемъ.

— В. Видите В? Вѣдь имя вашей невѣсты съ В?

— Какой невѣсты?

— Вотъ тебѣ на! Хорошъ женихъ — невѣсту забылъ! Ай-ай-ай, развѣ такъ можно? И чего вы отъ меня таитесь? Я же знаю, мнѣ Пущинъ сказывалъ: у васъ въ Петербургѣ—невѣста красавица; имя — съ В... Василиса, что-ли? Валеріанъ да Василиса. Вотъ какъ ладно, — съ одной буквы оба имени! — разсмѣялась она звонко, какъ будто весело, а глаза были грустные.

«Почему съ В? Ахъ, да, — «Вольность», — догадался Голицынъ и вспомнилъ:

Мы ждемъ, въ томленьи упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.

— А знаете, князь, вѣдь это, можетъ быть, и

не такъ?—вдругъ перестала смѣяться и посмотрѣла на него строго, почти сурово.

— Что не такъ?

— Да, вотъ, насчетъ любви. Не любовь спасетъ отъ Хо.

— А что?

— Не знаю, не умѣю сказать. Есть такіе стишки —покойный папенька ихъ очень любилъ:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца, —

сказала тихо, но въ этой тишинѣ была такая сила, что Голицынъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: только что была дитя, и вотъ —женщина.

Въ эту минуту возокъ, съѣзжая съ косогора, наклонился на-бокъ и едва не опрокинулся. Маринька въ испугѣ вскрикнула и, схватившись за ручку сидѣнья, положила нечаянно руку на руку Голицына. Онъ крѣпко сжалъ ее и наклонился близко къ самому лицу ея. Она чуть-чуть откинулась, хотѣла отнять руку, но онъ не пустилъ.

— Marie, — послышался невнятный голосъ Нины Львовны за перегородкою.

Маринька прислушалась, но не отвѣтила. И оба притаились въ темнотѣ, какъ дѣти, которыя шалятъ.

— А у васъ надъ бровью мушка, — прошепталъ онъ смѣющимся шопотомъ.

— Не мушка, а родинка, — отвѣтила она такимъ же веселымъ шопотомъ. — Когда я была маленькой, дѣти дразнили меня: «У Маринькп родинка — Маринька уродинка!»

Онъ склонился къ ней еще ближе, и она еще дальше откинулась.

— Родная, родная, милая! — прошепталъ онъ такъ тихо, что она могла бы не слышать, если-бъ не хотѣла.

— Marie, où es tu donc, mon enfant, — позвала Нина Львовна уже внятнымъ, проснувшимся голосомъ.

— Здѣсь, маменька! Я сейчасъ... А вотъ и станція!

Возокъ остановился. Красные огни и черныя тѣни въ оконцѣ забѣгали. Маринька встала.

— Не уходите, — шепнулъ Голицынъ.

— Нельзя. Маменька будетъ сердиться.

Онъ все еще держалъ ее за руку. Вдругъ поднесъ руку къ губамъ и поцѣловалъ куда никто не цѣлуетъ — въ ладонь, теплую, свѣжую, нѣжную, какъ чашечка цвѣтка, солнцемъ нагрѣтая.

На ночь пересѣла къ нему, по обыкновенію, Палашка, а днемъ — опять Маринька. Госпожа Толычева перестала церемониться и позволяла дочери сидѣть съ нимъ сколько угодно.

Но потому ли, что Нина Львовна не спала и могла ихъ слышать, или потому, что Маринька сама вдругъ замкнулась, насторожилась послѣ

вчерашняго, — разговоръ былъ неловокъ и незначителенъ. Она разсказывала о своемъ житьѣ въ Черемушкахъ. Въ разсказѣ все было просто и будничнo, но стариной незапамятной вѣяло отъ него, какъ милою сказкою.

Въ концѣ липовой аллеи съ грачиными гнѣздами, на самомъ обрывѣ, надъ тихою рѣчкою Каширкою — дѣдушкина бесѣдка съ полустертою на фронтонѣ надписью: «Найтить здѣсь спокойство». Въ этой бесѣдкѣ Маринька читала «Удольфскія Таинства» госпожи Радклифъ и «Страданья Ортенберговой фамиліи» господина Коцебу. Вообще любила читать «ужасное и чувствительное». А зимою, въ сумерки, когда въ полутемной гостиной голубой свѣтъ луны сквозь обледенѣлыя окна смѣшивался съ краснымъ свѣтомъ лампадки изъ маменькиной спальни, — кузина Адель пѣла подъ клавикорды старинныя пѣсенки, такія глупыя, такія нѣжныя:

Звукъ унылый фортепьано,
Выражай тоску мою.

Или еще:

Ужъ пробилъ часъ, и намъ разстаться,
Быть можетъ, должно навсегда!
Ахъ, льзя ль не плакать, не терзаться?
Богъ вѣсть, увидимся ль когда.

И Маринька, слушая, плакала.

Вѣрила въ гаданья, примѣты вѣщія, которымъ

научила ее старая няня Петровна: если увидитъ нитку на полу или кругъ на пескѣ отъ лейки — ни за что не переступитъ. Знала, что, когда топится печка и летятъ искры, — будутъ гости; а когда пѣтухъ поетъ въ необычное время, — надобно снять его съ насѣсти и пощупать ноги: теплыя — къ вѣстямъ, холодныя — къ покойнику.

Была хозяйка, куда лучше маменьки. У нихъ, въ Серпуховѣ, дешево все: мясо — пять копеекъ фунтъ, пара цыплятъ — пятьдесятъ, огурцы — сорокъ за четверикъ. Умѣла ихъ солить, какъ никто во всемъ уѣздѣ. И рукодѣльница была искусная. Разъ начесали шерсти изъ овечьихъ душекъ — что у овецъ на груди и подъ шеей, — вымыли и привезли. А Пелагея у нихъ славно прядетъ, — вышла мягкая, чудесная шерсть, но бѣлая вся, а узоръ безъ тѣней вышивать нельзя. Что жъ бы вы думали? Сама выкрасила и очень недурно; прекрасный коврикъ вышила.

— Вы это нарочно, Маринька? — разсмѣялся, наконецъ, Голицынъ, — не выдержалъ.

— Что нарочно?

— Я вамъ о любви, а вы объ огурцахъ соленыхъ и о душкахъ!

Ничего не отвѣтила, только закусила губку, приложила къ ней пальчикъ и кивнула головой въ сторону маменьки, какъ будто у нихъ была уже общая тайна.

И о чемъ бы ни говорили, — въ каждомъ словѣ было иное значеніе, тайное, важное. Иногда вдругъ умолкали, улыбаясь другъ другу съ удивленіемъ радостнымъ, какъ будто послѣ долгой разлуки наступило свиданіе блаженное. И оба чувствовали опять, какъ вчера, что, хотятъ-нехотятъ, а сближаются неудержимо растущею близостью. Все еще боялась его, не вѣрила; но, когда сквозь длинныя рѣсницы опущенныхъ глазъ ловилъ онъ стыдливо блеснувшую ласку,— ему казалось, что ласка эта уже не для всѣхъ, какъ вчера, — а для него одного.

«Что я дѣлаю? Зачѣмъ смущаю бѣдную дѣвушку?» — иногда опоминался онъ, а потомъ опять все забывалъ, опьяненный благоуханіемъ любви, которымъ окружена была милая дѣвушка, какъ цвѣтущая сирень свѣжестью росною.

«Вотъ бы вамъ, Голицынъ, жениться на Маринькѣ», —вспоминалъ слова Пущина; принялъ ихъ тогда за шутку. — «Мы голову несемъ на плаху, а вы о женитьбѣ.Пущинъ!»—«Ну,что-жъ, и на плаху идти веселѣе женатому: все-таки поплачетъ кто-нибудь. Нѣтъ, право, женились бы, избавили бы дѣвушку отъ стараго плута и выжиги, господина Аквилонова».

Самому ему противно было думать, что Маринька выйдетъ замужъ за Аквилонова. Когда въ паутинѣ бьется мотылекъ, хочется спасти его отъ паука. Но какъ это сдѣлать? Въ Петербур-

гѣ будетъ ему не до Мариньки: тамъ заговоръ, возстаніе, низверженіе тирана, освобожденіе отечества. А можетъ быть, судьбы царствъ и народовъ не болѣе вѣсятъ на вѣсахъ Божьихъ, чѣмъ судьба одной души человѣческой?

Что же такое встрѣча ихъ — случай или судьба? Если только случай, то почему это узнаванье, вспоминанье вѣщее, какъ въ сновидѣніи незапамятномъ? А если судьба, то почему онъ такъ увѣренъ, или хочетъ быть увѣренъ, что могъ бы полюбить ее, но никогда не полюбитъ, что въ этомъ снѣ любви несбыточномъ, послѣдней радости жизни, онъ съ жизнью навѣки прощается? Какъ тотъ путешественникъ, который, спасаясь въ пустынѣ отъ звѣря, кинулся въ колодецъ, повисъ на суку, рветъ ягоды съ куста малины и ѣстъ, забывъ о гибели.

Глядя на лицо ея, такое живое, вспоминалъ другое лицо,мертвое; въ темномъ свѣтѣ дневныхъ свѣчей, въ подвѣнечномъ бѣломъ платьѣ, въ гробу, вся тонкая, острая, стройная, стремительная, какъ стрѣла летящая, — шестнадцатилѣтняя дѣвочка, Софья Нарышкина.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла.
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.
Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь: обмана сердцу нѣтъ;

Сбылося все: я въ сторонѣ свиданья
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.
Другъ! На землѣ великое не тщетно:
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ...

Не измѣнитъ она — не измѣнитъ и онъ. Та первая любовь — послѣдняя. И если бы даже полюбилъ онъ Мариньку, — не измѣнилъ бы Софьѣ. Обѣ — вмѣстѣ, земная и небесная. Какъ въ послѣднемъ предѣлѣ земля и небо — одно, такъ Софья съ Маринькой.

На третьи сутки утромъ возокъ подъѣзжалъ къ Петербургу. Когда миновали послѣднюю станцію, Пулково, потянуло со взморья тепломъ; замерзшее оконце оттаяло, заплакало, и сквозь слезы забѣлѣла равнина, унылая, снѣжная, съ болотными кочками, какъ будто могилами исполинскаго кладбища. А на самомъ краю бѣлой равнины — черныя точки — дома Петербурга.

— Ну, прощайте, князь, — сказала Маринька. — Сейчасъ пріѣдемъ. Я къ жениху, а вы къ невѣстѣ...Вспоминать обо мнѣ будете?

Онъ молча поцѣловалъ руку ея, опять, какъ давеча, въ ладонь, теплую, свѣжую, нѣжную, какъ чашечка цвѣтка, солнцемъ нагрѣтая.

— Придете къ намъ въ Петербургѣ? — спросила она шопотомъ.

— Приду.

— А если невѣста не пуститъ?

— Никакой у меня невѣсты нѣтъ.

— Правда?

— Правда.

— Честное слово?

— Честное слово. А у васъ, Маринька, нѣтъ жениха?

— Не знаю. Можетъ быть, и нѣтъ.

И опять улыбнулись другъ другу, молча, — узнали, вспомнили. «Я могъ бы тебя полюбить», — сказалъ глубокій взоръ его. «И я могла бы», — отвѣтила она такимъ же взоромъ.

— Marie, что же ты? Собираться пора. Палашка, гдѣ подорожная? Куда опять запропастила? Ахъ, дѣвка несносная! — послышался ворчливый голосъ маменьки.

Потянулись длинные заборы, огороды, лачуги, лавки, постоялые дворы. Наконецъ, возокъ остановился у низенькаго домика съ желтыми стѣнами, забрызганными еще лѣтнею грязью, съ полосатыми будками по обоимъ концамъ шлагбаума.

Дверца возка открылась, и заглянуло въ нее усатое лицо инвалида. Караульный офицеръ прописалъ подорожныя, скомандовалъ часовому: «Подвысь!» Шлагбаумъ поднялся, и нележанецъ въѣхалъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Съ 27 ноября, когда узнали о кончинѣ императора Александра I, въ Петербургѣ наступила тишина необычайная. Все умолкло и замерло, какъ бы затаило дыханіе. Театры были закрыты; музыкѣ запрещено играть на разводахъ; дамы одѣлись въ трауръ; въ церквахъ служили панихиды, трезвонъ колоколовъ унылый съ утра до вечера носился надъ городомъ.

Россія присягнула Константину I. Указы подписывались именемъ его; на монетномъ дворѣ чеканились рубли съ его изображеніемъ;въ церквахъ возглашалось ему многолѣтіе. Со дня на день ждали его самого, но онъ не пріѣзжалъ, и по городу ходили слухи. Одни говорили, что отрекся отъ престола, другіе — что согласился, а правда была неизвѣстна.

Для успокоенія столицы объявили, что государыня мать получила письмо, въ коемъ его величество обѣщалъ вскорѣ прибыть; потомъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ къ нему навстрѣчу выѣхалъ. Но оба извѣстія оказались ложными.

Курьеры скакали изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Варшавы въ Петербургъ; братья обмѣнивались письмами, но толку не было.

— Пора бы кончить эти любезности, — ворчали сановники.

— Когда же, наконецъ, мы узнаемъ, кто у насъ государь? — выходила изъ терпѣнія императрица Марія Ѳеодоровна.

— На тронѣ лежитъ у насъ гробъ, — шепталась вѣрноподданные въ тихомъ ужасѣ.

На другой день, послѣ присяги, въ окнахъ магазиновъ на Невскомъ выставлены были портреты новаго императора. Прохожіе толпились передъ окнами. На портретѣ онъ былъ дуренъ, а въ дѣйствительности — еще хуже. Курносъ, какъ Павелъ I; большіе мутно - голубые глаза на выкатѣ; насупленныя брови, торчащія густыми пучками бѣлобрысыхъ волосъ; такіе же волосы на переносицѣ; въ минуты гнѣва вздымались они, щетинились; руки длинныя, ниже колѣнъ, какъ обезьяньи лапы: казалось, могъ ходить на четверенькахъ. И весь былъ похожъ на обезьяну, огромную человѣкоподобную. Вспоминали, какъ жаловалась бабушка, императрица Екатерина Великая, на безчинное и безчестное поведеніе внучка: «Вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойностью, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ. Не понимаю, откудова въ немъ вселился такой подлый санкюлотизмъ, предъ всѣми унижающій».

Письма свои къ учителю, французу Лагарпу,

подписывалъ: «L'âne Constantin». Но былъ не глупъ, а только нарочно «валялъ дурака», чтобъ оставили его въ покоѣ, не лѣзли съ короною. «Деспотическій вихрь», — называли его приближенные. Однажды на смотру лошадь его испугалась. шарахнулась. Выхвативъ палашъ, онъ избилъ ее такъ. что она едва не издохла. Лошадью будетъ Россія, а Константинъ — бѣшенымъ всадникомъ. Надѣялись. впрочемъ. что не захочетъ царствовать, «по отвращенію природному».

— Меня задушатъ, какъ задушили отца,—говаривалъ.—Знаю васъ, канальи, знаю!— злобно усмѣхался. — Теперь кричите: «ура», а если потащатъ меня на лобное мѣсто и спросятъ: «любо ли?» — вы такъ же закричите: «любо! любо!»

Разсказывали. что, когда прочелъ манифестъ о вступленіи своемъ на престолъ, съ нимъ сдѣлалось дурно. велѣлъ пустить себѣ кровь.

— Что они, дурачье, вербовать что-ли вздумали въ цари! — кричалъ въ бѣшенствѣ. — Не пойду! Сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!

Когда въ Петербургѣ узнали объ этомъ, всѣ возмутились.

— Нельзя играть законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ частною собственностью, — говорили одни.

— Почему нельзя? — возражали другіе. — Въ Россіи все можно. Мы трусы. Погрози намъ только гауптвахтою — и смиримся.

— Кому бараны достанутся? — держали закладъ шутники.

— Какіе бараны?

— Мы. Развѣ насъ не гонятъ отъ одной присяги къ другой, какъ стадо барановъ?

Рѣшали, кто лучше — Константинъ или Николай?

Императоръ Павелъ I назначилъ пятимѣсячнаго младенца Николая шефомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка въ чинѣ генералъ - лейтенанта. Мальчикъ, прежде чѣмъ научился ходить, билъ въ барабанъ и махалъ игрушечной сабелькой. А когда подросъ, вскакивалъ съ постели по ночамъ, чтобы постоять съ ружьемъ. Никогда ничего не хотѣлъ знать, кромѣ солдатиковъ. Воспитатель великихъ князей, дядька Ламсдорфъ, билъ мальчиковъ по головѣ ружейнымъ шомполомъ такъ, что они почти лишались чувствъ. «Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное», — говаривалъ впослѣдствіи самъ Николай.

Никогда не готовился быть наслѣдникомъ; лѣтъ до двадцати не имѣлъ никакихъ служебныхъ занятій, и все его знакомство съ свѣтомъ было въ дворцовыхъ переднихъ и въ секретарской комнатѣ. «Бѣшенъ, какъ Павелъ, и злопа-

мятенъ, какъ Александръ». Правда, уменъ; но ума-то его и боялись пуще всего: чѣмъ умнѣе, тѣмъ злѣе.

Въ совершенствѣ усвоилъ прусскій военный уставъ и вообще былъ нѣмецъ. Предсказывали, что со вступленіемъ его на престолъ нѣмцы наводнятъ Россію, которая и безъ того уже кажется «почти завоеванной».

Константинъ — звѣрь, а Николай — машина. Что лучше, машина или звѣрь?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ залѣ Государственнаго Совѣта, въ Зимнемъ дворцѣ, между генералъ-адъютантскою комнатою и временными покоями великаго князя Николая Павловича, въ восемь часовъ утра все еще было темно, какъ ночью. Высокія окна, выходившія на дворъ, зіяли чернотой непроницаемой. Черно-желтый туманъ, казалось, проникалъ, какъ дымъ удушливо-ѣдкій, сквозь окна и стѣны. Восковыя свѣчи въ тяжелыхъ канделябрахъ, на длинномъ, крытомъ зеленымъ сукномъ столѣ, тускло горѣвшія, освѣщали только середину залы, а углы тонули во мракѣ; и тамъ два большихъ портрета, висѣвшихъ другъ противъ друга, Екатерины II и Александра I, выступали таинственно-призрачно, какъ будто Внучекъ

и Бабушка переглядывались и перемигивались съ одной и той же улыбкой лукаво-насмѣшливой.

Старые сановники, въ пудрѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, блуждали, какъ дряхлыя тѣни, сходились, шептались, шушукались. А въ самомъ темномъ углу сидѣли молча, не двигаясь, какъ три изваянія безжизненныя, три вставшіе изъ гроба покойника, — семидесятилѣтній министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, восьмидесятилѣтній министръ просвѣщенія Шишковъ и генералъ Аракчеевъ, казавшійся вѣчнымъ, безъ возраста. Послѣ убійства Настасьи Минкиной, въ первый разъ появился онъ во дворцѣ.

«Смерть дѣвки отняла у него способность заниматься дѣлами, а кончина государя возвратила ему оную», — говорили о немъ.

Всѣ уже знали, что изъ Варшавы прибылъ курьеръ окончательный съ отказомъ цесаревича, и сегодня долженъ быть подписанъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I. Съ минуты на минуту ждали князя Александра Николаевича Голицына съ манифестомъ, переписаннымъ набѣло. Когда открывалась дверь, оглядывались, — не онъ ли?

Высокаго роста, благообразный, милый и важный старикъ, съ полусѣдыми волосами, зачесанными наверхъ плѣшивой головы, съ продолговатымъ, тонкимъ и блѣднымъ лицомъ, съ дву-

мя болѣзненными морщинами около рта — въ нихъ меланхолія и чувствительность. — весь тихій, тишайшій, осенній, вечерній. — Николай Михайловичъ Карамзинъ, стоя у камина, грѣлся. Всѣ эти дни былъ боленъ. «Нервы мои въ сильномъ трепетаніи. Слабѣю какъ младенецъ отъ всего». — жаловался. Пораженъ былъ смертью государя, какъ смертью друга, брата любимаго; и еще больше — равнодушіемъ всѣхъ къ этой смерти. «Всѣ думаютъ только о себѣ, а о Россіи — никто». Все оскорбляло его, мучило, ранило; хотѣлось плакать безъ всякой причины. Чувствовалъ себя старою «Бѣдною Лизою».

Николай поручилъ ему составить манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. Составилъ, но не угодилъ. «Да благоденствуетъ Россія мирною свободою гражданскою и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ». — эти слова не понравились; велѣли передѣлать. Передѣлалъ — опять не понравилось. Манифестъ поручили Сперанскому.

Карамзинъ огорчился, но продолжалъ бывать во дворцѣ, говорилъ о причинахъ общаго неудовольствія и о мѣрахъ, какія надо принять для блага отечества.

Никто не слушалъ его, и онъ замолчалъ, отошелъ. «Кончена, кончена жизнь! Умирать пора». —плакалъ и смѣялся надъ старою Бѣдною Лизою.

Стоя теперь у камина, поглядывалъ издали на

все съ грустью задумчивой. «Гляжу на все, какъ на бѣгущую тѣнь», — говаривалъ.

Рядомъ шептались два старичка-сановника.

— Надѣюсь, мы васъ не лишимся? — спрашивалъ одинъ.

— Богъ знаетъ, что съ нами будетъ!—пожималъ плечами другой. — Намедни, за ужиномъ, Петръ Петровичъ шампанскимъ угащивалъ: «Выпьемъ, говоритъ, неизвѣстно, будемъ-ли завтра живы».

— Все грустить изволите, ваше превосходительство? — сказалъ, подойдя къ Карамзину, оберъ-камергеръ Алексѣй Львовичъ Нарышкинъ, весь залитый золотомъ и брилліантами, съ лицомъ величаво-привѣтливымъ и незначительнымъ, съ жеманно-любезной улыбкой старыхъ вельможъ Екатерининскихъ. Весельчакъ, забавникъ, шутившій даже тогда, когда другимъ было не до шутокъ.

— Не я одинъ, а вся Россія... — началъ-было Карамзинъ.

— Ну, Россію лучше оставимъ, — усмѣхнулся Нарышкинъ тонкою усмѣшкою. — Давеча, во время панихиды, на Дворцовой площади расшалились извозчики. Послали унять: стыдно-де смѣяться, когда всѣ плачутъ о покойникѣ. «А чего, говорятъ, о немъ плакать? Пора и честь знать, вишь сколько процарствовалъ!» Вотъ вамъ и Россія!

Блѣдное лицо Карамзина вспыхнуло.

— Смѣю думать, ваше превосходительство, что въ Россіи найдутся люди, которые заплатятъ долгъ благодарности...

— Ну, полно, мой милый, кто нынче долги платитъ? Что до меня, я только на одрѣ смерти скажу: C'est la première dette, que je paye à la nature, — разсмѣялся Нарышкинъ.

— Развѣ такъ дѣла дѣлаютъ? Всѣ бумаги перепутали! У васъ, сударь, нѣтъ царя въ головѣ! — кричалъ злой карликъ съ калмыцкой рожицей, министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій, на исполняющаго должность государственнаго секретаря, старую сѣдую крысу, Оленина.

— Что это онъ говоритъ: нѣтъ царя? — не понялъ князь Лопухинъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, кавалеръ Большого Мальтійскаго Креста, старикъ высокій, стройный и представительный, набѣленный, нарумяненный, съ вставною челюстью и улыбкой сатира. Онъ страдалъ глухотой, а въ послѣдніе дни, отъ разстройства мыслей, глухота усилилась.

— Говоритъ, что нѣтъ царя въ головѣ у Оленина, — прокричалъ ему Нарышкинъ на-ухо.— А вы думали что?

— Я думалъ, нѣтъ царя въ Россіи.

— Да, пожалуй, и въ Россіи, — опять усмѣхнулся Нарышкинъ своей тонкой усмѣшкой. —

И вѣдь, вотъ что, господа, удивительно: уже почти мѣсяцъ, какъ мы безъ царя, а все идетъ такъ же ладно или такъ же неладно, какъ прежде.

— Все вздоръ дѣлаютъ! Въ мячикъ играютъ! — продолжалъ кричать Лобановъ.

— Какой мячикъ? — опять не понялъ Лопухинъ.

— Ну, объ этомъ нельзя кричать на-ухо, — отмахнулся Нарышкинъ и шепнулъ Карамзину. — А вы о мячикѣ слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— «Pendant quinze jours on joue la couronnede Russie au ballon, en se la renvoyant mutuellement», — это Лафероннэ, французскій посолъ, намедни пошутить изволилъ. Шуточка отмѣнная, только едва ли войдетъ въ Исторію Государства Россійскаго!

Лопухинъ подставилъ ухо и, должно быть, услышавъ имя Лафероннэ, понялъ въ чемъ дѣло, тоже разсмѣялся, обнажая ровные, бѣлые зубы искусственной челюсти, и тлѣномъ пахнуло изо рта его, какъ отъ покойника.

— Ну, какъ ваши рюматизмы, Николай Михайловичъ? — проговорилъ пріятно-сиповатымъ голосомъ старикъ лѣтъ шестидесяти въ довольно поношенномъ фракѣ съ двумя звѣздами, съ вѣнчикомъ сѣдыхъ завитковъ вокругъ лысаго черепа, съ лицомъ бѣлизны удивительной, почти какъ молоко, съ голубыми глазами, вращав-

шимися медленно, подернутыми влажностью, — «глаза умирающаго теленка», — сказалъ о нихъ кто-то. Это былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. — А меня геморроиды замучили, — прибавилъ, не дождавшись отвѣта, и вынувъ изъ табакерки щепотку лаферма двумя длинными тонкими пальцами руки изящнѣйшей, засунулъ табакъ въ носъ, утеря шелковымъ краснымъ платкомъ сомнительной чистоты, —на тонкое бѣлье былъ скупенекъ, — и проговорилъ съ самодовольной улыбкой: — Эхъ, былъ бы я молодецъ, если бы табаку не нюхалъ!

— Ну,что, ваше превосходительство, готовъ манифестъ? — спросилъ Карамзинъ,нарочно давая понять, что не сердится и не завидуетъ.

Сперанскій обратилъ на него свои медленные глаза съ едва уловимой усмѣшкой на тонкихъ губахъ:

— Охъ, ужъ не говорите! Этотъ манифестъ мнѣ вотъ гдѣ! — указалъ себѣ на шею. — Какъ объяснить необъяснимое, растолковать народу эти сдѣлки домашнія? Николай отрекается для Константина, а Константинъ — для Николая. Ни въ кузовъ, ни изъ кузова.

— Такъ что же было дѣлать?

— Не открывать завѣщанія, каши не заваривать.

— Презрѣть волю покойнаго?

— Мертвые воли не имѣютъ.

— Жестокія слова, ваше превосходительство!

— Лучше слова, чѣмъ дѣла жестокія. Нельзя играть законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ частною собственностю. Если покойный государь хоть сколько-нибудь любилъ свое отечество, которое въ 12 году дало ему такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какъ могъ онъ подвергнуть Россію... Ну, да что говорить! Послѣднія десять лѣтъ превосходятъ все, что мы когда-либо о желѣзномъ вѣкѣ слышали... А, впрочемъ, можетъ быть, «все къ лучшему», какъ ваше превосходительство говорить изволите.

Карамзинъ молчалъ. Слезы обиды за друга, за брата любимаго кипѣли въ душѣ его, и онъ съ трудомъ ихъ удерживалъ. Облокотившись о мраморъ камина, опустилъ голову и закрылъ глаза рукою.

— Нездоровится, ваше превосходительство? — спросилъ Сперанскій.

— Да, голова болитъ. Должно быть, отъ нервовъ. Нервы мои въ сильномъ трепетаньи...

— Это нынче у всѣхъ. Отъ погоды, — замѣтилъ Сперанскій. — А знаете, отличное средство для утвержденія нервовъ: вмѣсто чаю — холодный отваръ миллефолія съ горькой ромашкой.

— Миллефолій, миллефолій...—повторилъ Карамзинъ съ улыбкой болѣзненной; что-то было

въ этомъ словѣ приторно-сладкое, тошное и томное, что застревало въ горлѣ комкомъ непроглоченнымъ. И казалось ему, что самъ Сперанскій съ его лицомъ бѣлизны удивительной, почти какъ молоко, съ блѣдно-голубыми глазами, подернутыми влажностью, «глазами умирающаго теленка», — весь какъ миллефолій.

Сдѣлалъ надъ собой усиліе, проглотилъ комокъ и отнялъ руки отъ глазъ.

— Да, все къ лучшему, ваше превосходительство, хотя и не въ смыслѣ здѣшняго свѣта, — улыбнулся тихою улыбкою. — Есть Богъ — будемъ спокойны.

— Ваша правда, Николай Михайловичъ, будемъ спокойны, — улыбнулся Сперанскій. — Я всегда говорилъ: Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur.

— Какъ? Какъ вы сказали?

— Божескимъ Промысломъ и человѣческою глупостью Россія ведется.

Карамзинъ опять закрылъ глаза рукою. Ему хотѣлось плакать и смѣяться вмѣстѣ.

«Хороши мы оба, — думалъ онъ, — въ такую минуту, когда рѣшаются судьбы отечества, россійскій законодатель ничего не находитъ, кромѣ смѣха, а россійскій историкъ — ничего, кромѣ слезъ. Кончена, кончена жизнь! Пора умирать, старая Бѣдная Лиза!»

Открылась дверь въ генералъ-адъютантскую, и

опять всѣ оглянулись. Съ большимъ портфелемъ въ рукахъ, сѣменя ножками, маленькій,толстенькій, кругленькій, какъ шарикъ, вкатился въ комнату князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

— Ну что, готовъ манифестъ? — обступили его всѣ.

— Какой манифестъ? — притворился онъ непонимающимъ.

— Э, полноте, ваше сіятельство, весь городъ знаетъ!

— Ради Бога, господа, секретъ государственный!

— Да ужъ ладно, не выдадимъ. Только скажите, — готовъ?

— Готовъ. Сейчасъ къ подписи.

— Ну, слава Богу! — вздохнули всѣ съ облегченіемъ.

И въ темномъ углу зашевелились три тѣни дряхлыя. Аракчеевъ медленно перекрестился.

А на противоположномъ концѣ залы открылась другая дверь изъ коридора во временные покои великаго князя Николая Павловича, и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, позвякивая шпорами, скользя по паркету, какъ по льду, выбѣжалъ, весь легкій, летящій, порхающій; казалось, что на рукахъ и ногахъ его — крылышки, какъ у бога Меркурія. Гладкій, чистый, вымытый, выбритый, блестящій, какъ новой чеканки монета. Молодой среди старыхъ, живой среди мертвыхъ. И,

глядя на него, всѣ поняли, что старое кончено, начинается новое.

Разсвѣтало. Вставалъ первый день новаго царствованія—страшный, темный, ночной день. Черныя окна сѣрѣли,—сѣрѣли и лица трупною сѣростью. Казалось, вотъ-вотъ разсыплются, какъ пыль, разлетятся, какъ дымъ, тѣни дряхлыя, — и ничего отъ нихъ не останется.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Лейбъ-гвардіи дворянской роты штабсъ-капитанъ Романовъ Третій, — чмокъ!» — такъ шутя подписывался подъ дружескими записками и военными приказами великій князь Николай Павловичъ въ юности и такъ же иногда приговаривалъ, глядя въ зеркало, когда оставался одинъ въ комнатѣ.

Въ темное утро, 13 декабря, сидя за бритвеннымъ столикомъ, между двумя восковыми свѣчами, передъ зеркаломъ, взглянулъ на себя и проговорилъ обычное привѣтствіе.

— Штабсъ-капитанъ Романовъ Третій, всенижайшее почтенье вашему здоровью — чмокъ!

И хотѣлъ прибавить: «молодчина!» но не прибавилъ — подумалъ: «Вонъ какъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Бѣдный Никсъ! Бѣдный малый! Pauvre diable! Je deviens transparent!»

Вообще былъ доволенъ своею наружностью. «Аполлонъ Бельведерскій» —называли его дамы. Несмотря на двадцать семь лѣтъ, все еще худъ худобой почти мальчишеской. Длинный, тонкій, гибкій, какъ ивовый прутъ. Узкое лицо, все въ профиль. Черты необыкновенно-правильныя, какъ изъ мрамора высѣченныя, но неподвижныя, застывшія. «Когда онъ входитъ въ комнату, въ градусникѣ ртуть опускается», — сказалъ о немъ кто-то. Жидкіе, слабо-вьющіеся, рыжевато-бѣлокурые волосы; такія же бачки на впалыхъ щекахъ; впалые, темные, большіе глаза; загнутый, съ горбинкой носъ; быстро бѣгущій назадъ, точно срѣзанный лобъ; выдающаяся впередъ нижняя челюсть. Такое выраженіе лица, какъ будто вѣчно не въ духѣ: на что-то сердится, или болятъ зубы. «Аполлонъ, страдающій зубною болью».—вспомнилъ шуточку императрицы Елизаветы Алексѣевны, глядя на свое угрюмое лицо въ зеркалѣ; вспомнилъ также, что всю ночь болѣлъ зубъ, мѣшалъ спать. Вотъ и теперь — потрогалъ пальцемъ — ноетъ; какъ бы флюсъ не сдѣлался. Неужели взойдетъ на престолъ съ флюсомъ? Еще больше огорчился, разозлился.

— Дуракъ, сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ взбивать мыло, какъ слѣдуетъ! — закричалъ на генералъ-адъютанта Владиміра Ѳедоровича Адлерберга или попросту «Ѳедорыча», который служилъ ему камердинеромъ. — И вода

простыла! Бритва тупая! — отодвинулъ чашку и отшвырнулъ бритву.

Ѳедорычъ засуетился молча. Черномазый, полный, мягкій, какъ вата, казался увальнемъ, но былъ расторопенъ и ловокъ.

— Ну, что, какъ Сашка спалъ? — спросилъ Николай, немного успокоившись.

— Государь наслѣдникъ почивать отмѣнно изволили, — отвѣтилъ Адлербергъ. — А съ утра все плачутъ объ Аничкиномъ домѣ и о лошадкахъ.

— О какихъ лошадкахъ?

— О деревянныхъ: забыли въ Аничкиномъ.

«Нѣтъ, не о лошадкахъ, а объ отцѣ несчастномъ. Должно быть, бѣду предчувствуетъ», — подумалъ Николай.

— Гдѣ сегодня обѣдать изволите, ваше высочество? — спросилъ Адлербергъ.

— Въ Аничкиномъ, Ѳедорычъ, въ послѣдній разъ въ Аничкиномъ! — вздохнулъ Николай.

Вспомнилъ, какъ мечталъ «поступить въ партикулярная жизнь» и предаться въ уединеніи семейнымъ радостямъ. «Если кто-нибудь спроситъ тебя, въ какомъ уголкѣ міра обитаетъ истинное счастье, то сдѣлай одолженье, пошли его въ Аничкинъ рай», — говаривалъ своему другу Бенкендорфу съ тѣмъ видомъ чувствительнымъ, который получилъ въ наслѣдство отъ матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Послѣ кончины брата Александра, переѣхалъ

изъ Аничкина въ Зимній дворецъ и жилъ здѣсь въ строгомъ заключеніи, какъ подъ арестомъ, считая «неприличнымъ показываться публикѣ». Устроилъ себѣ кабинетъ-спальню въ библіотекѣ бывшей половины короля Прусскаго, комнатѣ, ближайшей къ залѣ Государственнаго Совѣта, съ которымъ соединялась она темнымъ коридоромъ.

Расположился, какъ на бивуакѣ. Комната была безъ угловъ, круглая. Узкая походная кровать неуютно поставлена рядомъ со стекляннымъ книжнымъ шкапомъ; кожаный матрацъ набитъ сѣномъ; къ такому спартанскому ложу пріучила его бабушка. На полу — открытый чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ неразобраннымъ. Единственный предметъ роскоши — большое трюмо изъ краснаго дерева. У зеркала, на полочкахъ — щетки, гребенки и стклянка духовъ: Parfum de la Cour; тутъ же, на особой подставкѣ — ружья, пистолеты, сабли, шпаги и корнетъ-а-пистонъ.

Кончивъ бриться, скинулъ старенькую шинель, служившую вмѣсто халата, надѣлъ генеральскій мундиръ Измайловскаго полка, темно-зеленый, съ краснымъ подбоемъ и золотымъ шитьемъ изъ дубовыхъ листиковъ.

Стоя передъ зеркаломъ, одѣвался долго, медленно, тщательно, какъ молодая красавица на первый балъ. Осматривался, оправляя каждую

складку; съ помощью Адлерберга, затягивался, застегивался на всѣ крючечки, петлички, пуговки. Въ мундирѣ сдѣлался еще длиннѣе, стройнѣе, тоньше, съ выпяченною грудью, съ таліей въ рюмочку, какъ молоденькій прусскій капралъ — хоть сейчасъ на Потсдамскій разводъ.

Кончивъ одѣваніе, Ѳедорычъ вышелъ изъ комнаты, а Николай опустился на колѣни передъ образомъ. Поспѣшно крестился мелкими крестиками и клалъ поклоны, стукая лбомъ. Прочитавъ положенныя молитвы, хотѣлъ еще прибавить что-нибудь отъ себя на предстоящій трудный день. Но ничего не придумалъ — своихъ словъ не было. Вѣрилъ въ Бога, но когда думалъ о Немъ, представлялась черная дыра, «гдѣ строго и жучковато», какъ императоръ Павелъ I говаривалъ о дисциплинѣ въ русской арміи. Сколько ни молись, ни зови, — никто изъ дыры не откликнется.

Всталъ и сѣлъ въ кресло. Чувствовалъ себя больнымъ и разбитымъ. Плохо спалъ ночь: скверный сонъ приснился: будто бы выросъ большой кривой зубъ. Бабушка сказала, что надо вырвать. А онъ боится, плачетъ, убѣгаетъ, прячется. А дядька Ламсдорфъ, съ большущею розгою ловитъ его, — вотъ-вотъ поймаетъ и высѣчетъ. И — вдругъ Ламсдорфъ уже не Ламсдорфъ, а братъ Константинъ. Убѣгая отъ него, кидается бѣдный Никсъ къ старой нянѣ, англи-

чанкѣ миссъ Лайонъ, и проситъ, чтобъ она его высѣкла; знаетъ, что розогъ все равно не миновать, а она не такъ больно сѣчетъ. И вдругъ —няня уже не няня, а кто? Забылъ. Помнилъ только, что сонъ кончался прескверно.

«А вѣдь сонъ въ руку», подумалъ. Недаромъ всегда боялся брата Константина, какъ будто предчувствовалъ, что онъ бѣды надѣлаетъ; недаромъ тотъ издѣвался надъ нимъ еще во чревѣ матернемъ. «Никогда я такого брюха не видывалъ, тутъ мѣсто для четверыхъ!» шутилъ сынокъ надъ матушкой, когда она была Николаемъ беременна. И потомъ всю жизнь издѣвался. По имени Николая Угодника называлъ его «Мирликійскимъ царевичемъ». — «Ни за что, — говорилъ, — не буду царствовать, потому что боюсь революціи. А ты, царевичъ Мирликійскій, развѣ не боишься? Вѣдь, революція — та же гроза». И напоминалъ ему, какъ въ дѣтствѣ, во время грозы, онъ пряталъ подъ подушку голову. «Я трусъ и знаю, что трусъ, а ты храбришься, но хуже моего трусишь». Вотъ и теперь самъ толкнулъ его на престолъ и самъ же надъ нимъ издѣвается: «Посмотримъ, какъ-то ты изъ этой глупой исторіи выпутаешься, императоръ-выскочка, un empereur parvenu!»

Николай писалъ ему любезныя письма, называлъ своимъ благодѣтелемъ, умолялъ, унижался: «Припадая къ стопамъ твоимъ, дорогой Кон-

стантинъ, умоляю, сжалься надъ несчастнымъ!» И въ то же время думалъ съ зубовнымъ скрежетомъ: «О, подлый шутъ! О, санкюлотъ проклятый! Что онъ со мною дѣлаетъ! За это убить мало!»

Каждое утро, послѣ молитвы, имѣлъ обыкновеніе играть военную зорю на корнетъ-а-пистонѣ. Считалъ себя музыкантомъ; любилъ сочинять военные марши. На Потсдамскихъ маневрахъ мастерски трубилъ сигналы, пока рота его высочества, Прусскаго наслѣднаго принца, производила ученіе на площади.

Взялъ корнетъ-а-пистонъ, приставилъ къ губамъ, надулъ щеки, но извлекъ только слабый, жалобный звукъ и тотчасъ отложилъ въ сторону. Нѣтъ, полно, теперь ужъ не до музыки. Тяжело вздохнулъ и опять стало жалко себя: « Pauvre diable! Бѣдный малый! Бѣдный Никсъ!»

— Ѳедорычъ, чаю!

— Сію минуту, ваше высочество!

Утромъ пилъ чай со сливками и сдобными булками. Но на этотъ разъ безъ всего: аппетита не было.

Бенкендорфъ доложилъ о Голицынѣ.

— Съ манифестомъ?

— Такъ точно, ваше высочество.

— Проси.

Вошелъ Голицынъ съ Лопухинымъ и Сперанскимъ.

— Готовъ?

— Готовъ, государь.

Голицынъ подалъ ему манифестъ, переписанный набѣло.

— Прошу садиться, господа, — сказалъ Николай и сталъ читать вслухъ.

— «Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Въ сокрушеніи сердца, смиряясь передъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго»...

Не глядя на Сперанскаго, чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ его. Всегда становилось ему неловко подъ этимъ взглядомъ, слишкомъ яснымъ и проницательнымъ.

Считалъ Сперанскаго якобинцемъ отъявленнымъ. Недаромъ покойный императоръ сослалъ его и едва не казнилъ, какъ государственнаго измѣнника. «Пальца ему въ ротъ не клади», думалъ о немъ Николай, и какъ бы ни былъ тотъ подобострастно-почтителенъ, все казалось ему, что онъ смѣется надъ нимъ, какъ надъ маленькимъ мальчикомъ. Однажды кто-то при немъ назвалъ Сперанскаго «великимъ философомъ»; Николай промолчалъ, только усмѣхнулся язвительно. Философію ненавидѣлъ больше всего на свѣтѣ. А все-таки чувствовалъ, что нельзя кричать на него, какъ въ манежѣ на своихъ офицеровъ покрикивалъ: «Господа офицеры, займитесь службой, а не философіей. Я философовъ

терпѣть не могу! Я всѣхъ философовъ въ чахотку вгоню!»

— «Кончиною въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата нашего, — продолжалъ читать, — мы лишились отца и государя, двадцать пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго. Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи, въ 27 день ноября мѣсяца, до насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату нашему, государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наслѣднику престола Всероссійскаго»...

Далѣе—«объяснялось необъяснимое»: тайное завѣщаніе покойнаго императора, отреченіе Константина въ пользу Николая, отреченіе Николая въ пользу Константина — всѣ эти «домашнія сдѣлки», «игра законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ частною собственностью».

— «Мы видѣли отреченіе его высочества, при жизни государя императора учиненное и согласіемъ его величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время всенародно необъявленное и въ законъ необращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали мы утвердить уваженіе наше къ

первому коренному отечественному закону о нерушимости въ порядкѣ наслѣдія престола. И вслѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, нами данной, мы настояли, чтобы и все государство послѣдовало нашему примѣру, и сіе учинили мы не въ прекаліе дѣйствительности воли, изъявленной его высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго государя императора, общаго нашего отца и благодѣтеля, воли, для насъ всегда священной, но дабы оградить коренной законъ о порядкѣ наслѣдія престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ»...

— Невразумительно. О порядкѣ наслѣдія весьма невнятно и невразумительно, — сказалъ Николай и почувствовалъ, что на ворѣ шапка горитъ.

— Измѣнить прикажете, ваше величество?

Легко сказать: измѣнить—надо знать к а к ъ. А этого-то онъ и не зналъ.

— Нѣтъ, пусть ужъ такъ, — махнулъ рукой и надулся.

— «Съ сердцемъ, исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, насъ ведущаго, вступая на прародительскій нашъ престолъ, повелѣваемъ присягу въ вѣрности подданства учинить намъ и нашему наслѣднику, его императорскому высочеству

великому князю Александру Николаевичу, любезнѣйшему сыну нашему; время вступленія нашего на престолъ считать съ 19 ноября 1825 года. Наконецъ, мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, святымъ Промысломъ Его на насъ возложеннаго»...

— Не «возложеннаго», а «возложенному», — поправилъ Николай.

Сперанскій молча взялъ карандашъ.

— Постойте, какъ же правильнѣй?

— Родительный падежъ, ваше величество: «возложеннаго» — «бремени возложеннаго».

— Ахъ, да, родительный... Ну, такъ и поправлять нечего. — покраснѣлъ Николай. Никогда не былъ твердъ въ русской грамотѣ. И опять почудилось ему, что Сперанскій смѣется надъ нимъ, какъ надъ маленькимъ мальчикомъ.

— «Да укрѣпитъ благія намѣренія наши жить единственно для любезнаго отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами государя, да будетъ царствованіе наше токмо продолженіемъ царствованія его, и да исполнится все, что для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность, надежду, стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ».

Манифестъ ему нравился. Но онъ и виду не подалъ; дочитавъ до конца, еще больше надулся.

Взялъ перо, чтобы подписать, и отложилъ: подумалъ, что надо бы вспомнить о Богѣ въ такую минуту. Закрылъ глаза, перекрестился; но, какъ всегда, при мысли о Богѣ, оказалось только черная дыра, гдѣ «строго и жучковато»; сколько ни молись, ни зови, — никто изъ дыры не откликнется. Подписалъ, уже ни о чемъ не думая. Только спросилъ:

— Тринадцатое?

— Такъ точно, государь, — отвѣтилъ Сперанскій.

«А завтра понедѣльникъ», вспомнилъ Николай и поморщился. Подписалъ двѣнадцатымъ.

— Счастіе имѣю поздравить ваше императорское величество съ восшествіемъ на престолъ или, вѣрнѣе, сошествіемъ, — потянулся къ нему Лопухинъ и поцѣловалъ его въ плечико.

— Почему сошествіемъ? — удивился Николай.

— А потому, что фамилія вашего императорскаго величества такъ высоко поднялась въ общемъ мнѣніи публики, что члены оной какъ бы уже не восходятъ, а скорѣй, нисходятъ на престолъ, — осклабился Лопухинъ съ любезностью, обнажая бѣлые ровные зубы искусственной челюсти, и тлѣномъ пахнуло изо рта его, какъ отъ покойника.

— Ангелъ-то, ангелъ нашъ съ небесъ взираетъ! — всхлипнулъ Голицынъ и тоже поцѣловалъ Николая въ плечико.

— Не съ чѣмъ меня поздравлять, господа, — обо мнѣ сожалѣть должно, — проговорилъ Николай угрюмо и вдругъ съ почти нескрываемымъ вызывомъ обернулся къ Сперанскому, который сидѣлъ молча, потупившись. —Ну, а вы, Михайло Михайлычъ, что скажете?

— «Да будетъ царствованіе наше токмо продолженіемъ царствованія его», никогда я себѣ этихъ словъ не прощу, ваше величество, — поднялъ на него Сперанскій медленные глаза свои.

— Это не ваши слова, а мои. И чѣмъ они плохи?

— Не того ждетъ Россія отъ вашего величества.

— А чего же?

— Новаго Петра.

Лесть была грубая и тонкая вмѣстѣ. « Il y a beaucoup de praporchique en lui et un peu de Pierre le Grand», сказалъ однажды Сперанскій о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ и могъ бы то же сказать объ императорѣ.

Вдругъ наклонился, поймалъ руку его, хотѣлъ поцѣловать; но тотъ поспѣшно отдернулъ ее, обнялъ его и поцѣловалъ въ лысину.

— Ну, полно, ваше превосходительство, льстить изволите, — усмѣхнулся недовѣрчиво, а

сердце все-таки сладко дрогнуло: «второй Петръ» былъ его мечтою давнею.

Помолчалъ и прибавилъ:

— Я никогда не думалъ вступать на престолъ. Меня воспитывали, какъ будущаго бригаднаго. Но надѣюсь быть достойнымъ своего званія; надѣюсь также, что, какъ я исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный предо мною выполнятъ. Когда же пріобрѣту необходимыя свѣдѣнія, то поставлю каждаго на свое мѣсто. Философія не мое дѣло. Пусть господа философы какъ себѣ хотятъ, а для меня — жить значитъ служить; и если бы всѣ служили, какъ слѣдуетъ, то всюду былъ бы порядокъ и спокойствіе. Вотъ, господа, вся моя философія!

Взглянулъ на Сперанскаго. Тотъ молчалъ, зажмуривъ глаза и наклонивъ голову, какъ будто слушалъ музыку.

— А за симъ, — продолжалъ Николай, возвышая голосъ, — не допускаю и мысли, чтобы во всемъ касающемся дѣлъ ввѣренной мнѣ Ботомъ имперіи кто-либо изъ подданныхъ осмѣлился уклониться отъ указаннаго мною пути.

Говорилъ коротко, отрывисто, какъ будто съ кѣмъ-то спорилъ или на кого-то сердился; входилъ во вкусъ — покрикивалъ, какъ молодой пѣтушокъ, который хорохорится, но еще не умѣетъ кричать, какъ слѣдуетъ.

— И если я буду хоть на одинъ часъ импера-

торомъ, то покажу, что былъ того достоинъ, — кончилъ и всталъ.

— Государственный Совѣтъ, ваше сіятельство, — обратился къ Лопухину, — извольте собрать сегодня къ восьми часамъ вечера для объявленія манифеста и учиненія присяги. И прошу васъ, господа, чтобъ никто не зналъ... Сегодня прошу, а завтра буду приказывать, — опять не удержался, кончилъ окрикомъ.

Лопухинъ, Голицынъ и Сперанскій вышли изъ комнаты. Въ одну дверь вышли, а въ другую вошелъ Бенкендорфъ.

Бѣдный остзейскій дворянинъ, будущій великій сыщикъ, шефъ жандармовъ, начальникъ III Отдѣленія, генералъ - адъютантъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ имѣлъ наружность пріятную, даже благородную, только лицо слегка помятое, — видно было, человѣкъ пожилъ; улыбка неподвижно-любезная, взоръ обманчиво-добрый, какъ у людей равнодушно-уклончивыхъ. Не глупъ, не золъ, но разсѣянъ и легокъ на все. «Скользите, смертные, — не напирайте. «Glissez, mortels, n'appuyez pas», говаривалъ:

Когда онъ вошелъ, въ лицѣ Николая сразу, безъ всякаго перехода, одно выраженіе замѣнилось другимъ, — угрюмо-надутое — умиленно-чувствительнымъ. Вообще, выраженіе лица его мѣнялись мгновенно, внезапно до странности,

какъ будто снимались и надѣвались маски. «Множество масокъ, но нѣтъ лица», сказалъ о немъ кто-то.

Схватилъ Бенкендорфа обѣими руками за руки и уставился въ лицо его молча.

— Подписать изволили, ваше величество?

— Подписалъ, — тяжело вздохнулъ Николай и поднялъ глаза къ небу. — Я долгъ свой исполнилъ: нашъ ангелъ долженъ быть мною доволенъ. Все будетъ въ порядкѣ кончено, или я живъ не останусь. Воля Божья и приговоръ братній надо мною совершаются. Я, можетъ быть, иду на гибель, но нельзя иначе. Жертвую собою для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ съ Россіей?..

Долго еще говорилъ. Привычку къ болтовнѣ слезливой получилъ тоже въ наслѣдство отъ матери.

Бенкендорфъ ждалъ съ терпѣливою скукою, когда онъ кончитъ.

— Ну, что, какъ въ городѣ? — проговорилъ Николай уже другимъ, дѣловымъ голосомъ, утирая платкомъ сухіе глаза и опять такъ же мгновенно, какъ давеча, одна маска упала, другая надѣлась.

— Все тихо, ваше величество. Но, можетъ быть, тишина передъ бурей.

— А все-таки бури ждешь?

— Жду, государь. Число недовольныхъ слиш-

комъ велико. Революція въ умахъ уже существуетъ.

— А съ Ростовцевымъ-то, кажется, я вчерась оплошалъ, — вдругъ вспомнилъ Николай. — Такъ и не узналъ именъ. Никогда себѣ не прощу. Узнать бы имена да арестовать...

— Нп-нп, ваше величество, никакихъ арестовъ! А то вся шайка разбѣжится. Да и первый день царствованія омрачать не слѣдуетъ.

— А если начнутъ дѣйствовать?

— Пусть, тогда и аресты никого не удивятъ. Потихоньку, полегоньку, съ осторожностью. Ожесточать людей не надо. Ненавистниковъ у васъ и безъ того довольно.

— Зато другъ одинъ! — воскликнулъ Николай и крѣпко пожалъ ему руку.

Подошелъ къ столу, отперъ ящикъ и вынулъ пакетъ съ надписью: «О самонужнѣйшемъ. Его Императорскому Величеству въ собственныя руки». Это былъ привезенный наканунѣ Фредериксомъ изъ Таганрога донось генерала Дибича.

— На, прочти. Тутъ еще цѣлый заговоръ.

— Во второй арміи? Тайное Общество подполковника Пестеля? — спросилъ Бенкендорфъ, не раскрывая пакета.

— А ты уже знаешь? — удивился, почти испугался Николай. «Вотъ онъ какой! На аршинъ подъ землей видитъ!»

— Знаю, ваше величество. Еще въ двадцать первомъ году имѣлъ счастье представить о семъ донесеніе покойному государю императору.

— Ну, и что жъ?

— Изволили оставить безъ вниманія. Четыре года пролежала записка въ столѣ.

— Хорошенькое наслѣдство оставилъ намъ покойникъ, — усмѣхнулся Николай злобно.

— Никому о семъ дѣлѣ говорить не изволили, ваше величество? — посмотрѣлъ на него Бенкендорфъ проницательно.

— Никому, — солгалъ Николай: стыдно было признаться, что и тутъ «сглупилъ» — сообщилъ о доносѣ Милорадовичу.

— Ну, слава Богу. Главное, чтобъ не узналъ Милорадовичъ, — какъ будто угадалъ Бенкендорфъ мысль Николая. — Я тогда же осмѣлился доложить его величеству, что дѣла сего нельзя поручать Милорадовичу.

— Почему?

— Потому что онъ самъ окруженъ злодѣями.

— Милорадовичъ? И онъ съ ними? — поблѣднѣлъ Николай.

— Съ ними-ли, нѣтъ-ли, а только онъ, можетъ быть, хуже всѣхъ заговорщиковъ. Страшно подумать, ваше величество, — судьба отечества въ рукахъ этого паяца бездушнаго! Я о немъ такое слышалъ намедни, что ушамъ не повѣрилъ.

— Что же?

— Увольте, государь. Повторять гнусно.

— Нѣтъ, говори.

— Когда 27 ноября, по открытіи завѣщанія покойнаго государя императора, Милорадовичъ съ неслыханной дерзостью воспротивился вступленію на престолъ вашего величества, кто-то ему говоритъ: «Вы, говоритъ, очень смѣло дѣйствуете, графъ». А онъ: «Когда, говоритъ, 60.000 штыковъ имѣешь въ карманѣ, можно быть смѣлымъ!» — засмѣялся и похлопалъ себя по карману.

— Мерзавецъ! — прошепталъ Николай, еще больше блѣднѣя.

— А давеча мнѣ самому говоритъ, — продолжалъ Бенкендорфъ. — «Сомнѣваюсь, говоритъ, въ успѣхѣ присяги. Гвардія не любитъ его», то есть, вашего императорскаго величества. «О комъ, говорю, успѣхѣ вы говорите? И при чемъ тутъ гвардія? Какой голосъ она можетъ имѣть?» — «Совершенно, говоритъ, справедливо: имъ не слѣдуетъ имѣть голоса, но это обратилось у нихъ уже въ привычку, вторую натуру».

— Мерзавецъ! — опять прошепталъ Николай.

— «Воля, говоритъ, покойнаго государя, изустно произнесенная, была бы священна для гвардіи: но объявленіе, по смерти его, духовнаго завѣщанія непремѣнно будетъ сочтено подлогомъ».

— Подлогомъ? — вздрогнулъ Николай, и лицо его вспыхнуло, какъ отъ пощечины.—Что-жъ это, что-жъ это значитъ? Самозванецъ я, что-ли?

— Графъ Милорадовичъ, ваше величество, — доложилъ Адлербергъ, тихонько пріотворяя дверь и просовывая голову.

«Не принимать!» — хотѣлъ-было крикнуть Николай, но не успѣлъ: дверь открылась настежь и молодцеватой походкой, позвякивая шпорами, вошелъ петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ.

Выходя изъ комнаты, Бенкендорфъ столкнулся съ нимъ въ дверяхъ и, низко поклонившись, уступилъ ему дорогу съ особенной любезностью.

Сподвижникъ Суворова, герой Двѣнадцатаго года, Милорадовичъ, несмотря на шестой десятокъ, все еще сохранилъ осанку бравую, тотъ видъ побѣдительный, съ какимъ, бывало, въ огнѣ сраженій, подъ пушечными ядрами, раскуривалъ трубку и поправлялъ складки на своемъ плащѣ амарантовомъ. «Рыцаремъ Баярдомъ» называли его одни, а другіе — «хвастунишкой, фанфаронишкой».У него были крашеные волосы, большой крючковатый носъ, пухлыя губы и масляные глазки стараго дамскаго угодника.

Взглянувъ на Милорадовича, Николай вдругъ вспомнилъ конецъ своего сна о кривомъ зубѣ: когда, убѣгая отъ Ламсдорфа-Константина, бросился онъ къ старой нянѣ, англичанкѣ миссъ

Лайонъ, — все-таки не такъ больно высѣчетъ,— то оказалось, что няня уже не няня, а Милорадовичъ съ большущею розгою, которой онъ и высѣкъ бѣднаго Никса пребольно — еще больнѣе, чѣмъ Ламсдорфъ-Константинъ.

Милорадовичъ вошелъ, поклонился, хотѣлъ что-то сказать, но взглянулъ на Николая и онѣмѣлъ, — такая лютая ненависть была въ искривленномъ лицѣ его и глазахъ сверкающихъ. Но это промелькнуло, какъ молнія, — маска перемѣнилась: глаза потухли, и лицо сдѣлалось недвижнымъ, точно каменнымъ; одинъ только мускулъ въ щекѣ дрожалъ непрерывною дрожью.

— А я давно васъ поджидаю, ваше сіятельство. Прошу садиться, — сказалъ онъ спокойно и вѣжливо.

Перемѣна была такъ внезапна, что Милорадовичъ подумалъ, не померещилось-ли ему то, другое лицо, искаженное.

— Ну, что, какъ дѣла? Арестовали кого-нибудь? — спросилъ Николай.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество. Изъ лицъ, поименованныхъ въ донесеніи генерала Дибича, никого нѣтъ въ городѣ, всѣ въ отпуску. А насчетъ подполковника Пестеля, приказъ объ арестѣ посланъ.

— Ну, а здѣсь, въ Петербургѣ, спокойно?

— Спокойно. Порядокъ примѣрный по всѣмъ частямъ. Можно сказать, такого порядка никогда

еще не бывало. Я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь вовсе нѣтъ.

— Почти увѣрены?

— Мнѣніе мое извѣстно вашему высочеству: для совершенной увѣренности надлежало бы государю цесаревичу поспѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ, прочесть духовную покойнаго государя въ общемъ собраніи Сената и, провозгласивъ ваше высочество государемъ императоромъ, тутъ же первому приступить къ присягѣ.

— Ну, а если этого не будетъ, тогда что? Въ успѣхѣ присяги сомнѣваетесь? Гвардія не любитъ меня? И хотя имъ не слѣдуетъ имѣть голоса, но это обратилось у нихъ уже въ привычку, вторую натуру? Такъ что ли? — посмотрѣлъ на него Николай пристально, и мускулъ въ щекѣ задрожалъ сильнѣе.

«Должно быть, подлецъ Бенкендорфъ донесъ», подумалъ Милорадовичъ, но не опустилъ глазъ, — началъ вдругъ сердиться.

— Извините, ваше высочество...

— Не высочество, а величество, — перебилъ Николай грозно. — Манифестъ уже подписанъ..

— Счастье имѣю поздравить, ваше величество, — поклонился Милорадовичъ. — Но я все-таки долженъ исполнить свой долгъ. Я никогда не утаивалъ правды отъ вашего высочества...вашего величества, — и теперь не утаю: да, нелегко заставить присягнуть посредствомъ манифе-

ста, изданнаго отъ того лица, которое желаетъ возсѣсть на престолъ...

— А-га, договорились! Подлогомъ сочтутъ манифестъ, а меня самозванцемъ? Такъ что ли? — усмѣхнулся Николай, и опять что-то сверкнуло въ лицѣ его, какъ молнія.

— Не понимаю, ваше величество...

— Не понимаете, графъ? Собственныхъ словъ не понимаете?

— Не знаю, какой подлецъ передалъ слова мои въ столь извращенномъ видѣ. И охота вашему высочеству слушать доносчиковъ, — поблѣднѣлъ Милорадовичъ, и въ старомъ «хвастунишкѣ», «фанфаронишкѣ» вдругъ промелькнулъ старый солдатъ, сподвижникъ Суворова. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза Николаю съ тѣмъ видомъ побѣдительнымъ, съ которымъ, бывало, въ огнѣ сраженій, подъ пушечными ядрами, раскуривалъ трубку и поправлялъ складки на своемъ плащѣ амарантовомъ.

Николай молча всталъ, подошелъ къ столу, отперъ ящикъ, тотъ самый, изъ котораго давеча вынулъ доносъ Дибича, досталъ бумагу — это было письмо-доносъ Ростовцева — и вернулся къ Милорадовичу.

— Извѣстно-ли вашему сіятельству, что и здѣсь, въ Петербургѣ, существуетъ заговоръ?

— Какой заговоръ? Никакого заговора нѣтъ

и быть не можетъ, — пожалъ плечами Милорадовичъ.

— А это что? — сунулъ ему письмо Николай и, указывая на подчеркнутыя строки, прочелъ:

— «Противъ васъ должно таиться возмущеніе. Оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи».

Милорадовичъ взялъ письмо, перевернулъ, взглянулъ на подпись и отдалъ, не читая.

— Подпоручикъ Ростовцевъ. Знаю. Собранія «Полярной звѣзды» у Рылѣева...

Объ этихъ собраніяхъ доносила ему тайная полиція. «Всё вздоръ! Оставьте этихъ мальчишекъ въ покоѣ читать другъ другу свои дрянные стишонки», отмахивался онъ съ безпечностью.

И теперь отмахнулся:

— Всё вздоръ! Мальчишки, писачки, альманашники...

— Какъ вы,сударь,смѣете!—закричалъ Николай и вскочилъ въ бѣшенствѣ; все тѣло его, длинное, тонкое, гибкое разогнулось, какъ согнутый ивовый прутъ. — Ничего вы не знаете! Ни за чѣмъ не смотрите! Вы мнѣ за это головой отвѣтите!

Милорадовичъ тоже всталъ, весь трясясь отъ злобы; но, сдержавъ себя, проговорилъ съ достоинствомъ:

— Если я не имѣлъ счастья заслужить довѣ-

ренность вашего высочества, извольте повелѣть сдать должность...

— Молчать!

— Позвольте узнать, ваше высочество...

— Молчать!

Несмотря на бѣшенство, Николай все сознавалъ и, если бы хотѣлъ, могъ овладѣть собою, но не хотѣлъ: точно огненный напитокъ, разлился по жиламъ восторгъ бѣшенства, и онъ предавался ему съ упоеніемъ.

— Вонъ! Вонъ! Вонъ! — кричалъ, сжимая кулаки, топая ногами и наступая на Милорадовича.

«Бросится сейчасъ и не ударитъ, а укуситъ, какъ помѣшанный», подумалъ тотъ съ отвращеніемъ, и началъ пятиться къ двери: какъ большой добрый песъ, весь ощетинившись, съ глухимъ рычаніемъ, пятится передъ маленькимъ злымъ насѣкомымъ — паукомъ или сороконожкою.

Допятившись до двери, быстро повернулся и хотѣлъ выбѣжать изъ комнаты. Но опять, какъ давеча, столкнулся въ дверяхъ съ Бенкендорфомъ. Разминулись уже безъ всякой любезности.

Бенкендорфъ подбѣжалъ къ Николаю и обнялъ его, дѣлая видъ, что поддерживаетъ.

— Мерзавецъ! Мерзавецъ! Что онъ со мною дѣлаетъ! И онъ, и братъ Константинъ, и всѣ

всѣ!... — упалъ къ нему на грудь Николай, всхлипывая.

— Courage, sir, courage!— повторялъ Бенкендорфъ. — Богъ не оставитъ васъ...

— Да, Богъ... и тотъ, кого всю жизнь оплакивать будемъ, ангелъ нашъ на небеси, — поднялъ Николай глаза. — Я имъ дышу, имъ дѣйствую,— пусть же онъ мнѣ предводительствуетъ! Да будетъ воля Божья, я на все готовъ. Умремъ вмѣстѣ, мой другъ! Если мнѣ суждено погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ — вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ и предстану на судъ Божій съ чистою совѣстью. Завтра, четырнадцатаго, я — или государь, или мертвъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ

13 декабря,утромъ,Голицынъ съ Оболенскимъ поѣхали къ Рылѣеву.

Подъѣзжая къ дому Россійско-Американской Компаніи, у Синяго моста, на Мойкѣ, Голицынъ узналъ еще издали окна въ нижнемъ этажѣ, съ чугунной выпуклой рѣшеткой.

Знакомый казачокъ Филька отперъ имъ дверь и пропустилъ ихъ безъ доклада, какъ, должно быть, пропускалъ всѣхъ. Въ послѣдніе дни у Рылѣева съ утра до ночи толпились гости, приходи-

ли и уходили. уже безъ всякой осторожности. Тутъ было сборное мѣсто, какъ бы главный штабъ заговорщиковъ.

Въ маленькой столовой все по-прежнему и по-иному: бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ потемнѣли отъ пыли и копоти;бальзамины и бархатцы въ горшкахъ позасохли; половички повытерлись; невощеный полъ потускнѣлъ; канареечная клѣтка опустѣла; лампадки передъ образами потухли. Дверь въ гостиную и спальню, гдѣ ютилась въ тѣснотѣ жена Рылѣева съ дочкою, была закрыта на-глухо. Какъ будто отъ всего отлетѣло то веселенькое, невинное, именинное и новобрачное, что было здѣсь нѣкогда.

Хозяина не было въ комнатѣ. Незнакомые Голицыну военные и штатскіе, сидя за столомъ у самовара, вели бесѣду вполголоса.

— Дома Рылѣевъ? — спросилъ Оболенскій, здороваясь.

— У себя въ кабинетѣ. Кажется, спитъ. Да ничего, войдите. Велѣлъ разбудить, когда пріѣдете.

Оболенскій постучался въ дверь. Никто не отвѣтилъ. Онъ отворилъ и вошелъ вмѣстѣ съ Голицынымъ въ узенькую комнатку, гдѣ трудно было повернуться между большимъ кожанымъ диваномъ, письменнымъ столомъ, книжнымъ шкапомъ и свалеными пачками «Полярной Звѣзды»,альманаха, издаваемаго Александромъ Бестужевымъ

и Рылѣевымъ. Окна выходили на задній дворъ съ грязно-желтой стѣной сосѣдняго дома.

Было жарко натоплено. Пахло лѣкарствами. На ночномъ столикѣ у дивана стояло множество стклянокъ съ рецептами.

На диванѣ спалъ Рылѣевъ въ старомъ халатѣ, съ шерстянымъ вязанымъ платкомъ на шеѣ, съ лицомъ неподвижнымъ, какъ у мертваго. Похудѣлъ, осунулся такъ, что Голицынъ едва узналъ его. Простудился, когда двѣ ночи ходилъ по улицамъ, бунтуя солдатъ; заболѣлъ жабою; поправлялся, но все еще былъ нездоровъ.

Голицынъ остановился у двери. Оболенскій подошелъ къ дивану. Половица скрипнула. Спящій открылъ глаза и уставился на вошедшихъ мутнымъ взоромъ, неузнающимъ, невидящимъ.

— Что это? Что это? — тихо вскрикнулъ, приподнялся и обѣими руками, судорожно, какъ будто задыхаясь, началъ срывать съ шеи платокъ. Но отъ неловкихъ движеній узелъ затягивался.

— Погоди, дай развяжу,—наклонился къ нему Оболенскій, распуталъ узелъ и снялъ платокъ.

— Разбудили мы тебя, напугали, Рылѣюшка бѣдненькій, — сказалъ, присѣвъ на диванъ и гладя его рукой по головѣ съ тихою ласкою. — Дурной сонъ приснился?

— Да, опять эта гадость. Который разъ уже снится!

— Да что такое?

— Не знаю, не помню... Что жъ вы стоите, Голицынъ? Садитесь... Кажется, все насчетъ этой самой веревки...

— Какой веревки?

Рылѣевъ ничего не отвѣтилъ, только улыбался странной улыбкой: въ ней былъ остатокъ бреда. И Оболенскій тоже замолчалъ, вспомнилъ, какъ во время жабы ставили Рылѣеву мушку на шею и, дѣлая перевязку, нечаянно задѣли за рану; Рылѣвъ вскрикнулъ отъ боли, а Николай Бестужевъ разсмѣялся: «Какъ тебѣ не стыдно кричать отъ такихъ пустяковъ! Забылъ, къ чему шею готовишь?»

— А у тебя опять лихорадка. Вонъ голова горячая. Не надо было сегодня выходить, — сказалъ Оболенскій, положивъ ему руку на лобъ.

— Не сегодня — такъ завтра. Вѣдь ужь завтра-то выйду навѣрное, — опять улыбнулся Рылѣевъ той же странной, сонной улыбкой.

— А завтра что?

— Э, чортъ! О пустякахъ говоримъ, а главнаго-то вы и не знаете, — началъ онъ уже другимъ голосомъ: только теперь проснулся, какъ слѣдуетъ. — Окончательно курьеръ изъ Варшавы пріѣхалъ съ отреченіемъ Константина. Завтра въ 7 часовъ утра собирается Сенатъ, и въ войскахъ будетъ присяга Николаю Павловичу.

Со дня на день ждали этой вѣсти, а все-таки

вѣсть была неожиданной. Поняли: завтра возстаніе. Замолчали, задумались.

— Будемъ ли готовы? — сказалъ, наконецъ, Оболенскій.

Рылѣевъ пожалъ плечами.

—Да, глупый вопросъ! Никогда не будемъ готовы. Ну, что-жъ, завтра, такъ завтра. Съ Богомъ! — рѣшилъ Оболенскій и, опять помолчавъ, прибавилъ:—А что-жъ дѣлать съ Ростовцевымъ?

Ростовцевъ, хотя и не членъ Тайнаго Общества, но пріятель многихъ членовъ, кое-что зналъ о дѣлахъ заговорщиковъ. Свое свиданіе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ онъ изложилъ въ рукописи подъ заглавіемъ: «Прекраснѣйшій день въ моей жизни», которую сдалъ наканунѣ Оболенскому и Рылѣеву, сказавъ: «Дѣлайте со мною, что хотите, — я не могъ поступить иначе».

— Мое мнѣніе ты знаешь, — отвѣтилъ Рылѣевъ.

— Знаю. Но вѣдь убить подлеца, значитъ на себя донести. И стоитъ ли руки марать?

— Стоитъ, — произнесъ Рылѣевъ тихо. — А вы, Голицынъ, что скажете?

— Скажу, что Ростовцевъ ставитъ свѣчку Богу и дьяволу. Николаю открываетъ заговоръ, а передъ нами умываетъ руки. Но, вѣдь, въ этомъ признаніи онъ могъ открыть и утаить все, что угодно.

— Итакъ, вы думаете, что мы уже заявлены? — спросилъ Рылѣевъ.

— Непремѣнно, и будемъ взяты, если не сейчасъ, такъ послѣ присяги, — отвѣтилъ Голицынъ.

— Что же дѣлать?

— Никому не говорить о доносѣ и дѣйствовать. Лучше быть взятыми на площади, нежели въ постели. Ужъ если погибать, такъ пусть, по крайней мѣрѣ, знаютъ, за что мы погибли!

— А ты, Оболенскій, какъ думаешь? — опять спросилъ Рылѣевъ.

— Ну, конечно, такъ же.

Рылѣевъ одной рукой взялъ руку Голицына, другой — Оболенскаго.

— Спасибо, друзья. Я зналъ, что вы это скажете. Итакъ, съ Богомъ! Мы начнемъ. И пусть ничего сами не сдѣлаемъ, зато научимъ другихъ. Пусть погибнемъ, — и самая гибель наша пробудитъ чувства уснувшихъ сыновъ отечества!

Говорилъ, какъ всегда, книжно, непросто; но просты были глаза, на исхудаломъ лицѣ огромные, темные и ясные, горѣвшіе такимъ огнемъ, что становилось жутко; просто было лицо, на которомъ выражалось прежде словъ все, что онъ чувствовалъ: «Такъ выступаютъ изваянія на прозрачныхъ стѣнкахъ алебастровой вазы, когда внутри зажженъ огонь», — вспомнились Голицыну слова Мура о Байронѣ.

Вспомнились также стихи Рылѣева:

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?

— Да, наконецъ-то мы можемъ сказать: завтра начнемъ, — продолжалъ Рылѣевъ. — Какъ я ждалъ этой минуты, какъ радовался! И вотъ, наступила минута. Отчего же нѣтъ радости? Отчего душа моя прискорбна даже до смерти?

Облокотился на колѣни, положилъ голову на руки и ссутулился, сгорбился, какъ будто весь поникъ подъ навалившейся тяжестью. Слезы задрожали въ голосѣ.

— Простите, друзья! Не надо объ этомъ...

— Нѣтъ, надо, Рылѣевъ. Говори все, легче будетъ, — сказалъ Оболенскій.

— «Планщикомъ» назвалъ меня Пушкинъ. «Не поэтъ, а планщикъ». Да, планщикъ и есть, — усмѣхнулся Рылѣевъ. — Умозритель свободы, а не дѣлатель. Планы черчу, а не строю.

— Не вы одни, Рылѣевъ, мы всѣ такіе же, — возразилъ Голицынъ.

— Да, всѣ. Намедни, ночью, когда ходилъ по улицамъ, гдѣ-то въ глухомъ переулочкѣ, между казармами, собралась кучка солдатъ, слушаютъ;

о новой присягѣ все понимаютъ: «Грудью, говорятъ, встанемъ за царя Константина, не выдадимъ!» Ну, я и разошелся, заговорилъ о конституціи, о вольности, о правахъ человѣчества. А за спиной, слышу, смѣется солдатикъ пьяненькій да ласково такъ, будто жалѣючи: «Эхъ, баринъ, баринъ, хорошій баринъ, да безтолковый! Кажись, и по-русски говоритъ, а ничего не поймешь!» Только всего и сказалъ, а я вдругъ понялъ. Да, въ Россіи — нерусскіе, своимъ — чужіе, безродные, бездомные, пришельцы, скитальцы, изгнанники вѣчные. Даже не смѣемъ сказать, что возстаемъ за вольность, — говоримъ: за царя Константина. Лжемъ. А когда узнаетъ правду народъ, то насъ же проклянетъ, предастъ палачамъ на распятіе. Вѣрьте, друзья, я никогда не надѣялся, что дѣло наше можетъ состояться иначе, какъ нашею собственною гибелью. Но все-таки думалъ, что увидимъ страну обѣтованную, хоть издали. Нѣтъ, не увидимъ. Не увидятъ свободной Россіи наши глаза, ни глаза нашихъ внуковъ и правнуковъ! Погибнемъ безславно, безслѣдно, безсмысленно. Разобьемъ голову объ стѣну, а изъ темницы не вырвемся. Кости наши сгніютъ, а надежды наши не сбудутся... О, тяжко, братья, тяжко, сверхъ силъ!

Не кончилъ и закрылъ лицо руками.

Оболенскій опять подсѣлъ къ нему и началъ гладить его по головѣ съ тихою ласкою. Какъ

всегда въ минуты нѣжности, называлъ его «Конькомъ» — отъ «Коня», Кондратій.

— Усталъ ты, измучился, Конекъ мой бѣдненькій!

— Усталъ, Оболенскій, охъ, какъ усталъ! Вотъ, говорятъ, другая жизнь. А съ меня и этой довольно. Такъ усталъ, что, кажется, мало смерти, мало вѣчности, чтобы отдохнуть...

— А, знаете, о чемъ я все думаю? — продолжалъ, помолчавъ. — Что это значитъ: да идетъ чаша сія мимо Меня. Какъ могъ Онъ это сказать? Для того и пришелъ, чтобы чашу испить, — и вотъ не захотѣлъ, ослабѣлъ, ужаснулся. Это Онъ-то, Онъ — Богъ! Совсѣмъ какъ человѣкъ... А что, Голицынъ, есть Богъ? Только просто скажите — есть?

— Есть, Рылѣевъ, — отвѣтилъ Голицынъ и улыбнулся.

— Да, вотъ какъ просто сказали,—улыбнулся Рылѣевъ. — Ну, не знаю, можетъ, и есть. А только вамъ-то на что? Вѣдь вы свободы хотите?

— А развѣ нѣтъ свободы съ Богомъ?

— Нѣтъ. Съ Богомъ — рабство.

— Было рабство, а будетъ свобода.

— Будетъ ли? И когда еще будетъ? А сейчасъ... Нѣтъ, холодно, Голицынъ, холодно!

— Что холодно, Рылѣевъ?

— Да вотъ вашъ Богъ, ваше небо. Кто любитъ небо, не любитъ земли.

— А развѣ нельзя вмѣстѣ?

— Научите какъ?

— Онъ уже научилъ: да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ. Тутъ уже вмѣстѣ.

— Планщикъ!

— Ну, что жъ, пусть. За этотъ «планъ» умереть стоитъ!

Рылѣевъ ничего не отвѣтилъ, закрылъ глаза, опустилъ голову, и слезы потекли по лицу его, такія тихія, что онъ самъ ихъ не чувствовалъ.

Оболенскій наклонился къ нему и обнималъ, цѣловалъ, какъ больного ребенка, съ тихою лаской.

— Ничего, ничего, Конекъ! Небось, все будетъ ладно. Христосъ съ тобой!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго гвардейской пѣхотой, генералъ-адъютанта Бистрома, былъ однимъ изъ главныхъ учредителей Сѣвернаго Тайнаго Общества.

Въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, въ приходѣ Покрова, въ старинномъ, какъ бы деревенскомъ,

помѣщичьемъ домѣ, съ флигелями и службами, среди густого, дремучаго сада, жила семья Оболенскихъ, безъ вельможныхъ затѣй, просто и весело. Старый князь Петръ Николаевичъ, рано овдовѣвъ, велъ въ міру иноческую жизнь,въ постѣ и молитвѣ.По наружности казался печальнымъ и суровымъ.Но недаромъ маленькія внучки любили его безъ памяти и за легкіе, какъ пухъ, сѣдые волосы прозвали «Одуванчикомъ»:такимъ онъ и былъ, — весь легкій, свѣтлый и нѣжный, — съ дѣтьми, самъ какъ дитя.

Князь Евгеній былъ первенецъ отъ второго брака князя Петра Николаевича Оболенскаго на Аннѣ Евгеніевнѣ Кашкиной,дочери генералъ-аншефа, Тульскаго намѣстника при императрицѣ Екатеринѣ II. Послѣ смерти княгини Анны, родная сестра ея Александра Евгеніевна, фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, замѣнила дѣтямъ покойную мать.

Когда молодой Оболенскій поступилъ въ гвардейскій Павловскій полкъ и переѣхалъ на житье въ Петербургъ, тетка его, Анна Гавриловна Кашкина, поручила ему, какъ старшему, надзоръ за своимъ единственнымъ сыномъ Сережею, совсѣмъ еще молоденькимъ мальчикомъ, шалуномъ и повѣсою, служившимъ въ томъ же полку. Язычокъ у Сережи былъ острый, какъ бритва. Однажды пошутилъ онъ надъ полковымъ товарищемъ, поручикомъ Свиньинымъ, и тотъ вызвалъ его

на дуэль. Оболенскій, узнавъ объ этомъ, поѣхалъ къ обиженному и объявилъ, что дуэли не бывать, Сергѣй — мальчишка, на котораго сердиться нестоитъ, а ужъ если Свиньинъ хочетъ непремѣнно драться, то пусть дерется съ нимъ, Оболенскимъ. Свиньинъ принялъ вызовъ, дрался и былъ убитъ.

Человѣкъ добрый, неспособный мухи обидѣть — нравомъ весь въ отца, въ Одуванчика, — князь Евгеній былъ такъ потрясенъ этимъ убійствомъ, что заболѣлъ: но виноватымъ себя не считалъ и никакихъ угрызеній совѣсти не чувствовалъ: думалъ, что убійство на дуэли — не преступленіе, а несчастіе; къ тому же дрался не за себя, а за брата, единственнаго сына матери, почти ребенка, котораго нельзя было спасти иначе. Мысли эти такъ успокоили его, что, когда онъ выздоровѣлъ и вернулся къ прежней разсѣянной жизни, то забылъ обо всемъ. Но вспомнилъ. Опять забылъ, опять вспомнилъ — и такъ много разъ, пока, наконецъ, не почувствовалъ, что никогда не забудетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ воспоминаніе живѣе, острѣе, невыносимѣе. И хуже всего было то, что онъ самъ не понималъ, что съ нимъ: продолжалъ считать себя невиннымъ, а между тѣмъ мучился такъ, что бывали минуты, когда ему казалось, что онъ сойдетъ съ ума или наложитъ на себя руки.

Въ одну изъ такихъ минутъ началъ молиться,

почти безсознательно повторяя слова дѣтскихъ молитвъ — Отче нашъ, Богородицу — и стало легче. Съ тѣхъ поръ часто молился и мало-по-малу оживалъ, какъ человѣкъ полузадохшійся, который начинаетъ дышать.

Наконецъ, понялъ, что ему становится легче только тогда, когда онъ перестаетъ себя извинять, принимаетъ всю тяжесть вины и считаетъ себя самымъ обыкновеннымъ убійцею, нисколько не лучше, а, можетъ быть, хуже тѣхъ, что рѣжутъ людей на большихъ дорогахъ; понялъ, что нельзя оправдать, а можно только искупить вину. Но еще не зналъ какъ. Думалъ бросить все и уйти въ монастырь, но чувствовалъ, что этого мало: легче уйти, чѣмъ остаться въ міру. Надо было дѣваться куда-нибудь, и онъ поступилъ сначала въ ложу Каменщиковъ, а оттуда — въ Сѣверное Тайное Общество. И скоро почувствовалъ, что здѣсь найдетъ то, что искалъ, — свой искупительный подвигъ.

Внутренне измѣнился до неузнаваемости, а наружно оставался тѣмъ же блестящимъ гвардейскимъ поручикомъ съ довольно пріятнымъ, но обыкновеннымъ лицомъ, здоровымъ, гладкимъ, бѣлымъ и румянымъ, круглымъ, безусымъ и безбородымъ; моложе своихъ лѣтъ—ему было двадцать девять.

По пріѣздѣ Голицына изъ Василькова, Оболенскій часто видался съ нимъ и съ жадностью

слушалъ разсказы его о Южномъ Обществѣ, о Славянахъ, о Сергѣѣ Муравьевѣ и его «Катехизисѣ». Главную мысль Муравьева о свободѣ съ Богомъ онъ сразу понялъ.

Утромъ 13 декабря отъ Рылѣева Оболенскій съ Голицынымъ пошли къ Трубецкому.

На Англійскую набережную, гдѣ жилъ Трубецкой, можно было пройти отъ Синяго моста прямо по Вознесенскому. Но послѣ душной рылѣевской комнаты имъ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, и, рѣшивъ сдѣлать крюкъ, пошли по набережной Мойки, къ Поцѣлуеву мосту, чтобы, завернувъ направо за-уголъ Морскихъ казармъ, выйти на Галерную.

Въ серединѣ города было мало еще снѣга, но здѣсь—на пустынной Мойкѣ—все уже бѣло, тихо, сонно и мягко. Между бѣлымъ пуховикомъ земли и сѣрымъ пологомъ неба желтенькіе низенькіе домики спали непробуднымъ сномъ. И въ этой уютной, какъ будто деревенской, тихости, сѣрости, сонности казался невозможнымъ завтрашній бунтъ, какъ въ зимнемъ небѣ—молнія.

Прохожихъ ни души: можно было говорить, какъ у себя въ комнатѣ.

— Трубецкой знаетъ, что завтра? — спросилъ Голицынъ.

— Нѣтъ. Мы ему скажемъ.

— А правда, говорятъ, будто онъ охладѣлъ къ Обществу?

— Можетъ быть, и правда.

— Труситъ, что ли?

— Не думаю. На Шевардинскомъ редутѣ, подъ ядрами, четырнадцать часовъ простоялъ такъ спокойно, какъ будто игралъ въ шахматы. Но храбрость солдата — не храбрость заговорщика. Подъ Луценомъ, когда французы изъ сорока орудій громили нашу гвардію, Трубецкой вздумалъ пошутить надъ поручикомъ фонъ-Бокомъ; подошелъ къ нему сзади и бросилъ комъ земли, а тотъ свалился безъ чувствъ. Такъ и самъ онъ, можетъ быть, завтра свалится. Для такого дѣла, какъ наше, нѣтъ человѣка менѣе пригоднаго. Нерѣшителенъ и вѣжливъ — вѣжливъ до сумасшествія. Себя и другихъ готовъ погубить, только бы не сдѣлать какого невѣжества. И революціи хочетъ вѣжливой — революціи на розовой водѣ. Это одно; а другое — слишкомъ благополученъ: молодъ, богатъ, знатенъ, женатъ на прелестной женщины. Евангельскій юноша, который отошелъ съ печалью отъ Господа, потому что у него было большое имѣніе...

— Въ такую минуту отойти — подлость! — воскликнулъ Голицынъ.

Оболенскій посмотрѣлъ на него немного исподлобья, пристальнымъ взоромъ умныхъ и добрыхъ глазъ, слегка прищуренныхъ, какъ будто улыба-

ющихся, а на самомъ дѣлѣ, безъ всякой улыбки, серьезныхъ, даже печальныхъ.

— Нѣтъ, тутъ не подлость.

— А что же?

— Да вотъ, пожалуй, то самое, о чемъ говорилъ давеча Рылѣевъ: не дѣлатели, а умозрители. «Планщики», теорики, лунатики. Ходимъ по крышѣ, по самому краю, а назови любого по имени, — упадетъ и разобьется о-земь. Все наше возстаніе — Марія безъ Мароы, душа безъ тѣла. И не мы одни, — всѣ русскіе люди такіе же; чудесные люди въ мысляхъ, а въ дѣлѣ—квашни, размазни, точно безъ костей мягкіе. Должно быть отъ рабства. Слишкомъ долго были рабами.

— Послушайте, Оболенскій, а, вѣдь, дѣло плохо. Завтра возстаніе, а диктаторъ нашъ думаетъ, какъ бы измѣнить повѣжливѣй. И зачѣмъ такого выбрали? Чего смотрѣлъ Рылѣевъ?

— Ну, гдѣ же Рылѣеву? Вѣдь, онъ совсѣмъ людей не знаетъ. И себя-то самого не знаетъ. Видѣли, какъ мучается, а отчего — не знаетъ.

— А вы знаете?

— Кажется, знаю.

— Отчего же?

— Отъ крови. — произнесъ Оболенскій тихо, слегка измѣнившимся голосомъ.

— Отъ какой крови?

— Кровь надо пролить, убить. — продолжалъ онъ еще тише. — Все обдумалъ, рѣшилъ, раз-

счелъ, какъ по пальцамъ. Помните Пестелевъ счетъ, сколько будетъ жертвъ? Тогда Рылѣевъ не захотѣлъ, ужаснулся, а теперь самъ считаетъ: одного государя убить мало, — надо всѣхъ членовъ царской фамиліи. Убійство одного не только не будетъ полезно, но, напротивъ, пагубно для цѣли Общества: раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ царскаго дома и породитъ войну междоусобную. Съ истребленіемъ же всѣхъ — всѣ поневолѣ примпрятся, и новое правленіе установится. Да, обдумалъ, рѣшилъ, разсчелъ, какъ по пальцамъ, а что-то мѣшаетъ. И самъ не знаетъ что, оттого и мучается.

— А вы и это знаете?

— Знаю, — отвѣтилъ Оболенскій и замолчалъ. Голицынъ — тоже, и обоимъ стало вдругъ неловко, какъ будто стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза. Какая-то тяжесть навалилась на нихъ, и чѣмъ дольше молчаніе, тѣмъ больше тяжесть.

Завернули съ Мойки на Крюковъ каналъ. Здѣсь было еще пустыннѣе, глуше, — только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Видѣли, что никого нѣтъ, но казалось, что кто-то за ними идетъ и подслушиваетъ.

— Я знаю, что нельзя убить, — проговорилъ, наконецъ, Оболенскій такъ странно-внезапно, что Голицынъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Почему нельзя? Грѣхъ?

— Не грѣхъ, а просто нельзя, невозможно.

— Какъ невозможно? Убиваютъ же люди другъ друга.

— Убиваютъ въ безумiи, въ безпамятствѣ, нечаянно, а нарочно, въ полномъ разсудкѣ, нельзя. Рѣшить: убью, — и убить, — этого человѣкъ не можетъ.

— Ну, нѣтъ, можетъ.

— Скажите примѣръ.

— Да вотъ хоть война или смертная казнь.

— Это совсѣмъ другое. Казнитъ законъ, а законъ слѣпъ, лица человѣка не видитъ — одинъ законъ для всѣхъ. И на войнѣ тоже всѣ убиваютъ всѣхъ, а кто кого — непзвѣстно, лица не видно. А тутъ лицо, лицо — главное. Увидѣть человѣка въ лицо и убить — вотъ что невозможно. Не понимаете?

— Не понимаю, — вдругъ почему-то разсердился Голицынъ. Вспомнилъ свое согласiе съ Пестелемъ — «всѣхъ до корня истребить», — и оно показалось ему легкимъ по сравненiю съ этою тяжестью, которая теперь навалилась на нихъ. — Вы какъ-то странно говорите, Оболенскiй, какъ будто что-то знаете. — заглянулъ ему прямо въ лицо и увидѣлъ, что онъ покраснѣлъ густо-густо, до ушей, до корня волосъ; такъ краснѣютъ маленькiя дѣти, когда готовы расплакаться.

— Да, знаю, — проговорилъ Оболенскій съ усиліемъ, и вдругъ началъ блѣднѣть, блѣднѣть и поблѣднѣлъ, побѣлѣлъ, какъ полотно. — А вы, можетъ быть, не знаете, Голицынъ, что я человѣка убилъ, — прошепталъ почти беззвучнымъ шопотомъ, и побѣлѣвшія губы улыбнулись такъ, что у Голицына сердце упало.

— Простите, Евгеній Петровичъ, ради Бога! Вы меня не такъ поняли... Ну, какое же это убійство — на дуэли?

— Все равно, какое. Убилъ — и знаю.

Опять оба замолчали, и тяжесть навалилась еще невыносимѣе.

— А у меня Трубецкой все изъ головы не выходитъ. Вѣдь, этотъ, пожалуй, хуже Ростовцева, — хотѣлъ-было Голицынъ перемѣнить разговоръ, сбросить тяжесть, но вышло неестественно, и онъ самъ это почувствовалъ. Опять разсердился. Жалѣлъ Оболенскаго, но чѣмъ сильнѣе жалѣлъ, тѣмъ больше сердился.

— А знаете что, Оболенскій, — заговорилъ сухо, почти грубо, — волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить: если нельзя убивать, такъ и бунтовать не надо.

— Нѣтъ, надо, — возразилъ Оболенскій опять такъ же тихо, какъ давеча; по мѣрѣ того, какъ одинъ горячился, другой утихалъ.

— Какой же бунтъ безъ крови? На розовой водѣ, по Трубецкому, что ли?

— Не бойтесь, Голицынъ, будетъ кровь. Нельзя убить нарочно, а ненарочныхъ убійствъ всегда было сколько угодно, и у насъ будутъ.

— А, вотъ что! Ну, кажется, я, наконецъ, начинаю понимать. Дураки убивать будутъ, а умные станутъ въ сторонкѣ, чтобъ не запачкаться?

— Зачѣмъ вы такъ говорите? — взглянулъ на него Оболенскій съ укоромъ. — Вы же знаете, что мы идемъ на муку крестную — вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ. Больше этой муки нѣтъ на землѣ.

— Какая мука? Какая мука? Говорите прямо, надо убивать или не надо?

— Надо.

— И можно?

— Нѣтъ, нельзя.

— Нельзя и надо вмѣстѣ?

— Да, вмѣстѣ.

— Да, вѣдь, это значитъ разсудка лишиться? — остановился Голицынъ и затопалъ ногами въ бѣшенствѣ.— Чортъ бы насъ всѣхъ побралъ! Что мы дѣлаемъ! Что мы дѣлаемъ! Рылѣевъ мучается, Трубецкой измѣняетъ, Ростовцевъ доноситъ, а мы съ вами разсудка лишаемся. Кваши, размазни, точно безъ костей мягкіе, русскіе люди, подлые, подлые! Святое дѣло въ подлыхъ рукахъ!

— Ну, что жъ,Голицынъ, какіе есть, — улыбнулся Оболенскій, и отъ этой улыбки лицо его

вдругъ измѣнилось, просвѣтлѣло неузнаваемо. — А все-таки надо,все-таки надо начать. Пусть мягкіе — окрѣпнемъ: пусть подлые — очистимся. И пусть ничего не сдѣлаемъ — другіе сдѣлаютъ. «Да будетъ одинъ царь на землѣ и на небѣ — Іисусъ Христосъ», это вся Россія когда-нибудь скажетъ — и сдѣлаетъ. Господь не покинетъ Россіи. Только бы съ Нимъ, только бы съ Нимъ — и такая будетъ революція, какой міръ не видалъ!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Диктаторъ» заговорщиковъ, князь Сергій Петровичъ Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, жилъ въ домѣ своего тестя, графа Лаваля, на Англійской набережной, около Сената.

Полунищій французъ-эмигрантъ, женившись на московской купеческой дочкѣ, милліонщицѣ, наслѣдницѣ семнадцати тысячъ душъ и богатѣйшихъ мѣдныхъ заводовъ на Уралѣ, Лаваль вышелъ въ люди, сдѣлался русскимъ графомъ, камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ, директоромъ департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. На балахъ и раутахъ его собиралось все высшее общество, дипломатическій корпусъ и царская фамилія. Одна изъ его дочерей, Зи-

нида, была замужемъ за графомъ Лебцельтерномъ, австрійскимъ посланникомъ, другая, Екатерина — за княземъ Трубецкимъ.

На верхней лѣстничной площадкѣ, выложенной древними мраморными плитами изъ дворца Нерона, встрѣтилъ Голицына и Оболенскаго почтительно-ласково старичокъ-камердинеръ, сѣденькій, въ черномъ атласномъ фракѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, похожій на стараго дипломата, и черезъ рядъ великолѣпныхъ, точно дворцовыхъ, покоевъ провелъ ихъ на половину князеву, въ его кабинетъ. Это была огромная, заставленная книжными шкапами, комната, съ окнами на Неву, очень свѣтлая, уютно затѣненная темными коврами, темной дубовой облицовкой стѣнъ и темно-зеленою сафьянною мебелью.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей со своей обычной, тихой и ровной, не свѣтскою любезностью.

— Мы къ вамъ на минутку, князь, — началъ Оболенскій, не садясь, несмотря на приглашеніе хозяина. — Рылѣевъ очень проситъ васъ пожаловать...

— Ахъ, Боже мой! — схватился Трубецкой за голову. — Я такъ виноватъ передъ нимъ! Вѣрите ли, господа, каждый день собираюсь, и вотъ все эти штабныя дѣла проклятыя. Но непремѣнно, непремѣнно, на-дняхъ... завтра-же...

— Не завтра, а сегодня, сейчасъ. Мы за вами

пріѣхали, князь, и безъ васъ не уѣдемъ, — произнесъ Оболенскій съ твердостью.

— Сейчасъ? Я, право, господа, не знаю... Да что жъ вы стоите, садитесь. Ну, хоть на минутку. Не угодно ли позавтракать?

Отъ завтрака отказались рѣшительно, но должны были усѣсться въ глубокія, колыбельно-мягкія кресла, у камина, уютно пылавшаго въ бѣлесоватыхъ полуденныхъ сумеркахъ. Замѣтивъ, что огонь можетъ обезпокоить Голицына, Трубецкой подвинулъ экранъ такъ, чтобы ногамъ было тепло, а лицу не жарко, — и только тогда усѣлся противъ нихъ, спиною къ свѣту — невольная уловка людей застѣнчивыхъ.

— Дайте,господа,хоть съ мыслями собраться.

Голицынъ оглянулся на дверь. Трубецкой всталъ, подошелъ къ ней и заперъ на ключъ.

— А та — на половину княгинину, тамъ сейчасъ никого, — указалъ на другую дверь.

— Позвольте, господа, говорить откровенно.

— Откровенность лучше всего, — подтвердилъ Голицынъ, вглядываясь въ Трубецкого пристально.

Одѣтъ по-домашнему, во фракѣ. Не очень молодъ — лѣтъ за тридцать. Высокъ, сутулъ, худъ, со впалою грудью, какъ у чахоточныхъ, рябоватъ, рыжеватъ, съ растрепанными жидкими бачками, съ оттопыренными ушами, длиннымъ,

узкимъ лицомъ, большимъ загнутымъ носомъ, толстыми губами и двумя болѣзненными морщинками по угламъ рта. Немного похожъ на «жида», какъ дразнили его въ дѣтствѣ товарищи. Некрасивъ.но въ большихъ сѣрыхъ глазахъ, дѣтски-простыхъ, печальныхъ и добрыхъ,такое благородство, что Голицынъ подумалъ: «Ужъ полно, не ошиблись ли мы съ Оболенскимъ?»

И вспомнились ему слова изъ сочиненной Трубецкимъ конституціи — «Устава Славяно-Русской Имперіи»: «Рабство отмѣняется, раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно противно христіанской вѣрѣ, по которой всѣ люди — братья, всѣ рождены на благо и всѣ просто люди, ибо всѣ предъ Богомъ слабы». Весь онъ былъ въ этихъ словахъ: не Брутъ, не Робеспьеръ и Маратъ, а вельможный «либералистъ», добрый русскій князь, идущій къ простому народу со свободой, братствомъ и равенствомъ, «Донъ-Кишотъ революціи».

— Мое положеніе въ Обществѣ весьма тягостно. Я чувствую, что не имѣю духу дѣйствовать къ погибели, но боюсь, что власти не имѣю уже остановить, — заговорилъ глухимъ, сиповатымъ, но пріятно- мягкимъ голосомъ. «Слушаешь, точно рукой проводишь по бархату», — казалось Голицыну.

— Имъ нужно одно мое имя. Рылѣевъ распо-

ряжается всѣмъ, а я ничего не знаю. Не знаю даже, какъ попалъ въ диктаторы...

Голицынъ чувствовалъ легкій запахъ чайной розы и все не понималъ, откуда. Наконецъ, опустивъ глаза, увидѣлъ на ручкѣ кресла, въ которомъ сидѣлъ, маленькій дамскій кружевной платокъ. Взялъ и понюхалъ. Трубецкой взглянулъ на него и чуть-чуть покраснѣлъ, замолчалъ. Голицынъ, тоже молча, подалъ ему платокъ; онъ сунулъ его въ боковой карманъ и продолжалъ говорить.

— У Рылѣева рѣшимость дѣйствовать почти безъ всякой надежды. Но судя по средствамъ и по намѣреніямъ, сіе есть верхъ безумія, верхъ безумія — вотъ...

Имѣлъ привычку повторять послѣднія слова, немного запинаясь, растягивая и пришепетывая; въ этомъ косноязычіи было что-то вельможно-разслабленное и дѣтски-простодушное.

— Войскъ, кои могутъ быть употреблены для цѣлей Общества, недостаточно. Никто изъ важныхъ лицъ въ семъ предпріятіи не участвуетъ. Набрали пустой молодежи, которая только болтаетъ. Но болтаютъ въ гостиныхъ, а на площадяхъ и улицахъ молчатъ. Смѣшно подумать, что три-четыре прапорщика, безъ вѣсу, безъ имени, мыслятъ поколебать столѣтьями основанную имперію... столѣтьями основанную имперію — вотъ...

— Serge, вы здѣсь? — раздался молодой женскій голосъ, и Голицынъ, оглянувшись, увидѣлъ на порогѣ незапертой двери, той, что вела на половину княгининну, незнакомую даму. Она хотѣла войти, но, замѣтивъ гостей, остановилась въ нерѣшимости.

— Здравствуйте, князь, — узнала Оболенскаго и подошла къ нему. — Извините, господа, кажется, я помѣшала?

— Позвольте, мой другъ, представить вамъ князя Голицына, — сказалъ Трубецкой.

Цѣлуя руку ея, Голицынъ почувствовалъ запахъ чайной розы. Вся въ черномъ — въ траурѣ по покойномъ императорѣ, — съ черными гладкими начесами волосъ на вискахъ, она сама напоминала желтоватою, ровною и свѣжею блѣдностью лица чайную розу. Catache — отъ Cathérine — звали ее по-французски, а по-русски, немного смѣшно — «Кататею», но вѣрно: маленькая, кругленькая, крѣпенькая, съ быстрыми движеніями, катающаяся, какъ точеный изъ слоновой кости шарикъ.

Всѣ замолчали. Княгиня переглянулась съ мужемъ, и по одному этому взгляду видно было, какъ они счастливы. Сами себя считали старою парочкой, а другимъ все еще казались «молодыми». Когда бывали вмѣстѣ на-людяхъ, улыбались виноватой улыбкой, какъ будто стыдились своего счастья.

Улыбнулись и теперь, но въ глазахъ у обоихъ была тревога вѣщая.

«Знаетъ ли она, кто мы и зачѣмъ пришли? Если и не знаетъ, то чувствуетъ», — подумалъ Голицынъ и почему-то вдругъ вспомнилъ Мариньку.

Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ, княгиня простилась.

— Еще разъ, господа, извините. Не забудьте, мой другъ, у Бѣлосельскихъ, въ четыре часа. Я за вами карету пришлю, — выходя, обернулась къ мужу, и опять въ глазахъ была тревога вѣщая.

— Ради Бога, господа, извините! Я, право, не зналъ... Мнѣ сказали, что княгиня уѣхала, — пролепеталъ Трубецкой въ смущеніи.

— Полно, князь, — остановилъ его Голицынъ. — Если бы даже княгиня знала все, невелика бѣда. Непріятіе женщинъ въ общество я всегда почиталъ несправедливостью. Чѣмъ онѣ хуже насъ? А такія, какъ ваша супруга...

— Да вѣдь вы ея не знаете?

— Довольно увидѣть, чтобы узнать.

Трубецкой весь просіялъ, покраснѣлъ и улыбнулся опять, какъ давеча, виновато-счастливой улыбкой.

— Ну, и ладно, и будетъ объ этомъ, — заключилъ Голицынъ. — Время, господа, уходить.

Будемъ же кончать скорѣе. Итакъ, Трубецкой, вы полагаете, что дѣло наше сверхъ силъ?

— Да, Голицынъ, надо имѣть хоть каплю разсудка, чтобы видѣть всю невозможность этого дѣла, всю невозможность — вотъ... Никто на него не рѣшится, кромѣ тѣхъ, кои довели себя до политическаго сумасшествія...

— Вотъ именно, до сумасшествія поддакнулъ Голицынъ. Все время поддакивалъ, ловилъ его, «испытывалъ». А Оболенскій, видимо страдая, молчалъ. .

— Очень радъ, господа, что вы меня поняли. Скажу прямо: я до послѣдней минуты надѣялся, что, оставаясь въ сношеніи съ членами Общества, какъ бы въ видѣ начальника, я успѣю отвратить зло и сохранить хоть нѣкоторый видъ законности. Но, вѣдь, они сейчасъ Богъ вѣсть что затѣяли: они хотятъ всѣхъ, хотятъ всѣхъ — вотъ... — прошепталъ Трубецкой испуганнымъ шопотомъ, не смѣя выговорить страшныхъ словъ: «хотятъ истребить всѣхъ членовъ царской фамиліи».

— А вы всѣхъ не хотите? Никого не хотите?

— Нѣтъ, не хочу, не могу, Голицынъ. Я не рожденъ убійцею...

— Такъ что же дѣлать, князь? Вамъ бы должно отказаться отъ диктаторства, а, пожалуй, и совсѣмъ выйти изъ Общества? — посмотрѣлъ

ему Голицынъ прямо въ глаза съ тихой усмѣшкой.

Трубецкой замолчалъ: должно быть, вдругъ западню почувствовалъ.

— Ну, такъ какъ же, князь? А? Какъ честному человѣку, вамъ надобно отвѣтить прямо — да или нѣтъ, остаетесь съ нами или уходите? — проговорилъ Голицынъ съ вызовомъ уже нескрываемымъ.

— Я, право, не знаю. Я еще подумаю...

— Подумаете? Да вотъ бѣда, ваше сіятельство, думать-то некогда: мы, вѣдь, завтра начинаемъ...

— Завтра? Какъ завтра? — пролепеталъ Трубецкой, уставившись на Голицына взоромъ непонимающимъ.

— Ахъ, да, вѣдь, вы еще не знаете, — посмотрѣлъ на него Голицынъ изъ-подъ очковъ, усмѣхаясь злорадно и, какъ всегда въ такія минуты, лицо его отяжелѣло, окаменѣло, сдѣлалось похожимъ на маску. — Окончательный курьеръ уже прибылъ изъ Варшавы съ отреченіемъ Константина: завтра въ семь часовъ утра по всѣмъ войскамъ присяга; мы собираемся на площади Сената и начинаемъ возстаніе...

— Возста... возста... — хотѣлъ Трубецкой выговорить и не могъ; голосъ пресѣкся, глаза расширились, лицо поблѣднѣло, позеленѣло, вы-

тянулось, толстыя губы задрожали, и онъ вдругъ сдѣлался еще болѣе похожъ на «жида».

«Ожидовѣлъ отъ страха», подумалъ Голицынъ съ отвращеніемъ.

— Что же вы молчите, сударь? Извольте отвѣчать!

— Перестаньте, Голицынъ, не смѣйте! — вскочилъ Оболенскій и подбѣжалъ къ Трубецкому...—Какъ вамъ не стыдно! Развѣ не видите?

Трубецкой откинулъ голову на спинку кресла и закатилъ глаза. Оболенскій разстегнулъ ему воротъ рубашки.

— Воды! Воды!

Голицынъ отыскалъ графинъ, налилъ и подалъ стаканъ. Трубецкой хватался губами за края, и зубы стучали о стекло. Долго не могъ справиться. Наконецъ, выпилъ, опять откинулъ голову и передохнулъ.

Оболенскій, нагнувшись къ нему, гладилъ его рукой по головѣ, какъ давеча Рылѣева.

— Ну, ничего, ничего, Трубецкой! Не слушайте Голицына: онъ васъ не знаетъ. Ужо поговоримъ съ Рылѣевымъ и какъ-нибудь устроимъ. Все будетъ ладно, все будетъ ладно!

— Да я ничего, пустяки, пройдетъ. У меня сердце... Всѣ эти дни не очень здоровъ, а давеча выпилъ кофе, такъ вотъ, должно быть, отъ этого. Ну, и сразу... Я не могу, когда такъ сразу... Извините, господа, ради Бога, извините...

Рыжеватые волосы прилипли къ потному лбу, толстыя губы все еще дрожали, улыбаясь, и въ этой улыбкѣ было что-то дѣтски-простое, жалкое: Донъ-Кихотъ, отъ бреда очнувшійся; лунатикъ, упавшій съ крыши и разбившійся.

Голицыну вдругъ стало стыдно, какъ будто онъ обидѣлъ ребенка. Отвернулся, чтобы не видѣть. Боялся жалости: чувствовалъ, что, если только начнетъ жалѣть, — все проститъ, оправдаетъ «измѣнника».

— Послушайте, князь, — началъ, не глядя на Трубецкого.

— Послушайте, Голицынъ, — перебилъ Оболенскій спокойно и твердо, — я имѣю порученіе отъ Рылѣева привезти къ нему Трубецкого. И я это сдѣлаю. А вы не мѣшайте, прошу васъ, оставьте насъ. Поѣзжайте къ Рылѣеву и скажите ему, что будемъ сейчасъ.

— Я только хотѣлъ сказать...

— Ступайте же, Голицынъ, ступайте! Дѣлайте, что вамъ говорятъ!

— Это что жъ, приказаніе?

— Да, приказаніе.

— Слушаю-съ, — неловко усмѣхнулся Голицынъ, сухо поклонился и вышелъ.

«Всѣ умные люди — дураки ужасные», вспомнилось ему изреченіе. Умнымъ дуракомъ чувствовалъ себя въ эту минуту.

«Да, Трубецкой *отошелъ съ печалью*, какъ тотъ

богачъ евангельскій. Но чѣмъ онъ хуже меня, хуже насъ всѣхъ? Кто знаетъ, что будетъ съ нами завтра? Не отойдемъ ли и мы съ печалью?» подумалъ Голицынъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда онъ вернулся къ Рылѣеву, тотъ уже умылся, побрился, скинулъ халатъ, надѣлъ фракъ, хотя и домашній, но щегольской, темно-коричневый, «пюсовый», съ модномъ изъ турецкой шали поджилетникомъ и высокимъ бѣлымъ галстухомъ. Выйдя въ залу, онъ, въ разговорѣ съ гостями, какъ всегда оживился и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ казался почти здоровымъ.

Утренняго Рылѣева Голицынъ не узналъ — зато узналъ давнишняго: лицо худое, скуластое, смуглое, немного цыганское; глаза подъ густыми черными бровями, огромные, ясно-темные: женственно-тонкія губы съ прелестною улыбкою; вьющіеся волосы тщательно въ колечки приглажены, на виски начесаны, а на затылкѣ упрямый хохолъ мальчишескій. И весь онъ — легкій, какъ бы летящій, стремительный, подобно развѣваемому вѣтромъ пламени.

Черезъ часъ, вслѣдъ за Голицынымъ, пріѣхалъ Оболенскій съ Трубецкимъ. Рылѣевъ увелъ ихъ

въ кабинетъ, затворилъ дверь въ залу, гдѣ собралось уже много народу, и прямо началъ о возстаніи.

— Всѣ мы полагаемся на васъ, Трубецкой, въ принятіи мѣръ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, ибо случай такой, какого упускать нельзя.

— Неужели, Рылѣевъ, вы думаете дѣйствовать?

— Дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать! Сами обстоятельства призываютъ къ начатію дѣйствій Теперь или никогда! Случай единственный, и если мы ничего не сдѣлаемъ, то заслужимъ во всей силѣ имя подлецовъ, — сказалъ Рылѣевъ, глядя на него въ упоръ. — А вы что думаете, князь?

— Думаю, что надобно прежде узнать, какой духъ въ войскахъ и какія средства Общество имѣетъ.

— Какія бы ни были средства, отступать уже нельзя: слишкомъ далеко зашли. Можетъ быть, намъ уже измѣнили, и все уже открыто. Вотъ извольте прочесть, — подалъ онъ письмо Ростовцева.

Трубецкой едва заглянулъ въ него: не могъ читать отъ волненія.

— Это что же, доносъ?

— Какъ видите. Ножны изломаны и сабель спрятать нельзя. Мы обречены на гибель.

— Да вѣдь, не только сами погибнемъ, но и

другихъ погубимъ. А мы не имѣемъ права никого губить, никого губить, — вотъ... — началъ Трубецкой и подумалъ: «Теперь надо все сказать, объявить, что желаю отойти отъ Общества». Съ этимъ и ѣхалъ къ Рылѣеву. Но языкъ не поворачивался: такъ невозможно было это сказать, какъ оскорбить, ударить по лицу человѣка невиннаго.

Звонокъ за звонкомъ раздавался въ передней.

— Что такъ много наѣзжаетъ? — спросилъ Трубецкой.

— О курьерѣ услышали, — отвѣтилъ Рылѣевъ и, помолчавъ, спросилъ: — Какую же силу, князь, вы полагаете достаточной?

— Нѣсколько полковъ. По крайней мѣрѣ, тысячъ шесть человѣкъ, или хотя бы одинъ старый гвардейскій полкъ, потому что къ младшимъ не пристанутъ.

— Такъ нечего и хлопотать: за два полка, Московскій и Лейбъ-Гренадерскій, я отвѣчаю навѣрное! — воскликнулъ Рылѣевъ.

— Это только слова, — проговорилъ Оболенскій. — Напрасно ты берешься отвѣчать такъ твердо: мы не можемъ поручиться ни за одного человѣка.

Рылѣевъ взглянулъ на Оболенскаго и ничего не отвѣтилъ, только пожалъ плечами и заговорилъ о планѣ возстанія.

То легкое, летящее, стремительное, подобное

развѣваемому вѣтромъ пламени, что было въ немъ самомъ, передавалось и всѣмъ окружающимъ. Какъ будто онъ приказывалъ — и нельзя было противиться.

Трубецкой, слушая Рылѣева, самъ мало-по-малу увлекся—такъ струна, смычкомъ незадѣтая, отвѣчаетъ рядомъ звенящей струнѣ, — и началъ развивать свой планъ.

— Мой планъ таковъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги и солдаты окажутъ сопротивленіе, то офицерамъ вывести ихъ къ ближнему полку, а когда тотъ пристанетъ, — къ слѣдующему, — и такъ далѣе. Когда же полки почти всей или большей части гвардіи будутъ собраны вмѣстѣ, — требовать прибытія государя цесаревича. Такъ будетъ соблюденъ весь видъ законности и упорство полковъ сочтено вѣрностью, но цѣль Общества уже потеряна. Если же извѣстіе къ цесаревичу не будетъ послано, то идти къ Сенату и требовать изданія манифеста, въ коемъ объявить, что назначаются выборные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія, за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ. Между тѣмъ Сенатъ долженъ утвердить Временное Правленіе, пока не будетъ учреждена Великимъ Соборомъ народныхъ представителей новая конституція Россійская. По объявленіи же сего манифеста,войскамъ непремѣнно выступить изъ города и расположиться близъ лагеремъ,дабы

сохранить и посреди самаго бунта совершенную тишину и спокойствіе. тишину и спокойствіе — вотъ...

«Революція на розовой водѣ», вспомнилось Голицыну.

— Прекрасный планъ, Трубецкой, — сказалъ Рылѣевъ. — Только боюсь, не долго ли будетъ отъ полка къ полку ходить? И развѣ это непремѣнно нужно?

— Непремѣнно. Какъ же иначе?

— А такъ — прямо на площадь. Я полагаю, что довольно одной ротѣ взбунтоваться, чтобъ совершился переворотъ. Хоть пятьдесятъ человѣкъ придетъ, я становлюсь въ ряды съ ними! — воскликнулъ Рылѣевъ, и глаза его загорѣлись такимъ огнемъ, что Трубецкому стало жутко. Онъ вдругъ замолчалъ и почувствовалъ, что говоритъ совсѣмъ не то, что надо.

За дверью стоялъ гулъ голосовъ. Говорили всѣ вмѣстѣ, кричали, спорили. Словъ не было слышно, но крикъ былъ такой, что казалось, вотъ-вотъ подерутся.

Вдругъ съ шумомъ распахнулась дверь, и въ комнату вбѣжалъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій, весь красный, потный, растрепанный, взъерошенный, неистовый, похожій на пьянаго или сумасшедшаго.

— Ну и къ чорту васъ всѣхъ, подлецы, трусы,

измѣнники! — вопилъ онъ, потрясая кулаками. — Дѣлайте, что знаете, а я...

— Чего вы, сударь, кричите? Мы не глухіе, — остановилъ его Рылѣевъ спокойно, и тотъ на мгновеніе опѣшилъ.

— Послушайте, Рылѣевъ, не могу я больше съ ними! Съ этими филантропами ничего не подѣлаешь! Тутъ просто надобно рѣзать, рѣзать, да и только! А если не хотятъ, я первый пойду и на себя донесу...

— Да замолчите же, чортъ васъ побери! — вскочилъ Рылѣевъ и затопалъ ногами. — Взбѣсились вы, что ли? И чего лѣзете? Развѣ не видите, мы дѣломъ заняты. Ступайте, ступайте вонъ! — схватилъ онъ его за плечи и, хотя казался маленькимъ, слабенькимъ передъ огромнымъ Щепинымъ, такъ ловко повернулъ и вытолкалъ изъ комнаты, что Оболенскій съ Голицынымъ не успѣли опомниться, какъ все уже было кончено.

Разсмѣялись. Но Трубецкому было не до смѣху.

— Ну, вотъ, слышали? Это что же такое, Рылѣевъ? А? — пролепеталъ онъ, блѣднѣя.

— Ничего, Трубецкой, не безпокойтесь. Онъ только такъ говоритъ. Я его уйму. Онъ у меня въ рукахъ. Крикунъ, буянъ, а сердце доброе.

— Сердце доброе, а рѣзать хочетъ, — продол-

жалъ Трубецкой. — И не онъ одинъ, а всѣ. Только о крови, объ убійствахъ и думаютъ. Нѣтъ, господа, я не могу... Богъ видитъ душу мою: я не былъ никогда ни злодѣемъ, ни извергомъ и произвольнымъ убійцей быть не могу, не могу — вотъ...

«Я желаю отойти отъ Общества», хотѣлъ сказать и не сказалъ — опять языкъ не повернулся. Чѣмъ больше хотѣлъ, тѣмъ меньше могъ.

— Ну, я пойду, — вдругъ поднялся и подалъ руку Рылѣеву со странно-внезапной поспѣшностью.

— Куда вы? Постойте. Какъ же такъ? Вѣдь, мы еще не рѣшили...

— Да что же рѣшать? Все равно, не рѣшимъ.

— А вѣдь, пожалуй, что такъ: не рѣшимъ. А можетъ, и рѣшать не надо. Обстоятельства покажутъ... Ну, ладно, съ Богомъ! Значитъ, до завтра? — положилъ ему руки на плечи и приблизилъ лицо къ лицу его такъ, что онъ почувствовалъ его дыханіе.—А вы, Трубецкой, на меня не сердитесь? Не сердитесь, голубчикъ, ради Бога! — улыбнулся дѣтски-нѣжной улыбкой. — Ужъ виноватъ, самъ знаю, что виноватъ! Распоряжался, не слушался, вольничалъ. Ну, да ужъ этого больше не будетъ, конечно. Завтра вы диктаторъ, а я рядовой, вашъ рабъ вѣрноподданный. Пикни только кто противъ васъ, — своими руками убью! Ну, Христосъ съ вами! — хотѣлъ его

обнять, но тотъ отшатнулся и поблѣднѣлъ еще больше. — И обнять не хотите? Такъ, значитъ, сердитесь? — заглянулъ ему прямо въ глаза Рылѣевъ.

Трубецкой думалъ только о томъ, какъ бы уйти поскорѣй: боялся, чтобы опять дурно не сдѣлалось. Вдругъ обнялъ и поцѣловалъ Рылѣева. «Цѣлованіемъ ли предаешь Сына Человѣческаго?» подумалъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Опомнился только на площадкѣ лѣстницы. Почувствовалъ, что кто-то держитъ его за полу шинели. Оглянулся и увидѣлъ Оболенскаго. Онъ что-то говорилъ ему. Трубецкой долго не могъ понять что; наконецъ понялъ:

— А все-таки будете завтра на площади?

Сдѣлалъ надъ собой усилье.

— Да что жъ, если двѣ какія-нибудь роты придутъ, что можетъ быть? Кажется, все тихо пройдетъ, — отвѣтилъ почти спокойно.

— А все-таки будете? — не отставалъ Оболенскій, держалъ его за полу. Но Трубецкой уже ничего не отвѣтилъ, вырвался, выбѣжалъ на улицу, бросился въ карету, крикнулъ кучеру: «Домой!» захлопнулъ дверцу и забился въ уголъ, ни живъ, ни мертвъ.

Въ каретѣ пахло чайною розою — милымъ Каташинымъ запахомъ.

«Еще не знаетъ! А вѣдь узнаетъ когда - нибудь», — подумалъ съ новымъ ужасомъ.

«А все-таки будете завтра на площади?» — опять прозвучало въ ушахъ.

Вскочилъ, потянулся къ окну, хотѣлъ опустить стекло и крикнуть кучеру: «Назадъ, къ Рылѣеву!» Но ослабѣлъ, изнемогъ, упалъ на подушки, — какъ будто весь вдругъ сдѣлался мягкимъ, жидкимъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Голицынъ рѣшилъ, ѣдучи въ Петербургъ, остановиться въ гостиницѣ Демута на Мойкѣ, у Полицейскаго моста. Къ себѣ на квартиру, въ домѣ Бауера, у Прачешнаго моста, не заѣзжалъ, потому что она стояла все лѣто неубранная, а единственный слуга его, старый камердинеръ, уѣхалъ на побывку въ деревню; да и сыщиковъ боялся, — зналъ отъ Рылѣева, что за нимъ слѣдятъ. Но когда привезъ въ почтовомъ дилижансѣ изъ Москвы обѣихъ спутницъ своихъ, госпожу Толычеву съ дочерью, къ Натальѣ Кирилловнѣ Ржевской, сдалъ ихъ съ рукъ на руки и сталъ прощаться, чтобы ѣхать въ гостиницу, старуха объ этомъ и слышать не захотѣла.

— Что ты, батюшка, помилуй! Слыхано ли дѣло, изъ честнаго дома гостя въ трактиръ отпускать! Мало тебѣ горницъ, что ли? Весь домъ пустехонекъ. Живи на здоровье. Да, вѣдь, ты же намъ и свой человѣкъ.

Едва не съ первыхъ минутъ знакомства Наталья Кирилловна сосчиталась съ нимъ свойствомъ отдаленнѣйшимъ.

Голицынъ согласился тѣмъ охотнѣе, что ему казалось, что въ домѣ ея онъ будетъ въ большей безопасности, и еще потому, что не хотѣлось разставаться съ Маринькой.

Домъ Ржевской былъ на Фонтанкѣ, у Аларчина моста. Мѣсто глухое. Кругомъ пустырь; только на окраинѣ его виднѣлись низенькіе домики. Иногда, по ночамъ, въ темнотѣ, съ пустыря слышались вопли: «Караулъ! Грабятъ!» Испуганные люди вскакивали съ постелей, отворяли форточки, высовывали головы и отвѣчали какъ можно внушительнѣй: «Идемъ!» — но не шли, а снова забивались въ теплыя постели и съ головой подъ одѣяла прятались.

Окруженный старымъ садомъ, когда-то регулярнымъ, но давно уже запущеннымъ, домъ похожъ былъ на загородный дворецъ вельможъ Екатерининскихъ.

Въ большихъ сѣняхъ, съ колоннами и мраморной лѣстницей, сѣдые слуги дремали, вязали чулки или читали псалтырь вполголоса. Въ обширныхъ залахъ штофные обои на стѣнахъ полиняли и выцвѣли. Хрустальныя подвѣски на люстрахъ, прозрачно-темныя, какъ дымчатые топазы, тускло мерцали, дрожа и звеня, когда кто-нибудь шелъ по комнатѣ. Огромныя голландскія печи изъ

голубыхъ изразцовъ были жарко натоплены. Во всѣхъ покояхъ накурено смолкою, и тишина мертвая.

Бабушкина комната — угольная. Стѣны боскетомъ расписаны. Здѣсь, какъ въ лавкѣ старьевщика, шифоньерки, этажерки, стеклянные шкапчики съ фарфоровыми куколками, круглые столики съ мѣдной рѣшеткой, пузатые комоды съ китайской инкрустаціей — все напоминало о вѣкѣ иномъ. На окнахъ — низенькія ширмочки съ малиновыми стеклами, кидавшими на всѣ предметы и лица нѣжный отсвѣтъ розовый, похожій на вѣчный закатъ. У одного изъ оконъ — клѣтка и подставка съ шестомъ для бѣлаго, съ желтымъ хохолкомъ, попугая, Потапа Потапыча.

Бабушка была маленькая, сухенькая старушка съ очень блѣднымъ, точно восковымъ, лицомъ, какъ у покойника: казалось, пролежала сутки въ гробу, встала и опять начала жить. Всегда въ туалетѣ — шелковомъ платьѣ стальнаго цвѣта, съ рюшевымъ барокомъ около шеи,въ бѣломъ тюлевомъ, съ широкимъ рюшемъ, чепцѣ, въ глянцевитыхъ мелкихъ фальшивыхъ буколькахъ — en grappes de raisin: мѣховая кацавейка на плечахъ: старушка вѣчно зябла. За полчаса передъ тѣмъ, какъ ей выйти изъ спальни, особая нѣмка-приживалка, жирная, какъ купеческая лошадь, садилась въ кресло и нагрѣвала мѣсто.

Бабушка въ креслѣ сидѣла прямо, несмотря

на множество подушечекъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и бисерныхъ. Рядомъ съ нею, на столикѣ, стояла коробочка съ пудрою: старушка часто пудрилась и потомъ утиралась платочкомъ или шкуркою изъ пузыря, домодѣльною. На круглой скамеечкѣ, у ногъ ея, лежала, свернувшись, бѣлая болонка Фиделька, презлая.

— Скажи, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ? — спрашивала бабушка, когда поутру дѣвка Марѳушка подавала ей чай.

— Фиделька больно ноги кусаетъ.

— Должно ли изъ-за этого трясти подносомъ? — удивлялась Наталья Кирилловна.

Была очень мнительна; при малѣйшемъ нездоровьѣ ложилась въ постель и привязывала къ «пульсамъ» уксусныя тряпочки. Не любила слышать о покойникахъ. Старая приживалка Захаровна прослышитъ, бывало,что кто-нибудь умеръ, придетъ къ ней въ спальню и шепнетъ на-ухо.

— Молчи, что я знаю. Ты мнѣ не говорила, слышишь! — строго скажетъ ей бабушка.

Однажды въ мезонинѣ, почти надъ самой старушкиной спальней, умерла другая приживалка, — въ домѣ ихъ было множество.

— Умерла, — шепнула Захаровна бабушкѣ, указывая пальцемъ наверхъ.

— Ну, и молчи.

Вынесли покойницу украдкою, схоронили, а

бабушка такъ и не помянула о ней, какъ будто никогда ея на свѣтѣ не было.

Много видѣла на своемъ вѣку, а потому всего боялась и вздыхала о томъ, «какъ легко фортуна измѣняется».

— Вся жизнь наша не что иное, какъ газардная игра!

Послѣ двухъ легкихъ ударовъ, часто впадала въ полубезпамятство; тогда цѣлыми днями сидѣла молча, не двигаясь, и тусклымъ взоромъ слѣдила, какъ попугай качается на колышкѣ, пронзительно выкрикивая: «Потапъ Потапычъ Потаповъ!» А потомъ вдругъ оживлялась и вспоминала молодость, когда была фрейлиной при дворѣ Екатерины. Сообщала таинственнымъ шопотомъ, какъ о послѣдней новости, что князь Платонъ Зубовъ, «ce charmant vaurien», сумѣлъ убѣдить ея величество въ своемъ «пріятномъ умонастроеніи». Вспоминала съ умиленіемъ о любезности императрицы-матушки.

— Бывало, замѣтитъ, что солнце кого безпокоитъ, — тотчасъ къ окну подойдетъ и шторку опуститъ собственными ручками. Но зато и спуску не давала продерзостнымъ: оберъ-секретарю Тайной Экспедиціи, Шешковскому, велѣно было взять изъ маскарада не въ мѣру болтливую генеральшу Кожину, слегка на тѣлѣ наказать и обратно туда же доставить со всякою благопристойностью.

Любила также разсказывать о господинѣ Фонтенелѣ, съ которымъ видалась въ Парижѣ еще до революціи.

— Настоящій былъ филозофъ: никогда не возвышалъ голоса, не сердился, не плакалъ и не смѣялся. «Господинъ Фонтенель, говорю, вы никогда не смѣялись?» — «Нѣтъ, говоритъ, я никогда не дѣлалъ»: «ха! ха! ха!» Никакого чувства не зналъ, никого не любилъ—люди ему только нравились. «Господинъ Фонтенель, говорю, вы меня уважаете?» — «Je vous trouve fort aimable, madame».—«А если бы вамъ сказали, что я кого-нибудь убила, вы бы повѣрили?» — «Я бы подождалъ, сударыня», — говоритъ, а самъ усмѣхается. Крѣпкій былъ старичокъ, больше лѣтъ ста прожилъ. Умница. Нынче такихъ не сыскать!

А люди новаго вѣка, съ ихъ куцыми мыслями, куцыми фраками, не нравились бабушкѣ.

— Всѣ вы, какъ посмотрю я на васъ, какіе-то общипанные, какъ будто сейчасъ вышли изъ бани. Модники, мышиные жеребчики!

Не могла привыкнуть къ новымъ широкимъ панталонамъ на-выпускъ, которые замѣнили старинные, короткіе штаны съ чулками и башмаками.

— Отъ санкюлотовъ пошла эта мода, отъ срамниковъ, голоштанниковъ, прости Господи!— ворчала она и вспоминала, какъ на одномъ мо-

сковскомъ балу хозяинъ подбѣжалъ къ щеголю, который явился первый въ длинныхъ штанахъ: «Что ты, говоритъ, за шутку выдумалъ? Вѣдь тебя приглашали на балъ танцовать, а не на мачту лазить, а ты нарядился матросомъ!»

— Съ двѣнадцатаго года Москва деженерировала, — вздыхала Наталья Кирилловна, когда Нина Львовна разсказывала ей московскія новости. — Поднялъ бы нашихъ стариковъ, далъ бы имъ взглянуть на Москву, — ахнули бы, на что она стала похожа. Ни сосьете, ни вельможества. Да, обмелѣла Москва! Такъ все идетъ, что часъ отъ часу хуже. И глаза ужъ не глядѣли бы, и не слушала про то, что дѣлается!

Единственнымъ гостемъ Натальи Кирилловны былъ старичокъ Фрындинъ. Ѳома Ѳомичъ, отставной бригадиръ временъ Суворовскихъ. Малаго роста, пріятной наружности, съ блѣдно-голубыми, какъ выцвѣтшія незабудочки, дѣтскими глазками, съ дѣтскою улыбочкою, съ тихимъ и ласковымъ голосомъ. Одѣтъ всегда съ чрезвычайной опрятностью: въ длиннополомъ коричневомъ кафтанѣ французскаго покроя, со стальными пуговицами, въ брызжахъ и манжетахъ, при шпагѣ, въ пудреной косичкѣ съ лентою. Должно быть, когда-то влюбленъ былъ въ бабушку и до конца жизни остался вѣренъ ей. Всегда чрезмѣрно почтителенъ; только играя въ мушку или ломберъ и входя въ азартъ, позволялъ себѣ шуточки: ска-

жетъ, бывало, «семь въ сердцахъ», вмѣсто «семь въ червяхъ».

— Ну, ну, перестань, батюшка, что за прибаутки, — ворчала старушка.

— И, матушка, Наталья Кирилловна, отчего и не побаловать себя; коротка-то вѣдь жизнь!— улыбался старичокъ своей тихой улыбкой.

Когда бабушкѣ хотѣлось подремать, онъ читалъ ей «Утѣхи любословія», или «Плоды меланхоліи, питательные для чувствительнаге сердца», а когда она скучала, старался ее позабавить какой-нибудь новостью.

— Вотъ, матушка, въ Сѣверной Пчелѣ пишутъ, будто китайцы учатъ обезьянъ щипать листья съ чайныхъ деревъ, потому что-де лучше людей по сучьямъ лазаютъ.

— Да ты все врешь? — сомнѣвалась бабушка. — Этакъ я и чаю пить не стану, изъ обезьяньихъ-то лапъ!

— Ничего, матушка, въ трехъ водахъ у нихъ лапки моютъ чистехонько, — утѣшалъ ее старичокъ.

А иногда любилъ пофилософствовать:

— Не бываетъ удовольственныхъ для человѣка временъ, коп бы не растворялись горестями слѣдующихъ въ большей пропорціи. Тихое же сердце къ радостямъ всегда отверсто. Вотъ я и радуюсь. Желаній никакихъ, именно никакихъ, въ семъ мірѣ уже не имѣю, и нѣтъ человѣка на

свѣтѣ меня счастливѣе, — говорилъ, принюхивая медленно щепотку табаку изъ золотой табакерки съ портретомъ императора Павла I и надписью: «По Богѣ онъ одинъ, я имъ и существую». И такая тишина была въ его улыбкѣ ясной, что можно было повѣрить тому, что онъ говорилъ.

Любилъ сравнивать прошлый вѣкъ съ нынѣшнимъ:

— Предки наши съ меньшимъ просвѣщеніемъ, но съ большимъ удовольствіемъ жили. Роскоши такой, какъ мы, не имѣли, но и страха и безпокойства тоже. Удивительно, что не хотятъ люди спокойно жить и по стопамъ своихъ предковъ слѣдовать. А что еще узрятъ внуки наши и правнуки, о томъ и подумать страшно!

Послѣ буйныхъ сходокъ заговорщиковъ, гдѣ раздавались рѣчи о мятежѣ, о крови, о Россіи, въ пожарѣ возстанія пылающей, возвращался Голицынъ въ тихій старый домъ, какъ въ сновидѣнье, царство призраковъ. Сновидѣнье разсѣется, призраки исчезнутъ — и жалѣть ихъ нечего: все разметать, разрушить въ старомъ домѣ такъ, чтобъ не осталось камня на камнѣ, — для этого онъ и шелъ на возстанье. Не хотѣлъ жалѣть, а все-таки жалѣлъ. Какъ будто проходили передъ нимъ въ послѣдній разъ и заглядывали въ глаза его съ тихою жалобою тихія тѣни прошлаго.

Когда въ тотъ день, 13-го декабря, вернувшись отъ Рылѣева, вошелъ онъ въ бабушкину

комнату, старушка, по обыкновенію, сидѣла въ низенькихъ креслахъ, у столика съ двумя восковыми свѣчами, и раскладывала гранпасьянсъ нескончаемый. Старичокъ Фрындинъ читалъ прошлогоднія вѣдомости. Нина Львовна вязала шарфъ, а Маринька мѣтила бѣлье.

Въ комнатѣ было жарко натоплено, накурено смолкою, такъ что Голицынъ немного задохся, со свѣжаго воздуха. Онъ наклонился поцѣловать ручку у бабушки. Фиделька залаяла и едва не укусила его за ногу. Попугай, дремавшій въ клѣткѣ, зашевелился, пріоткрылъ одинъ глазъ, поглядѣлъ на него и пробормоталъ сердитымъ голосомъ:

— Потапъ Потапычъ Потаповъ!

Все какъ всегда: уютно, тихо, сонно, недвижно, неизмѣнно, какъ въ вѣчности.

— Гдѣ опять пропадалъ? Что это, батюшка, на мѣстѣ не посидишь,съ утра до ночи по людямъ шляешься? — проворчала бабушка ласково.

— У дядюшки былъ, у князя Александра Николаевича. Отъ васъ поклонъ ему свезъ, — солгалъ Голицынъ, чтобъ отъ разспросовъ отдѣлаться.

— Да ты все врешь? Старикъ меня, чай, и не помнитъ.

— Помнитъ, бабушка. Кланяться велѣлъ и цѣловать ручку, — опять наклонился онъ, и Фиделька залаяла.

На минуту всѣ замолчали, и стало еще тише, уютнѣй, усыпительнѣй.

— Marie, полно глаза слѣпить. При свѣчахъ мѣтить нельзя. — сказала Нина Львовна.

Маринька сдѣлала еще нѣсколько стежковъ, закрѣпила нитку, откусила кончикъ и отложила работу.

— Поди-ка сюда, внучка. — позвала ее бабушка. — Что это ты нынче какая невеселая? Вотъ и личико блѣдное. Аль нездорова? — поцѣловала ее и по щекѣ погладила. — Хоть и бѣдна, а очень, очень при своемъ авантажѣ сегодня!

И, обратившись къ Нинѣ Львовнѣ, прибавила:

— Помплѣла-то какъ у насъ Маринька. Женишка бы ей хорошаго. — не нашего стараго хрыча Аквилонова. Брось-ка ты свои Черемушки, мать моя, переѣзжай ко мнѣ на житье, не поскучай старухою.—будешь довольна. И женишка найду настоящаго.

Нина Львовна молча потупилась и проворнѣе зашевелила спицами.

— А когда же вы обѣщанье ваше исполните, Марья Павловна? — сказалъ Голицынъ. Онъ видѣлъ, что ей тяжело, и хотѣлъ помочь отдѣлаться отъ бабушки.

— Какое обѣщанье, князь?

— Показать сувенирчики.

— Ахъ, да. Я съ удовольствіемъ, если бабушка позволитъ.

— Я бы тебѣ сама показала, батюшка, да что-то ноги ломитъ, встать не могу. Покажи ему, Маринька.

Старушка любила показывать гостямъ свои сувенирчики и хвастать ими, какъ ребенокъ.

Марья Павловна подошла съ Голицынымъ къ стеклянному шкапчику, отперла его и начала показывать старинныя вещицы — табакерки, бонбоньерки, медальоны, камеи, коробочки для мушекъ и пудры, саксонскаго фарфора куколки и чашечки.

— А это что? — спросилъ Голицынъ, указывая на маленькую вещицу изъ слоновой кости и золота.

— Блошная ловушечка. Видите, трубочка со множествомъ дырочекъ, снизу — глухія, а вверху — открытыя. Стволикъ, намазанный медомъ, ввертывается въ трубочку; блошки попадаютъ въ дырочки, прилипаютъ къ меду и ловятся, — объяснила Маринька. — Бабушка сказываетъ, что эти ловушечки носились на груди у модницъ на шелковой ленточкѣ.

— Надо же такое выдумать,—разсмѣялся Голицынъ.

Маринька посмотрѣла на него молча, съ тихою строгостью, и онъ понялъ, что не надо смѣяться: эти бѣдныя памятки стараго вѣка ей ми-

лы и дороги. Она, вѣдь, и сама немного похожа на нихъ; въ ея собственной прелести — благоуханіе прошлаго. Да, не надо смѣяться надъ прошлымъ: мы посмѣемся надъ нашими дѣдами, а наши внуки — надъ нами; каждому свой чередъ, и своя блошная ловушечка у каждаго.

— Маринька, какъ бы съ вами поговорить наединѣ? — быстро шепнулъ онъ ей на-ухо.

— Приходите ужо въ голубую диванную, — отвѣтила она такимъ же быстрымъ шопотомъ, заперла шкапикъ и вернулась къ бабушкѣ. Голицынъ потихоньку вышелъ изъ комнаты.

Бабушкинъ граппасьянсъ кончался. Всѣ слѣдили за нимъ съ любопытствомъ.

— Бубны-то, матушка, бубны къ червямъ! — волновался Ѳома Ѳомичъ.

— Отстань, батюшка! Чего суешься безъ толку, — сердилась Наталья Кирилловна.

— Письмо и дорога! Письмо и дорога! — не унимался Ѳома Ѳомичъ, то садился, то вскакивалъ, заглядывая въ карты черезъ плечо старушки.

— И вовсе не дорога, а смерть и марьяжъ,— возражала Нина Львовна, тоже вся въ волненіи.

— Ожидаемаго полученіе и фортуна неизмѣнная! — выложивъ послѣднюю карту, объявила бабушка торжественно.

— Ѳома Ѳомичъ, будьте добренькимъ, помо-

гите мнѣ пяльцы перетянуть, — сказала Маринька.

— Что это тебѣ на ночь глядя вздумалось, — удивилась Нина Львовна.

— Да я хочу завтра съ утра начать. А то нынче дни такіе короткіе; какъ сядешь за работу, такъ и стемнѣетъ, — покраснѣла Маринька до самыхъ ушей, — лгать не умѣла, — и, наклонившись къ матери, обняла ее. чтобы спрятать лицо. — Позвольте, маменька, голубушка, миленькая!

— Ну, ладно, ступай.

Миновавъ нѣсколько темныхъ комнатъ, гдѣ только ночники да лампадки теплились, Маринька съ Ѳомой Ѳомичемъ вошли въ голубую диванную. Здѣсь, у окна, за пяльцами съ начатой вышивкой — бѣлымъ попугаемъ на зеленомъ полѣ, должно быть, портретомъ Потапа Потапыча, — сидѣлъ Голицынъ.

— Ахъ, это вы, князь, — притворно удивилась Маринька и опять покраснѣла. — Ѳома Ѳомичъ, ради Бога, извините за безпокойство! Князь поможетъ мнѣ пяльцы перетянуть. Я и забыла, что онъ обѣщалъ мнѣ давеча...

— Что за безпокойство, сударыня, помилуйте! Такъ вы ужъ тутъ побудьте съ княземъ, а я пойду отдохну въ креслицахъ, что-то дрема долитъ. Да сонъ-то у меня чуткій, — небось, если пройдетъ аль скличетъ кто, услышу и доложу не-

медленно. Tout à vos ordres, mademoiselle, — шаркнулъ ножкой старичокъ съ любезностью.

Понялъ, въ чемъ дѣло. Мариньку любилъ, какъ родную, терпѣть не могъ Аквилонова, а Голицына считалъ такимъ женихомъ, что лучше не надо.

Когда Ѳома Ѳомичъ вышелъ, Маринька сѣла за пяльцы и наклонилась, тщательно разсматривая вышивку. Голицынъ сѣлъ рядомъ. Оба молчали.

— Ну, что же, князь, говорите, я слушаю, — улыбнулась она невольно. Онъ — тоже. И опять, какъ тогда, въ дилижансѣ, по пути изъ Москвы въ Петербургъ, оба смотрѣли другъ на друга, улыбаясь молча и чувствуя, что это молчаніе сближаетъ ихъ неудержимо растущею близостью. Какъ будто послѣ долгой разлуки увидѣлись и вспоминали, узнавали другъ друга съ удивленіемъ радостнымъ.

— Помните, Маринька, вы мнѣ намедни сказали, что, можетъ быть, у васъ нѣтъ жениха. Ну, такъ какъ же, есть или нѣтъ? — спросилъ Голицынъ.

— А вамъ на что? — опять наклонилась она къ вышивкѣ и потрогала пальчикомъ желтый хохолокъ Потапа Потапыча.

— Маринька, милая, вѣдь, вы же знаете на что, — взялъ онъ ее за руку, и она не отняла руки, только еще ниже опустила голову, такъ что

лицо ея почти закрыли висѣвшіе вдоль щекъ длинные локоны. Знала, что въ эту минуту судьба ея рѣшается. Хотѣла скрыть волненіе и не могла. Сердце билось такъ, что казалось, онъ услышитъ.

— Что съ вами? Что съ вами, Маринька? Отчего вы не хотите говорить со мной, какъ прежде? Отчего вы такая?

— Какая? Нѣтъ, я ничего... Нельзя же все шалить да ребячиться. Вѣдь, ужъ не маленькая. Пора и за умъ взяться. Жизнь не шутка.

«Жизнь — Хо».

Въ терпѣніи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца --

вспомнилось Голицыну.

— Ну, что жъ, не хотите говорить — и не надо. А только вѣрьте, что бы ни случилось, Маринька, вѣрьте, что есть у васъ другъ. Вѣрите? Этому-то вѣрите, да?

— Ну, конечно... — хотѣла она улыбнуться прежней улыбкой, но не могла. — Почти вѣрю, — кончила уже съ иною улыбкою, блѣдною, слабою.

— Почти? Развѣ можно вѣрить почти? А, впрочемъ, что же дѣлать, значитъ, не заслужилъ, — горько усмѣхнулся онъ и отпустилъ ея руку.

Опять замолчали, и обоимъ стало тяжело; оба чувствовали, что говорятъ не то, что надо; сло-

ва раздѣляли, какъ будто, послѣ краткаго свиданья, наступала вновь разлука вѣчная.

— Это все, князь, что вы хотѣли сказать?

— Нѣтъ, не все. Еще самое главное: когда будете рѣшать съ господиномъ Аквилоновымъ, то помните, что вы свободны: долгъ за имѣніе уплаченъ, и теперь ужъ никто у васъ не отниметъ Черемушекъ. Какъ хотите, такъ и рѣшайте: вы свободны, Маринька.

Радость мгновенно блеснула въ глазахъ ея и такъ же мгновенно потухла.

— Что вы говорите, князь? Долгъ заплаченъ? Кѣмъ?

— Все равно, кѣмъ.

— Какъ все равно? Судьбу мою рѣшаютъ, а я не знаю кто...

— Ахъ. Боже мой, не въ этомъ дѣло! Ну, если непремѣнно хотите знать кто... — залепеталъ Голицынъ и вдругъ покраснѣлъ, растерялся, какъ маленькій мальчикъ. — Ну, Ѳома Ѳомичъ заплатилъ, вотъ кто...

— Ѳома Ѳомичъ? Откуда же онъ деньги взялъ? Вѣдь онъ еще бѣднѣе нашего.

— А, право, не знаю, откуда. Должно быть, у бабушки...

— У бабушки? Да вѣдь, маменька еще сегодня утромъ говорила съ бабушкой, просила хоть часть заплатить, и бабушка ей наотрѣзъ отказа-

ла. Зачѣмъ вы говорите неправду, князь? Что у васъ на умѣ? — посмотрѣла на него Маринька долго, пристально. — Валеріанъ Михайловичъ, сейчасъ же, сейчасъ же говорите, кто заплатилъ, а если не скажете, я Богъ знаетъ что подумаю...

Онъ молчалъ, и она вдругъ поняла. Поблѣднѣла и встала, не сводя съ него глазъ.

— Такъ это вы?.. Ну, спасибо, князь! Вы очень добры. Сжалились надъ бѣдною дѣвушкою, облагодѣтельствовали...Но какъ же вы не подумали, что мы, хоть и бѣдныя, а, можетъ быть, не захотимъ принять вашего подарка... милостыни? Если бы у васъ была хоть капля не дружбы, а уваженія ко мнѣ и къ маменькѣ, вы бы этого не сдѣлали. А впрочемъ, я сама виновата, сама позволила... глупая дѣвчонка... глупая... глупая...

Закрыла лицо руками, опустилась на стулъ и заплакала. Худенькія плечики вздрагивали. Изъ-подъ сбившейся косынки обнажилась тоненькая шея и полудѣтская грудь; на этой груди, то подымавшейся, то опускавшейся отъ слезъ, выступали подъ смуглой кожей тонкія ключицы, тоже полудѣтскія.

«Дуракъ! Дуракъ! Что я надѣлалъ!» — схватился Голицынъ за голову. Не зналъ, что для него въ эту минуту важнѣе — освобожденіе Россіи, возстаніе, революція, или эта плачущая дѣвочка.

Маринька встала и, не отнимая рукъ отъ лица, пошла къ двери. Голицынъ бросился къ ней.

— Маринька... Марья Павловна, постойте, постойте, не уходите, дайте сказать, выслушайте, ради Бога, выслушайте!

— Пустите! Пустите!

Но онъ не пускалъ, держалъ ее за руки.

— Ну, дайте же, дайте сказать! Не могу я такъ. Маринька! Вѣдь, вотъ сейчасъ уйдете, и, можетъ быть, никогда не увидимся...

Она остановилась, прислушалась.

— Только минутку... Я только хочу... Да сядьте же, сядьте, — умолялъ онъ, тащилъ ее за руку.

И она покорилась, пошла за нимъ, сѣла на прежнее мѣсто.

— Дуракъ! Дуракъ! Всѣ умные люди дураки ужасные, это обо мнѣ сказано, — торопился онъ, сбивался и путался. — Ну, и пусть дуракъ! Но, если бъ я зналъ, что такъ выйдетъ... Неужели же вы меня такимъ подлецомъ считаете? Я хотѣлъ — просто... Вы сами намедни сказали, что можно — просто... Вѣдь, вы не знаете, Маринька, въ какихъ я сейчасъ обстоятельствахъ. Помните сказку: странникъ и верблюдъ въ пустынѣ: верблюдъ взбѣсился, странникъ въ колодецъ бросился, а тамъ кустъ малины... Ахъ, не то, не то! Я все не то говорю. Я съ ума схожу, Маринька... Не могу я вынести, что вы себя

губите, потому что Аквилоновъ — гибель, хуже всякой гибели... Вы давеча сказали, что почти вѣрите, что я вашъ другъ... Какъ это скучно, какъ страшно, что все въ жизни — п о ч т и, ничего — с о в с ѣ м ъ не бываетъ... Ахъ, не то, опять не то... Погодите, что я хотѣлъ?.. Да, если бы вашъ другъ, почти другъ, шелъ на смерть, на поединокъ, изъ котораго, можетъ быть, живъ не вернется, и пожелалъ вамъ сдѣлать добро, —заплатить этотъ проклятый долгъ за Черемушки, чтобы спасти васъ отъ гибели, — неужели вы не приняли бы, отказали бы въ послѣдней волѣ умирающему?

Она перестали плакать, отняла руки отъ лица и, еще не понимая словъ, вслушивалась въ голосъ его, вглядывалась въ лицо, простое, милое, дѣтское и такое жалкое, что опять, какъ тогда, въ первыя минуты сближенія, сердце ея сжималось отъ страха, какъ будто чуяло, что этому человѣку грозитъ бѣда — и надо помочь ему, остеречь, спасти.

— Я такъ и знала! Я такъ и знала! — всплеснула она руками. — Говорите, сейчасъ же говорите! Что это значитъ? Какая смерть? Какой поединокъ?

— Не спрашивайте, Маринька. Я не могу сказать.

— Невѣста?

— Какая невѣста?

— Опять забыли? Невѣста у васъ...

— Никакой невѣсты нѣтъ. Вѣдь, я же вамъ говорилъ...

— Говорили, что нѣтъ, а, можетъ быть, есть?

— Зачѣмъ вы мнѣ не вѣрите, Маринька? Развѣ не видите, что я говорю правду?

— Такъ что же, что? Да говорите же! Зачѣмъ вы меня мучаете? Что вы со мною дѣлаете!

— Не могу сказать, — повторилъ Голицынъ.

Отъ Ѳомы Ѳомича Маринька слышала, что «время теперь такое страшное», — императоръ Константинъ Павловичъ отказался отъ престола, и войска должны присягнуть Николаю, а если не присягнутъ, то можетъ быть бунтъ. «Ужъ не это-ли?» — подумала съ вѣщимъ ужасомъ.

— Я вамъ давеча неправду сказала, что почти вѣрю вамъ. Не почти, а совсѣмъ. И что бы ни случилось, буду вѣрить всегда. А только страшно, какъ страшно — знать и не знать. И что со мною будетъ, Господи!.. Валеріанъ Михайловичъ, милый, а нельзя, чтобъ этого не было?

— Нѣтъ, Маринька, нельзя.

— А когда?

— Не знаю. Скоро. Можетъ быть, завтра.

— Завтра? Такъ значитъ, уйдете — и, можетъ быть, никогда не увидимся?

Поблѣднѣла, наклонилась и положила ему руки на плечи. Онъ опустился на колѣни и руками обвилъ ея станъ.

— Родная, родная, любимая, единственная!

Вдругъ вспомнилъ Софью. Не измѣняетъ ли небесной для земной? Но нѣтъ, измѣны не было. Любилъ въ обѣихъ — земной и небесной — одну Единственную.

— Уйдете — и никогда, никогда, никогда не увидимся! — повторяла она и плакала; но это уже были не прежнія, горькія, а новыя, сладкія слезы любви.

— Нѣтъ, Маринька, увидимся. А если увидимся, вы меня не покинете?

Она наклонилась къ нему еще ниже, приблизила лицо къ лицу его, такъ что онъ почувствовалъ ея дыханіе. Они смотрѣли другъ на друга, улыбаясь, молча, и опять вспоминали, узнавали другъ друга, какъ сквозь вѣщій сонъ незапамятно-давній, много разъ видѣнный. Улыбки сближались, сближались — и, наконецъ, слились въ поцѣлуй.

— Родная! Родная! Родная! — повторялъ онъ, какъ будто въ одномъ этомъ словѣ было все, что онъ чувствовалъ. — Перекрестите меня, Маринька. Я, вѣдь, и за васъ, можетъ быть, на смерть иду.

— Почему за меня?

— Потомъ узнаете.

— Тоже нельзя сказать?

— Да, нельзя. Перекрестите же.

— Ну, Христосъ съ вами! Сохрани, помоги,

спаси, Матерь Пречистая! — благословила она его тѣми же словами, какъ нѣкогда Софья, и поцѣловала уже съ материнскою нѣжностью.

«Да, Матерь, Матерь Пречистая! — подумалъ онъ. — Родная мать-земля. Мать и Невѣста вмѣстѣ. На муку крестную, на смерть — за нее, за Россію, Матерь Пречистую!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Въ ночь съ 13 на 14 декабря, въ маленькихъ комнатахъ Рылѣева, въ послѣдній разъ собрались заговорщики. Здѣсь, ночью, такъ же какъ днемъ, толпились они, приходили и уходили. Но уже не кричали, не спорили, какъ давеча: рѣчи были тихи, лица торжественны: всѣ чувствовали, что наступила минута рѣшительная.

Пожилой человѣкъ, въ потертомъ зеленомъ фракѣ, высокомъ бѣломъ галстухѣ и черепаховыхъ очкахъ, съ лицомъ, какъ будто сухимъ и жесткимъ, а на самомъ дѣлѣ, восторженно-мечтательнымъ, отставной чиновникъ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора, баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Сѣвернаго Общества, читалъ невнятно и сбивчиво, по черновой измаранной:

— Въ манифестѣ отъ Сената объявляется: «Уничтоженіе бывшаго правленія.

«Учрежденіе Временнаго — до установленія постояннаго.
«Свободное тисненіе и уничтоженіе цензуры.
«Свободное исповѣданіе всѣхъ вѣръ.
«Равенство всѣхъ сословій передъ закономъ.
«Уничтоженіе крѣпостного состоянія.
«Гласность судовъ.
«Введеніе присяжныхъ.
«Уничтоженіе постоянной арміи».

— Ну, а какъ же мы все это сдѣлаемъ? — спросилъ кто-то.

— Очень просто, — отвѣтилъ Штейнгель. — Заставимъ Синодъ и Сенатъ объявить Верховную Думу Тайнаго Общества Временнымъ Правительствомъ, облеченнымъ властью неограниченной; раздадимъ министерства, арміи, корпуса и прочія начальства членамъ Общества и приступимъ къ избранію народныхъ представителей, кои долженствуютъ утвердить новый порядокъ правленія по всему государству Россійскому...

Каждый, кто входилъ въ эти маленькія комнатки, — сразу пьянѣлъ, точно крѣпкое вино бросалось ему въ голову; духъ захватывало отъ чувства могущества: что захотятъ, то и сдѣлаютъ; какъ рѣшатъ, такъ и будетъ.

«Ничего не будетъ, — думалъ Голицынъ. — А, можетъ быть, и будетъ? Безумцы, лунатики, планщики, а, можетъ быть, и пророки? Можетъ

быть. все это — не исполненіе, а знаменье: зарница, а не молнія? Но гдѣ была зарница, тамъ будетъ и молнія».

— Городъ Нижній-Новгородъ, подъ именемъ Славянска, будетъ новой столицей Россіи.— объявилъ Штейнгель.

Голицынъ, прищуривъ глаза, смотрѣлъ, какъ восковыя свѣчи тускло мерцаютъ въ облакахъ табачнаго дыма, и ему казалось, что онъ уже видитъ золотыя маковки Славянска, Града Грядущаго, Сіона русской вольности.

Инженерный подполковникъ Батенковъ, сутулый, костлявый, неповоротливый, медлительный, говорилъ съ трудомъ, точно тяжелые камни ворочалъ: курилъ трубку съ длиннымъ бисернымъ чубукомъ и, усиленно затягиваясь, казалось, недостающія слова изъ нея высасывалъ. Герой Двѣнадцатаго года, потерявшій въ сраженьѣ при Монмиралѣ команду съ пушками «отъ чрезмѣрной храбрости», —былъ мастеромъ на рукодѣлье женское, любилъ вышивать по канвѣ. И теперь тоже по канвѣ вышивалъ — мечталъ о своемъ участіи во Временномъ Правительствѣ, вмѣстѣ со Сперанскимъ, генераломъ Ермоловымъ, архіепископомъ Филаретомъ и Пестелемъ.

Предлагалъ «обратить военныя поселенія Аракчеева въ національную гвардію — garde nationale, и передать Петропавловскую крѣ-

ность муниципалитету, помѣстивъ въ оной городовой совѣтъ съ городовою стражею».

— У насъ въ Россіи ничего не стоитъ сдѣлать революцію: только объявить Сенату да послать печатные указы, то присягнуть безъ затрудненія. Или взять немного войскъ да пройти съ барабаннымъ боемъ отъ полка къ полку, — и можно бы произвести славныхъ дѣлъ множество!

— По крайней мѣрѣ, о насъ будетъ странička въ исторіи! — воскликнулъ драгунскій штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ и, поднявъ глаза къ небу, прибавилъ чувствительно:

— Боже мой, неужели отечество не усыновитъ насъ?..

— Ну, ужъ это лучше оставьте, — проговорилъ Оболенскій сухо и поморщился.

Лейбъ-гренадерскій полковникъ Булатовъ, хорошенькій, тоненькій, бѣленькій, похожій на фарфоровую куколку, съ голубыми удивленными глазами, съ удивленнымъ и какъ будто немного полоумнымъ личикомъ, слушалъ всѣхъ съ одинаковымъ вниманіемъ, словно хотѣлъ что-то понять и не могъ.

— Одно только скажу вамъ, друзья мои: если я буду въ дѣйствіи, то и у насъ явятся Бруты, а, можетъ быть, и превзойдутъ тѣхъ революціонистовъ, — вдругъ началъ и не кончилъ, сконфузился.

— Какой же планъ возстанія? — спросилъ Голицынъ.

— Нашъ планъ такой,—отвѣтилъ Рылѣевъ.— Говорить противъ присяги, кричать по полкамъ, что Константина принудили, и что отказъ по письму недостаточенъ, пусть манифестомъ объявитъ, а лучше самъ пріѣдетъ. Когда же полки возмутятся, вести ихъ прямо на площадь.

— А много ли будетъ полковъ? — полюбопытствовалъ Батенковъ.

— А вотъ считайте: Измайловскій весь, Финляндскаго батальонъ, московцевъ двѣ роты, лейбъ-гренадеръ тоже двѣ роты, морской экипажъ весь, кавалеріи часть, а также артиллеріи.

— Не надо артиллеріи, холоднымъ оружіемъ справимся! — опять выскочилъ Булатовъ.

— Успѣхъ несомнителенъ! Успѣхъ несомнителенъ! — закричали всѣ.

— Ну, а что же мы будемъ дѣлать на площади? — спросилъ Оболенскій.

— Представимъ Сенату манифестъ о конституціи, а потомъ прямо во дворецъ и арестуемъ царскую фамилію.

— Легко сказать: арестуемъ. Ну, а если убѣгутъ? Дворецъ великъ и выходовъ въ немъ множество.

— Недурно бы достать планъ, — посовѣтовалъ Батенковъ.

— Царская фамилія не иголка: когда дѣло дойдетъ до ареста, не спрячется, — разсмѣялся Бестужевъ.

— Да вѣдь, мы и не думаемъ, чтобы однимъ занятіемъ дворца успѣли кончить все, — продолжалъ Рылѣевъ. — Но если государь бѣжитъ со всею фамиліею, довольно и этого: тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ. Надобно нанесть первый ударъ, а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Помните, друзья, успѣхъ революціи въ одномъ словѣ: дерзай! — воскликнулъ онъ и, подобно развѣваемому вѣтромъ пламени, весь трепетно-стремительный, легкій, летящій, сверкающій, такъ былъ хорошъ въ эту минуту, какъ никогда.

— Вы, молодые люди, о русскомъ солдатѣ никакого понятія не имѣете, а я его знаю вдоль и поперекъ, — заговорилъ штабсъ-капитанъ Якубовичъ, худощавый, смуглолицый, похожій на цыгана, съ черной повязкой на головѣ прострѣленной, «кавказскій герой». — Кабаки разбить, вотъ съ чего надо начать, а когда перепьются, какъ слѣдуетъ, — солдаты въ штыки, мужики въ топоры, — пусть пограбятъ маленько; да краснаго пѣтуха пустить, поджечь городъ съ четырехъ концовъ, чтобъ и праху нѣмецкаго не было, а потомъ вынести изъ какой-нибудь церкви хоругви, да крестнымъ ходомъ во дворецъ,

захватить царя, огласить республику — и дѣло съ концомъ!

— Любо! Любо! Вотъ это по-нашему! Къ чорту всѣхъ филантропишекъ! — закричалъ, забушевалъ князь Щепинъ. — Скорѣе! Скорѣе! Утра ждать нечего! Сію же минуту, немедленно!

Вскочилъ — и всѣ повскакали, какъ будто и вправду готовы были бѣжать, сами не зная, куда и зачѣмъ.

— Что вы, господа, помилуйте! Куда же теперь, ночью? До объявленія присяги солдаты не двинутся. И развѣ не видите, Якубовичъ шутитъ?

— Нѣтъ, не шучу. А, впрочемъ, если вамъ угодно за шутку принять... — усмѣхнулся Якубовичъ двусмысленно.

— Нѣтъ, друзья, подвизаясь къ поступку великому, мы не должны употреблять средства низкія. Для чистаго дѣла чистыя руки нужны. Да не осквернится же святое пламя вольности! — заговорилъ опять Рылѣевъ и, мало-по-малу, всѣ приходили въ себя, утихали, опоминались.

Въ уголку, у печки, за отдѣльнымъ столикомъ, уставленымъ бутылками, сидѣли Кюхельбекеръ и Пущинъ.

Коллежскій асессоръ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, или по-просту Кюхля, русскій нѣмецъ, издатель журнала «Мнемозина», молодой человѣкъ, бѣлобрысый, пучеглазый, долго-

вязый и неуклюжій, какъ тотъ большой вялый комаръ, который называется «караморой», — по собственному признанію, «ничего не дѣлалъ, какъ только писалъ стихи и мечталъ о будущемъ усовершеніи рода человѣческаго»; не былъ даже членомъ Тайнаго Общества, зато участвовалъ въ иномъ тайномъ обществѣ — Московскихъ «любомудровъ»,поклонниковъ Шеллинга.

Надворный судья Иванъ Ивановичъ Пущинъ, лицейскій товарищъ Пушкина, его старинный собутыльникъ. «вѣтреный мудрецъ», по слову поэта, имѣвшій слабость къ вину, картамъ и женщинамъ, покинулъ блестящую военную карьеру и поступилъ маленькимъ чиновникомъ въ уголовный департаментъ Московскаго Надворнаго Суда, чтобы доказать примѣромъ, что можно приносить пользу отечеству и въ самой скромной должности, распространяя добрыя чувства и понятія. «Маремьяна-старица», «Мать-Софья-о-всѣхъ-сохнетъ» — эти лицейскія прозвища очень подходили къ добротѣ его, хлопотливой, неутомимой и равной ко всѣмъ. Какой нибудь споръ двухъ старыхъ лавочницъ у Иверской о моткѣ нитокъ выслушивалъ онъ съ такимъ терпѣніемъ, какъ будто шла рѣчь о дѣлѣ государственной важности.

Кюхельбекеръ съ Пущинымъ вели бесѣду о натуръ-философіи.

— Абсолютъ есть Божественный Нуль, въ коемъ успокаиваются плюсъ и минусъ, идеальное и вещественное. Понимаете, Пущинъ?

— Ничего не понимаю, Кюхля. Нельзя ли попроще?

— А попроще — такъ. Натура есть гіероглифъ, начертанный Высочайшею Премудростью, отраженіе идеальнаго въ вещественномъ. Вещественное равно отвлеченному; вещественное есть то же отвлеченное, но только разрозненное и конечное. Понимаете?

Пущинъ глядѣлъ на него глазами слегка осовѣлыми — выпилъ лишнее — и слушалъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ тѣхъ двухъ лавочницъ у Иверской.

Отставной армейскій поручикъ Каховскій, съ голоднымъ, тощимъ лицомъ, тяжелымъ-тяжелымъ, точно каменнымъ, съ надменно оттопыренной нижней губой и глазами жалобными, какъ у больного ребенка или собаки, потерявшей хозяина, расхаживалъ изъ залы въ кабинетъ, все по одной и той же линіи, отъ печки къ окну, туда и назадъ, туда и назадъ, однообразно-утомительно, какъ маятникъ.

— Будетъ вамъ шляться, Каховскій, — окликнулъ его Пущинъ.

Но тотъ ничего не отвѣтилъ, какъ будто не слышалъ, и продолжалъ ходить.

— Вещественное и отвлеченное одно и то же,

только въ двойственной формѣ. Идея сего совершеннаго единства и есть Абсолютъ. Искомое условіе всѣхъ условій — Безусловъ. Ну, теперь поняли? — заключилъ Кюхельбекеръ.

— Ничего не понялъ. И какой же ты, право, Кюхля, удивительный! Въ этакую минуту думаешь о чемъ! Ну, а завтра на площадь пойдешь?

Каховскій вдругъ остановился и прислушался.

— Пойду.

— И стрѣлять будешь?

— Буду.

— А какъ же твой абсолютъ?

— Мой абсолютъ совершенно съ этимъ согласенъ. Брань вѣчная должна существовать между добромъ и зломъ. Познанье и добродѣтель — одно и то же. Познанье есть жизнь, и жизнь есть познанье. Чтобы хорошо дѣйствовать, надо хорошо мыслить! — воскликнулъ Кюхля и, неуклюжій, нелѣпый, уродливый, но весь просвѣтлѣвшій свѣтомъ внутреннимъ, былъ почти прекраснъ въ эту минуту.

— Ахъ, ты мой Абсолютикъ, Безусловикъ миленькій! Цапля ты моя долговязая! — разсмѣялся Пущинъ и полѣзъ къ нему цѣловаться.

— Напрасно смѣяться изволите, — вдругъ вмѣшался Каховскій. — Онъ говоритъ самое нужное. Все пустяки передъ этимъ. Если стоитъ для чего-нибудь дѣлать революцію, такъ вотъ

только для этого. Чтобы можно было жить, міръ долженъ быть оправданъ весь! — наклонившись къ Пущину, поднялъ онъ передъ самымъ лицомъ его указательный палецъ съ видомъ угрожающимъ; потомъ выпрямился, круто повернулся на каблукахъ и опять зашагалъ, зашатался, какъ маятникъ.

Было поздно. Казачокъ Филька давно уже храпѣлъ, неестественно скорчившись на жесткой выпуклой крышкѣ платянаго ящика въ прихожей, подъ вѣшалкой. Гости расходились. Въ кабинетѣ Рылѣева собралось нѣсколько человѣкъ для послѣдняго совѣта.

— А, вѣдь, мы, господа, такъ и не рѣшили главнаго, — сказалъ Якубовичъ.

— Что же главное? — спросилъ Рылѣевъ.

— Будто не знаете? Что дѣлать съ царемъ и съ царской фамиліей, вотъ главное. — посмотрѣлъ на него Якубовичъ пристально.

Рылѣевъ молчалъ, потупившись, но чувствовалъ, что всѣ на него смотрятъ и ждутъ.

— Захватить и задержать ихъ подъ стражею до съѣзда Великаго Собора, который долженъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ, — отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Подъ стражею? — покачалъ головою Якубовичъ сомнительно. — А кто устережетъ царя? Неужели вы думаете, что приставленные къ нему часовые не оробѣютъ отъ одного взгляда его?

Нѣтъ, Рылѣевъ, арестованье государя произвело бы неминуемую гибель нашу или гибель Россіи — войну междоусобную.

— Ну, а вы-то сами, Якубовичъ, какъ думаете? — вдругъ заговорилъ все время молчавшій Голицынъ. Давно ужъ злилъ его насмѣшливый видъ Якубовича. «Дразнитъ, хвастаетъ, а самъ, должно быть, труситъ!»

— Да я что жъ? Я какъ всѣ, — увильнулъ Якубовичъ.

— Нѣтъ, отвѣчайте прямо. Вы задали вопросъ, вы и отвѣчайте, — все больше злился Голицынъ.

— Извольте. Ну, вотъ, господа, если нѣтъ другихъ средствъ, насъ тутъ шесть человѣкъ...

Каховскій, продолжая расхаживать, вошелъ въ кабинетъ и, дойдя до окна, повернулся, чтобы идти назадъ, но вдругъ опять остановился и прислушался.

— Нѣтъ, семь, — продолжалъ Якубовичъ, взглянувъ на Каховскаго. — Метнемте жребій: кому достанется, — долженъ убить царя или самъ будетъ убитъ.

«А, можетъ быть, и не хвастаетъ», подумалъ Голицынъ, и вспомнились ему слова Рылѣева: «Якубовича я знаю за человѣка, презирающаго жизнь свою и готоваго ею жертвовать во всякомъ случаѣ».

— Ну, что жъ, господа, согласны? — обвелъ Якубовичъ всѣхъ глазами съ усмѣшкой.

Всѣ молчали.

— А вы думаете, что такъ легко рука можетъ подняться на государя? — проговорилъ, наконецъ, Батенковъ.

— Нѣтъ, не думаю. Покуситься на жизнь государя не то, что на жизнь простого человѣка...

— На священную особу государя императора, — опять разозлился Голицынъ. Но Якубовичъ не понялъ.

— Вотъ, вотъ, оно самое! — продолжалъ онъ. — Священная Особа. Помазанникъ Божій! Это у насъ у всѣхъ въ крови. Революціонисты, безбожники, а все-таки русскіе люди, крещеные. Не подлецы же, не трусы. — всѣ умремъ за благо отечества. Ну, а какъ до царя дойдетъ, рука не подымается, сердце откажетъ. Въ сердцѣ-то царя убить труднѣй, чѣмъ на площади...

— Цыцъ! Молчать! — вдругъ закричалъ Каховскій такъ, неожиданно, что всѣ оглянулись на него съ удивленіемъ.

— Что съ вами, Каховскій?—удивился Якубовичъ такъ, что даже не обидѣлся. — На кого вы кричите?

— На тебя, на тебя! Молчать! Не смѣть говорить объ этомъ! Смотри у меня! — погрозилъ онъ ему кулакомъ и хотѣлъ еще что-то прибавить, но только рукой махнулъ и проворчалъ се-

бѣ подъ носъ: — О, болтуны проклятые! — повернулся, и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ назадъ все по тому же пути, изъ кабинета въ залу. Опять зашагалъ, зашатался, какъ маятникъ, съ лицомъ, какъ у соннаго.

«Лунатикъ», подумалъ Голицынъ.

— Да что онъ рехнулся, что ли? — вскочилъ Якубовичъ въ бѣшенствѣ.

Рылѣевъ удержалъ его за руку.

— Оставьте его. Развѣ не видите, онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.

Въ эту минуту Каховскій опять вошелъ въ кабинетъ. Якубовичъ вглядѣлся въ него и плюнулъ.

— Тьфу! Сумасшедшій! Берегитесь, Рылѣевъ, онъ вамъ бѣды надѣлаетъ!

— Ошибаетесь, Якубовичъ, — проговорилъ Голицынъ спокойно. — Каховскій въ полномъ разсудкѣ. А сказалъ онъ то, что надо было сказать.

— Что надо? Что надо? Да говорите толкомъ, чортъ бы васъ побралъ!

— Довольно говорили. Много скажешь — мало сдѣлаешь.

— Да ужъ и вы, Голицынъ, не рехнулись ли?

— Послушайте, сударь, я не охотникъ до ссоръ. Но если вы непремѣнно желаете...

— Да будетъ вамъ! Нашли время ссориться. Эхъ, господа, какъ вамъ не стыдно! — прогово-

рилъ Рылѣевъ съ такимъ горькимъ упрекомъ, что оба сразу опомнились.

— Ваша правда, Рылѣевъ, — сказалъ Голицынъ. — Утро вечера мудренѣе. Завтрашній день насъ всѣхъ разсудитъ. Ну, а теперь пора по домамъ!

Онъ всталъ, и всѣ — за нимъ. Хозяинъ проводилъ гостей въ прихожую. Здѣсь, по русскому обычаю, уже стоя въ шинеляхъ и шубахъ, опять разговорились. Храпѣвшаго Фильку растолкали и выслали въ кухню, чтобъ не мѣшалъ.

Такое чувство было у всѣхъ, что, послѣ давешняго разговора о цареубійствѣ, все снова смѣшалось и спуталось, — ничего не рѣшили и никогда не рѣшатъ.

— Принятыя мѣры весьма неточны и неопредѣлительны, — началъ Батенковъ.

— Да вѣдь, нельзя же дѣлать репетиціи, — замѣтилъ Бестужевъ.

— Войска выйдутъ на площадь, а потомъ — что удастся. Будемъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, — заключилъ Рылѣевъ.

— Теперь разсуждать нечего, наше дѣло слушаться приказовъ начальника, — подтвердилъ Бестужевъ. — А, кстати, гдѣ же онъ самъ, начальникъ-то нашъ? Что онъ все прячется?

— Трубецкой сегодня не очень здоровъ, — объяснилъ Рылѣевъ.

— А завтра... все-таки будетъ завтра на площади?

Страхъ пробѣжалъ по лицамъ у всѣхъ.

— Что вы, Бестужевъ, помилуйте! — возмутился Рылѣевъ такъ искренно, что всѣ успокоились.

— Ну, господа, теперь Богъ управитъ все остальное. Съ Богомъ! Съ Богомъ! — сказалъ Оболенскій.

Якубовичъ, Бестужевъ и Батенковъ вышли вмѣстѣ. Голицынъ и Оболенскій стояли въ прихожей, прощаясь съ Рылѣевымъ.

Каховскій, все еще ходившій по залѣ, увидѣвъ, наконецъ, что всѣ расходятся, тоже вышелъ въ прихожую и сталъ надѣвать шинель. Лицо у него было все такое же сонное — лицо «лунатика».

Рылѣевъ подошелъ къ нему.

— Что съ тобой, Каховскій? Нездоровится?

— Нѣтъ, здоровъ. Прощай.

Онъ пожалъ ему руку, повернулся и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

— Постой, мнѣ надо тебѣ два слова сказать, — остановилъ его Рылѣевъ.

Каховскій поморщился.

— Охъ, еще говорить! Зачѣмъ?

— Ну, можно и безъ словъ.

Рылѣевъ отвелъ его въ сторону, вынулъ что-то изъ бокового кармана и потихоньку сунулъ ему въ руку.

— Что это? — удивился Каховскій и поднялъ руку. Въ ней былъ кинжалъ.

— Забылъ? — спросилъ Рылѣевъ.

— Нѣтъ, помню, — отвѣтилъ Каховскій. — Ну, что жъ, спасибо за честь!

Это былъ знакъ, давно между ними условленный: получившій кинжалъ избирается Верховною Думою Тайнаго Общества въ цареубійцы.

Рылѣевъ положилъ ему руки на плечи и заговорилъ торжественно; видно было, что слова заранѣе обдуманы, сочинены, можетъ быть, для потомства: «Будетъ и о насъ страничка въ исторіи», какъ давеча сказалъ Бестужевъ.

— Любезный другъ, ты спръ на сей землѣ. Я знаю твое самоотверженіе. Ты можешь быть полезнѣй, чѣмъ на площади: убей царя.

Рылѣевъ хотѣлъ его обнять, но Каховскій отстранился.

— Какъ же это сдѣлать? — спросилъ онъ спокойно, какъ будто задумчиво.

— Надѣнь офицерскій мундиръ и рано поутру, до возмущенія, ступай во дворецъ и тамъ убей. Или на площади, когда выѣдетъ, — сказалъ Рылѣевъ.

Что-то медленно-медленно открывалось въ лицѣ Каховскаго, какъ у человѣка, который хочетъ

и не можетъ проснуться; наконецъ, открылось. Сознаніе блеснуло въ глазахъ, какъ будто только теперь онъ понялъ, съ кѣмъ и о чемъ говоритъ. Лунатикъ проснулся.

— Ну, ладно, — проговорилъ, блѣднѣя, но все такъ же спокойно-задумчиво. — Я — его, а ты — всѣхъ? Ты-то всѣхъ — рѣшилъ?

— Зачѣмъ же всѣхъ? — прошепталъ Рылѣевъ, тоже блѣднѣя.

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь ты самъ говорилъ: одного мало, надо всѣхъ!

Рылѣевъ этого никогда не говорилъ, даже думать объ этомъ боялся.

Онъ молчалъ. А Каховскій все больше блѣднѣлъ и какъ будто впивался въ него горящимъ взоромъ.

— Ну, что жъ ты молчишь? Говори. Аль и сказать нельзя? Сказать нельзя, а сдѣлать можно?

Вдругъ лицо его исказилось, ротъ скривился въ усмѣшку, надменно оттопыренная нижняя губа запрыгала.

— Ну, спасибо за честь! Лучше меня никого не нашлось, такъ и я пригодился? А вы-то всѣ что же? Аль въ крови не охота пачкаться? Ну, еще бы! Честные люди, благородные! А я — меня только свистни! Злодѣй обреченный! Отверженное лицо! Низкое орудіе убійства! Кинжалъ въ рукахъ твоихъ!

— Что ты, что ты, Каховскій! Никто не принуждаетъ тебя. Ты же самъ хотѣлъ...

— Да, самъ! Какъ самъ захочу, такъ и сдѣлаю! Пожертвую собой для отечества, но не для тебя, не для Общества. Ступенькой никому не лягу подъ ноги. О, низость, низость! Готовилъ меня быть кинжаломъ въ рукахъ твоихъ, потерялъ разсудокъ, склоняя меня. Думалъ, что очень тонокъ, а такъ былъ грубъ, что я не знаю, какой бы дуракъ не понялъ тебя! Наточилъ кинжалъ, но берегись — уколешься!

— Петя, голубчикъ, что ты говоришь!— сложилъ и протянулъ къ нему руки Рылѣевъ съ мольбою. — Да развѣ мы не всѣ вмѣстѣ? Развѣ ты не съ нами?

— Не съ вами, не съ вами! Никогда я не былъ и не буду съ вами! Одинъ! Одинъ! Одинъ!

Больше не могъ говорить — задыхался. Весь дрожалъ, какъ въ припадкѣ. Лицо потемнѣло и сдѣлалось страшнымъ, какъ у одержимаго.

— Вотъ тебѣ кинжалъ твой! И если ты еще когда-нибудь осмѣлишься, — я тебя!.. — одной рукой занесъ кинжалъ надъ головой Рылѣева, другой — схватилъ его за воротъ. Оболенскій и Голицынъ хотѣли кинуться на помощь къ Рылѣеву. Но Каховскій отбросилъ кинжалъ, — ударившись объ полъ, клинокъ зазвенѣлъ, — оттолкнулъ Рылѣева съ такою силою, что онъ едва не упалъ, и выбѣжалъ на лѣстницу.

Одно мгновеніе Рылѣевъ стоялъ, ошеломленный. Потомъ выбѣжалъ за нимъ и, нагнувшись черезъ перила лѣстницы, позвалъ его съ мольбой отчаянной:

— Каховскій! Каховскій! Каховскій!

Но отвѣта не было. Только гдѣ-то далеко, должно быть изъ воротъ на улицу, тяжелая калитка съ гуломъ захлопнулась.

Рылѣевъ постоялъ еще минуту, какъ будто ожидая чего-то; потомъ вернулся въ прихожую.

Всѣ трое молчали, потупившись и стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо.

— Сумасшедшій! — произнесъ, наконецъ, Рылѣевъ. — Правду говоритъ Якубовичъ: бѣды еще надѣлаетъ, погубитъ насъ всѣхъ.

— Вздоръ! Никого не погубитъ, кромѣ себя, — возразилъ Оболенскій. — Несчастный. Всѣ мы несчастные, а онъ пуще всѣхъ. Въ такую минуту — одинъ. Одинъ за всѣхъ на муку идетъ — больше этой муки нѣтъ на землѣ... И за что ты его обидѣлъ, Рылѣевъ?

— Я его обидѣлъ?

— Да, ты. Развѣ можно сказать человѣку: убей?

— «Сказать нельзя, а сдѣлать можно?» — повторилъ Рылѣевъ слова Каховскаго съ горькой усмѣшкой.

Оболенскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, покра-

снѣлъ, такъ же, какъ давеча, въ разговорѣ съ Голицынымъ.

— Не знаю, можно ли сдѣлать. Но лучше самому убить, чѣмъ другому сказать: убей, — проговорилъ онъ тихо, со страшнымъ усильемъ.

И опять всѣ трое замолчали. Рылѣевъ опустился на сундукъ подъ вѣшалкой, Филькино ложе, уперся локтями въ колѣни и склонилъ голову на руки.

Оболенскій присѣлъ рядомъ съ нимъ и гладилъ его по головѣ, какъ больного ребенка, съ тихою ласкою.

Молчаніе длилось долго.

Наконецъ Рылѣевъ поднялъ голову. Такъ же, какъ сегодня утромъ, онъ казался тяжело-больнымъ; сразу поблѣднѣлъ, осунулся, какъ будто весь поникъ, потухъ: былъ огонь — сталъ пепелъ.

— Тяжко, братья, тяжко! Сверхъ силъ! — простоналъ съ глухимъ рыданіемъ.

— А помнишь, Рылѣевъ,—заговорилъ Оболенскій, продолжая гладить его по головѣ все съ тою же тихою ласкою: — «Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ».

— Какія слова! — удивился Рылѣевъ. — Кто это сказалъ?

— Забылъ? Ну, ничего, когда-нибудь вспом-

нишь. И еще, слушай: «Вы теперь имѣете печаль, но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ». Такъ-то, Рылѣюшка: будетъ скорбь, будетъ и радость, и радости нашей никто не отниметъ у насъ!

На глазахъ Рылѣева блестѣли слезы, и онъ улыбался сквозь слезы. Всталъ и положилъ руку на плечо Голицына.

— Помните, Голицынъ, какъ вы однажды сказали мнѣ: «хоть вы и не вѣрите въ Бога, а помоги вамъ Богъ»?

— Помню, Рылѣевъ.

— Ну, вотъ, и теперь скажите такъ, — началъ Рылѣевъ и не кончилъ, вдругъ покраснѣлъ, застыдился.

Но Голицынъ понялъ, перекрестилъ его и сказалъ:

— Помоги вамъ Богъ, Рылѣевъ! Христосъ съ вами! Съ нами со всѣми Христосъ!

Рылѣевъ обнялъ одной рукой Голицына, другой — Оболенскаго, привлекъ обоихъ къ себѣ, и уста ихъ слились въ тройной поцѣлуй.

Сквозь страхъ, сквозь боль, сквозь муку крестную была великая радость, и они уже знали, что радости этой никто не отниметъ у нихъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Съ Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня», — вспомнилъ Голицынъ слова Пушкина, сказанныя Пестелю, когда утромъ 14 декабря вышелъ на Сенатскую площадь и взглянулъ на памятникъ Петра.

Пасмурное утро, туманное, тихое, какъ будто задумалось, на что повернуть, на морозъ или оттепель. Адмиралтейская игла воткнулась въ низкое небо, какъ въ бѣлую вату. Мостки черезъ Неву уходили въ бѣлую стѣну, и казалось, тамъ, за Невою, нѣтъ ничего — только бѣлая мгла, пустота — конецъ земли и неба, край свѣта. И Мѣдный Всадникъ на мѣдномъ конѣ скакалъ въ эту бѣлую тьму кромѣшную.

Поглядывая на пустую площадь, Голицынъ ходилъ взадъ и впередъ по набережной. Увидѣлъ издали Ивана Ивановича Пущина и подошелъ къ нему.

— Кажется, въ восемь? — спросилъ Голицынъ.

— Да, въ восемь, — отвѣтилъ Пущинъ.

— А ужъ скоро девять? И никого?

— Никого.

— Куда же всѣ дѣвались?

— Не знаю.

— А что Рылѣевъ?

— Должно быть, спитъ. Любитъ долго спать.

— Охъ, какъ бы намъ не проспать Россійской вольности!

Помолчали, походили, ожидая, не подойдетъ ли кто. Нѣтъ, никого.

— Ну, я пойду, — сказалъ Пущинъ.

— Куда вы? — спросилъ Голицынъ.

— Домой.

Пущинъ ушелъ, а Голицынъ продолжалъ расхаживать взадъ и впередъ по набережной.

Баба, въ обмерзшемъ платьѣ, съ посинѣвшимъ лицомъ, полоскала бѣлье въ проруби. Старичокъ-фонарщикъ, опустивъ на блокѣ фонарь съ деревяннаго столба, забрызганнаго еще лѣтнею грязью, наливалъ конопляное масло въ жестяную лампочку. Разносчикъ на ларѣ раскладывалъ мятныя жамки, въ видѣ рыбокъ, бѣлыхъ и розовыхъ, леденцы, въ видѣ пѣтушковъ прозрачныхъ, желтенькихъ и красненькихъ.

Мальчишка изъ мелочной лавочки, въ грязномъ передникѣ, съ пустой корзиной на головѣ,

остановился у панели и, грызя сѣмечки, съ любопытствомъ разглядывалъ Голицына: можетъ быть, зналъ по опыту, что если баринъ ждетъ, то будетъ и барышня. И Голицыну тоже казалось, что онъ ждетъ, —

Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.

Мальчишка надоѣлъ ему. Онъ перешелъ съ набережной на Адмиралтейскій бульваръ и началъ расхаживать по одной сторонѣ, а по другой — господинъ въ темныхъ очкахъ, въ гороховой шинели: пройдетъ туда и поглядитъ, какъ будто спроситъ: «Ну, что жъ, будетъ ли что?» — пройдетъ оттуда и какъ будто отвѣтитъ: «Что-нибудь да будетъ, посмотримъ!»

«Сыщикъ», подумалъ Голицынъ и, зайдя за уголъ, сѣлъ на скамью, притаился.

— Бывало, какъ недалеки времена, копеечнаго калачика и на сегодня, и на завтра хватаетъ, а тутъ вдругъ съ девятью копейками и къ лотку не подходи, — торговалась старушка-салопница съ бабой-калачницей и глазами искала сочувствіе у Голицына. А надъ головой его, на голомъ суку, ворона, разѣвая черный клювъ съ чѣмъ-то краснымъ, какъ кровь, каркала.

«Ничего не будетъ! Ничего не будетъ!» подумалъ Голицынъ.

И вдругъ ему сдѣлалось скучно, тошно, холод-

но. Всталъ и, перейдя Адмиралтейскую площадь, вошелъ въ кофейню Лореда, на углу Невскаго, рядомъ съ домомъ Главнаго Штаба.

Здѣсь горѣли лампы — дневной свѣтъ едва проникалъ въ подвальныя окна; было жарко натоплено; пахло горячимъ хлѣбомъ и кофеемъ. Стукъ биллiардныхъ шаровъ доносился изъ сосѣдней комнаты.

Голицынъ присѣлъ къ столику и велѣлъ подать себѣ чаю. Рядомъ, двое молоденькихъ чиновниковъ читали вслухъ манифестъ о восшествiи на престолъ императора Николая I.

— «Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ... Въ сокрушенiи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, мы принесли присягу на вѣрность старѣйшему брату нашему, государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наслѣднику престола Всероссiйскаго»...

Когда дѣло дошло до отреченiя Константина и второй присяги, читавшiй остановился.

— Понимаете? — спросилъ онъ громкимъ шопотомъ, такъ что Голицынъ не могъ не слышать.

— Понимаю, — отвѣтилъ слушавшiй. — Сколько же будетъ присягъ? Сегодня — одному, завтра — другому, а тамъ, пожалуй, и третьему...

— «Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ под-

данныхъ соединить теплыя мольбы ихъ къ Всевышнему, да укрѣпитъ благія намѣренія наши, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами государя, да будетъ царствованіе наше токмо продолженіемъ царствованія его»... Понимаете?

— Понимаю: на колу мочала, начинай сначала!

«Тоже, вѣрно, сыщики», подумалъ Голицынъ, отвернулся, взялъ со стола истрепанную книжку Благонамѣреннаго и сдѣлалъ видъ, что читаетъ.

Гремя саблею, вошелъ конногвардейскій корнетъ и заказалъ продавщицѣ-француженкѣ фунтъ конфетъ, «лимонныхъ, кисленькихъ».

Голицынъ узналъ князя Александра Ивановича Одоевскаго, поздоровался и отвелъ его въ сторону.

— Откуда ты?

— Изъ дворца. На караулѣ всю ночь простоялъ.

— Ну, что?

— Да ничего. Только что графъ Милорадовичъ у государя былъ съ рапортомъ: изъ всѣхъ полковъ знамена возвращаются; всѣ войска присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ. Графъ такой веселый, точно именинникъ; приглашаетъ всѣхъ на пирогъ къ директо-

ру театровъ Майкову, а оттуда къ Телешовой, танцовщицѣ.

— И ты думаешь, Саша?..

— Ничего я не думаю. Ужъ если военный губернаторъ на пирогѣ у балетной танцовщицы, значитъ, все благополучно въ городѣ.

Француженка подала Одоевскому фунтикъ, перевязанный розовой ленточкой.

— Куда ты? — спросилъ Голицынъ.

— Домой.

— Зачѣмъ?

— На канапэ лежать да конфетки сосать. Умнѣе ничего не придумаешь! — разсмѣялся Одоевскій, пожалъ ему руку и вышелъ.

А Голицынъ опять присѣлъ къ столику. Усталъ, глаза отяжелѣли, вѣки слипались. «Какъ бы не заснуть», подумалъ.

Бѣлая душная вата наполнила комнату. Гдѣ-то близко была Маринька, и онъ звалъ ее. Но вата заглушала голосъ. А надъ самымъ ухомъ его ворона, разѣвая черный клювъ съ чѣмъ-то краснымъ, какъ кровь, каркала: «Ничего не будетъ! Ничего не будетъ!»

Проснулся отъ внезапнаго шума. Всѣ повскакали, подбѣжали къ окнамъ и смотрѣли на улицу. Но въ низенькихъ, почти въ уровень съ тротуаромъ, окнахъ мелькали только ноги бѣгущихъ людей.

— Куда они?

— Раздавили!

— Ограбили!

— Пожаръ!

— Бунтъ!

Голицынъ тоже вскочилъ и, едва не сбивъ кого-то съ ногъ, какъ сумасшедшій, кинулся на улицу.

— Бунтъ! Бунтъ! — услышалъ крики въ бѣгущей толпѣ и побѣжалъ вмѣстѣ съ нею за-уголъ Невскаго, по Адмиралтейской площади къ Гороховой.

— Ахъ, бѣда, бѣда!

— Да что такое?

— Гвардія бунтуетъ, не хочетъ присягать Николаю Павловичу!

— Кто съ Николаемъ, тѣхъ колятъ и рубятъ, а кто съ Константиномъ, тащатъ съ собой.

— А кто же государь, скажите на милость?

— Николай Павловичъ!

— Константинъ Павловичъ!

— Нѣтъ государя!

— Ахъ, бѣда, бѣда!

Добѣжавъ до Гороховой, Голицынъ услышалъ вдали барабанную дробь и глухой гулъ голосовъ, подобный гулу бури налетающей. Все ближе, ближе, ближе, — и вдругъ земля загудѣла отъ тысяченогаго топота, воздухъ потрясся отъ криковъ оглушающихъ:

— Ура! Ура! Ура, Константинъ!

Наклоняясь низко, точно падая, со штыками на-перевѣсъ, съ развѣвающимся знаменемъ, батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка бѣжалъ стремительно, какъ въ атаку или на штурмъ невидимой крѣпости.

— Ура! Ура! Ура! — кричали солдаты неистово, и рты были разинуты, глаза выпучены, шеи вытянуты, жилы напружены, съ такимъ усильемъ, какъ будто этимъ крикомъ подымали они какую-то тяжесть неимовѣрную. И грязно-желтые, низенькіе домики Гороховой глядѣли на невиданное зрѣлище, какъ старые петербургскіе чиновники — свѣтопреставленіе.

Толпа бѣжала рядомъ съ солдатами. Уличные мальчишки свистѣли, свиристѣли и прыгали, какъ маленькіе чортики. А три большихъ чорта, три штабсъ-капитана, неслись впереди батальона: Александръ и Михаилъ Бестужевы подняли на концахъ обнаженныхъ шпагъ треугольныя шляпы съ перьями, а князь Щепинъ-Ростовскій махалъ окровавленною саблею — только что зарубилъ трехъ человѣкъ до-смерти.

Спотыкаясь и путаясь въ полахъ шинели, держа въ рукѣ спавшіе съ носа очки, Голицынъ бѣжалъ и кричалъ вмѣстѣ со всѣми, восторженно-неистово:

— Ура, Константинъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Съ Гороховой повернули налѣво, мимо дома Лобанова и забора Исакія, на Сенатскую площадь. Здѣсь, у памятника Петра, остановились и построились въ боевую колонну, лицомъ къ Адмиралтейству, тыломъ къ Сенату. Выставили цѣпь стрѣлковъ-развѣдчиковъ. А внутри колонны поставили знамя, и собрались члены Тайнаго Общества.

Тутъ, за стальною оградою штыковъ, было надежно, какъ въ крѣпости, и уютно, тепло, теплотой дыханій человѣческихъ надышано. Отъ солдатъ пахло казармою — ржанымъ хлѣбомъ, тютюномъ и сермягою, а отъ «маменькина сынка», Одоевскаго — тонкими духами, пармскою фіалкою. И вѣщимъ казалось Голицыну это соединеніе двухъ запаховъ.

Члены Тайнаго Общества обнимались, цѣловались трижды, какъ будто христосуясь. Всѣ лица вдругъ измѣнились, сдѣлались новыми. Узнавали и не узнавали другъ друга, какъ будто на томъ свѣтѣ увидѣлись. Говорили, спѣша, перебивая другъ друга, безсвязно, какъ въ бреду или пьяные.

— Ну, что, Сашка, хорошо вѣдь, хорошо, а? — спрашивалъ Голицынъ Одоевскаго, который,

не доѣхавъ изъ кофейни до дому, узналъ о бунтѣ и прибѣжалъ на площадь.

— Хорошо, Голицынъ, ужасно хорошо! Я и не думалъ, что такъ хорошо! — отвѣчалъ Одоевскій и, поправляя спавшую съ плеча шинель, выронилъ фунтикъ, перевязанный розовой ленточкой.

— А-га, лимонныя, кисленькія! — разсмѣялся Голицынъ. — Ну, что, будешь, подлецъ,на канапэ лежать да конфетки сосать?

Смѣялся, чтобы не заплакать отъ радости. «Женюсь на Маринькѣ, непремѣнно женюсь!»— вдругъ подумалъ и самъ удивился: «Что это я? Вѣдь, умру сейчасъ...Ну, все равно, если не умру, то женюсь!»

Подошелъ Пущинъ; и съ нимъ тоже поцѣловались трижды, похристосовались.

— Началось-таки, Пущинъ?

— Началось, Голицынъ.

— А помните, вы говорили, что раньше десяти лѣтъ и подумать нельзя?

— Да, вотъ, не подумавши, начали.

— И вышло неладно?

— Нѣтъ, ладно.

— Все будетъ ладно! Все будетъ ладно! — твердилъ Оболенскій, тоже какъ въ безпамятствѣ, но съ такой свѣтлой улыбкой, что, глядя на него, у всѣхъ становилось свѣтло на душѣ.

А Вильгельмъ Кюхельбекеръ, неуклюжій, долговязый, похожій на подстрѣленную цаплю, раз-

сказывалъ, какъ его по дорогѣ на площадь извозчикъ изъ саней вывалилъ.

— Ушибся?

— Нѣтъ, прямо въ снѣгъ, мягко. Какъ бы только пистолетъ не вымокъ.

— Да ты стрѣлять-то умѣешь?

— Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову!

— Что это, Кюхля, какія съ тобой всегда приключенія!

«Смѣются тоже, чтобъ не заплакать отъ радости», подумалъ Голицынъ.

Похоже было на игру исполиновъ: огромно, страшно, какъ смерть, и смѣшно, невинно, какъ дѣтская шалость.

Забравшись за рѣшетку памятника, Александръ Бестужевъ склонился къ подножью и проводилъ взадъ и впередъ лезвіемъ шпаги по гранитному выступу.

— Что ты дѣлаешь? — крикнулъ ему Одоевскій.

— Я о гранитъ скалы Петровой
Оружье вольности точу! —

отвѣтилъ Бестужевъ стихами, торжественно.

— А ты, Голицынъ, чего морщишься? — замѣтилъ Одоевскій. — Бестужевъ молодецъ: полкъ взбунтовалъ. А что поактерствовать любитъ, такъ вѣдь, мы и всѣ не безъ этого, а вотъ, всѣ молодцы!

Князь Щепинъ, послѣ давешняго бѣшенства, вдругъ ослабѣлъ, отяжелѣлъ, присѣлъ на панельную тумбу и внимательно разсматривалъ свои руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, запачканныхъ кровью; хотѣлъ снять, — не снимались, прилипли; разорвалъ, стащилъ, бросилъ и началъ тереть руки снѣгомъ, чтобы смыть кровь.

— «Все будетъ ладно», — повторилъ Одоевскій слова Оболенскаго и указалъ Голицыну на Щепина: — И это тоже ладно?

— Да, и это. Нельзя безъ этого, — отвѣтилъ Голицынъ и почему-то, заговоривъ объ э т о м ъ, взглянулъ на Каховскаго.

Въ нагольномъ тулупѣ, съ краснымъ кушакомъ, за который заткнуты были кинжалъ и два пистолета, Каховскій стоялъ поодаль отъ всѣхъ, одинъ, какъ всегда. Никто не подходилъ къ нему, не заговаривалъ. Должно быть, почувствовавъ на себѣ взглядъ Голицына, онъ тоже взглянулъ на него — и въ голодномъ, тощемъ лицѣ его, тяжеломъ-тяжеломъ, точно каменномъ, съ надменно оттопыренною нижнею губою и жалобными глазами, какъ у больного ребенка или собаки, потерявшей хозяина, — что-то дрогнуло, какъ будто хотѣло открыться и не могло. И тотчасъ опять отвернулся, угрюмо потупился. «Не съ вами, не съ вами, никогда я не былъ и не буду съ вами!» вспомнились Голицыну вчерашнія слова Каховъ-

скаю и вдругъ стало жаль его нестерпимою жалостью.

— А вотъ и Рылѣюшка! Умаялся, бѣдненькій? — подошелъ Голицынъ къ Рылѣеву и обнялъ его съ особенной нѣжностью. Чувствовалъ, что виноватъ передъ нимъ: думалъ, что онъ проспитъ, а онъ все утро метался, какъ угорѣлый, по всѣмъ казармамъ и карауламъ, чтобы набрать войска, но ничего не набралъ, вернулся съ пустыми руками.

— Мало насъ, Голицынъ, ахъ, какъ мало!

— Пусть мало, а все-таки надо, все-таки надо было начать! — напомнилъ ему Голицынъ его же слова.

— Да, все-таки надо! Хоть одну минутку, а были свободны! — воскликнулъ Рылѣевъ.

— А гдѣ же Трубецкой? — вдругъ спохватился.

— Чортъ его знаетъ! Пропалъ, какъ сквозь землю провалился!

— Испугался, должно быть, и спрятался.

— Какъ же такъ, господа? Развѣ можно безъ диктатора? Что онъ съ нами дѣлаетъ! — началъ Рылѣевъ и не кончилъ, только рукой махнулъ и побѣжалъ опять, какъ угорѣлый, метаться по городу, искать Трубецкого.

— Никакихъ распоряженій не сдѣлали, согнали на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались, — проворчалъ Каховскій.

И всѣ притихли, какъ будто вдругъ очнулись, спомнились; жуткій холодокъ пробѣжалъ у всѣхъ по сердцу.

Не знали, что дѣлать; стояли и ждали. Собрались на площади около одиннадцати. На Адмиралтейской башнѣ пробило двѣнадцать, часъ, а противника все еще не было, ни даже полиціи, какъ будто все начальство вымерло.

Думали-было захватить сенаторовъ, но оказалось, что, уже въ восемь утра, они присягнули и уѣхали въ Зимній дворецъ, на молебствіе.

Солдаты, въ однихъ мундирахъ, зябли и грѣлись горячимъ сбитнемъ, переминались съ ноги на ногу и колотили рука объ руку. Стояли такъ спокойно, что прохожіе думали, что это парадъ.

Голицынъ ходилъ вдоль фронта, прислушиваясь къ разговорамъ солдатъ.

— Константинъ Павловичъ самъ идетъ сюда изъ Варшавы!

— За четыре станціи до Нарвы стоитъ съ первою арміею и Польскимъ корпусомъ, для истребленія тѣхъ, кто будетъ присягать Николаю Павловичу!

— И прочіе полки непремѣнно откажутся!

— А если не будетъ сюда, пойдемъ за нимъ, на рукахъ принесемъ!

— Ура, Константинъ! — этимъ крикомъ все кончалось.

А когда ихъ спрашивали: «Отчего не присягаете?» — отвѣчали: «По совѣсти».

Между правымъ флангомъ каре и заборомъ Исакія тѣснилась толпа. Голицынъ вошелъ въ нее и здѣсь тоже прислушался.

Въ толпѣ были мужики, мастеровые, мѣщане, купцы, дворовые, чиновники и люди неизвѣстнаго званія, въ странныхъ платьяхъ, напоминавшіе ряженыхъ: шинели господскія съ мужицкими шапками; полушубки съ круглыми высокими шляпами; черные фраки съ бѣлыми полотенцами и красными шарфами вмѣсто кушаковъ. У одного — все лицо въ сажѣ, какъ у трубочиста.

— Кумовьевъ, значитъ, много въ полиціи, такъ вотъ, чтобъ не признали, рожу вымазалъ, — объяснили Голицыну.

— Рожа черна, а совѣсть бѣла. Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ, — подмигнулъ ему самъ чернорожій, скаля бѣлые зубы, какъ негръ.

У иныхъ было оружіе: старинныя ржавыя сабли, ножи, топоры, кирки и тѣ желѣзные ломы, которыми дворники скалываютъ ледъ на улицахъ, и даже простыя дубинки, какъ, бывало, во дни пугачевщины. А тѣ, кто съ голыми руками пришелъ, разбирали полѣнницы дровъ у забора Исакія и выламывали камни изъ мостовой, вооружаясь кто полѣномъ, кто булыжникомъ.

— И видя такое неустроенное, варварское

на все Россійское простонародье самовластье и тяжкое притѣсненье, государь императоръ Константинъ Павловичъ вознамѣрился уничтожить оное, — говорилъ мастеровой съ испитымъ, злымъ и умнымъ лицомъ, въ засаленномъ картузѣ и полосатомъ тиковомъ халатѣ, ремешкомъ подпоясанномъ.

— По двѣ шкуры съ насъ дерутъ, анаѳемы! — злобно шипѣлъ беззубый старичокъ-дворовый, въ лакейской фризовой шинели со множествомъ воротниковъ.

— Народу жить похужѣло, всему царству потяжелѣло! Томно такъ, что ой-ой-ой! — вздыхала баба съ краснымъ лицомъ и вѣникомъ подъ мышкой, должно быть, прямо изъ бани. А лупоглазая дѣвчонка, въ длинной кацавейкѣ мамкиной, разинувъ ротъ, жадно слушала, какъ будто все понимала.

— И видя оное притѣсненіе лютое, — продолжалъ мастеровой, — государь Константинъ Павловичъ, пошли ему Господь здоровья, пожелалъ освободить Россійскую чернь отъ благородныхъ господъ...

— Господа благородные — первѣйшіе въ свѣтѣ подлецы! — послышались голоса въ толпѣ.

— Отжили они свои красные дни! Вотъ онъ потребуетъ ихъ, варваровъ!

— Недолго имъ царствовать — не сегодня, такъ завтра будетъ съ нихъ кровь рѣчками литься!

— Воля, ребята, воля! — крикнулъ кто-то, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, скинула шапки и перекрестилась.

— Самъ сюда идетъ расправу творить, ужъ онъ у Пулкова!

— Нѣтъ, взяли за караулъ, заковали въ цѣпь и увезли!

— Ахъ, ты сердечный, болѣзный нашъ!

— Ничего, братцы, небось, отобьемъ!

— Ура, Константинъ!

— Идутъ! Идутъ! — услышалъ Голицынъ и, оглянувшись, увидѣлъ, что со стороны Адмиралтейскаго бульвара, изъ-за забора Исакія, появилась конная гвардія. Всадники, въ мѣдныхъ каскахъ и панцыряхъ, приближались гуськомъ, по три человѣка въ рядъ, осторожно-медленно, какъ будто крадучись.

— Ишь, какъ сонныя мухи ползутъ. Не любо, чай, бѣдненькимъ! — смѣялись въ толпѣ.

А солдаты въ мятежномъ каре, заряжая ружья, крестились:

— Ну, слава Богу, начинается!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ подскакалъ къ цѣпи стрѣлковъ, выставленныхъ передъ фронтомъ мятежниковъ. Въ шитомъ золотомъ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, въ голубой Андреевской лентѣ, въ треугольной шляпѣ съ бѣлыми перьями, онъ сидѣлъ молодцомъ на гарцующей лошади.

Попалъ прямо на площадь изъ уборной балетной танцовщицы Катеньки Телешовой. На помятомъ лицѣ его съ жидкими височками крашеныхъ волосъ, пухлыми губками и масляными глазками было такое выраженіе, какъ будто онъ все это дѣло кругомъ пальца обернетъ.

— Стой! Назадъ поворачивай! — закричали ему солдаты, и стальное полукольцо штыковъ прямо на него уставилось.

«Русскій Баярдъ, сподвижникъ Суворова, въ тридцати бояхъ не раненъ, — и этихъ шалуновъ испугаюсь!» подумалъ Милорадовичъ.

— Полно, ребята, шалить! Пропусти!—крикнулъ и поднялъ лошадь въ галопъ на штыки съ такою же лихостью, съ какою, бывало, на поляхъ сраженій, подъ пушечными ядрами, раскуривалъ трубку и поправлялъ складки на своемъ щегольскомъ плащѣ амарантовомъ. «Богъ мой, пуля на меня не вылита!» вспомнилъ свою поговорку.

А простые глаза простыхъ-людей, какъ стальные штыки, прямо на него уставились: «Ахъ, ты шутъ гороховый, хвастунишка, фанфаронишка!»

— Куда вы, куда вы, графъ! Убьютъ! — подбѣжалъ къ нему Оболенскій.

— Не убьютъ, небось! Не злодѣи, не изверги, а шалуны, дурачки несчастные. Ихъ пожалѣть, вразумить надо. — отвѣтилъ Милорадовичъ, выпятивъ мягкія, пухлыя губы чувствительно.

По угрюмой злобѣ на лицахъ солдатъ Оболенскій видѣлъ, что еще минута, — и примутъ на штыки «фанфаронишку».

— Смирна-а! Ружья къ ногѣ! — скомандовалъ и схватилъ подъ уздцы лошадь Милорадовича. — Извольте отъѣхать, ваше сіятельство, и оставить въ покоѣ солдатъ!

Лошадь мотала головой, бѣсилась, пятилась. Узда острымъ крамъ ремня рѣзала пальцы Оболенскаго; но, не чувствуя боли, онъ не выпускалъ ремня изъ рукъ.

Адъютантъ Милорадовича, молоденькій поручикъ Башуцкій, съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ, подбѣжалъ, запыхавшись, и остановился рядомъ съ лошадью.

— Да скажите же ему хоть вы, господинъ поручикъ, — убьютъ! — крикнулъ ему Оболенскій.

Но Башуцкій только махнулъ рукой съ безпечностью.

А Милорадовичъ уже ничего не видѣлъ и не

слышалъ. Пришпоренная лошадь рванулась впередъ. Оболенскій едва не упалъ и выпустилъ узду изъ рукъ. Цѣпь стрѣлковъ разступилась, и всадникъ подскакалъ къ самому фронту мятежниковъ.

— Ребята! — началъ онъ видимо заранѣе приготовленную рѣчь съ самонадѣянной развязностью стараго отца-командира. — Вотъ эту самую шпагу, видите, съ надписью: «Другу моему Милорадовичу», подарилъ мнѣ въ знакъ дружбы государь цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Неужели же я измѣню другу моему и васъ обману, друзья?

Неловко, бочкомъ протискиваясь сквозь шеренгу солдатъ, подошелъ Каховскій и остановился въ двухъ-трехъ шагахъ отъ Милорадовича. Лѣвую руку положилъ на рукоять кинжала, заткнутаго за красный кушакъ, — Оболенскій замѣтилъ, что изъ двухъ пистолетовъ за кушакомъ остался только одинъ, — а правую — неуклюже, неестественно, точно вывихнутую, засунулъ подъ распахнутый тулупъ, за пазуху.

— Развѣ нѣтъ между вами старыхъ служивыхъ Суворовскихъ? Развѣ тутъ одни мальчишки да канальи-фрачники? — продолжалъ Милорадовичъ, взглянувъ на Каховскаго.

А тотъ, какъ будто внимательно прислушиваясь, смотрѣлъ въ лицо его прямо, недвижно, неотступно-пристально. И отъ этого взгляда вдругъ

страшно стало Оболенскому. Почти не сознавая, что дѣлаетъ, онъ выхватилъ ружье у стоявшаго рядомъ солдата и началъ колоть штыкомъ въ бокъ лошадь Милорадовича.

Каховскій оглянулся, и Оболенскому почудилась въ лицѣ его усмѣшка едва-уловимая.

Лошадь взвилась на дыбы. Знакомый звукъ послышался Милорадовичу, какъ будто выскочила пробка изъ бутылки шампанскаго. «Вотъ оно!» — подумалъ онъ, но уже не успѣлъ прибавить: «Богъ мой, пуля на меня не вылита!»

Въ бѣломъ облачкѣ дыма проплыла бѣлая юбочка балетной танцовщицы: двѣ розовыя ножки торчали изъ юбочки, какъ двѣ тычинки изъ чашки цвѣтка опрокинутой. Выпятились пухлыя губы старчески-младенчески, какъ, бывало, въ послѣднемъ актѣ балета, когда онъ, хлопая въ ладоши, покрикивалъ: «Фора, Телешова, фора!» Послѣдній поцѣлуй воздушный послала ему Катенька. — и опустилась черная занавѣсь.

Вдругъ вскинулъ руки вверхъ и замотался, задергался, какъ пляшущій на ниткѣ паяцъ. Съ головы свалилась шляпа, оголяя жидкіе височки крашеныхъ волосъ, и по голубому шелку Андреевской ленты заструилась струйка алая.

Оболенскій чувствовалъ, какъ острое желѣзо штыка вонзается во что-то живое, мягкое, хотѣлъ выдернуть и не могъ — зацѣпилось. А когда облачко дыма разсѣялось, увидѣлъ, что Милорадо-

впчъ, падая съ лошади, наткнулся на штыкъ, и остріе вонзилось ему въ спину, между ребрами.

Наконецъ, со страшнымъ усильемъ, Оболенскій выдернулъ штыкъ.

«Какая гадость!» подумалъ, такъ же, какъ тогда, во время дуэли со Свиньинымъ, и лицо его болѣзненно сморщилось.

Ружейный залпъ грянулъ изъ каре, и «Ура. Константинъ!» прокатилось надъ площадью, радостное. Радовались, потому что чувствовали, что только теперь началось, какъ слѣдуетъ: переступили кровь.

Каховскій, возвращаясь въ каре, такъ же какъ давеча, пробирался неловко, бочкомъ. Лицо его было спокойно, какъ будто задумчиво. Когда послышались крики и выстрѣлы, онъ съ удивленіемъ поднялъ голову; но тотчасъ опять опустилъ, какъ будто еще глубже задумался.

«Да, этотъ не передъ чѣмъ не остановится. Если только подъѣдетъ государь, не сдобровать ему», подумалъ Голицынъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Представь себѣ, Комаровскій, есть люди, которые, къ несчастью, носятъ одинъ съ нами мундиръ и называютъ меня... — началъ государь, усмѣхаясь криво, однимъ угломъ рта, какъ че-

ловѣкъ, у котораго сильно болятъ зубы, и кончилъ съ усиліемъ: — называютъ меня самозванцемъ!

«Самозванецъ» — въ устахъ самодержца Россійскаго — это слово такъ поразило генерала Комаровскаго, что онъ не сразу нашелся, что отвѣтить.

— Мерзавцы! — проговорилъ, наконецъ, и чувствуя, что этого мало, выругался по-русски, непристойнымъ ругательствомъ.

Государь, въ одномъ мундирѣ Измайловскаго полка, въ голубой Андреевской лентѣ, какъ былъ одѣтъ къ молебствію, сидѣлъ верхомъ на бѣлой лошади, окруженный свитою генераловъ и флигель-адъютантовъ, впереди батальона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, построеннаго въ колонну на Адмиралтейской площади, противъ Невскаго.

Тишина зимняго дня углублялась тѣмъ, что на занятыхъ войсками площадяхъ и улицахъ ѣзда прекратилась. Близкіе голоса раздавались, какъ въ комнатѣ, а издали, со стороны Сената, доносился протяжный гулъ, несмолкаемый, подобный гулу морского прибоя, съ отдѣльными возгласами, какъ будто скрежетами подводныхъ камней, уносимыхъ волной отливающей: «Ура-ра-ра!» Вдругъ затрещали ружейные выстрѣлы, гулъ голосовъ усилился, какъ будто приблизился, и опять: «Ура-ра-ра!»

Генералъ Комаровскій поглядывалъ на государя украдкой, искоса. Подъ низко надвинутою треугольною черною шляпою съ черными перьями—лицо Николая поблѣднѣло прозрачно-синеватою блѣдностью,и впалые,темные глаза расширились. «У страха глаза велики», подумалъ Комаровскій внезапно-нечаянно.

— Слышишь эти крики и выстрѣлы?—обернулся къ нему государь. — Я покажу имъ, что не трушу!

— Всѣ удивляются мужеству вашего императорскаго величества; но вы обязаны хранить драгоцѣнную жизнь вашу для блага отечества, — отвѣтилъ Комаровскій.

А государь почувствовалъ, что не надо было говорить о трусости. Все время фальшивилъ, какъ пѣвецъ, спавшій съ голоса, или актеръ, не выучившій роли.

«Рыцарь безъ страха и упрека», вотъ роль, которую надо было сыграть. Началъ хорошо. «Можетъ быть, сегодня вечеромъ насъ обоихъ не будетъ на свѣтѣ, но мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ», одѣваясь поутру, сказалъ Бенкендорфу. И потомъ — командирамъ гвардейскаго корпуса: «Вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы, а что до меня, — если буду императоромъ, хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ!»

Но когда услышалъ: «Бунтъ!» — вдругъ серд-

ще упало, потемнѣло въ глазахъ, и все замелькало, закружилось, какъ въ вихрѣ.

Для чего-то кинулся на дворцовую гауптвахту,—должно быть, думалъ, что вотъ-вотъ бунтовщики вломятся во дворецъ, и хотѣлъ поставить караулы у дверей; потомъ выбѣжалъ подъ главныя ворота дворца и столкнулся съ полковникомъ Хвощинскимъ, пріѣхавшимъ прямо изъ казармъ Московскаго полка, израненнымъ съ повязкой на головѣ. Государь, увидѣвъ на повязкѣ кровь, замахалъ руками, закричалъ: «Уберите, уберите! Спрячьте же!» чтобы видомъ крови не разжечь толпы, хотя никакой толпы еще не было.

Потомъ, одинъ, безъ свиты, очутился на Дворцовой площади, въ столпившейся кучкѣ прохожихъ: что-то говорилъ имъ, доказывалъ, читалъ и толковалъ манифестъ и просилъ убѣдительно: «Надѣньте шапки, надѣньте шапки — простудитесь!» А тѣ кричали: «Ура!» становились на колѣни, хватали его за фалды мундира, за руки, за ноги: «Государь-батюшка, отецъ ты нашъ! Всѣхъ на клочья разорвемъ, не выдадимъ!» И краснорожій въ лисьей шубѣ лѣзъ цѣловаться; изо рта его пахло водкою, лукомъ и еще какимъ-то отвратительнымъ запахомъ, точно сырой говядины. А въ заднихъ рядахъ бушевалъ пьяный; его унимали, били, но онъ успѣлъ-таки выкрикнуть:

— Ура, Константинъ!

Государь немного отдохнулъ, ободрился только тогда, когда увидѣлъ, что батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка строится передъ дворцомъ въ колонну.

Собралась, наконецъ, свита; подали лошадь.

— Ребята! Московскіе шалятъ. Не перенимать у нихъ и дѣлать свое дѣло молодцами! Готовы ли вы идти за мной, куда велю? — закричалъ, проѣзжая по фронту, уже привычнымъ, начальническимъ голосомъ.

— Рады стараться, ваше императорское величество! — отвѣтили солдаты нетвердо, недружно, но, слава Богу, что хоть такъ.

— Дивизіонъ впередъ! Въ полъ-оборота, лѣвымъ плечомъ, маршъ-маршъ! — скомандовалъ государь и повелъ ихъ на Адмиралтейскую площадь.

Но, дойдя до Невскаго, остановился, не зная, что дѣлать. Рѣшилъ подождать посланнаго для развѣдокъ генерала Сухозанета, начальника гвардейской артиллеріи.

Все это мелькнуло передъ нимъ, какъ видѣніе бреда, когда онъ закрылъ глаза и забылся на мигъ: такіе миги забвенія находили на него, подобные обморокамъ.

Очнулся отъ голоса генералъ-адъютанта Левашова, подскакавшаго къ нему послѣ давешнихъ криковъ и выстрѣловъ на Сенатской площади.

— Ваше величество, графъ Милорадовичъ ранень.

— Живъ?

— Рана тяжелая — едва-ли выживетъ.

— Ну, что-жъ, самъ виноватъ, свое получилъ, — пожалъ плечами государь, и тонкія губы его искривились такою усмѣшкою, что всѣмъ вдругъ стало жутко.

«Да, это не Александръ Павловичъ! Погодите, ужо задастъ вамъ конституцію!» подумалъ Комаровскій.

— Ну, что, какъ, Иванъ Онуфричъ? — обратился государь къ подскакавшему генералу Сухозанету.

— Cela va mal, sire,—началъ тотъ.—Бунтъ разрастается; бунтовщики никакихъ увѣщаній не слушаютъ; присягнувшія войска ненадежны, каждую минуту могутъ перейти на сторону мятежниковъ, и тогда слѣдуетъ ожидать величайшихъ ужасовъ. Извольте, ваше величество, послать за артиллеріей. — кончилъ Сухозанетъ свое донесеніе.

— Да вѣдь, самъ говоришь, ненадежна?

— Что же дѣлать, другого способа нѣтъ. Не обойтись безъ артиллеріи...

Но государь уже не слушалъ. Чувствовалъ, что по спинѣ его ползутъ мурашки, и нижняя челюсть прыгаетъ. «Отъ холода», утѣшалъ себя, но зналъ, что не только отъ холода. Вспомнилось,

какъ въ дѣтствѣ, во время грозы, убѣгалъ въ спальню, ложился въ постель и прятался подъ подушку голову, а дядька Ламсдорфъ вытаскивалъ его за ухо: «За ушко да на солнышко». Жалѣлъ себя. Ну, за что они всѣ на него? Что онъ имъ сдѣлалъ? «Братниной воли жертва невинная! Pauvre diable! Бѣдный малый! Бѣдный Никъ!».

Когда очнулся, то увидѣлъ, что съ нимъ говоритъ уже не генералъ Сухозанетъ, а генералъ Воиновъ, начальникъ гвардейскаго корпуса.

— Ваше величество, въ Измайловскомъ полку безпокойство и нерѣшительность...

— Что вы говорите? Что вы говорите? Какъ вы смѣете? — вдругъ закричалъ на него государь такъ внезапно-неистово, что тотъ остолбенѣлъ и выпучилъ глаза отъ удивленія. — Мѣсто ваше, сударь, не здѣсь, а тамъ, гдѣ ввѣренныя вамъ войска вышли изъ повиновенія!

— Осмѣлюсь доложить, ваше величество...

— Молчать!

— Государь...

— Молчать!

И каждый разъ, какъ раскрывалъ онъ ротъ, раздавался этотъ крикъ неистовый.

Государь зналъ, что сердиться не за что, но не могъ удержаться. Точно огненный напитокъ разлился по жиламъ, согрѣвающій, укрѣпляющій. Ни подлыхъ мурашекъ, ни дрожанія челю-

сти. Опять — рыцарь безъ страха и упрека: самодержецъ, а не самозванецъ. Понялъ, что спасенъ, только бы разсердиться, какъ слѣдуетъ.

Незнакомый штабсъ-капитанъ драгунскаго полка, высокаго роста, съ желто-смуглымъ лицомъ, черными глазами, черными усами и черной повязкой на лбу, подошелъ и уставился на него почтительно, но черезчуръ спокойно: что-то было въ этомъ спокойствіи, что уничтожало разстояніе между государемъ и подданнымъ.

— Что вамъ угодно? — невольно обернувшись къ нему, спросилъ государь.

— Я былъ съ ними, но оставилъ ихъ и рѣшился явиться съ повинной головой къ вашему величеству, — отвѣтилъ офицеръ все такъ же спокойно.

— Какъ ваше имя?

— Якубовичъ.

— Спасибо вамъ, вы вашъ долгъ знаете, — подалъ ему руку государь, и Якубовичъ пожалъ ее съ тою усмѣшкою, которую дамы, въ него влюбленныя, называли «демонской».

— Ступайте же къ нимъ, господинъ Якубовскій...

— Якубовичъ, — поправилъ тотъ внушительно.

— И скажите имъ отъ моего имени, что, если они сложатъ оружіе, я ихъ прощаю.

— Исполню, государь, но живъ не вернусь.

— Ну, если боитесь...

— Вотъ доказательство, что я не изъ трусовъ. Мнѣ честь моя дороже головы израненной! — снялъ Якубовичъ шляпу и указалъ на свою повязанную голову. Потомъ вынулъ изъ ноженъ саблю, надѣлъ на нее бѣлый платокъ — знакъ перемирія — и пошелъ на Сенатскую площадь къ мятежникамъ.

— Молодецъ! — сказалъ кто-то изъ свиты.

Государь промолчалъ и нахмурился.

Долго не возвращался посланный. Наконецъ, вдали замелькалъ бѣлый платокъ. Государь не вытерпѣлъ — подъѣхалъ къ нему.

— Ну, что же, господинъ Якубовскій?

— Якубовичъ, — опять поправилъ тотъ еще внушительнѣй. — Толпа буйная, государь. Ничего не слушаетъ.

— Такъ чего-жъ они хотятъ?

— Позвольте, ваше величество, сказать на ухо.

— Берегитесь, рожа разбойничья, — шепнулъ государю Бенкендорфъ.

Но тотъ уже наклонился съ лошади и подставилъ ухо.

«Вотъ теперь его можно убить», подумалъ Якубовичъ. Не былъ трусомъ; если бы рѣшилъ убить, не побоялся бы. Но не зналъ, зачѣмъ и за что убивать. Покойнаго Александра Павлови-

ча — за то, что чиномъ обошелъ, а этого за что? Къ тому же, цареубійца, казалось ему, долженъ быть весь въ черномъ платьѣ, на черномъ конѣ и непремѣнно, чтобы парадъ и солнце, и музыка. А такъ, просто убить, что за удовольствіе?

— Просятъ, чтобъ ваше величество сами подъѣхать изволили. Съ вами говорить хотятъ и больше ни съ кѣмъ, — шепнулъ ему на-ухо.

— Со мной? О чемъ?

— О конституціи.

Лгалъ: никакихъ переговоровъ съ бунтовщиками не велъ. Когда подходилъ къ нимъ, они закричали ему издали: «Подлецъ!» и прицѣлились. Онъ успѣлъ только шепнуть два слова Михаилу Бестужеву, повернулся и ушелъ.

— А ты какъ думаешь? — спросилъ государь Бенкендорфа, пересказавъ ему на-ухо слова Якубовича.

— Картечи бы имъ надо, вотъ что я думаю, ваше величество! — воскликнулъ Бенкендорфъ съ негодованіемъ.

«Картечи или конституціи?» подумалъ государь и блѣдное лицо его еще больше поблѣднѣло: опять мурашки по спинѣ заползали, нижняя челюсть запрыгала.

Якубовичъ взглянулъ на него и понялъ, что былъ правъ, когда сказалъ давеча Михаилу Бестужеву:

— Держитесь, — трусятъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Отсюда виднѣе, влѣзайте-ка, — пригласилъ Оболенскій Голицына и помогъ ему вскарабкаться на груду гранитныхъ глыбъ, сваленныхъ для стройки Исакія у подножія памятника Петра I.

Голицынъ окинулъ глазами площадь.

Отъ Сената до Адмиралтейства, отъ собора до набережной и далѣе, по всему пространству Невы до Васильевскаго острова, кишѣла толпа многотысячная—одинаково черныя, малыя, сжатыя, какъ зерна паюсной икры, головы, головы, головы. Люди висѣли на деревьяхъ бульвара, на фонарныхъ столбахъ, на водосточныхъ жолобахъ; тѣснились на крышахъ домовъ, на фронтонѣ Сената, на галлереяхъ Адмиралтейской башни. — какъ въ исполинскомъ амфитеатрѣ съ восходящими рядами зрителей.

Иногда внизу,на площади,въ однообразной зыби головъ, завивались водовороты.

— Что это? — спросилъ Голицынъ, указывая на одинъ изъ нихъ.

— Шпіона, должно быть, поймали. — отвѣтилъ Оболенскій.

Голицынъ увидѣлъ человѣка, бѣгущаго безъ шапки, въ шитомъ золотомъ, флигель-адъютант-

скомъ мундирѣ съ оторванной фалдой, въ бѣлыхъ лосинахъ съ кровавыми пятнами.

Иногда слышались выстрѣлы, и толпа шарахалась въ сторону, но тотчасъ опять возвращалась на прежнее мѣсто: сильнѣе страха было любопытство жадное.

Войска, присягнувшія императору Николаю, окружали кольцомъ каре мятежниковъ: прямо противъ нихъ — преображенцы, слѣва — измайловцы, справа — конногвардейцы, и далѣе, по набережной, тыломъ къ Невѣ — кавалергарды, финляндцы, конно-піонеры; на Галерной улицѣ — павловцы, у Адмиралтейскаго канала — семеновцы.

Войска передвигались, а за ними—волны толпы; и во всемъ этомъ движеніи, круженіи, какъ неподвижная ось въ колесѣ вертящемся,—стальной четыреугольникъ штыковъ.

Долго смотрѣлъ Голицынъ на двѣ ровныя линіи черныхъ палочекъ и бѣлыхъ крестиковъ: палочки — султаны киверовъ, крестики—ремни отъ ранцевъ: а между двумя—третья, такая-же ровная, но разнообразная линія человѣческихъ лицъ. И на нихъ на всѣхъ — одна и та-же мысль—тотъ вопросъ и отвѣтъ, которые давеча слышалъ онъ: «Отчего не присягаете?» — «По совѣсти».

Да, неколебимая крѣпость этого стальнаго четыреугольника — святая крѣпость человѣче-

ской совѣсти. На скалу Петрову опирается — и самъ, какъ эта скала несокрушимая.

Въ серединѣ каре—члены Тайнаго Общества, военные и штатскіе, «люди гнуснаго вида во фракахъ», какъ потомъ доносили квартальные; тутъ же — полковое знамя съ полинялыми ветхими складками золотисто-зеленаго шелка, истрепанное, прострѣленное на поляхъ Бородина, Кульма и Лейпцига — нынѣ святое знамя Россійской вольности; столикъ, забрызганный чернилами, принесенный изъ Сенатской гауптвахты, съ какими-то бумагами, — можетъ быть, манифестомъ недописаннымъ, — съ караваемъ хлѣба и бутылкой вина—святая трапеза Россійской вольности.

Промелькнуло блѣдное на блѣдномъ небѣ привидѣніе солнца—и стальная щетина тонкихъ изломанныхъ иглъ блѣдно заискрилась на сѣрой глыбѣ гранита, подножія Мѣднаго Всадника. Зазеленѣла темная бронза тускло-зеленою ржавчиною — и страшною жизнью ожилъ ликъ нечеловѣческій.

«Съ Нимъ или противъ Него?» подумалъ Голицынъ опять, какъ тогда, во врмя наводненія. Что значитъ это мановеніе десницы, простертой надъ пучиной волнъ человѣческихъ,какъ надъ пучиной потопа бушующей? Тогда укротилъ потопъ—укротитъ-ли и нынѣ? Или въ пучину низвергнется бѣшеный конь вмѣстѣ съ бѣшенымъ Всадникомъ?

Вернувшись въ каре. Голицынъ узналъ, что готовится атака конной гвардіи; а Рылѣевъ пропалъ, Трубѣцкой не являлся, и команды все еще нѣтъ.

— Надо выбрать другого диктатора, — говорили одни.

— Да некого. Съ маленькими эполетами и безъ имени, никто не рѣшится, — возражали другіе.

— Оболенскій, вы старшій, выручайте-же!

— Нѣтъ, господа, увольте. Все что угодно, а этого я на себя не возьму.

— Какъ-же быть? Смотрите, вотъ уже въ атаку идутъ!

Два эскадрона конной гвардіи вынеслись на рысяхъ изъ-за дощатаго забора Исакія и построились въ колонну тыломъ къ дому Лобанова.

Коллежскій асессоръ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, въ длиннополой шинели, въ высокой черной шляпѣ, похаживалъ передъ фасомъ каре и покуривалъ трубочку такъ-же спокойно, какъ у себя въ кабинетѣ или въ Михайловскомъ, въ домикѣ Пушкина, подъ уютный шелестъ вязальныхъ спицъ Арины Родіоновны.

— Ребята, будете моей команды слушать? — спросилъ онъ солдатъ.

— Рады стараться, ваше благородіе!

Высвободивъ изъ рукава шинели правую руку въ зеленой лайковой перчаткѣ, онъ поднялъ ее

вверхъ, какъ-бы взмахнувъ невидимой саблей, и скомандовалъ:

— Смирна-а! Ружья къ ногѣ! Въ каре противъ кавалеріи стройся!

Одинъ залпъ могъ положить на мѣстѣ всю конницу. Чтобы даромъ не перебить и не озлобить людей, Пущинъ велѣлъ стрѣлять лошадямъ въ ноги или вверхъ черезъ головы всадниковъ.

Конница уже неслась съ тяжелымъ топотомъ. Грянулъ залпъ, но пули просвистѣли надъ головами людей.

Когда пороховой дымъ разсѣялся, увидѣли, что первая атака не удалась. Мѣшала тѣснота, выдававшійся уголъ забора—надо было его огибать, — а пуще всего, гололедица. Неподкованныя лошади скользили на всѣ четыре ноги по обледенѣлымъ булыжникамъ и падали. Да и люди шли въ атаку нехотя: понимали, что нельзя атаковать кавалеріей на разстояніи двадцати шаговъ, когда ружейный огонь лошадямъ въ морды.

— И чего, анаѳемы, лѣзете? — ругались московцы, помогая вставать упавшимъ всадникамъ.

— Полѣзешь, коли гонятъ. А вамъ, братцы, спасибо, что мимо стрѣляли, а то и живы быть не чаяли! — благодарили конногвардейцы.

— Переходи къ намъ, ребята!

— А вотъ, погоди, ужо какъ стемнѣетъ, всѣ перейдемъ.

— Назадъ, равняйсь! — скомандовалъ пол-

ковой командиръ. генералъ Орловъ. и началъ строить взводы для второй атаки.

Но и вторая удалась не лучше первой. Такъ-же плавно склонялись штыки и. натыкаясь на стальную щетину ихъ. такъ-же опрокидывались кони, увлекая всадниковъ. А толпа изъ-за забора швыряла камнями. кирпичами. полѣньями. Генерала Воинова едва не зашибли до-смерти; герцога Евгенія Виртембергскаго закидали снѣжками, какъ маленькаго мальчика.

Атака за атакой. какъ волна за волной. разбивалась о четыреугольникъ. неколебимый. недвижный. — и. съ каждымъ новымъ натискомъ, онъ какъ будто твердѣлъ. каменѣлъ. Опирался о скалу Петрову и самъ былъ. какъ эта скала несокрушимая.

Вдругъ. подъ весёлый громъ военной музыки, послышалось издали! «Ура. Константинъ!» и три съ половиною роты лейбъ-гвардіи флотскаго экипажа. подъ командою лейтенанта Михаила Кюхельбекера и штабсъ-капитана Николая Бестужева. выбѣжали изъ Галерной улицы.

Обнимались. цѣловались съ московцами:

— Голубчики. братцы. миленькіе! Спасибо вамъ, не выдали!

— Соединились арміи съ флотами!

— Наша взяла и на морѣ. и на сушѣ!

— Слава Богу. вся Россія въ походъ пошла!

Экипажъ построился въ новое каре, справа

отъ московцевъ, на мосту Адмиралтейскаго канала, лицомъ къ Исакію.

И опять, уже съ другой стороны, съ Дворцовой площади:

— Ура, Константинъ!

По бульвару бѣжали отдѣльными кучками, въ разстегнутыхъ шинеляхъ, въ заваленныхъ фуражкахъ, въ сумахъ съ боевыми патронами, съ ружьями на перевѣсъ, лейбъ-гренадеры.

Уже добѣжали до площади, перелѣзли черезъ камни, сваленные на углу Адмиралтейскаго бульвара и набережной, но тутъ произошло смятенье.

Полковой командиръ Стюрлеръ, все время бѣжавшій рядомъ съ солдатами, убѣждалъ, умолялъ ихъ вернуться въ казармы.

— Не выдавай, ребята, не слушай подлеца! — кричалъ полковой адъютантъ, поручикъ Пановъ, членъ Тайнаго Общества, тоже бѣжавшій рядомъ.

— Вы за кого? — спросилъ Каховскій, подбѣгая къ Стюрлеру съ пистолетомъ въ рукахъ.

— За Николая! — отвѣтилъ тотъ.

Каховскій выстрѣлилъ. Стюрлеръ схватился рукою за бокъ и побѣжалъ дальше. Двое солдатъ со штыками — за нимъ.

— Бей, коли нѣмца проклятаго!

Штыки вонзились въ спину его, и онъ упалъ.

Лейбъ-гренадеры соединились съ московцами. И опять объятія, поцѣлуи братскіе.

Третье каре построилось слѣва отъ перваго, лицомъ къ набережной, тыломъ къ Исакію.

Теперь уже было на площади около трехъ тысячъ войска и десятки тысячъ народа, готовыхъ на все по первому знаку начальника. А начальника все еще не было.

Погода измѣнилась. Задулъ ледяной восточный вѣтеръ. Морозъ крѣпчалъ. Солдаты, въ однихъ мундирахъ, попрежнему зябли и переминались съ ноги на ногу, колотили рука объ руку.

— Чего мы стоимъ? — недоумѣвали. — Точно къ мостовой примерзли. Ноги отекли, руки окоченѣли, а мы стоимъ.

— Ваше благородіе, извольте въ атаку вести. — говорилъ ефрейторъ Любимовъ штабсъ-капитану Михаилу Бестужеву.

— Въ какую атаку? На что?

— На войска, на дворецъ, на крѣпость.—куда воля ваша будетъ.

— Погодить, надо, братецъ, команды дождаться.

— Эхъ, ваше благородіе, годить — все дѣло губить!

— Да, что другое, а годить и стоять мы умѣемъ, — усмѣхнулся Каховскій язвительно. — Вся наша революція — стоячая!

— «Стоячая революція», — повторилъ про себя Голицынъ съ вѣщимъ ужасомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Да что такое происходитъ? Какого мы ждемъ непріятеля?

— Ничего не понимаю, убей меня Богъ! Кавардакъ какой-то анаѳемскій! — подслушалъ великій князь Михаилъ Павловичъ разговоръ двухъ генераловъ. Онъ тоже ничего не понималъ.

Вызванный братомъ Николаемъ изъ городка Ненналя, гдѣ остановился по дорогѣ въ Варшаву, — только что прискакалъ въ Петербургъ, усталый, голодный, продрогшій, и попалъ прямо на площадь, въ революцію, по собственному выраженію, «какъ куръ во щи».

Когда, послѣ неудачи конныхъ атакъ, начальство поняло, что силой ничего не возьмешь и рѣшило приступить къ увѣщаніямъ, Михаилъ Павловичъ попросилъ у государя позволеніе поговорить съ бунтовщиками. Николай сначала отказалъ, а потомъ, уныло махнувъ рукой, согласился:

— Дѣлай, что знаешь!

Великій князь подъѣхалъ къ фронту мятежниковъ.

— Здорово, ребята! — крикнулъ зычно и весело, какъ на парадѣ.

— Здравья желаемъ вашему императорскому

высочеству! — отвѣтили солдаты такъ-же весело.

«Косолапый Мишка». «благодѣтельный бука. le bourru bienfaisant», Михаилъ Павловичъ наружность имѣлъ жесткую. а сердце мягкое. Однажды солдатикъ пьяненькій. валявшійся на улицѣ, отдалъ ему честь. не вставая. и онъ простилъ его: «Пьянъ. да уменъ». Такъ и теперь готовъ былъ простить бунтовщиковъ за это веселое: «Здравья желаемъ!»

— Что это съ вами, ребята. дѣлается? Что вы такое затѣяли? — началъ.какъ всегда.по-домашнему. — Государь цесаревичъ Константинъ Павловичъ отъ престола отрекся. я самъ тому свидѣтель. Знаете. какъ я брата люблю. Именемъ его приказываю вамъ присягнуть законному...

— Нѣтъ такого закона. чтобъ двумъ присягать, — поднялся гулъ голосовъ.

— Смирна-а! — скомандовалъ великій князь. но его уже не слушали.

— Мы ничего худого не дѣлаемъ, а присягать Николаю не будемъ!

— Гдѣ Константинъ?

— Подай Константина!

— Пусть самъ пріѣдетъ. тогда повѣримъ!

— Не упрямьтесь-ка лучше. ребята. а то худо будетъ. — попробовалъ вступиться кто-то изъ генераловъ.

— Поди къ чортовой матери! Вамъ генера-

лямъ, измѣнникамъ, нужды нѣтъ всякій день присягать, а мы присягой не шутимъ!—закричали на него съ такою злобою, что Михаилъ Павловичъ,наконецъ, понялъ,что происходитъ,—слегка поблѣднѣлъ. И лошадь его тоже какъ будто поняла — дрогнула, попятилась.

Въ узенькомъ проулкѣ между двумя каре — флотскимъ экипажемъ и московцами — Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ нелѣпо суетился, метался изъ стороны въ сторону, держа въ рукахъ большой пистолетъ, тотъ самый, который упалъ въ снѣгъ и вымокъ; то натягивалъ, то откидывалъ шинель, и, наконецъ, скинулъ совсѣмъ, остался въ одномъ фракѣ, длинновязый, кривобокій, тонконогій.похожій на подстрѣленную цаплю

— Voulez vous faire descendre Michel? — произнесъ рядомъ съ нимъ чей-то знакомый. но странно измѣнившійся голосъ, и вдругъ почудилось ему, что все это уже когда-то было.

— Je le veux bien, mais où est-il donc?

— А вонъ, видите, черный султанъ.

Щуря близорукіе голубые глаза на-выкатъ, такіе-же грустные и нѣжные, какъ, бывало, въ бесѣдахъ съ лицейскимъ товарищемъ Пушкинымъ «о Шиллерѣ, о славѣ, о любви», — онъ прицѣлился.

Вдругъ почувствовалъ, что кто-то его трогаетъ за локоть. Оглянулся и увидѣлъ двухъ солдатъ. Ничего не сказали,только одинъ подмигнулъ,дру-

гой покачалъ головою. Но онъ понялъ: «Не надо! Ну его!»

— Погоди, ребята, маленько; скорѣе дѣло кончимъ, — произнесъ тотъ-же знакомый голосъ. — и опять все это уже когда-то было.

Кюхельбекеръ поднесъ пистолетъ къ самому носу и разсматривалъ его, какъ будто съ удивленіемъ.

— А вѣдь, кажется, и вправду смокъ, — пробормоталъ сконфуженно.

— Эхъ, ты, чудакъ, Абсолютъ Абсолютовичъ! Самъ, видно, смокъ! — разсмѣялся Пущинъ и потрепалъ его по плечу ласково. Голицынъ подошелъ и прислушался.

— Да вѣдь, мы и всѣ, господа, не очень сухи. — опять усмѣхнулся Каховскій язвительно.

— А вы-то сами что-же? Вы лучше насъ всѣхъ стрѣляете, — проговорилъ Пущинъ.

— Довольно съ меня! Уже двое на душѣ, а будетъ и третій, — отвѣтилъ Каховскій.

Голицынъ понялъ, что третій — Николай Павловичъ.

На концѣ Адмиралтейскаго бульвара и Сенатской площади, близъ каре мятежниковъ, остановилась большая восьмистекольная карета, на высокихъ рессорахъ, съ раззолоченными козлами, въ родѣ колымагъ старинныхъ. Изъ кареты вылѣзли два старичка съ испуганными лицами, въ церков-

ныхъ облаченіяхъ: митрополитъ Серафимъ—Петербургскій, и Евгеній — Кіевскій.

Какой-то генералъ схватилъ обоихъ владыкъ въ дворцовой церкви, гдѣ готовились они служить молебствіе по случаю восшествія на престолъ, усадилъ въ карету съ двумя иподіаконами и привезъ на площадь.

Старички, стоя въ толпѣ, передъ цѣпью стрѣлковъ, и не зная, что дѣлать, шептались безпомощно.

— Не ходите, убьютъ! — кричали одни.

— Ступайте съ Богомъ! Это ваше дѣло духовное. Не бусармане, чай, а свои люди крещеные, — убѣждали другіе.

У митрополита Евгенія, хватая за полы, чтобъ удержать, оторвали палицу и затерли его въ толпѣ. А Серафимъ, оставшись одинъ, потерялся такъ, что даже страха не чувствовалъ, остолбенѣлъ, не понималъ, что съ нимъ дѣлается,—какъ будто летѣлъ съ горы внизъ головой; только крестился, шепталъ молитву, быстро мигая подслѣповатыми глазками и озираясь во всѣ стороны.

Вдругъ увидѣлъ надъ собой удивленное, спокойное и доброе лицо молодого лейтенанта лейбъ-гвардіи флотскаго экипажа, Михаила Карловича Кюхельбекера, Вильгельмова брата, такого-же какъ тотъ, неуклюжаго, длинноногаго и пучеглазаго.

— Что вамъ угодно, батюшка? — спросилъ

Кюхельбекеръ вѣжливо, дѣлая подъ козырекъ. Русскій нѣмецъ, лютеранинъ, — не зналъ, какъ обращаться къ митрополиту, и рѣшилъ, что, если попъ, такъ «батюшка».

Серафимъ ничего не отвѣтилъ, только пуще замигалъ, зашепталъ, закрестился.

Нѣкогда свѣтскія барыни прозвали его за пріятную наружность «серафимчикомъ». Теперь ему было уже за семьдесятъ. Одутловатое, старушечье лицо, узенькія щелки заплывшихъ глазъ, ротикъ сердечкомъ, носикъ шишечкой, жиденькая бородка клинышкомъ. Онъ весь трясся, и бородка тряслась. Кюхельбекеру стало жаль старика.

— Что вамъ угодно, батюшка? — повторилъ онъ еще вѣжливѣй.

— Мнѣ-бы туда, къ воинамъ... Поговорить съ воинами, — пролепеталъ, наконецъ, Серафимъ, боязливо указывая пухлою ручкою на каре мятежниковъ.

— Ужъ не знаю, право. — пожалъ Кюхельбекеръ плечами въ недоумѣніи. — Тутъ пропускать не велѣно. Х. впрочемъ, погодите, батюшка, я сію минуту.

И побѣжалъ. А Серафимъ робко поднялъ глаза и взглянулъ на лица солдатъ. Думалъ, — не люди, а звѣри. Но увидѣлъ обыкновенныя человѣческія лица, вовсе не страшныя.

Немного отдохнулъ и вдругъ, съ тою храбро-

стью, которая иногда овладѣваетъ трусами, снялъ митру, отдалъ иподіакону, положилъ на голову крестъ и пошелъ впередъ. Солдаты разступились, взяли ружья на молитву и начали креститься.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и очутился передъ самымъ фронтомъ каре. Здѣсь тоже люди крестились, но, крестясь, кричали:

— Ура, Константинъ!

— Воины православные! — заговорилъ Серафимъ, и всѣ умолкли, прислушались. Онъ говорилъ такъ невнятно, что только отдѣльныя слова долетали до нихъ. — Воины утишьтися. Умаливаю васъ... Присягните... Константинъ Павловичъ трикраты отрекся... вотъ вамъ Богъ свидѣтель...

— Ну, Бога-то лучше оставьте въ покоѣ, владыка, — произнесъ чей-то голосъ, такой тихій и твердый, что всѣ оглянулись. Это говорилъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ.

— А ты что? Кто такой? Откуда взялся? Во Христа-то Господа вѣруешь-ли? — залепеталъ Серафимъ и вдругъ поблѣднѣлъ, затрясся уже не отъ страха, а отъ злобы.

— Вѣрую, — отвѣтилъ Голицынъ такъ-же тихо и твердо.

Серафимъ подалъ ему крестъ.

— А ну-ка, ну-ка, цѣлуй, если вѣруешь!

— Только не изъ вашихъ рукъ, — сказалъ Голицынъ и хотѣлъ взять у него крестъ.

Но Серафимъ отдернулъ его, уже въ иномъ, нездѣшнемъ страхѣ, какъ будто только теперь увидѣлъ то, чего боялся,—въ лицѣ бунтовщика лицо самого дьявола.

— Ну, что-жъ, давайте, не бойтесь, отдамъ. Онъ вашъ до времени, ужо отымемъ! — произнесъ Голицынъ,и глаза его изъ-подъ очковъ сверкнули такъ грозно, что Серафимъ опять замигалъ, зашепталъ, закрестился и отдалъ крестъ.

Голицынъ взялъ его и поцѣловалъ съ благоговѣніемъ.

— Дайте и мнѣ, — сказалъ Каховскій.

— И мнѣ! И мнѣ! — потянулись другіе.

Крестъ обошелъ всѣхъ по-очереди, а когда опять вернулся къ Голицыну, онъ отдалъ его Серафиму.

— Ну, а теперь ступайте, владыка, и помните, что не по вашей волѣ свободу Россійскую осѣнили вы крестнымъ знаменьемъ.

И опять какъ тогда, въ началѣ возстанія, закричалъ восторженно-неистово:

— Ура, Константинъ!

— Ура, Константинъ!—подхватили солдаты.

— Поди-ка на свое мѣсто, батька, знай свою церковь!

— Какой ты митрополитъ, когда двумъ присягалъ!

— Обманщикъ, измѣнникъ, дезертиръ Николаевскій!

Штыки и шпаги скрестились надъ головой Серафима. Подбѣжали иподіаконы, подхватили его подъ руки и увели.

— А вотъ и пушки, — указалъ кто-то на подъѣзжавшую артиллерію.

— Ну, что-жъ, все какъ слѣдуетъ, — усмѣхнулся Голицынъ. — За крестомъ — картечь, за Богомъ — звѣрь!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Я еще не увѣренъ въ артиллеріи, — отвѣчалъ государь каждый разъ, когда убѣждали его послать за артиллеріей.

Не только въ ней, но и въ остальныхъ войскахъ не былъ увѣренъ. Семеновцы передавали бунтовщикамъ черезъ народъ о своемъ желаніи соединиться съ ними; измайловцы на троекратное: «Здорово, ребята!» отвѣтили государю молчаніемъ; а финляндцы, какъ встали на Исакіевскомъ мосту, такъ и не двигались.

«Что если всѣ они перейдутъ на сторону мятежниковъ, — думалъ государь, — тогда и артиллерія не поможетъ: пушки на меня самого обратятся».

— Bonjour, Карлъ Федоровичъ. Посмотрите, что здѣсь происходитъ. Вотъ прекрасное начало царствованія — престолъ, обагрен-

ный кровью! — сказалъ онъ подъѣхавшему генералу Толю, опять усмѣхаясь давешнею, какъ сквозь зубную боль, кривою усмѣшкою.

— Государь, одно только средство положить сему конецъ: разстрѣлять картечью эту сволочь! — отвѣтилъ Толь.

Государь молча нахмурился; чувствовалъ, что надо что-то сказать, но не зналъ что. Опять забылъ роль, боялся сфальшивить.

— Не нужно крови, — подсказалъ Бенкендорфъ.

— Да, крови, — вспомнилъ государь. — Не нужно крови. Неужели вы хотите, чтобы въ первый день царствованія я пролилъ кровь моихъ подданныхъ?

Замолчалъ и надулъ губы ребячески. Опять стало жалко себя, захотѣлось плакать отъ жалости: «Pauvre diable! Бѣдный малый! Бѣдный Никъ!»

Взявъ Бенкендорфа подъ руку, Толь отъѣхалъ съ нимъ въ сторону и, указывая на государя глазами, спросилъ шопотомъ:

— Что съ нимъ?

— А что? — притворился Бенкендорфъ непонимающимъ и посмотрѣлъ на солдатское, простоватое лицо Толя съ лукавой придворной усмѣшкой.

— Да неужели этихъ каналій миловать? — удивился Толь.

— Ну, объ этомъ не намъ съ вами судить. Царская милость неизреченна. Государь полагаетъ прибѣгнуть къ огню только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Нашъ планъ — окружить и стѣснить ихъ такъ, чтобы принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія.

Толь ничего не отвѣтилъ. Боевой генералъ, сподвижникъ Суворова,любимецъ Кутузова,знатокъ Наполеоновской тактики,онъ понималъ,что Бенкендорфъ говоритъ съ тою невѣжественною легкостью, которая свойственна людямъ, никогда не нюхавшимъ пороха: что каре мятежниковъ стоитъ твердо: можно его разстрѣлять, раздавить, уничтожить, но сдвинуть нельзя; и что если бунтъ перекинется въ чернь, то въ тѣснотѣ, въ толпѣ многотысячной, пропзойдетъ не бой, а свалка, и Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. Въ войскахъ, вѣрныхъ Николаю, было колебаніе, а среди начальниковъ — то, что всегда бываетъ передъ боемъ проиграннымъ: всѣ теряли голову, суетились, метались безъ толку, давали и принимали совѣты нелѣпые: подождать до утра, въ той надеждѣ, что къ ночи мятежники сами разойдутся; или послать за пожарными трубами и облить каре водою, «направляя струю противъ глазъ, что, при бывшемъ маленькомъ морозцѣ, привело бы солдатъ въ невозможность дѣйствовать».

Появилась. наконецъ, артиллерія: послѣ дол-

гихъ уговоровъ, государь согласился послать за нею. Съ Гороховой выѣхали на большихъ рысяхъ четыре орудія съ пустыми передками, безъ зарядовъ, подъ командой полковника Нестеровскаго.

— Господинъ полковникъ, имѣете-ли вы картечи съ собою? — спросилъ Толь.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, не было приказано.

— Извольте же послать за ними немедленно, ибо въ нихъ скорая надобность будетъ. — приказалъ Толь.

Онъ зналъ, что дѣлаетъ: самовольнымъ приказомъ спасалъ государя и, можетъ быть, государство Россійское.

Отъ угла Невскаго къ дому Лобанова, отъ дома Лобанова къ забору Исакія и вдоль по забору, къ тому послѣднему углу, который заслонялъ отъ фронта мятежниковъ, государь двигался медленно-медленно, шагъ за шагомъ, въ теченіе долгихъ часовъ, казавшихся вѣчностью.

Остановившись у этого угла, почувствовалъ, что и дальше, за-уголъ, туда, откуда пули посвистываютъ, — влечетъ его сила неодолимая, затягиваетъ, засасываетъ, какъ водоворотъ — тепку. Смотрѣлъ на гладкія, сѣрыя доски и не могъ оторвать отъ нихъ глазъ: тамъ, на страшномъ углу, эти страшныя доски напоминали плаху, дыбу проклятую.

Онъ зналъ, что влечетъ его туда, за-уголъ. «Я покажу имъ, что не трушу», вспоминалъ слова свои и слова Якубовича: «Хотятъ, чтобы ваше величество сами подъѣхать изволили». Почему другихъ посылаетъ, а самъ не ѣдетъ?

Пули изъ-за угла посвистывали, перелетая черезъ головы: бунтовщики, должно быть, нарочно цѣлили вверхъ.

Уголъ забора защищалъ государя отъ пуль, а все-таки казалось, что онѣ свистятъ надъ самой головой.

— Что ты говоришь? — спросилъ онъ генерала Бенкендорфа, который, выѣхавъ за-уголъ, что-то приказывалъ стоявшему впереди батальону преображенцевъ.

— Я говорю, ваше величество, чтобъ дураки пулямъ не кланялись, — отвѣтилъ тотъ и, не успѣвъ отвернуться, увидѣлъ, что государь наклонилъ голову.

На блѣдныхъ щекахъ Николая проступили два розовыхъ пятнышка. Пришпоренная лошадь вынесла всадника за-уголъ. Онъ увидѣлъ мятежниковъ, и они его увидѣли. Закричали: «Ура, Константинъ!» и сдѣлали залпъ. Но опять, должно быть, цѣлили вверхъ — палили. Пули свистѣли надъ нимъ, какъ хлысты, не бьющіе, только грозящіе, — и въ этомъ свистѣ былъ смѣхъ: «Штабсъ-капитанъ Романовъ, ужъ не трусишь-ли?»

Опять пришпорилъ, — лошадь взвилась на дыбы и вынесла бы всадника къ самому фронту мятежниковъ, если бы генералъ-адъютантъ Васильчиковъ не схватилъ ее подъ уздцы.

— Извольте отъѣхать, ваше величество!

— Пусти! — закричалъ государь въ бѣшенствѣ. Но тотъ держалъ крѣпко и не отпустилъ бы, если бы ему это стоило жизни: былъ вѣрный рабъ.

Вдругъ пальцы государя, державшіе поводъ, ослабѣли, разжались. Васильчиковъ повернулъ лошадь, и она поскакала назадъ.

Государь почти не сознавалъ, что дѣлаетъ, но испытывалъ то же, что въ дѣтствѣ, во время грозы, когда прятался подъ подушку голову.

Доскакавъ до Дворцовой площади, опомнился. Надо было объяснить себѣ и другимъ, почему отъѣхалъ такъ внезапно отъ страшнаго мѣста. Подозвавъ дворцоваго коменданта Башуцкаго, спросилъ, исполнено-ли приказаніе усилить караулъ во дворцѣ двумя саперными ротами.

— Исполнено, ваше величество.

— Экипажи готовы? — спросилъ адъютанта Адлерберга.

— Такъ точно, ваше величество.

Велѣлъ приготовить загородные экипажи, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, перевезти тайкомъ, подъ конвоемъ кавалергардовъ, обѣихъ императрицъ и наслѣдника въ Царское.

— А что императрица какъ? — продолжалъ государь.

— Очень безпокоиться изволятъ. Умоляютъ ваше величество ѣхать съ ними, — отвѣтилъ Адлербергъ.

Государь понялъ: ѣхать съ ними — бѣжать.

— А ты какъ думаешь? — взглянулъ на Адлерберга исподлобья, украдкою.

— Я думаю, что жизнь вашего императорскаго величества...

— Дуракъ! — крикнулъ государь и, повернувъ лошадь, опять поскакалъ на Сенатскую площадь.

На Адмиралтейской башнѣ пробило три. Смеркалось. Шелъ снѣгъ. Бѣлыя мухи кружились въ темнѣющемъ воздухѣ.

Вдоль Адмиралтейскаго бульвара стояла рота пѣшей артиллеріи съ четырьмя орудіями и зарядные ящики съ картечами.

Генералъ Сухозанетъ подскакалъ къ государю.

— Ваше в ы с о ч е с т в о... — началъ второпяхъ докладывать.

Государь посмотрѣлъ на него такъ, что онъ готовъ былъ сквозь землю провалиться. Но «бѣдный малый» вспомнилъ, какъ самъ давеча скомандовалъ: «Рота его величества остается при мнѣ». Гдѣ ужъ спрашивать съ другихъ, когда самъ себя не чувствовалъ «величествомъ».

— Ваше императорское в е л и ч е с т в о, — поправился Сухозанетъ, — сумерки близки, а темнота въ этомъ положеніи опасна. Извольте повелѣть очистить площадь пушками.

Государь ничего не отвѣтилъ и вернулся на прежнее мѣсто, къ забору Исакія. Опять — гладкія, сѣрыя доски и тотъ страшный уголъ — плаха, дыба проклятая; опять свистъ пуль — свистъ хлыстовъ, не бьющихъ, только грозящихъ и смѣющихся.

Прежде было двѣ толпы: одна на сторонѣ царя, другая — на сторонѣ мятежниковъ; теперь обѣ слились въ одну. Все больше темнѣло, и въ темнотѣ толпа напирала, тѣснила государеву лошадь.

— Народъ ломитъ дуромъ. Извольте отъѣхать, ваше величество! — сказалъ кто-то изъ свиты.

— Сдѣлайте одолженье, ребята, ступайте всѣ по домамъ. Государь васъ проситъ, — убѣждалъ Бенкендорфъ.

— По мнѣ стрѣлять будутъ, могутъ и въ васъ попасть, — сказалъ государь.

— Вишь, какой мякенькой сталъ! — послышались голоса въ толпѣ.

— Теперь, какъ вамъ приспичило, то вы и лисите, а потомъ нашего же брата въ баранiй рогъ согнете!

— Не пойдемъ, умремъ съ ними!

Лица вдругъ сдѣлались злыми, и стоявшіе безъ шапокъ начали ихъ надѣвать.

— Шапки долой! — закричалъ государь, и опять, какъ давеча, восторгъ бѣшенства разлился по жиламъ огнемъ; опять понялъ, что спасенъ, только бы разсердиться, какъ слѣдуетъ.

Вдругъ, изъ-за забора начали швырять камнями, кирпичами, полѣньями.

— Подальше отъ забора, ваше величество! — крикнулъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ.

Черноволосый, курносый мужикъ, въ полушубкѣ распахнутомъ, въ красной рубахѣ, сидѣлъ верхомъ на заборѣ, тамъ, на страшномъ углу, какъ палачъ на дыбѣ.

— Вотъ-ста нашъ Пугачевъ! — смѣялся онъ, глядя прямо въ лицо государя. — Ваше величество, чего за заборъ прячешься? Подика сюда!

И вся толпа закричала, загоготала:

— Пугачевъ! Пугачевъ! Гришка Отрепьевъ! Самозванецъ! Анаѳема!

«А что, если камнемъ или полѣномъ въ високъ убьютъ, какъ собаку?» — подумалъ государь съ отвращеніемъ и вдругъ вспомнилъ, какъ у того краснорожаго, который давеча утромъ лѣзъ къ нему цѣловаться, изо рта пахло сырою говядиною. Затошнило, засосало подъ ложечкой. Потемнѣло въ глазахъ. Руки, ноги сдѣла-

лись, какъ ватныя. Боялся, что упадетъ съ лошади.

— Ура, Константинъ! — раздался крикъ: въ темнотѣ огнями вспыхнули выстрѣлы, и грянулъ залпъ. Испуганная лошадь подъ государемъ шарахнулась.

— Ваше величество, нельзя терять ни минуты. ничего не подѣлаешь, нужна картечь, — сказалъ Толь.

Государь хотѣлъ ему отвѣтить и не могъ, — языкъ отнялся. И какъ, бывало, молнія сверкала въ глаза, когда дядька Ламздорфъ во время грозы изъ подъ подушки вытаскивалъ голову его, — сверкнула мысль:

«Все пропало — конецъ!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Стоячая революція», вспоминалъ Голицынъ слова Каховскаго.

Стоятъ и ничего не дѣлаютъ. Въ однихъ мундирахъ зябнутъ попрежнему и, чтобы согрѣться, переминаются съ ноги на ногу, колотятъ рукой объ руку. Ждутъ, сами не зная чего.

Болѣе четырехъ часовъ прождали такъ, не сдѣлавъ ни одного движенья, пока не собрали всѣхъ полковъ, чтобы ихъ раздавить. Какъ будто зачарованы чарой недвижности. Пока стоятъ, —

сила крѣпость неколебимая, скала Петрова; но только-что пробуютъ сдвинуться, — слабѣютъ, изнемогаютъ, шагу не могутъ ступить. Какъ въ страшномъ снѣ: ногами двигаютъ, хотятъ бѣжать — и стоятъ.

И противникъ тоже стоитъ. Какъ будто этимъ только и борятся: кто кого перестоитъ.

«Неужели правъ Каховскій? — думалъ Голицынъ. — Неужели вся наша революція — стоячая?»

Побѣда сама дается въ руки, а они не берутъ, какъ будто нарочно упускаютъ случай за случаемъ, дѣлаютъ глупость за глупостью.

Когда Московскій полкъ взбунтовался, ему надо было идти къ другимъ полкамъ, чтобы присоединить ихъ къ себѣ; но онъ пошелъ на площадь, думая, что всѣ уже тамъ, и, только прибѣжавъ туда, увидѣлъ, что никого еще нѣтъ.

Когда флотскій экипажъ выступилъ, онъ могъ взять съ собой артиллерію: пушки противъ пушекъ рѣшили бы участь возстанія; могъ взять — и не взялъ.

А лейбъ-гренадеры могли занять крѣпость, которая господствовала надъ дворцомъ и надъ городомъ; могли захватить дворецъ, гдѣ находились тогда Сенатъ, Совѣтъ, обѣ императрицы съ наслѣдникомъ, — могли это сдѣлать — и не сдѣлали.

Но и послѣ всѣхъ этихъ промаховъ, силы мя-

тежниковъ были огромныя: три тысячи войска и вдесятеро больше народа, готовыхъ на все, по мановенію начальника.

— Дайте намъ только оружіе, мы вамъ вполчаса весь городъ перевернемъ! — говорили въ толпѣ.

— Стрѣлять будутъ. Нечего вамъ на смерть лѣзть. — отгоняли толпу солдаты.

— Пусть стрѣляютъ! Умремъ съ вами! — отвѣчала толпа.

Рѣшимость дѣйствовать была у народа, у войска, у младшихъ членовъ Общества, но не у старшихъ: у нихъ было одно желаніе — страдать, умереть, но не дѣйствовать.

— Въ поддавки играть умѣете? — спросилъ Каховскій Голицына.

— Какіе поддавки? — удивился тотъ.

— А такая игра въ шашки: кто больше поддалъ, тотъ и выигралъ.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что въ поддавки играемъ. Поддаемъ другъ другу, мы имъ, а они намъ. Глупимъ взапуски, кто кого переглупитъ.

— Нѣтъ, тутъ не глупость.

— А что же?

— Не знаю. Можетъ быть, мы не только съ ними боремся; можетъ быть, и въ насъ самихъ... Нѣтъ, не знаю, не умѣю сказать...

— Не умѣете? Эхъ, Голицынъ, и вы туда

же!.. А, впрочемъ, пожалуй, и такъ — не глупость, а что-то другое. Видѣли, давеча шпіона поймали, адъютанта Бибикова смяли, оборвали, избили до полусмерти; а Михайло Кюхельбекеръ заступился, вывелъ изъ толпы, проводилъ за цѣпь застрѣльщиковъ съ любезностью, да еще шинель съ себя снялъ и надѣлъ на него, потеплѣе закуталъ, — какъ бы не простудился, бѣдненькій! Упражняемся въ христіанской добродѣтели: бьютъ по лѣвой щекѣ, подставляемъ правую. Сами какъ порченые — и людей перепортили: вонъ стрѣляютъ вверхъ, щадятъ врага. Человѣколюбивая революція, филантропическій бунтъ! Душу спасаемъ. Крови боимся, безъ крови хотимъ. Но будетъ кровь — только напрасная и падетъ на нашу голову! Разстрѣляютъ, какъ дураковъ — такъ намъ и надо! Холопы, холопы вѣчные! Подлая страна, подлый народъ! Никогда въ Россіи не будетъ революціи!..

Вдругъ замолчалъ, отвернулся, ухватился обѣими руками за чугунные прутья рѣшетки — разговоръ шелъ у памятника Петра — и началъ биться о нихъ головой.

— Ну, полно, Каховскій! Дѣло еще не проиграно, успѣхъ возможенъ...

— Возможенъ?Въ томъ-то и подлость,что возможенъ, возможенъ успѣхъ! Но нельзя терять ни минуты — поздно будетъ! Ради Бога, помогите, Голицынъ, скажите имъ... что они дѣлаютъ! что

они дѣлаютъ!.. Да нѣтъ, и вы, и вы съ ними! Вы всѣ вмѣстѣ, а я...

Губы его задрожали, лицо сморщилось, какъ у маленькихъ дѣтей, готовыхъ расплакаться. Онъ опустился на каменный выступъ рѣшетки, согнулся, уперся локтями въ колѣни и стиснулъ голову руками съ глухимъ рыданіемъ:

— Одинъ! Одинъ! Одинъ!

И, глядя на него, Голицынъ понялъ, что, если есть между ними человѣкъ, готовый погубить душу свою за общее дѣло, то это — онъ, Каховскій; понялъ также, что помочь ему, утѣшить его нельзя никакими словами. Молча наклонился, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Господа, ступайте скорѣе! Оболенскій выбранъ диктаторомъ; сейчасъ военный совѣтъ, — объявилъ Пущинъ такъ спокойно, какъ будто они были не на площади, а за чайнымъ столомъ, у Рылѣева.

Оболенскому навязали диктаторство почти насильно. Старшій адъютантъ гвардейской пѣхоты, одинъ изъ трехъ членовъ Верховной Думы Тайнаго Общества, онъ больше, чѣмъ кто-либо, имѣлъ право быть диктаторомъ. Но, если никто не хотѣлъ начальствовать, то онъ — меньше всѣхъ. Долго отказывался, но, видя, что рѣшительный отказъ можетъ погубить все дѣло, — наконецъ, согласился и рѣшилъ собрать «военный совѣтъ».

Совѣтъ собирали и все не могли собрать. Шли и по дорогѣ останавливались, какъ-будто о чемъ-то задумавшись, все въ той же чарѣ недвижности.

— Почему мы стоимъ, Оболенскій? Чего ждемъ? — спросилъ Голицынъ, подойдя къ столу, въ серединѣ каре, подъ знаменемъ.

— А что же намъ дѣлать? — отвѣтилъ Оболенскій вяло и нехотя, какъ будто о другомъ думая.

— Какъ что? Въ атаку идти.

— Нѣтъ, воля ваша, Голицынъ, я въ атаку не пойду. Все дѣло испортимъ: вынудимъ благопріятные полки къ дѣйствію противъ себя. Только о томъ, вѣдь, и просятъ, чтобы подождали до ночи. «Продержитесь, говорятъ, до ночи и мы всѣ, по-одиночкѣ, перейдемъ на вашу сторону». Да у насъ и войска мало — силы слишкомъ неравныя.

— А народъ? Весь народъ съ нами, дайте ему только оружіе.

— Избави Богъ! Дай имъ оружіе, — сами будемъ не рады: свалка пойдетъ, рѣзня, грабежъ; прольется кровь неповинная.

— «Должно избѣгать кровопролитія всячески и слѣдовать самыми законными средствами», — напомнилъ кто-то слова Трубецкого, диктатора.

— Ну, а если разстрѣляютъ до ночи? — сказалъ Голицынъ.

— Не разстрѣляютъ: у нихъ сейчасъ и зарядовъ нѣтъ, — возразилъ Оболенскій все такъ же вяло и нехотя.

— Заряды подвезти недолго.

— Все равно, не посмѣютъ: духу не хватитъ.

— А если хватитъ?

Оболенскій ничего не отвѣтилъ, и Голицынъ понялъ, что говорить безполезно.

— Смотрите, смотрите, — закричалъ Михаилъ Бестужевъ, — батарею двинули!

Батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, стоявшій впереди остальныхъ полковъ, разступился на обѣ стороны: въ пустое пространство выкатились три орудія и, снявшись съ передковъ, обратились дулами прямо на мятежниковъ.

Бестужевъ вскочилъ на столъ, чтобы лучше видѣть.

— А вотъ и заряды! Сейчасъ заряжать будутъ! — опять закричалъ онъ и соскочилъ со стола, размахивая саблей. — Вотъ когда надо въ атаку идти и захватить орудія!

Орудія стояли менѣе чѣмъ въ ста шагахъ, подъ прикрытіемъ взвода кавалергардовъ, съ командиромъ подполковникомъ Аненковымъ, членомъ Тайнаго Общества. Только добѣжать и захватить.

Всѣ обернулись къ Оболенскому, ожидая команды. Но онъ стоялъ все такъ же молча, не дви-

таясь, потупивъ глаза, какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Голицынъ схватилъ его за руку.

— Оболенскій, что же вы?

— А что?

— Да развѣ не видите? Пушки подъ носомъ, сейчасъ стрѣлять будутъ.

— Не будутъ. Я же вамъ говорю: не посмѣютъ.

Злость взяла Голицына.

— Сумасшедшій! Сумасшедшій! Что вы дѣлаете!

— Успокойтесь, Голицынъ. Я знаю,что дѣлаю. Пусть начинаютъ, а мы — потомъ. Такъ надо.

— Почему надо? Да говорите же! Что вы мямлите, чортъ бы васъ побралъ! — закричалъ Голицынъ въ бѣшенствѣ.

— Послушайте, Голицынъ, — проговорилъ Оболенскій, все еще не поднимая глазъ. — Сейчасъ вмѣстѣ умремъ. Не сердитесь же, голубчикъ, что не умѣю сказать. Я, вѣдь, и самъ не знаю, а только такъ надо, иначе нельзя, если мы съ Нимъ...

— Съ кѣмъ?

— Е г о забыли?—поднялъ глаза Оболенскій съ тихой улыбкой, а Голицынъ глаза опустилъ.

Внезапная боль, какъ острый ножъ, пронзила сердце его. Все та же боль, тотъ же вопросъ, но уже обращенный къ Другому: «Съ Нимъ или

противъ Него?» Всю жизнь только и думалъ о томъ, чтобы въ такую минуту, какъ эта, быть съ Нимъ; и вотъ наступила минута, а онъ и забылъ о Немъ.

— Ничего, Голицынъ, все будетъ ладно, все будетъ ладно, — проговорилъ Оболенскій. — Христосъ съ вами! Христосъ съ нами со всѣми! Можетъ быть, мы и не съ Нимъ, да ужъ Онъ-то навѣрное съ нами! А насчетъ атаки, — прибавилъ, помолчавъ, — небось, ужо пойдемъ въ штыки, не струсимъ, еще посмотримъ, чья возьметъ!.. Ну, а теперь пора и на фронтъ: вѣдь, какой ни на есть, а все же диктаторъ! — разомѣялся онъ весело и побѣжалъ, махая саблей. И всѣ — за нимъ.

Добѣжавъ до фронта, увидѣли, скачущаго со стороны батареи, генерала Сухозанета. Подскакавъ къ цѣпи стрѣлковъ, онъ крикнулъ имъ что-то, указывая туда, гдѣ стоялъ государь, и они пропустили его.

— Ребята! — заговорилъ Сухозанетъ, подъѣхавъ къ самому фронту московцевъ. — Пушки передъ вами. Но государь милостивъ, жалѣетъ васъ, и если вы сейчасъ положите оружіе...

— Сухозанетъ, гдѣ же конституція?—закричали ему изъ каре.

— Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ...

— Такъ убирайся къ чорту!

— И пришли кого-нибудь почище твоего!

— Коли его, ребята, бей!

— Не троньте подлеца, онъ пули не стоитъ!

— Въ послѣдній разъ говорю: положите ружья, а то палить будемъ!

— Пали! — закричали всѣ съ непристойнымъ ругательствомъ.

Сухозанетъ, давъ шпоры лошади, повернулъ ее, поднялъ въ галопъ — толпа отшатнулась — онъ выскочилъ. По немъ сдѣлали залпъ, но онъ уже мчался назадъ, къ батареѣ, — только бѣлыя перья съ шляпнаго султана посыпались.

И Голицынъ увидѣлъ съ восторгомъ, что Оболенскій тоже выстрѣлилъ.

Вдругъ, на лѣвомъ флангѣ батареи появился всадникъ на бѣломъ конѣ — государь. Онъ подскакалъ къ Сухозанету, наклонился къ нему и сказалъ что-то на-ухо.

Наступила тишина, и слышно было, какъ Сухозанетъ скомандовалъ:

— Батарея, орудья заряжай! Съ зарядомъ-жай!

— Ура, Константинъ! — закричали мятежники неистово.

Въ бѣлесоватыхъ сумеркахъ затеплились, рядомъ съ мѣдными жерлами пушекъ, красныя звѣздочки фитилей курящихся. Голицынъ смотрѣлъ прямо на нихъ — прямо въ глаза смерти. — и старыя слова звучали для него по-новому:

«Съ нами Богъ! Съ нами Богъ! Нѣтъ, Каховскій неправъ: будетъ революція въ Россіи, да еще такая, какой міръ не видалъ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Ежели сейчасъ не положатъ оружія, велю стрѣлять», сказалъ государь, посылая Сухозанета къ бунтовщикамъ.

— Ну, что, какъ? — спросилъ его, когда тотъ вернулся.

— Ваше величество, сумасбродные кричатъ: конституція! Картечи бы имъ надо, — повторилъ Сухозанетъ слова Бенкендорфа.

«Картечи или конституціи?» опять подумалъ государь, какъ давеча.

Сухозанетъ ждалъ приказаній. Но государь молчалъ, какъ будто забылъ о немъ.

— Орудія заряжены? — спросилъ, наконецъ, выговаривая слова медленно, съ трудомъ.

— Такъ точно, ваше величество, но безъ боевыхъ зарядовъ. Приказать изволите — картечами?

— Ну, да. Ступай, — отвѣтилъ государь все такъ же трудно-медленно. — Стой, погоди, — вдругъ остановилъ его. — Первый выстрѣлъ вверхъ.

— Слушаю-съ, ваше величество.

Сухозанетъ отъѣхалъ къ орудіямъ, и государь увидѣлъ, что ихъ заряжаютъ картечами.

Прежній страхъ исчезъ, и былъ новый, невѣдомый. Онъ уже за себя не боялся — понялъ, что ничего ему не сдѣлаютъ, пощадятъ до конца, — но боялся того, что сдѣлаетъ самъ.

Увидѣвъ Бенкендорфа, подъѣхалъ къ нему.

— Что же дѣлать, что же дѣлать, Бенкендорфъ? — зашепталъ ему на-ухо.

— Какъ что? Стрѣлять немедленно, ваше величество! Сейчасъ въ атаку пойдутъ, пушки отнимутъ...

— Не могу! Не могу! Какъ же ты не понимаешь, что не могу!

— Чувствительность сердца дѣлаетъ честь вашему величеству, но теперь не до того! Надо рѣшиться на что-нибудь: или пролить кровь нѣкоторыхъ, чтобы спасти все; или государствомъ пожертвовать...

Государь слушалъ, не понимая.

— Не могу! Не могу! Не могу! — продолжалъ шептать, какъ въ безпамятствѣ. И что-то было въ этомъ шопотѣ такое новое, странное, что Бенкендорфъ испугался.

— Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь, ваше величество! Извольте только скомандовать, — я все беру на себя.

— Ну, ладно, ступай. Сейчасъ... — махнулъ рукой государь и отъѣхалъ въ сторону.

Закрылъ на мгновеніе глаза — и такъ ясно-отчетливо, какъ будто сейчасъ передъ глазами, увидѣлъ маленькое голенькое Сашино тѣло. Это было давно, лѣтъ пять назадъ, въ грозовую душную ночь, въ Петергофскомъ дворцѣ, въ голубой Сашиной спальнѣ. Зубки прорѣзались у мальчика; онъ по ночамъ не спалъ, плакалъ, метался въ жару, а въ эту ночь спокойно уснулъ. Alexandrine подвела мужа къ Сашиной кроваткѣ и тихонько раздвинула пологъ. Мальчикъ спалъ, разметавшись; скинулъ одѣяльце, лежалъ голенькій — все розовое тѣльце въ ямочкахъ — и улыбался во снѣ. «Regarde, regarde le donc! Oh, qu'il est joli, le petit ange!»—шептала Alexandrine съ улыбкой. И штабсъ-капитанъ Романовъ тоже улыбался.

«Что это я? Брежу? Съ ума схожу?» — опомнился. Открылъ глаза и увидѣлъ генерала Сухозанета, который уже въ третій разъ докладывалъ:

— Орудья заряжены, ваше величество.

Государь молча кивнулъ головой, и тотъ опять, не получивъ приказаній, отъѣхалъ къ батареѣ, въ недоумѣньѣ.

«Господи, спаси! Господи, помоги!» попробовалъ государь молиться, но не могъ.

— Пальба орудьями по порядку! Правый флангъ, начинай! Первое! — вдругъ закричалъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ боязливый убій-

ца заноситъ ножъ, не для того чтобъ ударить, а чтобы только попробовать.

— Начинай! Первое! Первое! Первое! — прокатилась команда отъ начальника къ начальнику.

— Первое! — повторилъ младшій — ротный командиръ Бакунинъ.

— Отставь! — крикнулъ государь. Не смѣетъ ударить — ножъ выпалъ изъ рукъ.

И черезъ нѣсколько секундъ опять:

— Начинай! Первое!

И опять:

— Отставь!

И въ третій разъ:

— Начинай! Первое!

Какъ будто исполинскій маятникъ качался отъ безумья къ безумью, отъ ужаса къ ужасу.

Вдругъ вспомнилъ, что первый выстрѣлъ — вверхъ, черезъ головы. Попробовать въ послѣдній разъ — не испугаются ли, не разбѣгутся ли?

— Первое! Первое! — опять прокатилась команда.

— Первое! Пли! — крикнулъ Бакунинъ.

Но фейерверкеръ замялся — не наложилъ пальника на трубку.

— Что ты, сукинъ сынъ, команды не слушаешь? — подскочилъ къ нему Бакунинъ.

— Ваше благородье, свои, — тихо отвѣтилъ тотъ и взглянулъ на государя. Глаза ихъ встрѣ-

тились, и какъ будто разстоянье между ними исчезло: не рабъ смотрѣлъ на царя, а человѣкъ на человѣка.

«Да, свои! Сашино, Сашино тѣло!»

— Отставь! — хотѣлъ крикнуть Николай, но чья-то страшная рука сдавила ему горло.

Бакунинъ выхватилъ изъ рукъ фейерверкера пальникъ и самъ нанесъ его на трубку съ порохомъ.

Загрохотало, загудѣло оглушающимъ гуломъ и грохотомъ. Но картечь пронеслась надъ толпой, черезъ головы. Ножъ не вонзился въ тѣло — мимо скользнулъ.

Каре не шелохнулось: опираясь на скалу Петрову, стояло, недвижное, неколебимое, какъ эта скала. Только въ отвѣтъ на выстрѣлъ затрещалъ бѣглый ружейный огонь, и раздался крикъ торжествующій:

— Ура! Ура! Ура, Константинъ!

И какъ вода превращается въ паръ отъ прикосновенія желѣза, раскаленнаго до-бѣла, ужасъ государя превратился въ бѣшенство.

— Второе! Пли! — закричалъ онъ — и вторая пушка грянула.

Облако дыма застилало толпу, но по раздирающимъ воплямъ, крикамъ, визгамъ и еще какимъ-то страшнымъ звукамъ, похожимъ на мокрое шлепанье, брызганье, — онъ понялъ, что кар-

течь ударила прямо въ толпу. Ножъ вонзился въ тѣло.

А когда облако разсѣялось, увидѣлъ, что каре все еще стоитъ; только маленькая кучка отдѣлилась отъ него и побѣжала въ атаку стремительно.

Но грянула третья, четвертая, пятая, — и сквозь клубящійся дымъ, прорѣзаемый огнями выстрѣловъ, видно было, какъ сыпалась градомъ картечь въ сплошную стѣну человѣческихъ тѣлъ.

Мѣшала скала Петрова,но и въ нее палили: казалось, что разстрѣливаютъ Мѣднаго Всадника.

А когда уже вся площадь опустѣла, — выкатили пушки впередъ и, преслѣдуя бѣгущихъ, продолжали палить вдоль по Галерной, Исакіевской, по Англійской набережной, по Невѣ и даже по Васильевскому Острову.

— Заряжай-жай! Пли! Жай-пли! — кричалъ Сухозанетъ уже осипшимъ голосомъ.

— Жай-пли! Жай-пли! — вторилъ ему государь.

Ударъ за ударомъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ, — ножъ вонзался, вонзался, вонзался, а ему все было мало, — какъ будто утолялъ жажду неутолимую, — и огненный напитокъ разливался по жиламъ такъ упоительно, какъ еще никогда.

Генералъ Комаровскій взглянулъ на государя и подумалъ,такъ же какъ давеча,внезапно-нечаянно:

«Не человѣкъ, а дьяволъ!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Голицынъ стоялъ у чугунной рѣшетки памятника, обернувшись лицомъ къ батареѣ, когда раздался первый выстрѣлъ, и картечь, пронесшись съ визгомъ надъ головами, ударилась вверхъ, въ стѣны, окна и крышу Сената. Разбитыя стекла зазвенѣли, посыпались. Два человѣка, взобравшіеся въ чаши вѣсовъ, которые держала въ рукѣ богиня Правосудія на фронтонѣ Сената, упали къ ея подножію, и нѣсколько убитыхъ, свалившись съ крыши, стукнулись о мостовую глухо, какъ мучные кули.

Но толпа на площади не дрогнула.

— Ура, Константинъ! — закричала съ торжествующимъ вызовомъ.

— За мной, ребята! Стройся въ колонну къ атакѣ! — командовалъ Оболенскій, размахивая саблей.

«Неужели онъ правъ? — думалъ Голицынъ.— Не посмѣютъ стрѣлять, духу не хватитъ? Побѣдили, перестояли? Сейчасъ пойдемъ въ штыки и овладѣемъ пушками!»

Но вторая грянула, и первый рядъ московцевъ легъ, какъ подкошенный. Задніе ряды еще держались. А толпа уже разбѣгалась, кишѣла, какъ муравейникъ, ногой человѣка раздавленный. Часть отхлынула въ Галерную; другая — къ на-

бережной, и здѣсь, кидаясь черезъ ограду Невы, люди падали въ снѣгъ; третья — къ Конногвардейскому манежу. Но пальба началась и оттуда, изъ батареи великаго князя Михаила Павловича.

Бѣгущіе махали платками и шапками, но ихъ продолжали разстрѣливать съ обѣихъ сторонъ. Люди метались, давили другъ друга. Тѣла убитыхъ ложились рядами, громоздились, куча на кучу. И не зная, куда бѣжать, толпа завертѣлась, какъ въ водоворотѣ, въ свалкѣ неистовой. А картечь, врѣзаясь въ нее съ желѣзнымъ визгомъ и скрежетомъ, разрывала, четвертовала тѣла, такъ что взлетали окровавленные клочья мяса, оторванныя руки, ноги, головы. Все смѣшалось въ дико - ревущемъ, вопящемъ и воющемъ хаосѣ.

Голицынъ стоялъ, не двигаясь. Когда московцы дрогнули и побѣжали, онъ видѣлъ, какъ вдали заколебалось уносимое знамя полка — поруганное знамя Россійской вольности.

— Стой, ребята! — кричалъ Оболенскій, но его уже не слушали.

— Куда бѣжишь? — съ матерной бранью схватилъ Михаилъ Бестужевъ одного изъ бѣгущихъ за шиворотъ.

— Ваше благородье, сила солому ломитъ, — отвѣтилъ тотъ, вырвался и побѣжалъ дальше.

Пули свистѣли мимо ушей Голицына; сорвали

съ него шляпу, пробили шинель. Онъ закрылъ глаза и ждалъ смерти.

— Ну, кажется, все кончено, — послышался ему спокойный голосъ Пущина.

«Нѣтъ, не все, — подумалъ Голицынъ, — что-то еще надо сдѣлать. Но что?»

Между двумя выстрѣлами наступила тишина мгновенная, и онъ услышалъ, какъ, надъ самымъ ухомъ его, слабо щелкнуло. Открылъ глаза и увидѣлъ Каховскаго. Взобравшись на каменный выступъ рѣшетки, онъ ухватился одной рукой за перила, а другой держалъ пистолетъ и взводилъ курокъ.

Голицынъ оглянулся, чтобы увидѣть, въ кого онъ цѣлитъ. Тамъ, у лѣваго фланга батареи, за клубами порохового дыма, сидѣлъ на бѣлой лошади всадникъ. Голицынъ узналъ Николая.

Каховскій выстрѣлилъ и промахнулся. Соскочилъ съ рѣшетки, вынулъ другой пистолетъ изъ-за пазухи и побѣжалъ.

Голицынъ — за нимъ. На-бѣгу тоже вынулъ изъ бокового кармана шинели пистолетъ и взвелъ курокъ. Теперь зналъ, что надо дѣлать: убить Звѣря.

Но десяти шаговъ не сдѣлали, какъ валившая навстрѣчу толпа окружила ихъ, сдавила, стиснула и потащила назадъ.

Голицынъ споткнулся, упалъ, и кто-то навалился ему на спину; кто-то ударилъ сапогомъ

въ високъ такъ больно, что онъ лишился чувствъ.

Когда очнулся, толпа разсѣялась, Каховскій исчезъ. Голицынъ долго шарилъ рукой по землѣ, искалъ пистолета: должно быть, потерялъ его давеча въ свалкѣ. Наконецъ, бросилъ искать, всталъ и побрелъ, самъ не зная куда, шатаясь, какъ пьяный.

Пальба затихла. Выдвигали орудья, чтобы стрѣлять вдоль по Галерной и набережной.

Онъ пробирался по опустѣвшей площади, между тѣлами убитыхъ. Самъ какъ мертвый между мертвыми. Все было тихо — ни движенья, ни стона — только по землѣ струилась кровь неостывшая, растопляя снѣгъ, и потомъ сама замерзала.

Онъ вспомнилъ, что московцы побѣжали въ Галерную, и пошелъ туда, къ товарищамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними умереть. По дорогѣ, на что-то наткнулся ногой въ темнотѣ; наклонился, нащупалъ рукой пистолетъ; поднялъ, осмотрѣлъ — онъ былъ заряженъ — и для чего-то сунулъ его въ карманъ шинели.

Когда онъ вошелъ въ Галерную, опять началась пальба — здѣсь, въ тѣснотѣ, между домовъ, еще убійственнѣй. Проносясь по узкой, длинной улицѣ, картечь догоняла и косила людей. Они забѣгали въ дома, прятались за каждымъ угломъ и выступомъ, стучались въ ворота, но все было

на-глухо заперто и не отпиралось ни на какіе копли. А пули, ударяясь объ стѣны, отскакивали, прыгали и не щадили ни одного угла.

— Истолкутъ насъ всѣхъ въ этой чортовой ступѣ! — ворчалъ сѣдой усачъ-гренадеръ и, по привычкѣ, вынулъ изъ - за голенища тавлинку. но тотчасъ спряталъ опять, — должно быть, рѣшилъ, что нюхать табакъ передъ смертью грѣшно.

— Кровопійцы, злодѣи. анаѳемы! Будьте вы прокляты! — крпчалъ бъ изступленьи. грозя кулакомъ. тотъ самый мастеровой съ испитымъ лицомъ, въ тиковомъ халатѣ, который проповѣдывалъ давеча о вольности, — и вдругъ упалъ, пронзенный пулею.

Чиновникъ, старенькій, лысенькій, безъ шубы, во фракѣ, съ Анной на шеѣ, прижался къ стѣнѣ, распластался на ней, какъ будто расплющился, и визжалъ тоненькимъ голосомъ, однообразно - пронзительнымъ, — нельзя было понять, отъ боли или отъ страха.

Толстая барыня въ букляхъ, въ черной шляпѣ съ розаномъ, присѣла на корточки и крестилась, и плакала, точно кудахтала.

Мальчишка изъ лавочки, въ засаленномъ фартукѣ, съ пустой корзинкой на головѣ, — можетъ быть тотъ самый, что слѣдилъ за Голицынымъ давеча утромъ, когда онъ ждалъ «минуты слад-

каго свиданья», — лежалъ навзничь, убитый, въ лужѣ крови.

Рядомъ съ Голицынымъ, кому - то размозжило голову. «Звукъ такой, какъ мокрымъ полотенцемъ бросить объ стѣну», подумалъ онъ съ удивленіемъ безчувственнымъ.

И опять закрылъ глаза. «Да ну же, ну, скорѣе!» — звалъ смерть, но смерть не приходила. Ему казалось, что всѣ его товарищи убиты, и только онъ одинъ живъ. Тоска на него напала пуще смерти. «Убить себя», подумалъ, вынулъ пистолетъ, взвелъ курокъ и приложилъ къ виску. Но вспомнилъ Маришьку и отнялъ руку.

Въ это время Михайло Бестужевъ, собравъ на Невѣ остатокъ солдатъ, строилъ ихъ въ колонну, чтобы идти по льду въ атаку на крѣпость. Занявъ ее и обративъ пушки на Зимній дворецъ, думалъ начать возстаніе сызнова.

Три взвода уже построились, когда завизжало ядро и ударилось въ ледъ. Батарея съ Исакіевскаго моста палила вдоль по Невѣ. Ядро за ядромъ валило ряды. Но солдаты продолжали строиться.

Вдругъ раздался крикъ:

— Тонемъ!

Разбиваемый ядрами ледъ провалился. Въ огромной полыньѣ тонущіе люди барахтались. Остальные кинулись къ берегу.

— Сюда, ребята! — указалъ Бестужевъ на ворота Академіи Художествъ.

Но прежде чѣмъ успѣли вбѣжать, ворота захлопнулись. Вынули бревно изъ днища сломанной барки и начали сбивать ворота съ петель. Они уже трещали подъ ударами, когда солдаты увидѣли эскадронъ кавалергардовъ, мчавшійся прямо на нихъ.

— Спасайся, ребята, кто можетъ! — крикнулъ Бестужевъ, и всѣ разбѣжались. Остался только знаменщикъ. Бестужевъ обнялъ его, поцѣловалъ, велѣлъ отдать знамя скакавшему впереди эскадрона поручику и самъ побѣжалъ.

Оглянувшись на-бѣгу, увидѣлъ, что знаменщикъ подошелъ къ офицеру, отдалъ знамя и упалъ, зарубленный ударомъ сабли съ плеча, а офицеръ поскакалъ съ отбитымъ знаменемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Ваше величество, все кончено, — доложилъ Бенкендорфъ.

Государь молчалъ, потупившись. «Что это было? Что это было?» вспоминалъ, какъ будто очнувшись отъ бреда, и чувствовалъ, что произошло ужасное, непоправимое.

— Все кончено, бунтъ усмиренъ, ваше величество, — повторялъ Бенкендорфъ, и что-то

было въ голосѣ его такое новое, что государь удивился, но еще не понялъ, не повѣрилъ.

Робко поднялъ глаза и тотчасъ опять опустилъ; потомъ — смѣлѣе, — и вдругъ понялъ: ничего ужаснаго, все какъ слѣдуетъ: усмирилъ бунтъ и казнилъ бунтовщиковъ. «Если буду хоть на одинъ часъ императоромъ, то покажу, что былъ того достоинъ!» И показалъ. Только теперь воцарился воистину: не самозванецъ, а самодержецъ.

На блѣдныхъ щекахъ его проступили два розовыхъ пятнышка; искусанныя до крови губы заалѣли, какъ будто напились крови. И все лицо ожило.

— Да, Бенкендорфъ, кончено — я императоръ, но какою цѣною, Боже мой! — вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу: — Да будетъ воля Господня!

Опять вошелъ въ роль и зналъ, что уже не собьется; опять пристала личина къ лицу — и уже не спадетъ.

— Ура! Ура! Ура, Николай! — начавшись отъ Сенатской площади, докатилось, тысячеголосое, до внутреннихъ покоевъ Зимняго дворца, — и тамъ тоже поняли, что бунтъ усмиренъ.

Въ маленькомъ кругломъ кабинетѣ-фонарикѣ, выходившемъ окнами на Дворцовую площадь, молодая императрица Александра Ѳеодоровна сидѣла на подоконникѣ, молча, блѣдная,

помертвѣвшая, и смотрѣла въ окно, откуда видна была часть площади, покрытая войсками.

Императрица Марія Ѳеодоровна, по обыкновенію, болтала и суетилась безъ толку. Совала всѣмъ въ руки маленькій портретикъ покойнаго императора Александра Павловича, умоляя отнести его къ мятежникамъ:

— Покажите, покажите имъ этого ангела — можетъ быть, они опомнятся!

Тутъ же былъ Николай Михайловичъ Карамзинъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Карамзинъ выходилъ на площадь.

«Какія лица я видѣлъ! Какія слова слышалъ! — вспоминалъ впослѣдствіи. — Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Умремъ, однако-жъ, за Святую Русь! Камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ... Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ».

— А знаете, Николай Михайловичъ, вѣдь, то, что здѣсь происходитъ, есть критика вооруженною рукою на вашу «Исторію Государства Россійскаго», — шепнулъ ему на-ухо одинъ изъ «безумныхъ либералистовъ», еще тамъ, на площади, и онъ потомъ часто вспоминалъ эти слова непонятныя.

Когда загремѣли пушки, Марія Ѳеодоровна всплеснула руками.

— Боже мой, вотъ до чего мы дожили! Мой сынъ всходитъ на престолъ съ пушками! Льется кровь, русская кровь!

— Испорченная кровь, ваше величество, — утѣшалъ ее Голицынъ. Но она повторяла, неутѣшная:

— Что скажетъ Европа! Что скажетъ Европа!

А молодая императрица, какъ упала на колѣна, закрывъ лицо руками, при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, такъ и не вставала, замерла, не двигаясь; только голова дрожала дрожью непрестанною. «Какъ лилея подъ бурею», думалъ Карамзинъ.

И потомъ, когда все уже кончилось, не прекращалось это дрожанье, качанье головы, какъ цвѣтка на стеблѣ надломленномъ. Сама его не чувствовала, но всѣ замѣтили. Думали, пройдетъ. Но не прошло — осталось на всю жизнь.

Въ сосѣдней комнатѣ, за круглымъ столикомъ, сидѣлъ и кушалъ котлетку, подъ наблюденіемъ англичанки Мими, маленькій мальчикъ, круглолицый, голубоглазый, въ красной, шитой золотомъ курточкѣ, въ родѣ гусарскаго ментика, государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

Онъ первый услышалъ «ура» на площади,

подбѣжалъ къ окну и закричалъ, захлопалъ въ ладоши:

— Папенька! Папенька!

Въ парадныхъ залахъ дворца, сіявшихъ огненными гроздьями люстръ, золотой жужжащій улей смолкъ, когда вошелъ государь.

«Не узнать — совсѣмъ другой человѣкъ: такая перемѣна въ лицѣ, въ поступи, въ голосѣ», тотчасъ замѣтили всѣ.

«Tout de suite il a pris de l'applomb,—подумалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. — Пошелъ не тѣмъ, чѣмъ вернулся; пошелъ самозванцемъ, вернулся самодержцемъ».

— Благословенъ грядый во имя Господне, — встрѣтилъ государя, входившаго въ церковь, митрополитъ Серафимъ торжественнымъ возгласомъ.

— Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему государю императору всея Россіи, Николаю Павловичу многая лѣта! Да подастъ ему Господь благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, и на враги побѣду и одолѣніе! — загудѣлъ въ концѣ молебствія громоподобный голосъ діакона.

«Да, Божьей милостью императоръ самодержецъ Всероссійскій! Что далъ мнѣ Богъ, ни одинъ человѣкъ у меня не отниметъ», подумалъ государь и повѣрилъ окончательно, что все какъ слѣдуетъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

«Крови боимся, безъ крови хотимъ. Но будетъ кровь, только напрасная», вспоминались Голицыну слова Каховскаго. «Напрасная! Напрасная! Напрасная!» стучало въ больной головѣ его, какъ бредъ, однозвучно-томительно.

Лежа на софѣ, глядѣлъ онъ сквозь прищуренныя, лихорадочно горящія вѣки на свѣтлый кругъ отъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ въ полутемной комнатѣ, на библіотечныя полки съ книгами, выцвѣтшія нѣжныя пастели бабушекъ и дѣдушекъ — все такое уютное, мирное, тихое, что сегодняшній день на площади казался страшнымъ сномъ.

Поздно ночью, когда все уже кончилось, унтеръ-офицеръ Московскаго полка, спасаясь отъ погони конныхъ разъѣздовъ и пробираясь по глухимъ, занесеннымъ снѣжными сугробами, задворкамъ, у Крюкова канала, наткнулся въ темнотѣ на Голицына, уснувшаго между полѣнницами дровъ, окоченѣвшаго и полузамерзшаго: подумалъ, что мертвый, хотѣлъ пройти мимо, но услышалъ слабый стонъ, наклонился, заглянулъ въ лицо, при тускломъ свѣтѣ фонаря узналъ одного изъ бывшихъ на площади начальниковъ и доложилъ о немъ Вильгельму Карловичу Кюхель-

бекеру, который находился поблизости, съ кучкой бѣжавшихъ солдатъ.

Голицына привели въ чувство, усадили на извозчика, и Кюхельбекеръ отвезъ его къ Одоевскому, съ которымъ жилъ вмѣстѣ у Большого театра. Хозяина не было дома — еще не вернулся съ площади.

Узнавъ, что всѣ товарищи цѣлы, Голицынъ сразу ожилъ и, вспомнивъ обѣщанье, данное Маринькѣ — увидѣться съ нею въ послѣдній разъ, можетъ быть, передъ вѣчной разлукой, — хотѣлъ тотчасъ ѣхать домой. Но Кюхельбекеръ не пустилъ его, уложилъ, укуталъ, обвязалъ голову полотенцемъ съ уксусомъ, напоилъ чаемъ, пуншемъ и еще какимъ-то декоктомъ собственнаго изобрѣтенья.

Голицыну спать не хотѣлось: онъ только прилегъ отдохнуть, но закрылъ глаза и мгновенно, глубоко заснулъ, какъ будто провалился въ яму.

Когда проснулся, Кюхельбекера уже не было въ комнатѣ. Позвалъ — никто не откликнулся. Взглянулъ на часы, и глазамъ не повѣрилъ: семь утра. Пять часовъ проспалъ, а казалось, пять минутъ.

Всталъ, обошелъ комнаты. — никого. Только въ людской храпѣлъ денщикъ. Голицынъ разбудилъ его и узналъ, что баринъ не возвращался, а Кюхельбекеръ со старымъ камердинеромъ князя уѣхалъ искать его по городу.

Голицынъ былъ очень слабъ; голова кружилась, и високъ болѣлъ мучительно, должно быть, отъ удара сапогомъ, во время свалки на площади. Но онъ все-таки одѣлся — только теперь замѣтилъ, что шляпа на немъ чужая, а очки какимъ-то чудомъ уцѣлѣли, — вышелъ на улицу, сѣлъ на извозчика и велѣлъ ѣхать на Сенатскую площадь. Рѣшилъ — сначала туда, а домой — уже потомъ.

Еще не разсвѣло, только небо начинало сѣрѣть, и снѣгъ на крышахъ бѣлѣлъ.

Чѣмъ ближе къ Сенатской площади, тѣмъ больше напоминали улицы военный лагерь: всюду войска, патрули, кордонныя цѣпи, коновязи, кучи соломы и сѣна, пики и ружья въ козлахъ, караульные окрики, трескъ горящихъ костровъ; блестящія жерла пушекъ то показывались, то скрывались въ дыму и мерцаніи пламени.

На Англійской набережной Голицынъ слѣзъ съ саней — проѣзда дальше не было — и пошелъ пѣшкомъ, пробираясь сквозь толпу. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, долженъ былъ остановиться: на площадь не пропускали; ее окружали войска шпалерами, и между ними стояли орудія, обращенныя жерлами во всѣ главныя улицы.

По набережной ѣхалъ возъ, крытый рогожами. Завидѣвъ его, толпа разступилась, стала снимать шапки и креститься.

— Что это? — спросилъ Голицынъ.

— Покойники, — отвѣтилъ ему кто-то боязливымъ шопотомъ. — Царство имъ небесное! Тоже, вѣдь, люди крещеные, а пихаютъ подъ ледъ, какъ собакъ.

Зашептались и другіе, рядомъ съ Голицынымъ, и, прислушиваясь къ этимъ шопотамъ, онъ узналъ, что полиція всю ночь подбирала тѣла и свозила ихъ на рѣку; тамъ было сдѣлано множество прорубей, и туда, подъ ледъ, спускали ихъ всѣхъ, безъ разбора, не только мертвыхъ, но и живыхъ, раненыхъ: разбирать было некогда, — къ утру велѣно очистить площадь. Второпяхъ, кое-какъ пропихивали тѣла въ узкія проруби, такъ что иныя застревали и примерзали ко льду.

Воронье, чуя добычу, носилось надъ Невою черными стаями, въ бѣлесоватыхъ сумеркахъ утра, со зловѣщимъ карканьемъ. И карканье это сливалось съ какимъ-то другимъ, еще болѣе зловѣщимъ звукомъ, подобнымъ желѣзному скрежету.

— А это что? Слышите? — опять спросилъ Голицынъ.

— А это — мытье да катанье, — отвѣтили ему все тѣмъ же боязливымъ шопотомъ.

— Какое мытье да катанье?

— Ступай, самъ погляди.

Голицынъ еще немного протискался, приподнялся на цыпочки и заглянулъ туда, откуда доносился непонятный звукъ. Тамъ, на площади,

люди желѣзными скребками скребли мостовую, соскабливали красный, смѣшанный съ кровью снѣгъ, посыпали чистымъ, бѣлымъ — и катками укатывали; а на ступеняхъ Сенатскаго крыльца отмывали замерзшія лужи крови кипяткомъ изъ дымящихся шаекъ и терли мочалками, швабрами. Вставляли стекла въ разбитыя оконницы; штукатурили, закрашивали, замазывали желтыя стѣны и бѣлыя колонны Сената, забрызганныя кровью, испещренныя пулями. И вверху, на крышѣ, чинили вѣсы въ рукахъ богини Правосудія.

А пасмурное утро, туманное, тихое, такъ же какъ вчера, задумалось, на что повернуть — на морозъ или на оттепель; такъ же Адмиралтейская игла воткнулась въ низкое небо, какъ въ бѣлую вату; такъ же мостки черезъ Неву уходили въ бѣлую стѣну, и казалось, тамъ, за Невою, нѣтъ ничего — только бѣлая мгла, пустота, конецъ земли и неба, край свѣта. И такъ же Мѣдный Всадникъ на мѣдномъ конѣ скакалъ въ эту бѣлую тьму кромѣшную.

И все скребли, скребли скребки, скрежеща желѣзнымъ скрежетомъ.

«Не отскребутъ, — подумалъ Голицынъ. — Кровь изъ земли выступитъ и возопіетъ къ Богу, и побѣдитъ Звѣря!»

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСЛѢ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Революція — на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока Божьей милостью я — императоръ... Что ты на меня такъ смотришь?

Бенкендорфъ таращилъ глаза, думая только объ одномъ, какъ-бы не заснуть. Но трудно было застигнуть его врасплохъ, даже соннаго.

— Любуюсь вами, государь. Недаромъ уподобляютъ ваше величество Аполлону Бельведерскому. Сей побѣдилъ Пиѳона,змія лютаго; вы-же — революцію всесвѣтную.

Разговоръ шелъ въ пріемной, между временнымъ кабинетомъ-спальней государя и флигель-адъютантскою комнатою, въ Зимнемъ дворцѣ,въ ночь съ 14-го декабря на 15-е.

Восемь часовъ провелъ государь на площади; усталъ, оголодалъ, озябъ. Вернувшись во дворецъ и поужинавъ на-скоро, послѣ молебна, — тотчасъ принялся за допросъ арестованныхъ. Въ

мундирѣ Преображенскаго полка, въ шарфѣ и въ лентѣ, въ ботфортахъ и лосинахъ,затянутый, застегнутый на всѣ крючки и пуговицы, даже не прилегъ ни разу, а только иногда задремывалъ, сидя на кожаномъ диванѣ съ неудобною, выпуклою спинкою, за столомъ, заваленнымъ бумагами.

Камеръ-лакей, неслышно крадучись, уже въ третій разъ входилъ въ комнату, перемѣняя въ углу, на яшмовомъ столикѣ, канделябръ со множествомъ догорающихъ свѣчей. На англійскихъ стѣнныхъ часахъ пробило четыре. Бенкендорфъ поглядѣлъ на нихъ съ тоскою: тоже вторую ночь не спалъ. Но продолжалъ говорить, чтобъ не заснуть.

— Иногда прекрасный день начинается бурею; да будетъ такъ и въ царствованіе вашего величества. Самъ Богъ защитилъ насъ отъ такого бѣдствія, которое, если-бъ не разрушило, то, конечно, истерзало бы Россію. Это стоитъ французскаго нашествія: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ какъ-бы луча неземного. — повторилъ онъ слышанныя давеча слова Карамзина.

— Да, счастливо отдѣлались. — сказалъ государь, чувствуя, что все еще сердце у него замираетъ, какъ у человѣка, только-что перебѣжавшаго по утлой дощечкѣ надъ пропастью, и взглянулъ на Бенкендорфа украдкой, съ тайной надеждой, не успокоитъ-ли. Но тотъ какъ будто

нарочно запугивалъ, оплеталъ липкою сѣтью страха, какъ паукъ — муху паутиною.

— Все на волоскѣ висѣло, ваше величество. Рѣшительныя дѣйствія мятежниковъ имѣли-бы вѣрный успѣхъ. Но, видно, Богъ милосердный погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какую-то странную нерѣшительность. Сколько часовъ простояли на площади въ совершенномъ бездѣйствіи, пока мы всѣхъ нужныхъ мѣръ не приняли! А вѣдь, опоздай саперы только на одну минуту, когда лейбъ-гренадеры уже во дворъ ворвались, — и въ рукахъ злодѣевъ былъ-бы дворецъ со всей августѣйшей фамиліей. Ужасно подумать, что-бы надѣлала сія адская шайка изверговъ, отрекшихся отъ Бога, царя и отечества! Ужасно! Волосы дыбомъ встаютъ, кровь стынетъ въ жилахъ!

— Перерѣзали-бы всѣхъ?

— Всѣхъ, ваше величество.

— А правда, что меня еще тамъ, на площади, убить хотѣли?

— Да, еще тамъ. Можетъ быть, та самая пуля, коей пронзенъ Милорадовичъ, предназначалась вашему величеству.

— А что, онъ еще живъ?

— Кончается, едва-ли до утра выживетъ. Антоновъ огонь въ кишкахъ.

Помолчали.

— Ну, а какъ теперь, спокойно? — спросилъ

государь и подумалъ, что слишкомъ часто объ этомъ спрашиваетъ.

— Слава Богу, пока что спокойно.

— Много арестовано?

— Сотъ семь человѣкъ нижнихъ чиновъ, офицеровъ съ десятокъ, да нѣсколько каналій фрачниковъ. Но это не главные начальники, а только застрѣльщики.

— И Трубецкой — не главный?

— Нѣтъ, государь, я полагаю, что дѣло это восходитъ выше...

— Какъ выше? Что ты разумѣешь?

— Еще не знаю навѣрное, но опасаюсь, что важнѣйшіе сановники, можетъ быть, даже члены государственнаго совѣта въ этомъ дѣлѣ замѣшаны.

— Кто-же именно?

— Именъ я бы не хотѣлъ называть.

— Имена, имена, — я требую!

— Мордвиновъ, Сперанскій...

— Быть не можетъ! —прошепталъ государь и почувствовалъ, что сердце опять замираетъ, но уже не отъ прошлаго, а отъ грядущаго ужаса: черезъ одну пропасть перебѣжалъ, а впереди зіяетъ новая; думалъ, все уже кончено, — и вотъ, только начинается.

— Да, ваше величество, все можетъ начаться сызнова, — угадалъ Бенкендорфъ, какъ будто подслушалъ.

— Сперанскій, Мордвиновъ! Не можетъ быть, —повторилъ государь; все еще пытался изъ липкой сѣти, какъ муха изъ паутины, выбиться. — Нѣтъ, Бенкендорфъ, ты ошибаешься.

— Дай-то Богъ, чтобы ошибся, государь!

Великій сыщикъ смотрѣлъ на Николая молча, тѣмъ-же взоромъ, видящимъ на аршинъ подъ землею, какъ тогда, наканунѣ Четырнадцатаго, и по тонкимъ губамъ его скользила улыбка, едва уловимая. Вдругъ стало весело — даже сонъ прошелъ. Понялъ, что дѣло сдѣлано: изъ паутины муха не выбьется. Аракчеевъ былъ — Бенкендорфъ будетъ.

Вынулъ изъ кармана и положилъ на столъ четвертушку бумаги мелко исписанной.

— Извольте прочесть. Прелюбопытно.

— Что это?

— Проектъ конституціи Трубецкого, ихняго диктатора.

— Арестованъ?

— Нѣтъ еще. У шурина своего, австрійскаго посланника, Лебцельтерна спрятался. Должно быть, сейчасъ привезутъ... А кстати, насчетъ конституціи, — усмѣхнулся Бенкендорфъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ что-то веселое, а,можетъ быть, и сжалился — захотѣлъ государя побаловать. — Когда пьяная сволочь сія кричала на площади: «Ура, конституція!» кто-то спросилъ ихъ:«Да знаете-ли вы,дурачье, что такое консти-

туція?» — «Ну, какъ-же не знать, говорятъ: мужъ — Константинъ, а жена — Конституція».

— Недурно, — усмѣхнулся Николай своею всегдашнею, какъ сквозь зубную боль, кривою усмѣшкою, а губы оставались надутыми, какъ у поставленнаго въ уголъ мальчика.

Бенкендорфъ зналъ, чего государю нужно; зналъ, что онъ боится, ненавидитъ, а хочетъ презирать; неутолимо жаждетъ презрѣнія. «Пошли Лазаря, чтобы омочилъ конецъ перста своего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой, ибо я мучусь въ пламени семъ». Анекдотъ о конституціи и былъ концомъ перста омоченнаго — прохлаждающимъ, но не утоляющимъ.

За дверью послышался шумъ. Изъ сосѣдней залы Казачьяго Пикета во флигель-адъютантскую приводили подъ конвоемъ арестованныхъ, и здѣсь допрашивали ихъ генералъ-адъютанты Левашевъ и Толь.

Бенкендорфъ подошелъ къ дверямъ и пріоткрылъ ихъ.

— Ишь, ихъ сколько собралось, Пугачевыхъ! — поморщился съ брезгливостью.

Дворцовый комендантъ Башуцкій что-то шепнулъ ему на-ухо.

— Кто? — спросилъ государь.

— Еще одинъ каналья фрачникъ, сочинитель Рылѣевъ. Допросить угодно вашему величеству?

— Нѣтъ, потомъ. Сначала — ты. Ну, ступай. О Трубецкомъ доложи.

Когда Бенкендорфъ вышелъ, Николай откинулъ голову на спинку дивана, закрылъ глаза и началъ дремать. Но было неловко: голова скользила по гладкой спинкѣ, а прилечь боялся, чтобъ не заснуть. Подобралъ ноги, сѣлъ въ уголъ, съежился, хотѣлъ-было разстегнуть на узко-стянутой таліи двѣ нижнихъ пуговицы, но подумалъ, что неприлично: имѣлъ отвращеніе къ разстегнутымъ пуговицамъ. Склонилъ голову, оперся щекою о жесткую ручку и, хотя тоже было неудобно, рѣзьба рѣзала щеку, — опять началъ дремать.

Вошелъ флигель-адъютантъ Адлербергъ, высоко держа на трехъ пальцахъ, съ лакейскою ловкостью, подносъ съ кофейникомъ. Государь всю ночь пилъ черный кофе, чтобы разогнать сонъ.

Вздрогнулъ, очнулся.

— Прилечь-бы изволили, ваше величество.

— Нѣтъ, Ѳедорычъ, не до сна.

— Вторую ночь не спите. Этакъ заболѣть можно.

— Ну, что-жъ, заболѣю — свалюсь. А пока еще ноги таскаютъ, держаться надо.

Налилъ кофею, отпилъ и, чтобы лучше разгуляться, принялся за письмо къ брату Константину. Не могъ вспомнить о немъ безъ зубовнаго

скрежета, но писалъ съ обычною родственною нѣжностью.

«Дорогой, дорогой Константинъ, вѣрьте мнѣ, что слѣдовать вашей волѣ и примѣру нашего ангела, покойнаго императора, вотъ что я постоянно буду имѣть въ сердцѣ. Аресты идутъ хорошо, и я надѣюсь, въ скоромъ времени, сообщить вамъ подробности этой ужасной и позорной исторіи. Тогда вы узнаете, какую трудную задачу вы задали вашему несчастному брату, и какого сожалѣнія достоинъ вашъ бѣдный малый, votre pauvre diable, votre каторжный du palais d'Hiver».

Генералъ Толь вошелъ съ бумагами.

— Садись, Карлъ Федоровичъ, читай.

Толь прочелъ показаніе Оболенскаго, арестованнаго вмѣстѣ съ Рылѣевымъ.

— Какъ ты думаешь, можно простить нижнихъ чиновъ и сихъ несчастныхъ молодыхъ людей? — спросилъ государь.

Уже не въ первый разъ объ этомъ спрашивалъ. Толь ничего не отвѣтилъ.

— Ахъ, бѣдные, несчастные! — тяжело вздохнулъ Николай. — Можетъ быть, прекрасные люди. Ну, за что ихъ казнить? Мы всѣ за нихъ дадимъ отвѣтъ Богу. Ихъ заблужденіе — заблужденіе нашего вѣка. Не губить, а спасти ихъ надо. Палачъ я, злодѣй, что-ли? Нѣтъ, не

могу, не могу, Толь. Развѣ ты не видишь, сердце мое раздирается...

«Расплачется!» подумалъ Толь съ отвращеніемъ, не зная, куда дѣвать глаза. Слушалъ съ терпѣливою скукою на грубоватомъ, жесткомъ и плоскомъ, но честномъ, открытомъ лицѣ стараго прусскаго унтера. А государь долго еще говорилъ, болталъ той болтовней чувствительной, которую получилъ въ наслѣдство отъ матери. Примѣривалъ маску передъ Толемъ, какъ передъ зеркаломъ.

— Ну, такъ какъ-же, мой другъ, какъ ты думаешь, можно простить, а?

— Ваше величество, — не выдержалъ, наконецъ, Толь, даже крякнулъ и такъ повернулся, что стулъ подъ нимъ затрещалъ, — простить ихъ вы всегда успѣете, но доколѣ не открыты главные возбудители и подстрекатели сего злодѣянія, — не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ предать должно всей строгости законовъ безъ замедленія... Какой номеръ повелѣть изволите Оболенскому?

Государь помолчалъ, надулся, нахмурился; понялъ, что собесѣдникъ не желаетъ быть зеркаломъ. Еще тяжелѣе вздохнулъ, пригорюнился, взялъ карандашъ и планъ Петропавловской крѣпости, съ рядами клѣтокъ, казематовъ, — каждая клѣтка подъ номеромъ, — отмѣтилъ одну изъ нихъ краснымъ крестикомъ, поставилъ номеръ

въ запискѣ крѣпостному коменданту, генералу Сукину, и отдалъ молча Толю. Толь, также молча, взялъ, поклонился и вышелъ.

А государь опять откинулъ голову на спинку дивана, закрылъ глаза, задремалъ; опять голова начала соскальзывать съ гладкой спинки на жесткую ручку.

Вошелъ генералъ Башуцкій, дворцовый комендантъ. Въ одной рукѣ у него была шпага, а въ другой — серебряное блюдце съ чѣмъ-то маленькимъ, кругленькимъ.

Николай вздрогнулъ, очнулся и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ:

— Что ты?

— Графъ Милорадовичъ, ваше величество... — началъ онъ и не кончилъ, всхлипнулъ.

— Умеръ?

— Такъ точно.

— Царствіе небесное! — перекрестился государь и подумалъ, что надо-бы что-то почувствовать.

— Послѣднія слова его были: «Умираю, какъ жилъ, съ чистою совѣстью; счастливъ, что жизнью за государя жертвую». Крестьянъ на волю отпустить велѣлъ. А вашему величеству вотъ это — шпагу и пулю, коей пронзенъ...

Башуцкій положилъ на столъ шпагу и поставилъ блюдце съ пулею.

— Не могу... простите, ваше величество, —

опять всхлипнулъ, поцѣловалъ государя въ плечо, отвернулся, закрылъ лицо платкомъ и выбѣжалъ.

Николай взялъ пулю осторожно, двумя пальцами, и разсматривалъ долго, съ любопытствомъ. Новая, маленькая, пистолетная, не солдатская, — должно быть, стрѣлялъ одинъ изъ тѣхъ каналій фрачниковъ. «Предназначалась вашему величеству», вспомнилъ слова Бенкендорфа.

Отложилъ пулю и взялъ тотъ листокъ изъ бумагъ Трубецкого, который давеча Бенкендорфъ передалъ ему. Прочелъ:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ; что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка. Нельзя допустить основаніемъ правительства произволъ одного человѣка; невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности — на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и не достойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они, въ такомъ случаѣ — внѣ законовъ, внѣ человѣчества: что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ:

или они справедливы, — тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ? Или несправедливы, — тогда зачѣмъ хотятъ подчинять имъ другихъ? Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободъ. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то и другое. Русскій народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Источникъ верховной власти есть народъ»...

«Quelle infâmie! — подумалъ государь. — Да, гнусно, но не глупо»...

Опять хотѣлъ презирать и не могъ: чувствовалъ, что это уже не «Конституція — жена Константина». Разстрѣлялъ бунтовщиковъ на площади, но какъ разстрѣлять *это?* Страшенъ этотъ листокъ — страшнѣе пули, неотразимѣе.

— Трубецкой, ваше величество, — доложилъ Бенкендорфъ.

Государь подумалъ и сказалъ:

— Пусть войдетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Въ сраженіи подъ Кульмомъ двѣ роты семеновцевъ, не имѣвшія въ сумахъ ни одного патрона, посланы были съ холоднымъ оружіемъ прогнать французовъ, стрѣлявшихъ изъ опушки лѣса. Рот-

ный командиръ, князь Сергій Петровичъ Трубецкой, пошелъ впереди солдатъ, размахивая саблей надъ головой, такъ спокойно и весело, что всѣ за нимъ кинулись, ударили въ штыки и выбили французовъ изъ лѣсу.

А подъ Люценомъ, когда принцъ Евгеній изъ сорока орудій громилъ гвардейскіе полки, Трубецкой пошутилъ надъ поручикомъ фонъ-Бокомъ, извѣстнымъ въ полку своею трусостью: подошелъ сзади, бросилъ въ него комъ земли, и тотъ свалился, какъ снопъ.

Такъ самъ Трубецкой свалился Четырнадцатаго.

Только что проснулся утромъ, — вспомнилъ вчерашнія слова Пущина: «А все-таки будете на площади?» — и опять, какъ вчера, ослабѣлъ, изнемогъ, какъ будто весь вдругъ сдѣлался мягкимъ, жидкимъ.

Боялся, что за нимъ придутъ; вышелъ изъ дому, взялъ извозчика и поѣхалъ въ канцелярію Главнаго Штаба, чтобы тамъ спросить, когда и гдѣ будутъ присягать: хотѣлъ присягнуть новому императору тотчасъ, надѣясь, что, если что будетъ, поспѣшность присяги ему во что-нибудь вмѣнится. Узналъ, что присяга — завтра утромъ, въ одиннадцать. Изъ Штаба пошелъ пѣшкомъ къ сестрѣ, на Большую Милліонную. Оттуда — къ пріятелю, флигель-адъютанту полковнику Биби-

кову, на уголъ Фонтанки и Невскаго; не засталъ его дома, посидѣлъ съ его женою и братомъ, позавтракалъ и, увидѣвъ, что уже первый часъ, ободрился, подумалъ, что полки присягнули, и все прошло тихо. Отправился домой переодѣться, чтобы ѣхать въ дворецъ на молебенъ.

Выѣзжая съ Невскаго на Адмиралтейскую площадь, увидѣлъ толпу, услышалъ крики: «Ура, Константинъ!» — остановился, спросилъ, что такое, узналъ, что бунтъ, и едва не лишился чувствъ тутъ-же, на улицѣ.

Что было потомъ, едва помнилъ. Для чего-то опять зашелъ во дворъ Штаба. Стоялъ въ раздумьѣ, не зная, куда итти; наконецъ, поднялся по лѣстницѣ въ канцелярію. Здѣсь бѣгали какіе-то люди съ испуганными лицами.

Кто-то сказалъ:

— Господа, вы въ мундирахъ; ступайте на площадь, тамъ государь императоръ.

Всѣ вышли, и онъ со всѣми. Но потихоньку отсталъ и прошелъ дворомъ Штаба на Милліонную. Въ тоскѣ, не зная, куда дѣваться, метался, какъ затравленный заяцъ.

У воротъ Штаба увидѣлъ знакомаго чиновника. Тотъ зазвалъ его съ собою опять въ канцелярію.

— Ахъ, бѣда, бѣда! — все повторялъ чиновникъ.

— Милорадовича убили! — крикнулъ кто-то надъ самымъ ухомъ Трубецкого. Ноги у него подкосились.

— Вамъ дурно, князь?

Кто-то далъ ему понюхать соли. И вдругъ опять онъ очутился на улицѣ съ какими-то незнакомыми людьми. Понялъ, что его ведутъ на Сенатскую площадь.

— Я нездоровъ, господа, я очень нездоровъ! — едва не плакалъ.

И опять — канцелярія. «О, Господи, въ который разъ!» подумалъ съ отчаяніемъ. Прошелъ въ самую дальнюю комнату, курьерскую. Здѣсь никого не было, всѣ разбѣжались. Долго сидѣлъ одинъ, радуясь, что наконецъ оставили его въ покоѣ.

Когда стемнѣло, послышались пушечные выстрѣлы, такіе громкіе, что стекла въ окнахъ задребезжали. Вскочилъ, хотѣлъ бѣжать, но свалился на стулъ и слушалъ въ оцѣпенѣніи выстрѣлъ за выстрѣломъ.

Рядомъ съ курьерскою былъ темный чуланъ; тамъ зашивали и печатали казенные пакеты; пахло сургучемъ, рогожей и холстиною; тускло горѣла на стѣнѣ висячая масляная лампочка; клубки бичевокъ лежали на столѣ, а на потолкѣ торчалъ большой крюкъ, тоже для лампы. Онъ поглядывалъ на этотъ крюкъ, какъ будто ни о

чемъ не думая, и только потомъ вспомнилъ, что думалъ: «Хорошо-бы повѣситься».

Выстрѣлы затихли. Въ комнату начали входить курьеры, сторожа, экзекуторы; низко кланялись и смотрѣли на него съ удивленіемъ. Онъ всталъ и вышелъ.

Все еще не зналъ, куда дѣваться. Наконецъ, рѣшилъ переночевать у своего шурина, австрійскаго посла Лебцельтерна. Зналъ, что и тамъ схватятъ, но какъ перетрусившій шалунъ, зная, что не миновать розги, все-таки подъ столъ прячется, — такъ и онъ.

У Лебцельтерновъ была Каташа. Увидѣвъ ее, понялъ, какъ тосковалъ о ней все время, самъ того не сознавая; больше всего мучился тѣмъ, что она еще ничего не знаетъ. Хотѣлъ ей сказать тотчасъ, но отложилъ и много разъ потомъ откладывалъ. Такъ и не сказалъ, хотя зналъ, что это — величайшая изъ всѣхъ его подлостей.

Усталъ, легъ рано. Заснулъ крѣпко. Снилось что-то необыкновенно-пріятное: какія-то горы не горы, волны не волны, темно-лиловыя, прозрачныя, какъ аметисты, и онъ, будто, летаетъ надъ ними, туда и сюда, какъ на качеляхъ качается, и вдругъ — такая радость, что проснулся.

Долго лежалъ въ темнотѣ, съ открытыми глазами, улыбался и чувствовалъ, что сердце все

еще бьется отъ радости. Хотѣлъ вспомнить и не могъ — слишкомъ ни на что не похоже; только зналъ навѣрное, что это больше, чѣмъ сонъ. Вдругъ вспомнилъ свой давешній страхъ и сразу почувствовалъ, что его уже нѣтъ и никогда не будетъ; даже не было стыдно, а только удивительно: казалось, что тогда былъ не онъ, а другой. Вспомнилъ также свой любимый псаломъ; читалъ его всегда по-латински, какъ выучилъ въ дѣтствѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ, у стараго польскаго ксендза, Алоизія:

«Когда я въ страхѣ, на Тебя я уповаю. Въ Богѣ восхвалю я слово Его; на Бога уповаю, не боюсь; что сдѣлаетъ мнѣ плоть? Враги мои обращаются назадъ, когда я взываю къ Тебѣ; изъ этого я узнаю, что Богъ за меня. На Бога уповаю, не боюсь; что сдѣлаетъ мнѣ человѣкъ?»

Опять закрылъ глаза, успѣлъ только подумать: «А вѣдь такъ спятъ осужденные... Ну что-жъ, пусть!» и заснулъ еще крѣпче, слаще, но уже безъ всякихъ сновъ.

Проснулся внезапно, какъ часто бываетъ во снѣ, не отъ стука, а отъ того, что заранѣе зналъ, что будетъ стукъ. И дѣйствительно, черезъ минуту раздался стукъ въ дверь.

— Ваше сіятельство, а, ваше сіятельство! — послышался испуганный голосъ камердинера.

— Что такое?

— Изъ дворца пріѣхали.

Онъ понялъ, что его арестуютъ.

Четверо конвойныхъ, съ саблями на-голо, ввели арестанта въ государеву пріемную. За нимъ вошли генералъ-адъютанты Левашевъ, Толь, Бенкендорфъ, дворцовый комендантъ Башуцкій и оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ.

Николай всталъ, подошелъ къ Трубецкому, остановился и посмотрѣлъ на него молча, долго: рябоватъ, рыжеватъ; растрепанныя жидкія бачки, оттопыренныя уши, большой загнутый носъ, толстыя губы, по угламъ двѣ морщинки болѣзненныя.

«Такъ вотъ онъ каковъ, нѣкій диктаторъ! Трясется, ожидовѣлъ отъ страха», подумалъ государь, опять съ неутолимою жаждою презрѣнія.

Подошелъ ближе и поднялъ указательный палецъ правой руки противъ лба его.

— Что было въ этой головѣ, когда вы, съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ князь Трубецкой, какъ вамъ не стыдно быть съ этою сволочью?

Казался себѣ самому въ эту минуту Аполлономъ Бельведерскимъ, разящимъ Пиѳона. Но одна маска упала, другая надѣлась: вмѣсто грозъ-

ной — чувствительная, та самая, которую примѣривалъ давеча передъ Толемъ.

— Какая милая жена! Есть у васъ дѣти?

— Нѣтъ, государь.

— Счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная, ужасная!

Несмотря на видимый гнѣвъ, былъ спокоенъ: все было заранѣе обдумано.

— Отчего вы дрожите?

— Озябъ, ваше величество. Въ одномъ мундирѣ ѣхалъ.

— Почему въ мундирѣ?

— Шубу украли.

— Кто?

— Не знаю. Должно быть, въ суматохѣ, когда арестовали; много было народу, — отвѣтилъ Трубецкой съ улыбкою и поднялъ глаза: никакого страха не было въ этихъ большихъ сѣрыхъ глазахъ, простыхъ, печальныхъ и добрыхъ. Стоялъ, неуклюже сгорбившись, закинувъ руки за спину.

— Извольте стоять, какъ слѣдуетъ! Руки по швамъ!

— Sire...

— Когда вашъ государь говоритъ съ вами по-русски, вы не должны смѣть отвѣчать на другомъ языкѣ!

— Виноватъ, ваше величество, руки связаны...

— Развязать!

Шульгинъ подошелъ и началъ развязывать. Государь отвернулся и, увидѣвъ бумагу въ рукахъ Толя, сказалъ:

— Читай.

Толь прочелъ показанія одного изъ арестованныхъ, — чье не назвалъ, — что бывшее Четырнадцатаго происшествіе есть дѣло Тайнаго Общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ, и что князь Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ корпуса, можетъ дать полныя свѣдѣнія.

Трубецкой слушалъ и радовался: понялъ, что показатель навелъ на ложный слѣдъ, чтобы скрыть Южное Общество.

— Это Пущина? — спросилъ Николай.

— Пущина, ваше величество, — отвѣтилъ Толь.

Трубецкой замѣтилъ, что перемигнулись.

— Ну, что вы скажете? — опять обернулся къ нему государь.

— Пущинъ ошибается, ваше величество, — отвѣтилъ Трубецкой, напрягая всѣ силы ума, чтобы понять, что значитъ перемигиваніе.

— А-а, вы думаете, Пущина? — накинулся на него Толь.

Но Трубецкой не потерялся — уже понялъ, въ чемъ дѣло: черезъ него ловили Пущина.

— Ваше превосходительство сами изволили сказать, что Пущина.

— А гдѣ Пущинъ живетъ?

— Не знаю.

— Не у отца?

— Не знаю.

— Я всегда говорилъ, что 4-ый корпусъ — гнѣздо заговорщиковъ, — сказалъ Толь.

— Ваше превосходительство имѣете очень невѣрныя свѣдѣнія. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ Тайнаго Общества, я за это отвѣчаю, — посмотрѣлъ на него Трубецкой съ торжествомъ почти нескрываемымъ.

Толь замолчалъ съ чувствомъ охотника, у котораго убѣжала дичь изъ-подъ носу. И государь нахмурился, тоже понялъ, что дѣло испорчено.

— Да сами-то вы, сами что? О себѣ говорите, принадлежали къ Тайному Обществу?

— Принадлежалъ, ваше величество, — отвѣтилъ Трубецкой спокойно: зналъ, что теперь уже не собьется.

— Диктаторомъ были?

— Такъ точно.

— Хорошъ! Взводомъ, небось, командовать не умѣетъ, а судьбами народовъ управлять хотѣлъ! Отчего-же не были на площади?

— Видя, что имъ нужно одно мое имя, я отошелъ отъ нихъ. Надѣялся, впрочемъ, до послѣд-

ней минуты, что, оставаясь съ ними въ сношеніи, какъ-бы въ видѣ начальника, успѣю отвратить ихъ отъ сего нелѣпаго замысла.

— Какого? Цареубійства? — опять обрадовался, накинулся на него Толь.

«О цареубійствѣ никто не помышлялъ», хотѣлъ отвѣтить Трубецкой, но подумалъ, что это неправда, и сказалъ:

— Въ политическихъ намѣреніяхъ Общества цареубійства не было. Я хотѣлъ отвратить ихъ отъ возмущенія войскъ, отъ кровопролитія ненужнаго.

— О возмущеніи знали? — спросилъ государь.

— Зналъ.

— И не донесли?

— Я и мысли не могъ допустить, ваше величество, дать кому-либо право назвать меня подлецомъ.

— А теперь какъ васъ назовутъ?

Трубецкой ничего не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на государя такъ, что ему стало неловко.

— Да что вы, сударь, финтите? Говорите все, что знаете! — крикнулъ Николай грозно, начиная сердиться.

— Я больше ничего не знаю.

— Не знаете? А это что?

Быстро подошелъ къ столу, взялъ четвертушку

бумаги, проектъ конституціи, — на письмѣ лежала пуля, нарочно положилъ ее давеча, чтобы найти сразу.

— Этого тоже не знаете? Кто писалъ? Чья рука?

— Моя.

— А знаете, что я могу васъ за это разстрѣлять тутъ-же на мѣстѣ?

— Разстрѣляйте, государь, вы имѣете право, — сказалъ Трубецкой и опять поднялъ глаза. Вспомнилъ: «На Бога уповаю, не боюсь; что сдѣлаетъ мнѣ человѣкъ?»

«Не надо сердиться! Не надо сердиться!» подумалъ государь, но было уже поздно: знакомый восторгъ бѣшенства разлился по жиламъ огнемъ.

— А-а, вы думаете, васъ разстрѣляютъ, и вы интересны будете? — прошепталъ задыхающимся шопотомъ, приближая лицо къ лицу его и наступая на него такъ, что онъ попятился. —Такъ нѣтъ-же, не разстрѣляю, а въ крѣпости сгною! Въ кандалы! Въ кандалы! На аршинъ подъ землею! Участь ваша будетъ ужасная, ужасная, ужасная!

Чѣмъ больше повторялъ это слово, тѣмъ больше чувствовалъ свое безсилье: вотъ онъ стоитъ передъ нимъ и ничего не боится. Заточить, заковать, запытать, убить его можетъ, а все-таки ничего съ нимъ не сдѣлаетъ.

— Мерзавецъ! — закричалъ Николай, бросился на Трубецкого и схватилъ его за воротъ.— Мундиръ замаралъ! Погоны долой! Погоны долой! Вотъ такъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Рвалъ, толкалъ, давилъ, трясъ и, наконецъ, повалилъ его на полъ.

— Ваше величество, — тихо сказалъ Трубецкой, стоя передъ нимъ на колѣняхъ и глядя ему прямо въ глаза. Государь понялъ: «Какъ вамъ не стыдно?» Опомнился. Оставилъ его, отошелъ, упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками.

Всѣ молча ждали, чѣмъ это кончится. Трубецкой всталъ и посмотрѣлъ на Николая съ давешней тихой улыбкой. Если-бы теперь тотъ увидѣлъ ее, то понялъ-бы, что въ этой улыбкѣ — жалость.

Дверь изъ кабинета-спальни пріотворилась. Великій князь Михаилъ Павловичъ осторожно высунулъ голову, заглянулъ и такъ-же осторожно отдернулъ ее, закрылъ дверь.

Молчанье длилось долго. Наконецъ, государь отнялъ руки отъ лица. Оно было неподвижно и непроницаемо.

Всталъ и указалъ Трубецкому на кресло у стола.

— Садитесь. Пишите женѣ, — сказалъ, не глядя на него.

Трубецкой сѣлъ, взялъ перо и посмотрѣлъ на государя.

— Что прикажете писать, ваше величество?

— Что хотите.

Николай смотрѣлъ черезъ плечо его на то, что онъ пишетъ.

«Другъ мой, будь покойна и молись Богу»...

— Что тутъ много писать, напишите только: «я буду живъ и здоровъ», — сказалъ государь.

Трубецкой написалъ:

«Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ».

— «*Буду* живъ и здоровъ». Припишите сверху: «буду».

Онъ приписалъ. Государь взялъ письмо и отдалъ Шульгину.

— Извольте доставить княгинѣ Трубецкой.

Шульгинъ вышелъ. Трубецкой всталъ. Опять наступило молчаніе. Государь стоялъ передъ нимъ, все не глядя на него. опустивъ глаза,какъ будто не смѣетъ ихъ поднять.

Сѣлъ за столъ и написалъ коменданту Сукину:

«Трубецкого въ Алексѣевскій равелинъ, въ номеръ 7».

Отдалъ записку Толю.

— Ну, ступайте, — проговорилъ и поднялъ глаза на Трубецкого. — Прошу не прогнѣваться, князь. Мое положеніе тоже незавидно, какъ сами

изволите видѣть, — усмѣхнулся криво и опять покраснѣлъ, почувствовалъ, что ничего не выходитъ, надулся, нахмурился. — Ступайте, ступайте всѣ! — махнулъ рукою.

Когда вышли, сѣлъ на диванъ, на прежнее мѣсто. Замеръ, не двигаясь, но уже не дремалъ, а широко-открытыми глазами глядѣлъ прямо передъ собой, въ зеркало. На стѣнѣ, надъ диваномъ, висѣлъ большой, во весь ростъ, портретъ императора Павла Перваго. Пламя свѣчей, догоравшихъ въ углу, на яшмовомъ столикѣ, колебалось, мигало, и въ этомъ мигающемъ свѣтѣ портретъ въ зеркалѣ ожилъ, какъ будто зашевелился, — вотъ-вотъ изъ рамы выступитъ: въ облаченіи Гроссмейстера Мальтійскаго ордена, въ пурпурной мантіи, подобіи архіерейскаго саккоса, — маленькій человѣкъ съ курносымъ лицомъ, глазами сумасшедшаго и улыбкой мертваго черепа.

Сынъ смотрѣлъ на отца, отецъ — на сына, какъ будто хотѣли другъ другу что-то сказать.

11 Марта — 14 Декабря. Тогда началось — теперь продолжается. «Меня задушатъ, какъ задушили отца», вспомнилъ Николай слова братнины. Могъ-бы сказать себѣ самому, какъ Трубецкому давеча: «Участь твоя будетъ ужасная, ужасная!»

Всталъ, подошелъ къ зеркалу. Внизу, у ногъ

отца, отразилось лицо сына. Блѣдное, съ воспаленными красными вѣками, съ губами надутыми, какъ у мальчика, поставленнаго въ уголъ, съ волосами взъерошенными, какъ будто вставшими дыбомъ. Казалось, что это не онъ, а кто-то другой — двойникъ его, «самозванецъ», «императоръ-выскочка».

Приблизилъ лицо свое къ зеркалу. Губы искривились въ усмѣшку, зашептали беззвучнымъ шопотомъ:

— Штабсъ-капитанъ Романовъ, а вѣдь, ты...

Отшатнулся въ ужасѣ: казалось, что это не онъ, а тотъ, другой, въ зеркалѣ, смѣется и шепчетъ:

— Штабсъ-капитанъ Романовъ, а вѣдь, ты...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Марпинька! — сказалъ Келицынъ, открывая глаза.

Въ первый разъ очнулся послѣ безпамятства. Еще давеча, въ бреду, не видя ея, чувствовалъ, что она тутъ, рядомъ, и мучился, что не можетъ ее позвать.

— Что, Валерьянъ Михайловичъ, миленькій? —наклонилась она и заглянула въ глаза его испуганно-радостно. — Ну, что? что? — старалась понять, чего онъ хочетъ.

Онъ хотѣлъ спросить, что съ нимъ и гдѣ онъ, но былъ такъ слабъ, что не могъ говорить; боялся опять провалиться въ ту черную дыру безпамятства, изъ которой только что вылѣзъ. Самъ хотѣлъ вспомнить; вспоминалъ и тотчасъ опять забывалъ. Мысли обрывались, какъ истлѣвшія нитки. Развлекали мелочи: множество стклянокъ съ рецептами на ночномъ столикѣ, пламя восковой свѣчи подъ шелковымъ зеленымъ зонтикомъ, однообразно-тихое тиканье карманныхъ часиковъ, должно быть, его-же собственныхъ, лежащихъ на столикѣ.

— Который часъ? — проговорилъ, наконецъ, съ осторожнымъ усильемъ.

— Половина седьмого, — отвѣтила Маринька.

«Утра или вечера?» хотѣлъ спросить и забылъ —подумалъ о другомъ: сколько времени боленъ? Помолчалъ, отдохнулъ и спросилъ:

— Какой день?

— Четвергъ.

«А число?» — опять забылъ спросить.

Вдругъ, въ тишинѣ, послышался глухой гулъ, подобный гулу далекаго выстрѣла.

«Неужели все еще стрѣляютъ?» удивился и вспомнилъ, что такіе-же гулы слышались ему сквозь бредъ, и каждый разъ хотѣлось бѣжать туда, гдѣ стрѣляютъ, — двигалъ ногами, бѣжалъ — и стоялъ. «Стоя-стоя-стоячая!» одно-

образно-тихо тикали часики. И онъ понималъ, что это значитъ: «революція стоячая».

— Вспотѣлъ, — сказала Маринька, положивъ ему руку на лобъ.

— Ну, слава Богу! — отвѣтилъ радостно Ѳома Ѳомичъ. Голицынъ узналъ его по голосу. — Лѣкарь намедни сказывалъ: только-бы вспотѣлъ — и будетъ здоровъ.

Она вытирала платкомъ потъ съ лица его. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ будто вспоминалъ, какъ сквозь вѣщій сонъ, незапамятно-давній, много разъ видѣнный: милая, милая дѣвушка; окружена благоуханіемъ любви, какъ цвѣтущая сирень — свѣжестью росною. На ней былъ старенькій домашній капотъ, гроденаплевый, дымчатый, и ночной блондовый чепчикъ; изъ-подъ него висѣли, качаясь, какъ легкія гроздья, вдоль щекъ, длинные, черные локоны. Лицо немного похудѣло, поблѣднѣло, и большіе, темные глаза казались еще больше, темнѣе.

— Родная, родная, милая! — прошепталъ онъ и потянулся къ ней.

Глаза ихъ встрѣтились; она улыбнулась. Поняла, чего онъ хочетъ. Приложила къ его губамъ ладонь, теплую и свѣжую, какъ чашечка цвѣтка, солнцемъ нагрѣтаго.

— Надо-бы лѣкарства, Марья Павловна, — сказалъ Ѳома Ѳомичъ.

Маринька налила въ ложку лѣкарства и подала Голицыну. Оно было вкусное, съ миндально-анисовымъ запахомъ.

— Еще. — попросилъ онъ съ дѣтскою жадностью.

— Больше нельзя. Пить хотите?

— Нѣтъ, спать.

— Погодите, голова низко.

Одной рукой обняла его за плечи и приподняла голову съ неожиданной силой и ловкостью, другой — начала поправлять подушки. Пока приподнимала, онъ чувствовалъ прижатою щекою сквозь платье упругую нѣжность дѣвичьей груди.

— Такъ хорошо? — спросила, положивъ голову.

— Хорошо, Маринька... маменька...

Самъ не зналъ, нарочно или нечаянно сказалъ: «Маменька». Опять глаза ихъ встрѣтились; она улыбнулась ему, и онъ повторилъ умиленно-восторженно:

— Маменька... Маринька...

Хотѣлъ еще что-то сказать, но темныя, мягкія волны нахлынули; только слышалъ, что она цѣлуетъ его въ лобъ, креститъ и шепчетъ:

— Спи, родной, спи съ Богомъ!

Закрылъ глаза съ улыбкой; казалось, что она беретъ его на руки и качаетъ, баюкаетъ.

Проспалъ до одиннадцати утра. Кошка Маркиза, бѣлошерстая, голубоглазая, настоящая «маркиза» по жеманно-медлительной важности, всю ночь проспала, свернувшись клубочкомъ, на крышкѣ клавесинъ. Къ утру выспалась, встала на всѣ четыре лапки, выгнула спину, замурлыкала и спрыгнула на клавиши, — онѣ зазвенѣли и разбудили Голицына.

— Брысь, негодная! Ну, вотъ, и разбудила! — затопала на нее Маринька.

— Потапъ Потапычъ Потаповъ! — послышался вдали крикъ попугая. и Голицынъ сразу понялъ, что онъ въ старомъ бабушкиномъ домѣ. Но комната была не его, а желтая чайная, рядомъ съ голубою диванною. Потомъ объяснили ему, что изъ маленькой спальни на антресоляхъ, гдѣ было душно и тѣсно, перевели его въ эту комнату.

Пахло дымомъ берестовыхъ растопокъ. Гудя и потрескивая, и похлопывая заслонкой, топилась печка и освѣщала одну половину комнаты уютнымъ свѣтомъ, золотисто-розовымъ, а другую половину — голубовато-бѣлое зимнее утро. Окна выходили въ садъ съ опушенными инеемъ, старыми липами. По стѣнамъ, обитымъ штофомъ, желто-лимоннымъ, выцвѣтшимъ, вверху, подъ потолкомъ, шелъ лѣпной бѣлый фризъ — хоро-

водъ амуровъ пляшущихъ. Голыя тѣла ихъ отъ свѣта печки порозовѣли — ожили.

«Какая веселая комната!» подумалъ Голицынъ, и ему самому вдругъ стало весело.

Кошка не очень боялась Мариньки: шмыгнувъ мимо ногъ ея, вскочила на постель и начала тереться мордой объ ноги Голицына съ громкимъ мурлыканьемъ.

— Да брысь-же, брысь, несносная!

— Ничего, Маринька, я уже выспался.

— Добраго утра, ваше сіятельство. Какъ почивать изволили? — спросилъ Ѳома Ѳомичъ, выходя изъ-за ширмъ. Паричокъ у него сбился на сторону, пудреная косичка растрепалась, длиннополый кафтанъ былъ измятъ; должно быть, всю ночь не ложился,а только прикурнулъ на канапэ или въ креслѣ, за ширмами.

— Отмѣнно спалъ. Да что вы такъ безпокоитесь? Мнѣ гораздо лучше, — сказалъ Голицынъ.

Маринька вглядѣлась въ него и удивилась, обрадовалась: такая перемѣна въ лицѣ и въ голосѣ.

— Ну и слава Тебѣ, слава Тебѣ, Господи! — перекрестился Ѳома Ѳомичъ, и дѣтскіе глазки его , дѣтская улыбка засвѣтились такой добротой, что Голицыну стало еще веселѣе .

— А закусить не угодно-ли? Кофейку, яичекъ, бульонцу?

— Всего, всего, Ѳома Ѳомичъ. Ужасно ѣсть хочется!

Вдругъ насторожился, прислушался: глухой гулъ, подобный гулу далекаго пушечнаго выстрѣла, донесся до него, такъ-же какъ давеча ночью, въ бреду. Но теперь онъ уже зналъ, что это не бредъ .

— Что это? Слышите?

— Нѣтъ, не слышу, — отвѣтилъ Ѳома Ѳомичъ: былъ тугъ на ухо.

— Ну, вотъ, опять! Стрѣляютъ! Стрѣляютъ! Неужто не слышите? — вскрикнулъ Голицынъ, и глаза его загорѣлись надеждой. Приподнялся на постели, какъ будто готовъ былъ вскочить и бѣжать.

— Валерьянъ Михайловичъ, голубчикъ, ради Бога, лежите смирно. Ѳома Ѳомичъ, сбѣгайте, узнайте, что такое, — сказала Маринька.

Старичокъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Окна ея выходили на дворъ. Здѣсь гулъ раздавался такъ явственно, что и онъ услышалъ. Подошелъ къ окну, подставилъ стулъ, взлѣзъ на подоконникъ, открылъ форточку, высунулъ голову и сразу понялъ. Вернулся къ Голицыну.

— Ахти! Ахти! Вотъ такъ пальба артиллерійская! — замоталъ головой, засмѣялся, младенчески всхлипывая. — Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство, пальба неопасная: калитка въ воротахъ дубовая, на чугунномъ блокѣ отпирает-

ся, а ворота со сводами, гулкія; дворникъ Ефимъ дрова носитъ на кухню: какъ хлопнетъ, такъ и загудитъ, точно изъ пушки выпалитъ.

Помолчалъ и прибавилъ съ философическимъ вздохомъ, принюхивая медленно щепотку табаку изъ золотой табакерки съ портретомъ императора Павла I и съ надписью: «По Богѣ онъ одинъ, я имъ и существую».

— Такъ-то, государь мой милостивый! Изъ примѣра сего видѣть можно, сколь несовершенны и обольщенію подвержены человѣческія чувствованія, сіи наружныя двери нашего истукана механическаго. Ужъ ежели хлопанье калитки отъ пушечной пальбы отличить не умѣемъ, то многаго-ли стоятъ всѣ наши гаданья высокоумныя о природѣ вещей и о законахъ естества сокровеннѣйшихъ?

Вдругъ замѣтивъ, что Маринька дѣлаетъ ему знаки, остановился и взглянулъ на Голицына. Тотъ поблѣднѣлъ, опустилъ голову на подушку и закрылъ глаза.

— А вѣдь, о фрыштыкѣ-то мы и забыли, — спохватился Ѳома Ѳомичъ. — Сію минуту на кухню сбѣгаю. Кофейку, яичекъ, бульонцу, а можетъ, и кашки рисовой?

Маринька только махнула рукою, и старичокъ выбѣжалъ.

Голицынъ долго лежалъ съ закрытыми глазами.

Маринька, присѣвъ на край постели, молча гладила рукой руку его.

— Какое число? — наконецъ, спросилъ онъ.

— Восемнадцатое.

— Значитъ, три дня. Заболѣлъ утромъ, во вторникъ?

— Да, во вторникъ. Камердинеръ съ чаемъ вошелъ и увидѣлъ, что вы лежите въ постели, нераздѣтый, въ жару и въ безпамятствѣ.

— Бредилъ?

— Да.

— О чемъ?

— Да вотъ все объ этихъ выстрѣлахъ. И еще о звѣрѣ. Что какого-то звѣря надо убить.

— А помните, Маринька, я вамъ говорилъ, что мы съ вами увидимся? Ну, вотъ и увидѣлись...

Посмотрѣлъ на нее долго, пристально. Хотѣлъ спросить, знаетъ-ли она о томъ, что было Четырнадцатаго, но почему-то не спросилъ, побоялся.

— Я все знаю, — сама догадалась она. —Бабушкинъ дворецкій, Ананій Васильевичъ, былъ на Сенатской площади. Прибѣжалъ къ намъ вечеромъ и разсказалъ. Онъ и васъ видѣлъ...

Вдругъ замолчала, наклонилась, обняла его, прижалась щекою къ щекѣ его, спрятала лицо въ подушку и заплакала.

— Ну, полно, Маринька милая, дѣвочка моя хорошая! Вѣдь, вотъ, я съ вами, и мы уже никогда...

Хотѣлъ сказать: «никогда не разстанемся», но почувствовалъ, что не обманетъ: она все уже знаетъ не только о прошломъ, но и будущемъ;оттого и плачетъ надъ нимъ.какъ живая надъ мертвымъ. — навѣки прощается.

Гдѣ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ, женихъ — мертвецъ,

вспомнилось, какъ читалъ Софьѣ Нарышкиной.

— А вотъ и фрыштыкъ. — сказалъ Ѳома Ѳомичъ, входя въ комнату съ подносомъ въ рукахъ.

Маринька вскочила и убѣжала. Старичокъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, покачалъ головою, вздохнулъ, взглянулъ на Голицына, но ничего не сказалъ: должно быть, тоже почувствовалъ, что нельзя его обмануть и утѣшить ничѣмъ.

Во время завтрака, чтобы развлечь больного, говорилъ о дѣлахъ постороннихъ — о выкупѣ Черемушекъ, объ искусствѣ доктора, который лѣчилъ Голицына, о болѣзни бабушки: узнавъ о бунтѣ, старушка перепугалась такъ, что слегла въ постель, едва ударъ не сдѣлался; никого изъ дворовыхъ пускать къ себѣ не велѣла — боялась, что зарѣжутъ: помнила бунтъ Пугачева. «Шутка сказать, въ одномъ Петербургѣ — сорокъ тысячъ холоповъ; только и смотрятъ, какъ-бы за ножи взяться. А все мартышки надѣлали»...

— Какія мартышки? — удивился Голицынъ.

— А у Державина помните:

Мартышки въ воздухѣ летаютъ.

Такъ вотъ, они самые, — объяснилъ Ѳома Ѳомичъ — Мартинисты, масоны и прочіе вольнодумпы безбожные.«Прыгали, говоритъ, мартышки, прыгали, — ну, вотъ и допрыгались. Будетъ и у насъ то-же, что во Франціи!»

Голицынъ улыбнулся, а старичку только того и надо было. Вынулъ изъ кармана газетный листокъ, прибавленіе къ Санктъ-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, съ правительственнымъ извѣщеніемъ о бунтѣ Четырнадцатаго. Голицынъ хотѣлъ прочесть, но Ѳома Ѳомичъ не позволилъ; опять полѣзъ въ карманъ, досталъ кожаный футляръ, вынулъ изъ него очки съ большими, круглыми стеклами, тщательно протеръ ихъ платкомъ, неторопливо надѣлъ, откашлялся и сталъ читать.

— «Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ исторіи Россіи, — читалъ своимъ тихимъ, слабымъ, какъ-бы далекимъ, голосомъ. — Въ оный день жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что государь императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ своихъ предковъ. Но Провидѣнію было угодно сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ»...

Далѣе описывался бунтъ, какъ маленькое замѣшательство войскъ на парадѣ.

— «Двѣ возмутившіяся роты построились въ батальонъ-каре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ».

— А, вѣдь, это я! — усмѣхнулся Голицынъ, и Ѳома Ѳомичъ отвѣтилъ ему изъ-подъ очковъ такой-же усмѣшкой.

— «Небольшія толпы окружали ихъ и кричали: ура! Войска просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ. Но государь императоръ щадилъ безумцевъ и лишь при наступленіи ночи, наконецъ, рѣшился, вопреки желанію сердца своего, употребить силу. Вывезены пушки, и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Таковы были происшествія вчерашняго дня. Они безъ сомнѣнія горестны. Но всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ-же людей изъ черни, также пьяныхъ; и что изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ лишь двѣ роты могли быть обольщены пагубнымъ примѣромъ буйства, — конечно, съ благодарностью къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго; что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе непоколебимой вѣрности войска и общей преданности русскихъ къ ав-

густѣйшему ихъ законному монарху. Праведный судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками безпорядковъ. Помощью Неба, твердостью правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы»...

— Правда, Ѳома Ѳомичъ, все тихо въ городѣ? — спросилъ Голицынъ.

— Тихо-то тихо, да отъ этакой тихости не поздоровится, — покачалъ старичокъ головою сомнительно. — Весь городъ точно вымеръ; только повозки съ арестантами подъ конвоемъ жандармовъ скачутъ; все новыхъ да новыхъ везутъ, и, кажется, конца этому не будетъ: одной половинѣ рода человѣческаго придется сторожить другую... А что, князь, пожалуй, сонъ-то въ руку? — прошепталъ, наклонившись къ уху его, съ таинственнымъ видомъ.

— Какой сонъ?

— А вотъ, что опять изъ пушекъ палятъ. Южная армія, говорятъ, не присягнула, идетъ на Москву и Петербургъ, дабы провозгласить конституцію; и генералъ Ермоловъ тоже; а сила у него большая, всѣ войска Кавказскаго корпуса, который переданъ ему неограниченно. Я, вѣдь, его превосходительство, Алексѣя Петровича знаю: орелъ! Изъ нашихъ, Суворовскихъ. Чѣмъ чортъ не шутитъ, будетъ, говорятъ, династія Ермоловыхъ вмѣсто Романовыхъ. Такъ, вотъ, князь, какія дѣла: того и гляди, все начнется сызнова...

Голицынъ слушалъ, и опять загоралась въ глазахъ его надежда. Но онъ потушилъ ее.

— Если и начнется, то не скоро, — проговорилъ, какъ будто про себя, тихо.

Но Ѳома Ѳомичъ услышалъ.

— Не скоро? Ну, а все-таки какъ?

— Да вамъ-то что? Вѣдь вы за царя?

— Мнѣ, батюшка, ваше сіятельство, осьмой десятокъ идетъ. По-старинкѣ живу, по-старинкѣ и думаю: коренной Россіянинъ всѣхъ благъ жизни и всей славы отчизны ожидаетъ единственно отъ престола монаршаго.

— Ну, вотъ, вы за царя, а я за республику. Такъ вамъ со мной и знаться нечего!

— И-и полно, князенька! Не такъ-то много на свѣтѣ хорошихъ людей, чтобъ ими брезговать. Да и что мнѣ съ вами дѣлать прикажете? Донести въ полицію, что-ли?.. Тьфу, неладный какой! Я-то за нимъ хожу, няньчусь, а онъ шпынять изволитъ! — хотѣлъ старичокъ разсердиться и не могъ: дѣтская улыбка, дѣтскіе глазки тихою добротою продолжали свѣтиться.

— Ѳома Ѳомичъ, пожалуйте къ бабушкѣ, — сказала Маринька, входя въ комнату.

— А что? Что такое?

— Ничего, соскучилась по васъ, сердится, что вы ее забыли, ревнуетъ къ князю.

— Сію минуту! Сію минуту! — весь всполо-

шился Ѳома Ѳомичъ, вскочилъ и выбѣжалъ, сѣменя проворно старыми ножками.

«А вѣдь, онъ все еще любитъ ее, какъ сорокъ лѣтъ назадъ», подумалъ Голицынъ.

Сквозь старыя деревья, опушенныя инеемъ, заголубѣло, зазеленѣло, какъ бирюза поблекшая, или какъ дѣтскіе глазки старичка влюбленнаго, зимнее небо; зимнее солнце заглянуло въ окна. Прозрачные цвѣты мороза, какъ драгоцѣнные камни, заискрились, и янтарный свѣтъ наполнилъ комнату. На желто-лимонномъ, выцвѣтшемъ штофѣ заиграли зайчики, и на бѣломъ фризѣ позлатились голыя тѣла амуровъ.

«Какая веселая комната! — опять подумалъ Голицынъ. — Это отъ солнца... нѣтъ, отъ нея»,— рѣшилъ онъ, взглянувъ на Маринъку.

Переодѣлась: была уже не въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ,а въ своемъ всегдашнемъ простенькомъ платьицѣ, креповомъ, бѣломъ, съ розовыми цвѣточками; умылась, причесалась, заплела косу корзиночкой; черные, длинные локоны висѣли, качаясь, какъ легкія гроздья, вдоль щекъ. И, несмотря на безсонную ночь, лицо было свѣжее, — «свѣжѣе розы утренней», какъ Ѳома Ѳомичъ говаривалъ, — и спокойное, веселое: отъ давешнихъ слезъ ни слѣда.

Прибирала комнату, сметала крылышкомъ пыль, разставляла въ порядкѣ стклянки съ лѣкарствами; столовую посуду вынесла, чайную —

вымыла; помѣшала кочергою въ печкѣ, чтобы головешекъ не было.

Голицынъ слѣдилъ за нею молча: всѣ ея движенія, молодыя, сильныя, легкія, были стройны, какъ музыка, и казалось все, къ чему ни прикасалась, даже самое будничное, вдругъ становилось праздничнымъ, такимъ-же веселымъ, какъ она сама.

Должно быть, почувствовала взглядъ его, — обернулась, улыбнулась, подошла къ нему, присѣла на край постели и наклонилась.

— Ну, что?

Солнечный лучъ раздѣлялъ ихъ, какъ полотнище ткани туго-натянутой, и въ голубовато-дымной мглѣ его свѣтлыя пылинки кружились, какъ будто плясали въ пляскѣ нескончаемой. Когда она склонилась, голова ея вошла въ этотъ лучъ, и Голицынъ увидѣлъ, что черные волосы пронизаннаго солнцемъ локона отливаютъ рыжевато-огненнымъ, почти краснымъ отливомъ, какъ сквозь агатъ — рубинъ.

— Ну, да, рыжая! — засмѣялась, глядя на локонъ и какъ будто сама удивляясь.

Онъ приподнялся, потянулся къ ней, — лучъ раздѣляющій соединилъ ихъ. Она еще ниже склонилась, и, поймавъ рукою локонъ, онъ прижалъ его къ губамъ. Запахъ волосъ, дѣвственно-страстный, опьяняющій, какъ крѣпкое вино, кинулся ему въ голову.

— Не надо. Что вы? Развѣ можно — волосы? — вдругъ застыдилась, покраснѣла, потупилась и, отнявъ локонъ, откинула голову.

Голицынъ опустился на подушку, поблѣднѣлъ и полузакрылъ глаза въ изнеможеніи. Голова его кружилась, и ему казалось, что самъ онъ кружится, какъ тѣ пылинки въ лучѣ солнца, — пляшетъ въ пляскѣ нескончаемой.

— Какъ хорошо, Маринька, солнышко мое!— шепталъ, глядя на нее сквозь солнце, съ блаженной улыбкой.

— Что хорошо? — спросила она съ такой-же улыбкой.

— Все хорошо... жить хорошо..

«Да, жить, жить, только-бы жить!» подумалъ онъ съ такою жаждою жизни, какой еще никогда не испытывалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Верховный Слѣдственный Комитетъ по дѣлу Четырнадцатаго открылъ засѣданія сначала въ Зимнемъ дворцѣ. а потомъ въ Петропавловской крѣпости. Все дѣло велъ самъ государь, работая безъ отдыха, часовъ по пятнадцати въ сутки, такъ что приближенные опасались за его здоровье.

— Point de relâche! Что бы ни случилось,

я дойду съ Божьей помощью до самаго дна этого омута! — говорилъ Николай Бенкендорфу.

— Потихоньку, потихоньку, ваше величество! Силой ничего не возьмешь, — надо лаской, да хитростью...

— Не учи, самъ знаю. — отвѣчалъ государь и хмурился, краснѣлъ, вспоминая о Трубецкомъ, но утѣшался тѣмъ, что эта неудача произошла отъ немощи тѣлесной, усталости, безсонницы; было разъ и больше не будетъ. Отдохнулъ, успокоился и опять, какъ тогда, послѣ разстрѣла на площади, почувствовалъ, что «все какъ слѣдуетъ».

Рылѣева допрашивали въ Комитетѣ. 21-го декабря, а на слѣдующій день привезли во дворецъ на допросъ къ государю.

«Только-бы сразу конецъ!» думалъ Рылѣевъ, но скоро понялъ, что конецъ будетъ не сразу: запытаютъ пыткой медленной, заставятъ испить по каплѣ чашу смертную.

На другой день послѣ ареста, государь велѣлъ справиться, не нуждается-ли жена Рылѣева въ деньгахъ. Наталья Михайловна отвѣтила, что у нея осталась тысяча рублей отъ мужа. Государь послалъ ей въ подарокъ отъ себя двѣ тысячи, а 22 декабря, въ день ангела Настеньки, дочки Рылѣева — еще тысячу отъ императрицы Александры Ѳеодоровны. И обѣщалъ простить его, если онъ во всемъ признается. «Милосердіе госу-

даря потрясло мою душу», писала она мужу въ крѣпость.

Больше всего удивило Рылѣева, что подарокъ посланъ ко дню Настенькина ангела: значитъ, объ имени справились. «Какія нѣжности! Знаетъ чѣмъ взять, подлецъ! Ну, а что, если»... началъ думать Рылѣевъ и не кончилъ: стало страшно.

Однажды поблагодарилъ коменданта Сукина за свиданіе съ женою. Тотъ удивился, потому что не разрѣшалъ свиданія; подумалъ, не вошла-ли безъ пропуска. Допросилъ сторожей; но всѣ подтвердили въ одинъ голосъ, что не входила.

— Должно быть, вамъ приснилось, — сказалъ онъ Рылѣеву.

— Нѣтъ, видѣлъ ее, вотъ какъ васъ вижу. Сказала мнѣ, чего я и знать не могъ, — о подаркѣ государевомъ.

— Да вѣдь, вы объ этомъ въ Комитетѣ узнали.

— Въ Комитетѣ потомъ, а сначала отъ нея.

— Можетъ быть, забыли?

— Нѣтъ, помню. Я еще съ ума не сходилъ.

— Ну, такъ это была с т ѣ н ь.

— Какая стѣнь?

— А когда наяву мерещится. Вы больны. Лѣчиться надо.

«Да, боленъ», подумалъ Рылѣевъ съ отвращеніемъ.

Вечеромъ 22-го привезли его на дворцовую гауптвахту, обыскали, но рукъ не связывали; от-

вели подъ конвоемъ во флигель-адъютантскую комнату, посадили въ углу, за ширмами, и велѣли ждать.

Онъ старался думать о томъ, что скажетъ сейчасъ государю,но думалъ о другомъ. Вспоминалъ, какъ въ ту послѣднюю ночь, когда пришли его арестовать, Наташа бросилась къ нему, обвила его руками, закричала крикомъ раздирающимъ, похожимъ на тотъ, которымъ кричала въ родахъ:

— Не пущу! Не пущу!

И обнимала, сжимала все крѣпче. О, крѣпче всѣхъ цѣпей эти слабыя нѣжныя руки — цѣпи любви! Со страшнымъ усиліемъ онъ освободился. Поднялъ ее, почти бездыханную, понесъ, положилъ на постель и, выбѣгая изъ комнаты, еще разъ оглянулся. Она открыла глаза и посмотрѣла на него: то былъ ея послѣдній взглядъ.

«Я-то хоть знаю, за что распнутъ: а она будетъ стоять у креста, и ей самой оружіе пройдетъ душу, а за что, — никогда не узнаетъ».

Такъ думалъ онъ, сидя въ углу, за ширмами, во флигель-адъютантской комнатѣ.

А иногда уже не думалъ ни о чемъ, только чувствовалъ, что лихорадка начинается. Свѣтъ свѣчей рѣзалъ глаза:туманъ заволакивалъ комнату, и, казалось, — онъ сидитъ у себя въ казематѣ, смотритъ на дверь и, какъ тогда передъ«стѣнью», ждетъ, что дверь откроется, — войдетъ Наташа.

Дверь открылась. — вошелъ Бенкендорфъ.

— Пожалуйте, — указалъ ему на дверь и пропустилъ впередъ.

Рылѣевъ вошелъ.

Государь стоялъ на другомъ концѣ комнаты. Рылѣевъ поклонился ему и хотѣлъ подойти.

— Стой! — сказалъ государь, самъ подошелъ и положилъ ему руки на плечи. — Назадъ! Назадъ! Назадъ! — отодвигалъ его къ столу, пока свѣчи не пришлись прямо противъ глазъ его. — Прямо въ глаза смотри! Вотъ такъ! — повернулъ его лицомъ къ свѣту. — Ступай, никого не принимать, — сказалъ Бенкендорфу.

Тотъ вышелъ.

Государь молча, долго смотрѣлъ въ глаза Рылѣеву.

— Честные, честные! Такіе не лгутъ! —проговорилъ, какъ будто про себя, опять помолчалъ и спросилъ: — Какъ звать?

— Рылѣевъ.

— По имени?

— Кондратій.

— По батюшкѣ?

— Ѳедоровъ.

— Ну, Кондратій Ѳедоровичъ, вѣришь, что могу тебя простить?

Рылѣевъ молчалъ. Государь приблизилъ лицо къ лицу его, заглянулъ въ глаза еще пристальнѣе и вдругъ улыбнулся. «Что это? Что это?»

все больше удивлялся Рылѣевъ: что-то молящее
жалкое почудилось ему въ улыбкѣ государя.

— Бѣдные мы оба! — тяжело вздохнулъ го
сударь. — Ненавидимъ, боимся другъ друга. Па
лачъ и жертва. А гдѣ палачъ, гдѣ жертва, — не
разберешь. И кто виноватъ? Всѣ, а я больше
всѣхъ. Ну, простп. Не хочешь, чтобы я —тебя
такъ ты меня прости! — потянулся къ нему гу
бами.

Рылѣевъ поблѣднѣлъ, зашатался.

— Сядь, — поддержалъ его государь и уса
дилъ въ кресло. — На, выпей, — налилъ воды и
подалъ стаканъ. — Ну, что, легче? Можешь го
ворить?

— Могу.

Рылѣевъ хотѣлъ встать. Но государь удержалъ
его за руку.

— Нѣтъ, сиди, — придвинулъ кресло и сѣлъ
противъ него. — Слушай, Кондратій Ѳедоровичъ.
Суди меня.какъ знаешь.вѣрь или не вѣрь,а я те
бѣ всю правду скажу.Тяжкое бремя возложено на
меня Провидѣніемъ. Одному не вынести. А з
одинъ, безъ совѣта, безъ помощи. Бригадный ко
мандиръ—и больше ничего. Ну, что я смыслю въ
дѣлахъ? Клянусь Богомъ, никогда не желалъ я
царствовать и не думалъ о томъ, — и вотъ! Если-
бы ты только зналъ. Рылѣевъ.—да нѣтъ,никогда
не узнаешь, никто никогда не узнаетъ, что я чув-
ствую и чувствовать буду всю жизнь, вспоминая

объ этомъ ужасномъ днѣ, — Четырнадцатомъ! Кровь, кровь, —весь въ крови, — не смыть, не искупить ничѣмъ! Вѣдь я-же не звѣрь, не извергъ, — я человѣкъ, Рылѣевъ, я тоже отецъ. У тебя — Настенька, у меня — Сашка. Царь — отецъ, народъ — дитя. Въ дитя свое ножъ, — въ Сашку! въ Сашку! въ Сашку!

Закрылъ лицо руками. Долго не отнималъ ихъ; наконецъ, отнялъ и опять положилъ ихъ на плечи его, заглянулъ въ глаза съ улыбкою, какъ будто молящею.

— Видишь, я съ тобой, какъ другъ, какъ братъ. Будь-же и ты мнѣ братомъ. Пожалѣй, помоги!

«Лжетъ — не лжетъ? Лжетъ — не лжетъ? Искушаешь, дьяволъ? Ну,погоди-жъ, и я тебя искушу!» вдругъ разозлился Рылѣевъ.

— Правду хотите знать, ваше величество? Такъ знайте-же:свобода обольстительна, и я, распаленный ею, увлекъ и другихъ. И не раскаиваюсь. Неужели тѣмъ виноватъ я предъ человѣками, что пламенно желалъ имъ блага? Но не о себѣ хочу говорить, а объ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе сердца моего, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба!

Говорилъ, какъ всегда, книжно, не просто, а теперь особенно, потому что заранѣе обдумалъ всю эту рѣчь. Вдругъ вскочилъ, поднялъ руки; блѣдныя щеки зардѣлись, глаза засверкали, ли-

цо преобразилось. Сдѣлался похожъ на прежняго Рылѣева, бунтовщика неукротимаго — весь легкій, летящій, стремительный, подобный развѣваемому вѣтромъ пламени.

— Знайте, государь: пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Чтобы истребить въ Россіи корень свободомыслія, надо истребить цѣлое поколѣніе людей, коп родились и образовались въ прошлое царствованіе. Смѣло говорю: изъ тысячи не найдется и ста непылающихъ страстью къ свободѣ. И не только въ Россіи. — нѣтъ, всѣ народы Европы одушевляетъ чувство единое, и сколь не утѣснено оно, убить его невозможно. Гдѣ, — укажите страну, откройте исторію, — гдѣ и когда были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ права, безъ чести, безъ совѣсти? Злодѣи вамъ — не мы, а тѣ, кто унижаетъ въ вашихъ глазахъ человѣчество.Спросите себя самого:что-бы вы на нашемъ мѣстѣ сдѣлали, когда-бы подобный вамъ человѣкъ могъ играть вами, какъ вещью бездушною?

Государь сидѣлъ, молча, не двигаясь, облокотившись на ручку кресла, опустивъ голову на руку, и слушалъ спокойно-внимательно. А Рылѣевъ кричалъ, какъ будто грозилъ, руками размахивалъ; то садился, то вскакивалъ.

— Въ манифестѣ сказано, что царствованіе ваше будетъ продолженіемъ Александрова. Да неужели-же, неужели вы не знаете, что царствова-

ніе сіе было для Россіи убійственно? Онъ-то и есть главный виновникъ Четырнадцатаго. Не имъ-ли исполински двинуты умы къ священнымъ правамъ человѣчества, и потомъ остановлены, обращены вспять? Не имъ-ли раздутъ въ сердцахъ [illegible]ихъ свѣточъ свободы, и потомъ такъ жестоко свобода удавлена? Обманулъ Россію, обманулъ Европу. Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и голыя, ржавыя — гнетутъ человѣчество. Вступилъ на престолъ, «Благословенный», — сошелъ въ могилу, проклятый!

— Ты все о немъ, ну, а обо мнѣ что скажешь? — спросилъ государь все такъ-же спокойно.

— Что о васъ? А вотъ что! Когда вы еще великимъ княземъ были,васъ уже никто не любилъ, да и любить было не за что: единственныя занятія — фрунтъ и солдаты; ничего знать не хотѣли, кромѣ устава военнаго, и мы это видѣли и страшились имѣть на престолѣ Россійскомъ прусскаго полковника, или, хуже того, второго Аракчеева, злѣйшаго. И не ошиблись: вы плохо начали, ваше величество! Какъ сами изволили давеча выразиться, взошли на престолъ черезъ кровь своихъ подданныхъ; въ народъ, въ дитя свое вонзили ножъ... И вотъ плачете, каетесь, прощенія молите. Если правду говорите, дайте Россіи свободу, — и мы всѣ — ваши слуги вѣрнѣйшіе. А если лжете, берегитесь: мы начали— другіе кончатъ. Кровь за кровь — на вашу голо-

ву, или вашего сына, внука, правнука! И тогда-то увидятъ народы, что ни одинъ изъ нихъ такъ не способенъ къ возстанію, какъ нашъ. Не мечта сіе, но взоръ мой проницаетъ завѣсу временъ! Я зрю сквозь цѣлое столѣтіе! Будетъ революція въ Россіи, будетъ! Ну, а теперь казните, убейте...

Упалъ на кресло въ изнеможеніи.

— Выпей, выпей, — опять налилъ государь воды въ стаканъ. — Хочешь капель?

Сбѣгалъ за каплями, отсчиталъ въ рюмку. Совалъ ему англійской соли и спирта подъ носъ. Рылѣевъ хотѣлъ вытереть потъ съ лица; поискалъ платка, не нашелъ. Государь далъ ему свой. Хлопоталъ, суетился, ухаживалъ. Въ движеніяхъ тонкаго, длиннаго, гибкаго тѣла была змѣиная ласковость. «Стѣнь, стѣнь! Оборотень!» думалъ Рылѣевъ съ ужасомъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну, развѣ можно такъ?Ну, полно-же, полно! Прилягъ, отдохни. Хочешь вина, чаю? Закусить, поужинать?

— Ничего не надо! — простоналъ Рылѣевъ и подумалъ съ тоскою: «Когда-же это кончится, Господи!»

— Можешь выслушать? — спросилъ государь, опять придвинулъ кресло, усѣлся и началъ:

— Ну, спасибо за правду, мой другъ,—взялъ обѣ руки его и пожалъ крѣпко. — Вѣдь, намъ, государямъ, всѣ лгутъ, въ кои-то вѣки правду услышишь. Да, все правда, кромѣ одного: нѣмцемъ

на престолѣ Россійскомъ не буду. Если и былъ, такъ больше не буду. Бабка моя, императрица Екатерина, тоже нѣмка была, а взошла на престолъ и сдѣлалась русскою. Такъ вотъ и я. Personne n'est plus russe de coeur que je ne le suis, — сказалъ по-французски, но тотчасъ поправился. — Мы оба съ тобою русскіе — и я, государь,и ты, бунтовщикъ. Ну, скажи на милость, развѣ могли бы говорить такъ, какъ мы съ тобой, не русскіе?

Что-то, подобное блѣдной улыбкѣ, промелькнуло въ лицѣ Рылѣева .

— Ну, что? — замѣтилъ ее государь и тоже улыбнулся. — Говори, не бойся, — самъ видишь, правды со мной бояться нечего.

— Вы очень умны, государь.

— А-а, дуракомъ считалъ! Ну вотъ, видишь, значитъ, хоть въ этомъ ошибся. Нѣтъ, не дуракъ. Понимаю, что плохо въ Россіи. Я самъ есмь первый гражданинъ отечества. Никогда не имѣлъ другого желанія, какъ видѣть Россію свободною, счастливою. Да знаешь-ли ты, что я, еще великимъ княземъ, либераломъ былъ не хуже вашего?Только молчалъ и таилъ про себя.Съ волками жить, по-волчьи выть. Вотъ и вылъ съ Аракчеевымъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Вамъ помогалъ. Ну, говори-же, только правду, всю правду, чего вы хотѣли — конституціи? республики?

«Ну, конечно, лжетъ! Стѣнь, стѣнь, оборо-

тень!» опять подумалъ Рылѣевъ съ ужасомъ. Но сильнѣе ужаса было любопытство жадное: «А нука, попробовать, — не повѣрить, а только сдѣлать видъ, что вѣрю?»

— Что-жъ ты молчишь? Не вѣришь? Боишься?

— Нѣтъ, не боюсь. Я хотѣлъ республики, — отвѣтилъ Рылѣевъ.

— Ну, слава Богу, значитъ, уменъ! — опять крѣпко пожалъ ему обѣ руки государь. — Я понимаю самодержавіе, понимаю республику, но конституцію не понимаю. Это образъ правленія лживый, лукавый, развратный. И я предпочелъ-бы отступить до стѣнъ Китая, нежели принять оный. Видишь, какъ я съ тобой откровененъ, — плати и ты мнѣ тѣмъ-же!

Помолчалъ, посмотрѣлъ на него и вдругъ схватился за голову.

— Что-жъ это было? Что-жъ это было? Господи! Зачѣмъ? Своего не узнали? Всѣхъ обманулъ — и васъ. На друга своего возстали, на сообщника. Пришли-бы прямо,сказали-бы: вотъ чего мы хотимъ. А теперь... Послушай, Рылѣевъ, можетъ, и теперь еще не поздно? Вмѣстѣ согрѣшили, вмѣстѣ и покаемся. Бабушка моя говаривала:«Я не люблю самодержавія,я въ душѣ республиканка,но не родился тотъ портной,который скроилъ-бы кафтанъ для Россіи». Будемъ-же вмѣстѣ кроить. Вы — лучшіе люди въ Россіи: я безъ

васъ ничего не могу. Заключимъ союзъ, вступимъ въ новый заговоръ. Самодержавная власть —сила великая. Возьмите-жъ ее у меня. Зачѣмъ вамъ революція? Я самъ — революція!

Какъ скользящій въ пропасть еще цѣпляется, но уже знаетъ, что сорвется и полетитъ, такъ Рылѣевъ еще ужасался, но уже радовался.

И глаза государя блеснули радостью.

— Погоди, не рѣшай, подумай сначала. Такъ говорить, какъ я, можно только разъ въ жизни. Помни-же: не моя, не твоя судьба рѣшается, а судьба Россіи. Какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, говори, хочешь вмѣстѣ? Хочешь? Да или нѣтъ?

Протянулъ руку. Рылѣевъ взялъ ее, хотѣлъ что-то сказать и не могъ: горло сжала судорога. Слезы поднимались, поднимались и вдругъ хлынули. Сорвался — полетѣлъ, повѣрилъ.

— Какъ я... Что я сдѣлалъ! Что я сдѣлалъ! Какъ мы всѣ... нѣтъ, я, я одинъ... Всѣхъ погубилъ! Пусть-же на мнѣ все и кончится! Сейчасъ же, сейчасъ-же, тутъ-же на мѣстѣ, казните, убейте меня! А тѣхъ, невинныхъ, помилуйте...

— Всѣхъ, всѣхъ, и тебя и всѣхъ! Да и миловать нечего: вѣдь, я-жъ тебѣ говорю — вмѣстѣ! — сказалъ государь, обнялъ его и заплакалъ, или такъ показалось Рылѣеву.

— Плачете? Надъ кѣмъ? Надъ убійцею? — воскликнулъ Рылѣевъ и упалъ на колѣни; слезы текли все неутолимѣе, все сладостнѣй; говорилъ,

какъ въ бреду; похожъ былъ на пьянаго или безумнаго.. — Именины Настенькины вспомнили! Знали, чѣмъ растерзать! Вотъ вы какой! Чувствую біеніе ангельскаго сердца вашего! Вашъ, вашъ навсегда! Но что я, — пятьдесятъ милліоновъ ждутъ вашей благости. Можно-ли думать, чтобы государь, оказывающій милости убійцамъ своимъ, не захотѣлъ любви народной и блага отечеству? Отецъ! Отецъ! Мы всѣ, какъ дѣти, на рукахъ твоихъ! Я въ Бога не вѣровалъ, а вотъ оно, чудо Божье — Помазанникъ Божій! Родимый царь батюшка, красное солнышко...

— А насъ всѣхъ зарѣзать хотѣлъ? — вдругъ спросилъ государь шопотомъ.

— Хотѣлъ, — отвѣтилъ Рылѣевъ тоже шопотомъ, и опять давешній ужасъ сверкнулъ, какъ молнія, — сверкнулъ и потухъ.

— А кто еще?

— Больше никого. Я одинъ.

— А Каховскаго не подговаривалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не я. — онъ самъ...

— А-а, самъ. Ну, а Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ? Во второй арміи тоже заговоръ? Знаешь о немъ?

— Знаю.

— Ну, говори, говори все, не бойся — всѣхъ называй. Надо всѣхъ спасти, чтобы не погибли новыя жертвы напрасныя. Скажешь?

— Скажу. Зачѣмъ сыну скрывать отъ отца? Я могъ быть вашимъ врагомъ, но подлецомъ быть не могу. Вѣрю! Вѣрю! Сейчасъ еще не вѣрилъ, а теперь... видитъ Богъ, вѣрю! Все скажу! Спрашивайте!

Онъ стоялъ на колѣняхъ. Государь наклонился къ нему, и они зашептались, какъ духовникъ съ кающимся, какъ любовникъ съ любовницей.

Рылѣевъ все выдавалъ, всѣхъ называлъ — имя за именемъ, тайну за тайною.

Иногда казалось ему, что рядомъ, на двери, шевелится занавѣсъ. Вздрагивалъ, оглядывался. Разъ, когда оглянулся, государь подошелъ къ двери, какъ будто самъ испугался, не подслушалъ-бы кто.

— Нѣтъ, никого. Видишь? — раздвинулъ занавѣсъ такъ, что Рылѣевъ почти увидѣлъ — почти, но не совсѣмъ.

— Ну что, усталъ? — заглянулъ въ лицо его и понялъ, что пора кончать. — Будетъ. Ступай, отдохни. Если что забылъ, вспомни къ завтраму. Да хорошо-ли тебѣ въ казематѣ, не темно-ли, не сыро-ли? Не надо-ли чего?

— Ничего не надо, ваше величество. Если-бы только съ женой...

— Увидитесь. Вотъ ужо кончимъ допросъ, и увидитесь. О женѣ и о Настенькѣ не безпокойся. Онѣ — мои. Все для нихъ сдѣлаю.

Вдругъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головою съ грустною улыбкою.

— И какъ вы могли?.. Что я вамъ сдѣлалъ? — отвернулся, всхлипнулъ уже почти непритворно, надъ самимъ собою сжалился: «pauvre diable» «бѣдный малый», «бѣдный Никсъ».

— Простите, простите, ваше величество! — припалъ къ его ногамъ Рылѣевъ и застоналъ, какъ на смерть раненый. — Нѣтъ, не прощайте! Казните! Убейте! Не могу я этого вынести!

— Богъ проститъ. Ну, полно-же, полно, — обнималъ, цѣловалъ его государь, гладилъ рукой по головѣ, вытиралъ слезы то ему, то себѣ общимъ платкомъ. — Ну, съ Богомъ, до завтраго. Спи спокойно. Помолись за меня, а я — за тебя. Дай, перекрещу. Вотъ такъ. Христосъ съ тобой!

Помогъ ему встать и, подойдя къ двери во флигель-адъютантскую, крикнулъ:

— Левашевъ, проводи!

— Платокъ, ваше величество, — подалъ ему Рылѣевъ.

— Оставь себѣ на память, — сказалъ государь и поднялъ глаза къ небу. — Видитъ Богъ, я хотѣлъ-бы утереть симъ платкомъ слезы не только тебѣ, но и всѣмъ угнетеннымъ, скорбящимъ и плачущимъ!

Уходя, Рылѣевъ не замѣтилъ, какъ изъ-за тя-

желыхъ складокъ той занавѣси, которая шевелилась давеча, появился Бенкендорфъ.

— Записалъ? — спросилъ государь.

— Кое-чего не разслышалъ. Ну, да теперь кончено, — всѣ имена, всѣ нити заговора. Поздравляю, ваше величество!

— Не съ чѣмъ, мой другъ. Вотъ до чего довели, сыщикомъ сдѣлался!

— Не сыщикомъ, а исповѣдникомъ. Въ сердцахъ читать изволите. Какъ у Апостола о словѣ Божьемъ сказано: «острѣе меча обоюдоостраго, проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ»...

«Присылаемаго Рылѣева содержать на мой счетъ, — писалъ государь крѣпостному коменданту Сукину. — Давать кофій, чай и прочее, а также для письма бумагу; и что напишетъ, ко мнѣ приносить ежедневно. Дозволить ему писать, лгать и врать по волѣ его».

— А платочекъ-то, платочекъ на память! — всхлипнулъ Бенкендорфъ и поцѣловалъ государя въ плечо. Тотъ взглянулъ на него молча и не выдержалъ — разсмѣялся тихимъ смѣхомъ торжествующимъ. Чувствовалъ, что одержалъ побѣду большую, чѣмъ на площади Четырнадцатаго.

Все еще боялся и ненавидѣлъ, не утолилъ жажды презрѣнія, но уже надѣялся, что утолитъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Голицынъ выздоравливалъ такъ быстро, что всѣ удивлялись и приписывали это чудесному искусству доктора. Но самъ больной зналъ, что не докторъ лѣчитъ его, а Маринька. Глядя на нее, какъ будто пилъ живую воду, и, казалось, если-бъ умиралъ, воскресъ-бы изъ мертвыхъ.

Дней черезъ пять послѣ того утра, когда въ первый разъ очнулся, началъ уже вставать и бродить по комнатѣ.

Однажды бабушкинъ дворецкій, Ананій Васильичъ, доложилъ Ѳомѣ Ѳомичу, что какой-то «малый» хочетъ видѣть князя, а фамиліи не сказываетъ.

— Съ виду какой? — спросилъ Ѳома Ѳомичъ.

— Богъ его знаетъ, мужикъ не мужикъ, баринъ не баринъ, а будто ряженый.

«Шпіонъ!» подумалъ Ѳома Ѳомичъ и рѣшилъ:

— Гони его въ шею!

— Гналъ, — не идетъ. «Непремѣнно, говоритъ, нужно по дѣлу, для самого его сіятельства важнѣйшему».

Ѳома Ѳомичъ сошелъ въ сѣни и увидѣлъ молодого человѣка, высокаго, худого, блѣднаго, съ черной бородою, въ нагольномъ тулупѣ, въ засаленномъ картузѣ и теплыхъ валенкахъ, не то лавочнаго сидѣльца, не то мелкаго подрядчика.

— Князь боленъ, мой милый, принять тебя не можетъ, — сказалъ старичокъ неувѣренно: тоже не могъ догадаться, съ кѣмъ говоритъ, съ мужикомъ или бариномъ. — Да ты... вы кто такой будете?

— Очень нужно, очень, — повторялъ молодой человѣкъ, но фамиліи своей не называлъ.

— Ну, ступай, братъ, ступай съ Богомъ! — разсердился, наконецъ, Ѳома Ѳомичъ и началъ его выпроваживать. Но тотъ упирался, не шелъ.

— Вотъ, передайте князю , я подожду, — сунулъ ему записку. — Да вы, сударь, не извольте безпокоиться: я не то, что вы думаете, а даже совсѣмъ напротивъ, — улыбнулся такъ, что Ѳома Ѳомичъ вдругъ повѣрилъ, взялъ записку и отнесъ къ Голицыну.

На клочкѣ бумаги нацарапано было карандашемъ, по-французски, неразборчиво:

«Очень нужно васъ видѣть, Голицынъ. Извольте принять. Не уйду. Уничтожьте записку».

Подпися не было, почеркъ былъ незнакомый. Голицынъ велѣлъ принять.

Когда молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, онъ сначала не узналъ его; но вглядѣвшись въ блѣдно-голубые, на выкатѣ, глаза, грустные и нѣжные, бросился къ нему на шею.

— Кюхля!

— А что, не узнали, Голицынъ?

— Да скиньте бороду! Скиньте бороду! Настоящій жидъ!

— Нельзя, приклеена.

Когда Ѳома Ѳомичъ, успокоенный, вышелъ, Голицынъ усадилъ гостя и заперъ дверь.

— Ну, разсказывайте.

И Кюхельбекеръ началъ разсказывать. Почти всѣ заговорщики схвачены, а кого не успѣли схватить, тѣ сами являются. Назначена Верховная Слѣдственная Комиссія, но государь самъ ведетъ дѣло. Пощады не будетъ: однихъ казнятъ, другихъ сошлютъ или въ тюрьмахъ сгноятъ.

— Всѣ живы? — спросилъ Голицынъ.

— Всѣ. Никто даже не раненъ.

— Чудеса. А подъ какимъ огнемъ стояли!

«Можетъ быть, это не даромъ? — подумалъ онъ. — Можетъ быть, судьба хранитъ насъ для подвига большаго, чѣмъ смерть?»

— Ну, а какъ насчетъ Южной арміи и Кавказскаго корпуса?

— Все вздоръ. Нѣтъ, Голицынъ, намъ больше надѣяться не на что. — кончено... Ну, а теперь, главное: хотите со мной бѣжать?

— Съ вами, Кюхля? Ну, еще бы! Съ кѣмъ и бѣжать, какъ не съ вами? Вы человѣкъ ловкій, никогда никакихъ приключеній... Полно, мой другъ: васъ первый-же будочникъ спапаетъ.

— Не смѣйтесь, Голицынъ. Дѣло серьезное.

Все уже готово: пачпортъ, деньги и люди вѣрные. Знаете актера Пустошкина, въ Александринскомъ театрѣ, въ водевиляхъ играетъ? Бороду достанетъ вамъ, не хуже моей, и парикъ, и мужицкое платье. Только-бы черезъ заставу пробраться, а тамъ, съ хлѣбнымъ обозомъ, въ Архангельскъ. До открытія навигаціи будемъ скрываться на островахъ, у лоцмановъ, а потомъ на аглицкомъ, аль на французскомъ суднѣ — за море. А то можно и въ Варшаву: жидки-контрабандисты черезъ границу переправляютъ за двѣ бѣленькихъ. Сначала — въ Парижъ, а оттуда хорошо-бы и въ Венецію...

— Въ Венецію! — разсмѣялся Голицынъ.— А знаете, что одна московская барыня говорила о Венеціи: «Конечно, говоритъ, климатъ здѣсь хорошъ, но жаль, что не съ кѣмъ сразиться въ преферансикъ». Такъ и вы соскучитесь. Нѣтъ, Кюхля, безъ Россіи не проживете!

— Проживу. Мы и въ Россіи чужіе. Не отечество не оплакиваемъ, а по отечеству плачемъ; носимъ трауръ не по умершему, а по нерожденному. Не знаю, какъ для васъ, Голицынъ, а для меня вся Россія сейчасъ опоганена, окровавлена. Черные дни наступили, и ужъ это надолго — на пятьдесятъ, а, можетъ, и на сто лѣтъ. Успѣемъ умереть въ глухой пустынѣ, вдали отъ Святой Земли, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть пѣсни высокія.

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

Ну, такъ какъ-же, мой другъ, не хотите?

— Нѣтъ, Кюхля, что-то не хочется. Да и куда больному зимой по морозу тащиться!

— Ну, какъ знаете. А все-таки подумайте,— можетъ быть, и рѣшите? Я еще зайду.

— Заходите, подумаю, — сказалъ Голицынъ, чтобы только отдѣлаться, и злая мысль мелькнула у него: «Нѣмецъ, — оттого и бѣжитъ». Но онъ тотчасъ устыдился, и они простились такъ же нѣжно, какъ встрѣтились.

Когда гость ушелъ, Голицынъ задумался —не о бѣгствѣ, а о томъ, что будетъ, когда его схватятъ. Еще ни разу не думалъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ. Не заглядывалъ въ будущее, жилъ со дня на день, какъ въ колыбели убаюканный, въ своей веселой, желтой комнатѣ, и, казалось,весь міръ для него кончается деревьями стараго сада, опушенными инеемъ. Иногда ловилъ себя на глупой надеждѣ: можетъ быть, и не схватятъ; старый домъ — убѣжище вѣрное: какъ на днѣ морскомъ, не сыщутъ. Притаится, переждетъ, а потомъ уѣдетъ съ Маринькой въ Черемушки, или еще дальше куда-нибудь, на край свѣта; женится на ней, пошлетъ къ чорту политику и будетъ просто счастливъ.

Но вотъ, когда Кюхля ушелъ, понялъ вдругъ,

что схватятъ навѣрное; и тогда что будетъ съ Маринькой?

Вспомнился вчерашній разговоръ съ Ниною Львовною.

Сорокалѣтняя институтка, воспитанная на чувствительныхъ романахъ Сюза и Жанлисъ, въ дѣлахъ житейскихъ госпожа Толычева была,какъ дитя малое. Узнавъ отъ Фрындина о выкупѣ Черемушекъ и видя, что Голицынъ ухаживаетъ за Маринькой, несказанно обрадовалась. Но не понимала, почему онъ не говоритъ о своихъ чувствахъ къ дочери съ нею, съ матерью; считала это неприличнымъ. А когда узнала объ его участіи въ бунтѣ, испугалась. Долго таилась, молчала и ждала, не заговоритъ-ли онъ самъ; наконецъ, не выдержала.

Начала издалека — о своемъ безпомощномъ вдовствѣ и сиротствѣ Мариньки, о довѣріи къ Голицыну и къ чистотѣ его намѣреній, а въ заключеніе, спросила неожиданно-прямо, въ упоръ:

— Какъ вы думаете, князь, благополучно-ли кончится для васъ это дѣло?

— Какое дѣло? — сразу понялъ онъ, но притворился непонимающимъ; было стыдно и страшно: «Какъ будто соблазнилъ дочь, и мать это знаетъ».

— Да вотъ это ужасное происшествіе Четырнадцатаго. Простите, что я такъ прямо. Но вѣдь, я — мать. А вы — человѣкъ благородный, чув-

ствительный: вы должны понять сердце матери. Говорите-же, говорите, Валерьянъ Михайловичъ, рѣшайте нашу судьбу!

— Извольте, Нина Львовна. Вы прямо спросили и я прямо отвѣчу. Нѣтъ, дѣло это для меня благополучно не кончится: разыщутъ, схватятъ, будутъ судить и присудятъ, если не къ плахѣ, то къ тюрьмѣ или каторгѣ.

Она поблѣднѣла такъ, что онъ испугался, какъ-бы ей не сдѣлалось дурно.

— А какъ-же Маринька? — всплеснула руками и заплакала. — Что-же дѣлать? Что-же дѣлать? Помогите, князь, посовѣтуйте...

Въ лицѣ ея промелькнуло сходство съ плачущей Маринькой. Голицынъ взялъ ея руки и поцѣловалъ ихъ съ почтительной нѣжностью.

— Я очень виноватъ передъ вами, Нина Львовна. Но даю вамъ слово: я сдѣлаю все, что могу, чтобы Марья Павловна забыла обо мнѣ, а вы поскорѣе уѣзжайте съ нею въ Черемушки.

На этомъ разговоръ ихъ кончился. И вотъ теперь, вспомнивъ о немъ, понялъ онъ, что взялъ на себя непосильную тяжесть. «Сдѣлаю, чтобы забыла обо мнѣ». — легко сказать. Чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше чувствовалъ себя виноватымъ какою-то виною неискупимою. Ничего не знающую дѣвочку, почти ребенка, влечетъ за собою на муку, которой, можетъ быть, и самъ не вынесетъ. Ухватился за нее, какъ утопающій, и

тащитъ ко дну. Или какъ тотъ путешественникъ, который, спасаясь въ пустынѣ отъ звѣря, бросился въ колодецъ, повисъ на суку, рветъ ягоды съ куста малины и ѣстъ, забывъ о гибели.

Сидѣлъ у окна въ желтой комнатѣ. Былъ двѣнадцатый часъ, но еще не разсвѣло, какъ слѣдуетъ. Вьюга залѣпила окна снѣгомъ. Старыя деревья сада качались, шумѣли. Вѣтеръ вылъ въ трубѣ заунывно-жалобно. И вспомнилось ему, какъ тогда, послѣ разстрѣла на площади, онъ пошелъ на Галерную и, стоя подъ огнемъ картечи, въ узкой, темной улицѣ, звалъ смерть: «Да ну-же, ну, скорѣе!» — и тоска напала на него пуще смерти. «Убить себя!» подумалъ, вынулъ пистолетъ изъ кармана, приложилъ дуло къ виску и взвелъ курокъ, но вспомнилъ о Маринькѣ и отнялъ руку. Зачѣмъ отнялъ?

— О чемъ задумались? — услышалъ голосъ Мариньки и вздрогнулъ. Она вошла такъ тихо, что онъ не слышалъ.

Улыбнулся ей, какъ всегда улыбался, когда она входила въ комнату, но ничего не отвѣтилъ.

У стѣны, на вѣшалкѣ, висѣла шинель, та самая, въ которой онъ былъ на площади. Маринька сняла шинель, присѣла къ рабочему столику и принялась штопать маленькія, круглыя дырочки, пробитыя пулями.

— Должно быть, гость разстроилъ? Кто такой? — спросила, не подымая глазъ.

— Старый пріятель, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

— Тоже былъ съ вами на площади?

— Да.

— О чемъ-же говорили, не секретъ?

— Предлагалъ бѣжать.

— Ну, а вы?

— Я не хочу.

— Почему?

— Я безъ Россіи не могу... и безъ васъ.

— Почему безъ меня? Я съ вами.

— А Нина Львовна?

— И мамынька съ нами. А если не захочетъ, все равно, безъ нея. Куда вы, туда и я. Видите, иголка и нитка? Куда иголка, туда и нитка.

Онъ молча слѣдилъ, какъ быстро мелькаетъ иголка въ тонкихъ пальцахъ. Спокойно и весело штопала круглыя дырочки.

— Я все думаю, Маринька, что съ вами будетъ, когда меня схватятъ?

— Можетъ, еще и не схватятъ?

— Нѣтъ, схватятъ навѣрное.

— Ну, что-жъ, и со мной будетъ, что съ вами, — отвѣтила она спокойно, какъ будто все уже давно рѣшила.

Опять помолчали.

— Маринька, сдѣлайте, о чемъ я васъ попрошу.

— Что?

— Обѣщайте.

— Зачѣмъ? Вы и такъ знаете, что сдѣлаю.

— Все?

— Ну, конечно, — улыбнулась она своей милой улыбкой, которую онъ такъ любилъ.

Подождалъ, собрался съ духомъ.

— Уѣзжайте поскорѣе въ Черемушки, — сказалъ, наконецъ, рѣшительно.

Она остановила руку съ иголкою, подняла глаза и посмотрѣла на него долго, внимательно, но все такъ-же спокойно, какъ будто не понимала и старалась понять.

— А какъ-же вы безъ меня?

— Мнѣ легче такъ.

— Одному легче?

Онъ молча кивнулъ головою.

— Неправда. Зачѣмъ вы говорите неправду?

— Нѣтъ, правда.

Посмотрѣла на него еще внимательнѣе, спокойнѣе и вдругъ поняла.

— Ну, хорошо. Только и вы сдѣлайте, о чемъ попрошу. Скажите, что не любите меня... не *такъ* любите.

— Какъ — не такъ?

— А вотъ какъ: если сжать руку, — больно, а если задѣть за рану, — нестерпимо. Я такъ

люблю, а вы не такъ? Только скажите: «не такъ» — и уѣду.

Спокойная рѣшимость была въ ея лицѣ и голосѣ. Онъ понялъ, что она говоритъ правду: если скажетъ сейчасъ эти два слова: «не такъ», — она уѣдетъ, и все будетъ кончено.

Помолчала, подождала; потомъ вдругъ встала, подошла къ нему, наклонилась, обняла голову его и поцѣловала въ лобъ.

— Глупенькій! Господи, какой вы у меня глупенькій! — улыбнулась, какъ тогда, во время болѣзни; и опять показалось ему, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, глупенькій, маленькій, а она — большая: вотъ, возьметъ его на руки и понесетъ, какъ мать носитъ ребенка.

Вернулась къ рабочему столику и снова принялась штопать.

— Ну, а теперь извольте разсказывать, что вы такое надѣлали. Я хочу знать все.

— Да что-же разсказывать, Марпнька? Вѣдь, это политика, прескучная матерія...

— Не моего ума дѣло? Ну, ничего, — можетъ и пойму.

«Говорить о политикѣ съ восемнадцатилѣтнею барышней, вотъ наказаніе!» подумалъ онъ и началъ нехотя, чтобы только поскорѣе отдѣлаться; былъ увѣренъ, что она ничего не пойметъ. И, пока былъ въ этомъ увѣренъ, она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала; задавала вопросы такіе дѣт-

скіе, что онъ становился втупикъ, не зналъ, что отвѣтить.

— Вотъ видите, дура какая! — смѣялась. — Разъ кавалеръ на балу спросилъ уѣздную барышню, что она читаетъ. «Я, говоритъ, читаю розовенькую книжку, а сестра моя — голубенькую». Вотъ и я такая-же!

Но когда онъ началъ разсказывать о Софьѣ Нарышкиной, она вся насторожилась, и глаза ея блеснули такъ, что онъ подумалъ: «Ревнуетъ».

— А вѣдь, вы ее и сейчасъ, какъ живую, любите?

— Какъ живую.

— Ее и меня вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ.

Немного подумала и спросила:

— Портретъ есть?

— Есть.

— Покажите.

Онъ снялъ съ шеи медальонъ съ портретомъ Софьи. Она взяла его и долго смотрѣла на него молча; потомъ вдругъ поцѣловала и заплакала.

— Какая я злая дѣвчонка, скверная! —улыбнулась сквозь слезы. — Ну, конечно, вмѣстѣ... вмѣстѣ любить васъ будемъ!

— А знаете, Маринька, розовенькую-то книжку, кажется, не вы читали, а я... Всѣ умные люди — дураки ужасные! — улыбнулся онъ тоже сквозь слезы. Теперь уже зналъ, что она все по-

нимаетъ, видитъ все изнутри, какъ будто входитъ сердцемъ въ сердце.

О томъ, что замышлялъ убить отца Софьи, императора Александра Павловича, все-таки страшно было сказать. Хотѣлъ утаить, но не могъ — сказалъ и объ этомъ. Сначала не повѣрила; допытывалась, какъ будто не понимала:

— *Ея* отца убить хотѣли? И она это знала?

— Знала.

— Быть не можетъ! — всплеснула руками горестно. — Охъ, не надо объ этомъ! Не говорите. Я сейчасъ не пойму — лучше потомъ...

Иногда входили въ комнату и мѣшали имъ; но только-что они оставались одни, она торопила его:

— Ну, разсказывайте, разсказывайте. Что-же дальше?

Когда стемнѣло и зажгли свѣчи, — перешли въ голубую диванную, ту самую, гдѣ видѣлись въ послѣдній разъ передъ Четырнадцатымъ. Здѣсь уже никто не мѣшалъ.

Маринька сѣла на то-же мѣсто, какъ тогда, у окна, гдѣ стояли пяльцы съ начатой вышивкой, бѣлымъ попугаемъ на зеленомъ полѣ — Потапомъ Потапычемъ; желтый хохолокъ его такъ и остался неоконченнымъ. Въ углу тускло горѣла карселевая лампа въ матовомъ шарѣ, а отъ оконъ падали на полъ косые четыреугольники луннаго свѣта. Къ вечеру вьюга затихла. Разор-

ванныя тучи, то темныя, то свѣтлыя, съ отливомъ перламутровымъ, неслись по небу, какъ привидѣнія; и прозрачные цвѣты мороза на окнахъ искрились голубыми сапфирами.

Голицынъ разсказывалъ о Южномъ Тайномъ Обществѣ, о Сергѣѣ Муравьевѣ и его Катехизисѣ. И по тому, какъ Маринька слушала, чувствовалъ, что она понимаетъ,что это для нея главное.

— «Цари прокляты суть Бога, яко притѣснители народа, — читалъ наизустъ слова Катехизиса. — Для освобожденія родины должно ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи. Раскаемся въ долгомъ раболѣпствіи нашемъ и поклянемся: да будетъ единъ царь на небеси и на земли — Іисусъ Христосъ».

— Да вѣдь, Христосъ на небѣ? — простодушно удивилась она.

— И на землѣ, Маринька.

— Гдѣ-же на землѣ? Что-то не видно,—удивилась еще простодушнѣе.

— Оттого и не видно, что вмѣсто царя Христа — царь Звѣрь. Надо Звѣря убить.

— Для Христа убивать развѣ можно?

Давеча боялся, что она не пойметъ; и вотъ теперь было страшно, что слишкомъ хорошо понимаетъ. Восемнадцатилѣтняя дѣвочка, почти ребенокъ, обличала послѣднюю тайну, послѣднюю муку его.

Вдругъ встала, наклонилась, положила ему руки на плечи и заглянула въ глаза.

— Валерьянъ Михайловичъ, во Христа-то вы вѣруете?

— Что вы, Марпнька...

— Вѣруете? Да?

— Вѣрую во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, — произнесъ Голицынъ торжественно.

— Ну, слава Богу! — вздохнула она съ облегченіемъ и перекрестилась. — А то всѣ говорятъ: бунтовщики — безбожники. Вотъ я и подумала... Ужъ вы на меня не сердитесь, сама знаю, что дура! Папенька, бывало, сказывалъ: «Не всему вѣрь, что люди говорятъ: своимъ умомъ живи». Да своего ума-то нѣтъ, вотъ горе!

Замолчала, задумалась, какъ-будто стараясь что-то вспомнить.

— Ахъ, вотъ на кого похоже! — вдругъ вспомнила радостно. — Погодите-ка, что я вамъ покажу...

Выбѣжала и вернулась съ маленькой книжкой въ черной кожѣ, тисненой золотомъ — однимъ изъ тѣхъ альбомовъ, въ которыхъ уѣздныя барышни записывали стишки на память. На первой страницѣ — Амуръ, въ видѣ пастушка, сидящій надъ рѣчкою, а внизу стихи:

Теперь ужъ все измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ;
Амуръ, смѣялся, клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

И тутъ-же комплиментъ: «Ваши черные глаза, Маріе, носятъ трауръ по тѣмъ, кого бѣлого свѣта лишили».

Отыскала страницу и указала. Онъ прочелъ поблекшія строки, написанныя крупнымъ и круглымъ, старинным почеркомъ:

«Дочери моей возлюбленной Маринькѣ. Да пошлетъ тебѣ Господь спутника жизни, не богатаго и не знатнаго, но доблестью сердца украшеннаго, по сему изреченію Россійскаго автора преизящнѣйшаго, Александра Николаевича Радищева.

«Если-бы законъ,или государь,или какая-либо на землѣ власть подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ одной неколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою, — и поживешь на памяти благородныхъ душъ до скончанія вѣковъ».

«Павелъ Толычевъ».

— Господинъ Радищевъ папенькинъ другъ былъ,—похвастала она и перевернула страницу.

— А вотъ еще.

Онъ прочелъ:

Помни, Марія,
Слова преблагія:
Сѣмя Жены сотретъ главу Змія.
Александръ Лабзинъ.

— Тоже пріятель папенькинъ, — опять похвастала.

— Такъ вотъ вы чья крестница — Лабзина и Радищева! — улыбнулся ей Голицынъ радостно. Ему казалось, что они породнились новымъ родствомъ таинственнымъ.

— А вы думали что! — засмѣялась она и зардѣлась. — Ну, разсказывайте, разсказывайте! Что-же дальше?

Когда онъ разсказалъ о томъ, какъ Четырнадцатаго, на площади, Николай разстрѣлялъ толпу безоружную, — она прошептала, блѣднѣя:

— Да, убить Звѣря!

«А развѣ можно убивать для Христа?» теперь уже не спросила. И онъ почувствовалъ, что не только поняла, но и приняла все до конца, — и въ этой послѣдней тайнѣ, послѣдней мукѣ уже никогда не покинетъ его ни передъ судомъ человѣческимъ, ни передъ Божьимъ судомъ.

Когда онъ кончилъ, Маринька подсѣла къ нему на ручку кресла и какъ тогда, во время болѣзни, прижалась щекою къ щекѣ. Оба молчали, глядя, какъ разорванныя тучи несутся по небу, луна то выходитъ, то прячется, и цвѣты мороза

на окнахъ то потухаютъ, то искрятся голубыми сапфирами.

— А, помните, Маринька, вы говорили, что любить землю — грѣхъ, надо любить небесное?

— Нѣтъ, что-то не помню. Постойте-ка... Ахъ, да, ночью, въ возкѣ, когда изъ Москвы ѣхали. Какъ это вы вспомнили? Ну, такъ что-же?

— Да вѣдь, отечество — тоже земля. А развѣ любовь къ отечеству — грѣхъ?

— Ну,что вы! Должно быть,глупость сказала?

— Нѣтъ, не глупость, а только не все. Ну, да всего-то, пожалуй, никто объ этомъ не знаетъ...

Онъ говорилъ спокойно. Но Маринька почувствовала опять, какъ давеча, что это для него главное. Подняла голову и заглянула въ глаза его:

— Никто не знаетъ о чемъ? — спросила шопотомъ.

— О землѣ и о небѣ. Какъ землю и небо вмѣстѣ любить, — отвѣтилъ онъ тоже шопотомъ.

— Вмѣстѣ? — повторила и помолчала, подумала. — Да вѣдь, вы-же меня и Софью вмѣстѣ любите?

Опять помолчала, еще глубже задумалась. Потомъ заговорила съ такимъ выраженіемъ лица, какого онъ никогда не видѣлъ у нея.

— Разъ, давно-давно, какъ во снѣ помню, — я совсѣмъ была маленькой, — мы съ папенькой въ лодкѣ катались. Мельница у насъ, въ Чере-

мушкахъ, подъ самой усадьбой; рѣчка плотиной запружена; вода тихая, гладкая, какъ зеркало. Долго катались, до вечера; ужъ и солнце зашло, и ночь скоро. А вода еще тише, будто и нѣтъ ея вовсе, одинъ только воздухъ, — по воздуху плаваемъ. Облака на небѣ большія, круглыя, бѣлыя, и сквозь нихъ — звѣзды. И внизу, подъ нами, тоже облака и звѣзды. Будто два неба — одно вверху, другое внизу, а мы — посерединѣ. Страшно и хорошо. Такъ хорошо, — вотъ какъ сейчасъ съ вами... Вѣдь, это — то с а м о е? Ну, скажи, скажи, что не то!

— То, Маринька, то!

И оба замолчали: словъ больше не было, — кончились,какъ узкая тропинка надъ пропастью. Смотрѣли другъ на друга,улыбаясь молча. Улыбки сближались, сближались — и, наконецъ,слились въ поцѣлуй.

Когда онъ опомнился, она уже стояла у окна и что-то говорила ему; онъ долго не могъ понять что. Наконецъ, понялъ.

— Помнишь, наканунѣ Четырнадцатаго, ты говорилъ, что и за меня идешь на смерть? Почему и за меня? Я тебя тогда спросила, а ты не сказалъ.

— Потому что за Россію. А, вѣдь, и ты тоже... Маринька, знаешь, кто ты?

— Ну, кто?

Онъ ничего не отвѣтилъ и взглянулъ на нее:

вся бѣлая, въ бѣломъ свѣтѣ луны, на голубизнѣ сапфировой лунно-морозныхъ цвѣтовъ, она — не она, близкая и далекая, земная и небесная.

— Ну, кто же я? — взглянула на него украдкою и тотчасъ снова потупилась: жутко стало, какъ будто онъ смотрѣлъ не на нее, а сквозь нее на другую.

Что-то пронзило сердце его, какъ молнія. Онъ опустился на колѣни.

— Родная! Родная! Родная! — повторялъ, какъ будто въ одномъ этомъ словѣ было все, что онъ чувствовалъ, и цѣловалъ ея ноги.

Какъ въ послѣднемъ предѣлѣ земля и небо — одно, такъ Софья съ Маринькой; обѣ вмѣстѣ — земная и небесная; и въ обѣихъ — Одна Единственная.

Онъ уже ничего не боялся — ни цѣпи, ни пытки, ни плахи. Зналъ, что Она оградитъ отъ всего — Стѣна Нерушимая, Заступница Вѣчная, Радость Нечаянная. И если пошлютъ въ адъ, Она сойдетъ къ нему и туда, во тьму кромѣшную, — и тьма будетъ свѣтомъ. И Сѣмя Жены сотретъ главу Змія.

7-го января, въ первый день, когда можно было вѣнчаться послѣ Рождественскаго поста, Голицынъ повѣнчался на Маринькѣ, а въ слѣдующую ночь былъ арестованъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Хорошо, все хорошо!» думалъ Голицынъ, глядя на зеленую, закоптѣлую и запачканную стѣну. Длинная, узкая, темная, безъ оконъ, вродѣ чулана, съ навислими сводами, караульня гауптвахты, въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца, освѣщалась черезъ стеклянную дверь изъ коридора. У двери стоялъ часовой и заглядывалъ; всѣ проходившіе — тоже. Чтобы избавиться отъ взглядовъ, Голицынъ сѣлъ спиною къ двери и уставился глазами въ стѣну.

Вторую ночь проводилъ на жесткомъ, шаткомъ соломенномъ стулѣ, кутаясь въ шинель отъ холода. Ноги затекали, спина болѣла. Хотѣлъ лечь на старый кожаный диванъ, но клопы одолѣли. Пробовалъ лечь на полъ, подостлавъ шинель; но изъ-подъ двери и отъ полѣнницы неоттаявшихъ дровъ, сваленныхъ тутъ же, въ углу, у нетопленной печки, несло такимъ холодомъ, что боялся простуды: все еще былъ не очень здоровъ. Опять пересѣлъ на стулъ, покорился: «Хорошо и такъ, все хорошо!»

Вспомнилъ, какъ давеча, когда вели на гауптвахту, и онъ замедлилъ шагъ на темной лѣстницѣ, одинъ изъ конвойныхъ ударилъ его по плечу ружейнымъ прикладомъ; онъ оглянулся: солдатъ, молодой парень съ курносымъ, безусымъ и

безбровымъ лицомъ, тоже посмотрѣлъ на него подслѣповатыми глазками, исподлобья, угрюмо, но незлобиво: «Ну, ну, чего зѣваешь, сукинъ сынъ, пошевеливайся!» — «И это хорошо», вспомнивъ, подумалъ Голицынъ.

А когда ввели въ караульню, дежурный фельдфебель, пропахшій насквозь тютюномъ и водкою, началъ обыскивать. Жирные пальцы, съ рыжими волосами и веснушками, ползали по тѣлу, шарили, щупали. Отнялъ медаліонъ съ портретомъ Софьи. Руки связалъ веревкою за-спину такъ туго, что веревка врѣзалась въ тѣло. Поутру кто-то изъ караульныхъ офицеровъ сжалился, велѣлъ развязать. Но руки и теперь еще болѣли. Голицынъ поднялъ ихъ и посмотрѣлъ на слѣды отъ веревокъ — запястья красныя. «И это хорошо!» подумалъ.

«А, вѣдь, Маринька уже не Маринька, а княгиня Марья Павловна Голицына», вдругъ вспомнилъ и удивился радостно. Все еще не понималъ, какъ это сдѣлалось. «Завтра вѣнчаемся», объявила ему наканунѣ. Онъ возражалъ, удивлялся, зачѣмъ такъ скоро, просилъ подождать. Но ничего и слышать не хотѣла; рѣшила: завтра, — и кончено. Все уже давно обдумала, устроила вмѣстѣ съ Ѳомой Ѳомичомъ, тайкомъ отъ маменьки и отъ самого жениха. Никто ничего въ домѣ не зналъ, даже изъ слугъ, кромѣ стараго дворецкаго, Ананія Васильевича. Бабушка лежала, боль-

ная, а Нина Львовна уѣхала съ утра на цѣлый день въ гости къ старой подругѣ по Смольному, на другой конецъ города. Старенькій священникъ Инвалиднаго дома, что у Семеновскихъ казармъ, полковой однокашникъ Ѳомы Ѳомича, о. Стахій, «мастеръ крутить свадьбы на фельдъегерскихъ», повѣнчалъ ихъ въ домовой церкви, тутъ же, въ бабушкиномъ домѣ.

Голицынъ покорялся, но ничего не понималъ. Во время вѣнчанія, «столбомъ стоялъ», какъ пошутилъ Ѳома Ѳомичъ. Въ крошечной церковкѣ, вродѣ часовни, было душно отъ свѣчей и ладана: голова кружилась; боялся, какъ бы не сдѣлалось дурно.

Усталъ, легъ рано. Ночью, когда уже спалъ, Маринька потихоньку, на цыпочкахъ, вошла къ нему въ комнату, присѣла на край постели, наклонилась, обняла и разбудила поцѣлуемъ; никогда еще не цѣловала такъ; онъ чувствовалъ, что въ этомъ поцѣлуѣ отдала ему душу. «Теперь хорошо, все хорошо! Не понимаешь?» шепнула на ухо, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, освободилась изъ его объятій, убѣжала въ спальню къ маменькѣ. А онъ опять заснулъ крѣпко, сладко и глупо; засыпая, такъ и подумалъ, что спать въ такую ночь — глупо.

А на слѣдующую ночь его арестовали. Когда оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ съ фельдъегеремъ и четырьмя конвойными вывели аресган-

та въ сѣни, Маринька выбѣжала къ нему, полуодѣтая; едва успѣла обнять его, перекрестить, шепнуть на-ухо: «За меня не бойся, думай только о себѣ. Храни тебя Матерь Пречистая!» А когда онъ уже сходилъ по лѣстницѣ, — нагнулась черезъ перила, посмотрѣла на него въ послѣдній разъ: ни страха, ни скорби въ глазахъ ея не было, а только сила любви беконечная. На кого похожи были эти глаза, онъ все хотѣлъ вспомнить и не могъ.

Надоѣло глядѣть на стѣну, облокотился на столъ, закрылъ глаза и началъ думать. Какъ тогда, во время болѣзни, шепталъ умиленно-восторженно: «Маринька... маменька!» и казалось, что она беретъ его на руки, качаетъ, баюкаетъ.

Проснулся отъ стука ружей и звяканья шпоръ. Думалъ, что много проспалъ, а всего минутъ десять. Былъ девятый часъ вечера.

— Арестанта къ государю императору!—сказалъ чей-то голосъ.

Окружили конвойные и повели по безконечнымъ коридорамъ и лѣстницамъ. Вошли въ рядъ залъ, увѣшанныхъ картинами. Онъ узналъ Эрмитажъ. Въ большой залѣ горѣло такое множество свѣчей, что онъ подумалъ: «Балъ тутъ, что-ли?» Потомъ сообразилъ, что свѣтъ нуженъ для того, чтобы слѣдить за малѣйшими измѣненіями лицъ, во время допроса арестованныхъ. Внизу

свѣтло, а вверху — зіяющее сквозь стеклянный потолокъ, ночное небо, бездонно-черное.

Въ углу, у стѣны, подъ «Святымъ Семействомъ» Доминикино, за раскрытымъ ломбернымъ столикомъ, съ бумагами, чернильницей и перьями, сидѣлъ молодой человѣкъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, узкомъ, красномъ, съ густыми, золотыми нашивками, генералъ-адъютантъ Левашевъ.

Конвойные подвели Голицына къ столику; двое стали у дверей, съ саблями на-голо.

— Прошу садиться, князь, — сказалъ Левашевъ, привсталъ, поклонился съ любезностью — руки однако не подалъ — и указалъ на кресло. — Кажется, у князя Александра Николаевича, дядюшки вашего, встрѣчались, — заговорилъ по-французски, съ такимъ видомъ, какъ будто они были не арестантъ и сыщикъ, а два гостя, которые въ чужомъ домѣ встрѣтились и болтали въ ожиданіи хозяина.

— Служить изволили?

— Служилъ.

— Въ какомъ полку?

— Въ Преображенскомъ.

— Давно въ отставку вышли?

— Года два.

Голицынъ вглядывался въ Левашева: лицо не злое, не доброе, а только равнодушное; глаза не глупые, не умные, а только чуть-чуть плуто-

ватые. Свѣтскій, ловкій молодой человѣкъ, лихой гусаръ, должно быть, отличный танцоръ и наѣздникъ; «добрый малый», изъ тѣхъ, которые сами живутъ и другимъ жить не мѣшаютъ.

Голицынъ поднялъ руки и показалъ ему слѣды отъ веревокъ. Левашевъ поморщился:

— Опять перестарались. Сколько разъ имъ сказывалъ!

— У васъ тутъ всѣмъ руки связываютъ?

— Почти всѣмъ. Такой ужъ порядокъ. Что прикажете, — караульный домъ.

— Съѣзжая?

— Вродѣ того.

— Вольно же вамъ изъ дворца дѣлать съѣзжую!

Левашевъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну-съ, приступимъ, — началъ и любезное выраженіе лица перемѣнилъ на дѣловое, не строгое, а только скучающее и немного брезгливое, какъ будто понималъ, что работа не совсѣмъ чистая. Взялъ листъ бумаги, очинилъ перо и обмакнулъ въ чернильницу.

— Государю императору Николаю Павловичу присягать изволили?

— Нѣтъ, не присягалъ.

— Почему же-съ?

— Потому что присяга происходитъ съ такими обрядами и съ такою клятвою, что я считалъ ее для себя неприличною.

— И никому присягать не будете?

— Никому.

— Какъ же безъ присяги-съ? Вѣдь, въ Бога вѣруете?

— Вѣрую.

— А присяга отъ Бога?

— Нѣтъ, не отъ Бога.

— Ну, спорить не будемъ. Такъ и записать прикажете?

— Такъ и запишите.

Лицо Левашева сдѣлалось еще равнодушнѣе.

— Вы очень себѣ вредите, князь, очень-съ. Подумайте.

— Я всю жизнь, ваше превосходительство, только и думалъ объ этомъ.

— И вотъ что придумали?

— Да, вотъ что.

Левашевъ усмѣхнулся, пожалъ плечами, привычно-ловкимъ движеніемъ закрутилъ свой тонкій усъ, записалъ и продолжалъ съ видомъ еще болѣе скучающимъ.

— Принадлежали къ Тайному Обществу?

— Принадлежалъ.

— Какія-же вамъ извѣстны дѣйствія онаго?

— Никакихъ.

Левашевъ помолчалъ, посмотрѣлъ на кончикъ пера, снялъ соринку и поднялъ глаза на Голицына.

— Не думайте, князь, чтобы правительству

ничего не было извѣстно. Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что происшествіе Четырнадцатаго — только преждевременная вспышка, и что вы должны были еще въ прошломъ году нанести ударъ покойному государю императору. Если угодно, я вамъ сообщу подробности намѣреваемаго вами цареубійства. Въ началѣ мая мѣсяца прошлаго года, на квартирѣ здѣшняго сочинителя, господина Рылѣева, происходило собраніе, на коемъ предсѣдатель Тульчинской управы Южнаго Тайнаго Общества, подполковникъ Пестель, предлагалъ истребленіе всѣхъ членовъ царствующаго дома. Объ этомъ знать изволите?

— Нѣтъ, не знаю.

— И кто отвѣтилъ Пестелю: «Согласенъ съ вами до корня», тоже не знаете?

— Тоже не знаю.

— А, можетъ быть, припомните?

— Нѣтъ, не припомню.

— Плохая-же память у вашего сіятельства, — опять усмѣхнулся Левашевъ и закрутилъ свой усъ. — Ну, такъ, я вамъ напомню: это ваши слова. А теперь не угодно-ли назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, кои были на этомъ собраніи.

— Извините, ваше превосходительство, этого я никакъ не могу сдѣлать.

— Отчего-же-съ?

— Оттого что, вступая въ Общество, я далъ клятву никого не называть.

Левашевъ отложилъ перо и откинулся на спинку кресла.

— Послушайте, Голицынъ. Чѣмъ долѣе вы будете запираться, тѣмъ хуже для васъ. Вы хотите спасти вашихъ товарищей, но никого не спасете, а себя погубите. Говорю вамъ: правительству все уже извѣстно,и признаніе ваше нужно для васъ-же самихъ: чистосердечное раскаяніе — единственный путь къ милосердію государя, — повторялъ онъ, видимо, слова заученныя. — Ну, что-жъ вы молчите? Ничего говорить не хотите?

— Не хочу.

— Такъ васъ *заставятъ* говорить,милостивый государь,—чуть-чуть возвысилъ голосъ Левашевъ, упирая на каждое слово раздѣльно-медленно. — Я приступаю къ обязанности судіи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству за сію довѣренность, но долженъ сказать, что теперь еще болѣе чувствую своею обязанностью никого не называть, — сказалъ Голицынъ, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и подумалъ: «Добрый малый, а если начальство прикажетъ, будетъ пятки поджаривать».

— Pour cette fois je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhomme votre égal, — началъ Левашевъ съ прежнею любезностью. — Не понимаю, князь, какая охо-

та быть мученикомъ за людей, которые васъ предали.

— Не понимаете, ваше превосходительство, какая охота не быть подлецомъ?

Левашева слегка передернуло, но «добрый малый» не обидѣлся: разсудилъ, что арестанту не до любезностей.

— Будьте добры, князь, прочесть и подписать, — сказалъ и подалъ ему записку.

Голицынъ взглянулъ, увидѣлъ, что генералъ пишетъ по-русски, какъ сапожникъ, и подписалъ, не читая. Левашевъ всталъ, расправилъ члены. — узкій мундиръ еще уже обтянулъ, облилъ тѣло, — не корпѣть-бы, казалось, такому молодцу надъ бумагами, а танцовать мазурку съ прекрасными дамами или скакать на конѣ въ бранномъ пламени; дернулъ за шнурокъ звонка; когда вбѣжалъ фельдъегерь, — указалъ Голицыну на стоявшія рядомъ со столикомъ зеленыя шелковыя ширмы:

— Потрудитесь обождать.

И вышелъ съ фельдъегеремъ. Голицынъ сѣлъ за ширмы.

На другомъ концѣ залы открылась дверь и кто-то вошелъ; изъ-за ширмъ не видно было кто, но, судя по голосамъ, двое. На-ходу разговаривая, подошли къ столу и остановились. Имъ тоже не видно было Голицына. Онъ прислушался.

— Я дѣлалъ открытія, не соображаясь съ раз-

судкомъ, по движенію сердца благодарнаго къ его величеству и, можетъ быть, то сказалъ, чего другіе не открыли-бы...

Далѣе Голицынъ не разслышалъ, а потомъ опять:

— Легко погибнуть самому, ваше превосходительство, но быть причиной гибели другихъ — мука нестерпимая...

Голицынъ узналъ и не узналъ, чей это голосъ. Привсталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ ширмамъ и выглянулъ. Тѣ двое стояли къ нему спиною, и онъ не видѣлъ лицъ. Но одного узналъ: Бенкендорфъ. А другого все еще узналъ и не узналъ — глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Будьте покойны, мой другъ: всѣхъ помилуетъ. — заговорилъ Бенкендорфъ и, взявъ собесѣдника подъ руку, повелъ его мимо ширмъ. Голицынъ увидѣлъ лицомъ къ лицу того неузнаннаго-неузнаваемаго: это былъ Рылѣевъ. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза.

Голицынъ упалъ въ кресло. Свѣтъ потухъ въ глазахъ его, какъ будто сквозь стеклянный потолокъ зіяющее, бездонно-черное небо на него обрушилось.

— Пожалуйте, — сказалъ Левашевъ, заглянувъ за ширмы.

Голицынъ очнулся, всталъ и вышелъ. Съ другого конца залы подходилъ государь. Неподвижное, блѣдное, какъ изъ мрамора высѣченное, ли-

ло приближалось къ нему, и вдругъ вспомнилъ онъ, какъ тогда, Четырнадцатаго, подъ картечью, на Сенатской площади,бѣжалъ съ пистолетомъ въ рукахъ, чтобы убить Звѣря.

Подойдя къ столу, государь остановился въ двухъ шагахъ отъ арестанта, смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ и указалъ пальцемъ на записку Левашева, которую держалъ въ рукѣ.

— Это что? Чего вы тутъ нагородили, а? Васъ о дѣлѣ спрашиваютъ, а вы вздоръ отвѣчаете: «Присяга не отъ Бога»? Знаете-ли вы, сударь, наши законы? Знаете-ли, что за это?.. — провелъ рукою по шеѣ.

Голицынъ усмѣхнулся: что могъ ему сдѣлать этотъ человѣкъ послѣ давешняго ужаса?

— Что вы смѣетесь? — спросилъ государь и нахмурился.

— Удивляюсь, ваше величество: ужъ если грозить, то надобно сначала смертью, а потомъ —пыткой: вѣдь, пытка страшнѣе, чѣмъ смерть.

— Кто вамъ грозилъ пыткою?

— Его превосходительство.

Николай взглянулъ на Левашева, Левашевъ — на Николая, а Голицынъ — на обоихъ.

— Вотъ какой храбрый! — началъ опять государь. — Здѣсь ничего не боитесь, а тамъ? Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе вѣчное... И надъ этимъ смѣетесь? Да вы не христіанинъ, что-ли?

— Христіанинъ, ваше величество, оттого и возсталъ на самодержавіе.

— Самодержавіе отъ Бога. Царь — Помазанникъ Божій. На Бога возстали?

— Нѣтъ, на Звѣря.

— Какой звѣрь? Что вы бредите?

— Звѣрь — человѣкъ, который себя Богомъ дѣлаетъ, — произнесъ Голицынъ тихо и торжественно, какъ слова заклинанія, и поблѣднѣлъ; духъ у него захватило отъ радости: казалось, что убиваетъ Звѣря.

— Ахъ, несчастный! — покачалъ государь головой съ сокрушеніемъ. — Умъ за разумъ зашелъ! Вотъ до чего доводятъ сіи адскія мысли, плоды самолюбья и гордости. Мнѣ васъ жаль. Зачѣмъ вы себя губите? Развѣ не видите, что я вамъ добра желаю? — заговорилъ, немного помолчавъ, уже другимъ, ласковымъ, голосомъ. — Что-же вы мнѣ ничего не отвѣчаете? — взялъ его за руку и продолжалъ еще ласковѣй: — Вы знаете, я все могу — могу васъ простить...

Голицынъ вспомнилъ Рылѣева и вздрогнулъ.

— Въ томъ-то и бѣда, ваше величество, что вы все можете, — Богъ на небѣ, а вы на землѣ. Это и значитъ: человѣка Богомъ сдѣлали...

Государь давно уже понялъ, что ничего не добьется отъ Голицына. Допрашивалъ нехотя, только для очистки совѣсти. Не сердился: за мѣсяцъ сыска довелъ себя до того, что, во время допро-

совъ, ни на кого и ни за что не сердился. Но надоѣло. Пора было кончать.

— Ну, ладно, будетъ вздоръ молоть, — оборвалъ съ внезапною грубостью. — Извольте отвѣчать на вопросы, какъ слѣдуетъ.

— Я уже сказалъ его превосходительству, что далъ слово...

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и вашимъ мерзкимъ словомъ!

«Тотъ, какъ сапожникъ, пишетъ, а этотъ, какъ сапожникъ, ругается», подумалъ Голицынъ.

— Такъ не хотите говорить? Не хотите? Въ послѣдній разъ спрашиваю, не хотите?

Голицынъ молчалъ. Лицо государя измѣнилось мгновенно: одна маска упала, другая надѣлась — грозная, гнѣвная, блѣдная, какъ изъ мрамора высѣченная: Аполлонъ Бельведерскій, Пиѳона сражающій. Отступилъ на шагъ, протянулъ руку и закричалъ:

— Заковать его такъ, чтобы онъ и пошевелиться не могъ!

Въ эту минуту вошелъ Бенкендорфъ. Государь обернулся къ нему, и опять одна маска упала, другая надѣлась:«бѣдный малый, бѣдный Никсъ, votre каторжный du Palais d'Hiver».

Бенкендорфъ подошелъ къ Николаю и что-то сказалъ ему на-ухо. Не глядя на Голицына, какъ будто сразу забывъ о немъ, государь вышелъ.

— Потрудитесь обождать, — опять указалъ

Левашевъ Голицыну на кресло за ширмами и тоже вышелъ съ Бенкендорфомъ.

Голицынъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Утихъ, успокоился. «Ну, вотъ, и хорошо, опять все хорошо, — подумалъ, какъ давеча. — Охота быть мученикомъ за тѣхъ, кто васъ предалъ? — Ну, конечно, охота!»

Эти два слова: «ну, конечно», прошепталъ съ тою-же дѣтской улыбкой, какъ Маринька.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ширмы стояли у двери. За дверью слышались шаги и голоса. Другая дверь, та, въ которую вышелъ государь, отворилась, кто-то изъ нея выбѣжалъ, и голосъ Левашева закричалъ:

— Да позовите фельдшера, кровь пустить!

«Въ Россіи есть пытка», вспомнилось Голицыну, и онъ прислушался къ тому, что происходило за дверью. Звуки заглушала тяжелая занавѣсь. Онъ высунулъ голову изъ-за ширмъ. Въ залѣ никого не было, кромѣ двухъ часовыхъ, стоявшихъ у двери, на другомъ концѣ залы, какъ два истукана.

Раздвинувъ занавѣсь, Голицынъ увидѣлъ, что дверь за нею чуть-чуть пріотворена. Заглянулъ въ щель. — темно: дверь двойная. Открылъ ее и вошелъ въ темное пространство между дверя-

ми. Наткнулся на стулъ: должно быть, во время допросовъ, тутъ кто-нибудь сидѣлъ и подслушивалъ; вторая дверь тоже чуть-чуть пріотворена и съ той стороны занавѣшена. Пріотворилъ побольше, тихонько раздвинулъ вторую занавѣсь и выглянулъ.

Маленькая зала, увѣшенная картинами, большею частью копіями старинной итальянской живописи, школы Перуджино и Рафаэля, освѣщалась такимъ-же множествомъ свѣчей, какъ большая. Прямо противъ него кто-то лежалъ на диванѣ. Въ креслахъ, спиною къ Голицыну, сидѣлъ Бенкендорфъ, заслоняя лежавшаго; видны были только ноги, покрытыя шалью, да уголъ бѣлой подушки. Тутъ же сидѣло и стояло еще нѣсколько человѣкъ: Левашевъ, дворцовый комендантъ Башуцкій, оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ и какой-то штатскій въ черномъ фракѣ, въ парикѣ и въ очкахъ, похожій лицомъ на еврея,— должно быть, лѣкарь. Потомъ вошелъ еще одинъ штатскій, толстенькій, рыженькій, въ засаленномъ коричневомъ фракѣ, съ мѣднымъ цырульничьимъ тазомъ, какіе употреблялись для кровопусканій.

— Какъ вы себя чувствуете, мой другъ? — спросилъ Бенкендорфъ.

— Хорошо, хорошо, удивительно, — отвѣтилъ лежавшій на диванѣ. — я никогда себя такъ хорошо не чувствовалъ!

— Голова не болитъ?

— Нѣтъ, прошла. Все прошло. Духъ бодръ, умъ свѣжъ, душа спокойна. Сердце, какъ прежде, невинно и молодо. О, никогда, никогда я не былъ такъ счастливъ! Еще тамъ, въ казематѣ, бывали такія минуты блаженства, что я съ ума сходилъ, — все говорилъ, говорилъ, говорилъ, — глухимъ стѣнамъ разсказывалъ чувства мои: не люди, такъ камни услышатъ, камни возопіютъ! Кричалъ, пѣлъ, плясалъ, скакалъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, какъ пьяный, какъ бѣшеный! Комендантъ Сукинъ — прекрасный человѣкъ, но какая фамилія — если у него сынъ, то и назвать неприлично, — такъ вотъ этотъ Сукинъ, бѣдняжка, перепугался, думалъ,что я и впрямь взбѣсился, послалъ за лѣкаремъ, хотѣлъ связать. Ничего не понималъ.Никто ничего не понимаетъ. А вѣдь, вотъ, вы-же понимаете, ваше превосходительство? Мнѣ ужасно глаза ваши нравятся! Умные, добрые. Только одинъ — добренькій, а другой — чуть-чуть хитренькій...

— Хэ-хэ, вотъ вы какой наблюдательный!— разсмѣялся Бенкендорфъ.

— Не сердитесь? Ради Бога, не сердитесь... Я все не то... Но сначала не то, а потомъ то. Ужасно говорить хочется. Позвольте говорить, ваше превосходительство!

— Говорите, только не волнуйтесь, а то опять нехорошо будетъ.

— Нѣтъ, хорошо, теперь все хорошо! Я все скажу. Я прежде думалъ: надо беречь лица. А теперь думаю: отъ кого беречь? Отъ ангела? Вѣдь, государь — ангелъ, а не человѣкъ, самъ теперь вижу. И вы тоже, — передъ такими людьми что беречь лица? Кромѣ добра ожидать нечего. Все узнаете. Все скажу. Наведу на корень. Дѣло закипитъ. Я теперь — съ убѣжденіемъ... Это мнѣ пріятно. Я ужъ постараюсь, ваше превосходительство! Вотъ увидите. Допесу систематически. Разберу по полкамъ. Ни одного не утаю. Даже такихъ назову,о которыхъ никогда не узнали-бы. Ну, а гдѣ-же *онъ*? Отчего его нѣтъ? Я хочу ему самому...

— Сначала намъ, а потомъ ему, — сказалъ Бенкендорфъ.

— Нѣтъ, ему, ему первому, ангелу! Я хочу къ нему... Зачѣмъ вы меня не пускаете? Вы должны пустить. Я требую!

Онъ вдругъ привсталъ на диванѣ, какъ будто хотѣлъ вскочить и бѣжать. Голицынъ, увидѣвъ лицо его, какъ давеча лицо Рылѣева, неузнанное, неузнаваемое, — это былъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, — отшатнулся, упалъ на стулъ, закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы не видѣть, не слышать. Но ненадолго: снова любопытство потянуло жадное. Всталъ, опять раздвинулъ занавѣсь и выглянулъ.

Одоевскій полулежалъ на диванѣ, такъ что те-

перь лицо его было видно Голицыну. Оно казалось почти здоровымъ, можетъ быть, потому, что лихорадочный румянецъ рдѣлъ на щекахъ. Все тотъ-же «милый Саша», «тихій мальчикъ»: все та-же прелесть полудѣтская, полудѣвичья:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

— До Четырнадцатаго я былъ совершенно непороченъ, — говорилъ онъ такъ довѣрчиво, спокойно и весело, какъ будто съ лучшими друзьями бесѣдовалъ. — Воспитывался дома. Maman m'a donné une éducation exemplarie. По самую кончину свою не спускала съ меня глазъ. Я, вѣдь, маменьку... Ну, да что говорить. — когда умерла, едва выжилъ. Поступилъ въ полкъ. Въ двадцать лѣтъ — совсѣмъ еще дитя. Я отъ природы безпеченъ, вѣтренъ и лѣнивъ. Никогда никакого не имѣлъ неудовольствія въ жизни. Слишкомъ счастливъ. Жизнь моя цвѣла. Писалъ стихи, мечталъ о златомъ вѣкѣ Астреиномъ. Какъ всѣ молодые люди, кричалъ о вольности на вѣтеръ, безъ всякаго намѣренія. Рылѣевъ — тоже. Вотъ и сошлись.

— Рылѣевъ принялъ васъ въ Тайное Общество? — спросилъ Бенкендорфъ.

— Нѣтъ, не онъ. Не помню кто. Да и принятья никакого не было. Все только шалость, глупость, ребячество, испареніе разгоряченнаго мозга Рылѣева. Ибо что могутъ сдѣлать трид-

цать — сорокъ человѣкъ ребятъ, мечтателей, романтиковъ, «лунатиковъ», какъ говоритъ Голицынъ?

— Какой Голицынъ? Князь Валерьянъ Михайловичъ? — спросилъ Левашевъ.

— Ну, да. А что?

— Не онъ-ли отвѣтилъ на предложеніе Пестеля истребить всѣхъ членовъ царствующаго дома: «Согласенъ съ вами до корня»?

— Можетъ быть. Не помню.

— Постарайтесь вспомнить.

— А вамъ на что?

— Очень важно.

— Совсѣмъ неважно. Вздоръ! Ваше превосходительство, зачѣмъ онъ такъ спрашиваетъ? Не велите ему. Мы, вѣдь, тутъ не шпіоны, не сыщики.

Бенкендорфъ мигнулъ Левашеву.

— Не сердитесь, мой другъ, онъ больше не будетъ. Вы хотѣли разсказать намъ, какъ провели день Четырнадцатаго.

— Да, хотѣлъ. Только все, какъ во снѣ, — сна не разскажешь. Ночь простоялъ во дворцѣ, на караулѣ; глазъ не смыкалъ, усталъ, какъ собака. Кровь бросилась въ голову — это у меня часто бываетъ отъ безсонницы. Утромъ поѣхалъ въ кофейню Лореда, купилъ конфетъ, лимонныхъ, кисленькихъ. Очень люблю. Потомъ домой, спать. А потомъ вдругъ — на площади. Затащили въ ка-

ре. Двадцать разъ уходилъ; обнимали, цѣловали — остался, самъ не знаю зачѣмъ...

— Вы держали пистолетъ въ рукѣ? — спросилъ Бенкендорфъ.

— Пистолетъ? Можетъ быть. Кто-нибудь сунулъ...

Левашевъ началъ что-то записывать карандашомъ на бумажкѣ.

— Ваше превосходительство, зачѣмъ онъ записываетъ? Пистолетъ — вздоръ. Да и не помню. Можетъ быть, не было.

— А какъ стрѣляли въ графа Милорадовича, видѣли?

— Видѣлъ.

— Кто стрѣлялъ?

— Этого не видѣлъ.

— Жаль. Могли-бы спасти невиннаго.

— Эхъ, господа, вы все не то... Непремѣнно нужно?

— Непремѣнно.

— Ну, дайте на ушко...

Бенкендорфъ наклонился, и Одоевскій шепнулъ ему на-ухо.

— А потомъ, когда разстрѣляли,—заговорилъ опять громко, все такъ-же спокойно и весело, — пошелъ черезъ Неву на Васильевскій, а оттуда на Мойку, къ сочинителю Жандру. Старуха Жандриха, — очень любитъ меня, — увидѣла, завыла: «Бѣгите!» Кинула денегъ. Я пуще поте-

рялъ голову. Пошелъ, куда глаза глядятъ. Хотѣлъ скрыться подъ землю, подъ ледъ. Люди заглядывали въ глаза, какъ вороны — въ глаза умирающаго. Ночевалъ на канавѣ подъ мостомъ. Въ прорубь попалъ, тонулъ, замерзалъ. Смерть уже чувствовалъ. Вылѣзъ, умалишенный. Утромъ опять пошелъ. Два дня ходилъ, Богъ знаетъ гдѣ. Въ Катеринтофѣ былъ, въ Красномъ. Тулупъ купилъ, шапку; мужикомъ одѣлся. Вернулся въ Петербургъ. Къ дядѣ Васѣ Ланскому, министру. Обѣщалъ спрятать, а самъ поѣхалъ донести въ полицію. Ну, думаю, плохо. Вотъ къ вамъ и явился...

— Вы не сами явились, васъ привезли, — поправилъ Башуцкій.

— Привезли? Не помню. Самъ хотѣлъ. Въ Россіи не уйдешь. Я на себѣ испыталъ. Русскій человѣкъ храбръ, какъ шпага, твердъ, какъ кремень, пока въ душѣ Богъ и царь, а безъ нихъ — тряпка, подлецъ. Вотъ, какъ я сейчасъ. Вѣдь, я подлецъ, ваше превосходительство, а? — вдругъ обернулся къ Бенкендорфу и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Почему-же? Напротивъ, благородный человѣкъ: заблуждались и раскаялись.

— Неправда! По глазамъ вижу, что неправда. Говорите: «благородный», а думаете: «подлецъ». Ну, да вѣдь, и вы, господа, — медленно обвелъ всѣхъ глазами, и лицо его поблѣднѣло, исказилось, — подлеца слушаете! Хороши тоже! Я съ

ума схожу, а вы слушаете, пользуетесь! Господи! Господи! Что вы со мною дѣлаете! Палачи! Палачи! Мучители! Будьте вы прокляты!

Голицынъ опять отшатнулся, закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы не видѣть, не слышать. Но ненадолго: снова любопытство потянуло жадное: раздвинулъ занавѣсь и выглянулъ, прислушался.

Одоевскій лежалъ, молча, не двигаясь, съ закрытыми глазами, какъ въ безпамятствѣ. Потомъ открылъ ихъ и опять заговорилъ быстро-быстро и невнятно, какъ въ бреду:

— Ну, что-жъ, пусть! Всѣ подлецы и всѣ благородные. Невинные, несчастные. Звѣри и ангелы вмѣстѣ. Падшіе ангелы, возстающіе. Надо только понять. «Премудрая благость надъ міромъ царствуетъ. Es herrscht eine allweise Gute uber die Welt». Это по-нѣмецки, у Шеллинга, а по-русски: «Пречистой Матери Покровъ»... А вотъ и Она, видите?..

Прямо противъ него, на стѣнѣ, висѣла копія Сикстинской Мадонны Рафаэля. Голицынъ взглянулъ на нее и вдругъ вспомнилъ, на кого похожи были глаза Маринькп, когда, арестованный, сходилъ онъ по лѣстницѣ и, нагнувшись черезъ перила, она посмотрѣла на него въ послѣдній разъ.

— Какіе глаза! — продолжалъ Одоевскій, глядя на Мадонну съ умиленьемъ восторжен-

нымъ. — Какъ это въ русскихъ пѣсняхъ поется: «Мать сыра земля»? Россія — Мать. Всѣхъ Скорбящихъ Матерь. Но объ этомъ нельзя... Ваше превосходительство,ужъ вы на меня не сердитесь. Я все скажу. Все узнаете. Вотъ только отдохну — и опять. Каховскій стрѣлялъ; Оболенскій штыкомъ лошадь кололъ. А Кюхельбекеръ въ великаго князя цѣлился, да пистолетъ не выстрѣлилъ. Ну; ничего, ничего, запишите, а то забудете. Ну, что еще?.. А, впрочемъ, вздоръ! Опять не то... А вотъ, когда замерзалъ на канавѣ, подъ мостомъ, — то самое было, то самое: чашечки золотыя, зеленыя; дѣтьми, молоко изъ нихъ пили въ деревнѣ, лѣтомъ, у маменьки, на антресоляхъ съ полукруглыми окнами, прямо въ рощу березовую; золотыя,зеленыя. какъ солнце сквозь листъ весенній, березовый. И такъ хорошо! Вотъ и сейчасъ... Только не сердитесь, милые, милые, хорошіе Не надо сердиться, и все хорошо будетъ. Простимъ другъ друга, возлюбимъ другъ друга! Возьмемтесь за руки и будемъ пѣть, плясать, какъ дѣти, какъ ангелы Божьи въ раю, въ златомъ вѣкѣ Астреиномъ...

Говорилъ все тише, тише и, наконецъ, совсѣмъ затихъ, закрылъ глаза, какъ будто заснулъ или впалъ въ забытье. Улыбался во снѣ, и слезы по лицу струились, тихія. Бенкендорфъ поцѣловалъ его въ голову, можетъ быть, съ непритворною нѣжностью.

А на другомъ концѣ залы, такая-же тяжелая, штофная занавѣсь, какъ та, за которой Голицынъ подслушивалъ, вдругъ заколебалась, раздвинулась, — и вошелъ государь.

Всѣ окружили его, заговорили вполголоса, чтобы не разбудить больного. Только отдѣльныя слова долетали до Голицына.

— Какъ-бы горячка не сдѣлалась...

— Кровь пустить, ледъ на голову...

— Показанья важныя...

— Да вѣдь, бредъ, слова умалишеннаго, — не оговорилъ-бы кого понапрасну...

— Ничего, разберемъ...

Голицынъ не помнилъ, какъ вернулся на прежнее мѣсто, въ большой залѣ, за ширмами. Долго сидѣлъ въ оцѣпенѣніи безчувственномъ.

Вдругъ увидѣлъ Левашева. Сидя за ломбернымъ столикомъ, онъ разбиралъ бумаги. Голицынъ вскочилъ и бросился къ нему такъ внезапно, что Левашевъ вздрогнулъ, обернулся и тоже вскочилъ.

— Что такое? Что съ вами, Голицынъ?

— Ведите меня къ государю!

— Государь занятъ. Если что сказать имѣете, можете мнѣ.

— Нѣтъ, къ государю! Сейчасъ-же, сейчасъ же, немедленно!

— Да что вы, сударь, кричите? Съ ума вы сошли?

— Съ ума сошелъ! Съ ума сошелъ! Одного уже свели съ ума, а вотъ и другой! Въ Россіи есть пытка! Одного запытали — ну, такъ и другого! Вмѣстѣ обоихъ! Жилы выматывайте, пятки поджаривайте! О, подлецы, подлецы, палачи, истязатели! — закричалъ Голицынъ въ бѣшенствѣ, затопалъ ногами и поднялъ кулаки.

Левашевъ схватилъ его за руки, но онъ вырвался, оттолкнулъ его и побѣжалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Мелькала мысль: убить Звѣря, а если не убить, то обругать, избить, плюнуть въ лицо.

— Держи! — крикнулъ Левашевъ двумъ часовымъ, все еще стоявшимъ у двери, на другомъ концѣ залы, какъ два истукана. Тѣ встрепенулись, ожили, поняли, бросились ловить Голицына.

— Микулинъ! Микулинъ! — кричалъ Левашевъ съ такимъ испуганнымъ видомъ, какъ будто трехъ человѣкъ было мало, чтобы справиться съ однимъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство! — выросъ какъ изъ-подъ земли дежурный по караулу полковникъ Микулинъ, съ пятью молодцами ражими, кавалергардами въ мѣдныхъ каскахъ и панцыряхъ: на одного безоружнаго — цѣлое воинство. Гдѣ-то вдали промелькнуло лицо государя, но тотчасъ-же спряталось.

Окружили, стѣснили, поймали. Кто-то, обнявъ Голицына сзади, сдавилъ его такъ, что онъ почти

задохся; кто-то схватилъ за горло; кто-то билъ по лицу. Но онъ все еще не сдавался, боролся отчаянно, съ тою удесятиренною силою, которую даетъ бѣшенство.

Вдругъ откуда-то издали послышался крикъ. Голицынъ узналъ голосъ Одоевскаго. Ни тогда, ни потомъ не могъ понять, что это было: очнулся-ли больной отъ безпамятства и, услышавъ шумъ свалки, перепугался; или дѣлали ему кровопусканіе, а онъ вообразилъ,что пытаютъ,рѣжутъ,— но крикъ былъ ужасный. И Голицынъ отвѣтилъ на него такимъ-же крикомъ. Если-бы кто-нибудь со стороны услышалъ, то подумалъ-бы, что здѣсь и вправду застѣнокъ или домъ сумасшедшихъ.

— Веревокъ! Веревокъ! Вяжите! Да чего онъ оретъ, каналья! Заткните ему глотку!

Голицынъ почувствовалъ, что ему затыкаютъ ротъ платкомъ, вяжутъ руки, ноги, подымаютъ, несутъ.

Покорился, затихъ, закрылъ глаза. «Ну, теперь ладно. Хорошо, все хорошо», сказалъ чей-то голосъ.

Медленно проплыло бѣлое, въ красномъ туманѣ, лицо Звѣря. — и онъ лишился чувствъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Пытать будутъ. Помоги, Господи, вынести!» — было первою мыслью Голицына, когда онъ очнулся на свѣжемъ воздухѣ: оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ, чтобы привести его въ чувство, поднялъ окно кареты во время переѣзда изъ дворца въ крѣпость.

«Какія пытки выносили христіанскіе мученики... Да вѣдь, то мученики, а я... Ну, ничего, можетъ, и я»... ободрялъ себя Голицынъ, но бодрости не было, а былъ животный ужасъ.

Карета остановилась у комендантскаго дома, въ Петропавловской крѣпости. Шульгинъ высадилъ арестанта и сдалъ фельдъегерю. Вошли въ небольшую комнату съ голыми стѣнами, почти безъ мебели, только съ двумя стульями и столикомъ, на которомъ горѣла сальная свѣчка. Фельдъегерь усадилъ Голицына на одинъ изъ стульевъ и самъ сѣлъ на другой . Такъ безмятежно зѣвнулъ, крестясь и закрывая ротъ ла-

донью. что Голицынъ вдругъ началъ надѣяться, что пытки не будетъ.

«Нѣтъ. будетъ. Вотъ они! Идутъ! Помоги. Господи!» подумалъ, прислушиваясь съ тѣмъ отвратительнымъ сосаньемъ подъ ложечкой. отъ котораго переворачиваются внутренности. къ зловѣщему лязгу желѣза и многоногому топоту въ сосѣдней комнатѣ.

Вошелъ сѣдой, подстриженный по-солдатски въ скобку, старикъ на деревянной ногѣ, генералъ Сукинъ, комендантъ Петропавловской крѣпости; за нимъ — человѣчекъ низенькій. толстенькій. съ провалившимся носомъ. плацъ-майоръ Подушкинъ; и еще нѣсколько плацъ-адъютантовъ, ефрейторовъ и нижнихъ чиновъ. Сукинъ держалъ въ рукѣ желѣзные прутья съ кольцами. «Орудія пытки». — подумалъ Голицынъ и зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть. «Помоги. Господи!» твердилъ, почти въ безпамятствѣ.

Проворно постукивая деревяшкой по полу. старикъ подошелъ къ столу. поднесъ къ свѣчкѣ листъ почтовой бумаги и объявилъ:

— Его величество государь императоръ повелѣваетъ заковать *тебя* въ желѣза. — «Тебя» произнесъ съ удареніемъ неестественнымъ.

Голицынъ слушалъ, не понимая. Нѣсколько человѣкъ бросилось на него и стало надѣвать кандалы на руки, на ноги и замыкать ключами.

Онъ все еще не понималъ. Но вдругъ понялъ, закусилъ губы, затаилъ дыханіе, чтобы не расплакаться отъ радости, такой-же безсмысленной, животной, какъ давешній ужасъ. Смотрѣлъ въ лицо коменданта и думалъ: «какой превосходный человѣкъ!» И лицо безносаго плацъ-майора казалось ему прелестнымъ; и сѣрыя лица солдатъ такими добрыми, что онъ готовъ былъ расцѣловать каждаго. Замѣтилъ невиданный, оранжевый воротникъ на плацъ-адъютантскомъ мундирѣ: «Должно быть, перемѣнили, по случаю новаго царствованія», подумалъ все съ тою-же упоительно-безсмысленной радостью. Немного стыдно было, что такъ перетрусилъ, но и стыдъ тонулъ въ радости.

— Егоръ Михайловичъ, отведите въ Алексѣевскій, — сказалъ комендантъ Подушкину. Тотъ связалъ концы носового платка и надѣлъ на голову Голицыну.

Онъ всталъ, покачнулся и едва не упалъ: не умѣлъ ходить въ кандалахъ. Подхватили подъ руки. Выйдя изъ дому, усадили въ сани. Подушкинъ сѣлъ рядомъ и обнялъ его за талію. Сани дѣлали частые повороты, должно быть, въ узенькихъ проулкахъ, между крѣпостными бастіонами. Выглянувъ однимъ глазомъ изъ-подъ съѣхавшей повязки, Голицынъ увидѣлъ подъемный мостъ черезъ ровъ и въ толстой каменной стѣнѣ ворота.

— Куда вы меня везете? Въ Алексѣевскій равелинъ, что-ли? — спросилъ Подушкина.

— Не извольте безпокоиться, квартирка будетъ отличная, — утѣшилъ тотъ и поправилъ на глазахъ его платокъ.

Голицынъ вспомнилъ то, что слышалъ о равелинѣ: въ него сажали только «забытыхъ», и никто никогда изъ него не выходилъ. Но по сравненію съ пыткою вѣчное заточеніе казалось ему блаженствомъ.

Сани остановились. Арестанта опять подхватили подъ руки, помогли вылѣзть и взвели на ступени крыльца. Заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ двери и захлопнулись съ тяжелымъ гуломъ. «Оставьте всякую надежду вы, которые входите», вспомнилось Голицыну.

Съ глазъ его сняли платокъ и повели по длинному коридору съ рядомъ дверей, тускло освѣщенному сальными плошками. Впереди шелъ плацъ-майоръ и, останавливаясь у каждой двери, спрашивалъ: «Занятъ?» Отвѣчали: «Занятъ». Наконецъ, отвѣтили: «Пустъ».

— Пожалуйте-съ, — любезно пригласилъ Подушкинъ, и Голицынъ вошелъ въ каменную щель, узкую, длинную, напоминавшую гробъ. Сторожъ засвѣтилъ въ ставцѣ ночникъ — шкаликъ зеленаго стекла съ поплавкомъ въ маслѣ. Голицынъ увидѣлъ нависшій сводъ, окно съ толстой желѣзной рѣшеткой въ стѣнной глубокой впадинѣ: два

стула, столикъ, лазаретную койку, круглую желѣзную печь въ одномъ углу, а въ другомъ злоконную кадку — «парашку».

Сняли кандалы, раздѣли, обыскали, ощупали даже подъ мышками; надѣли арестантскую куртку, штаны, засаленный халатъ и рваныя туфли, не въ пору большія.

Старикъ высокаго роста, въ длиннополомъ, зеленомъ, съ краснымъ воротомъ и красными обшлагами, мундирѣ временъ Павловскихъ, необыкновенно худой, высокій и блѣдный, похожій на мертвеца, вошелъ въ камеру. Это былъ комендантъ Алексѣевскаго равелина, шведъ Лиліенъ-Аккернъ. Часовые считали его немного помѣшаннымъ, называли «Кащеемъ безсмертнымъ» и увѣряли, что ему лѣтъ подъ сто, и что онъ провелъ въ казематахъ лѣтъ пятьдесятъ, вѣчный узникъ среди узниковъ.

Плавнымъ шагомъ, сгорбившись, заложивъ руки за спину, съ открытымъ ртомъ, гдѣ торчали два желтыхъ зуба, со взоромъ невидящимъ, онъ шелъ прямо на Голицына.

— Какъ ваше здоровье? — спросилъ еще издали; не дожидаясь отвѣта, опустился на колѣни и привычно-ловкимъ движеніемъ началъ надѣвать снятые кандалы на ноги его. Надѣвъ, показалъ, какъ надо ходить, поддерживая за веревочку звенья, соединявшія ножные обручи. Голицынъ попробовалъ и опять едва не упалъ.

— Ничего, научитесь, — утѣшилъ плацъ-майоръ.

Обернувъ наручники замшевой тряпкой, комендантъ спросилъ:

— Такъ можете писать?

— Могу.

— Ну, вотъ, и конченъ туалетъ. — ухмыльнулся Подушкинъ съ любезностью. А Лилiенъ-Анкернъ, все еще стоя на колѣняхъ, поднялъ на арестанта свои столѣтнiе, мутной пленкой, какъ у спящихъ птицъ, подернутые глаза и произнесъ благоговѣйно, какъ слова молитвы:

— Божья милость всѣхъ насъ спасетъ!

«Такъ, должно быть, на томъ свѣтѣ старые покойники привѣтствуютъ новаго», подумалъ Голицынъ.

Старикъ молча всталъ и тѣмъ-же плавнымъ шагомъ, сгорбившись, закинувъ руки за спину, вышелъ изъ камеры.

Сторожа помогли арестанту перейти со стула на койку.

— Почивайте съ Богомъ, не горюйте: все пройдетъ. Номерокъ отмѣнный, сухенькiй, теплецкiй. — сказалъ Подушкинъ.

Всѣ вышли и заперли дверь. Ключъ повернулся въ замкѣ: загремѣли задвижки, запоры, засовы: послѣдiй огромный болтъ проскрежета[illegible], и наступила тишина.

Голицынъ чувствовалъ себя погребеннымъ заживо, а все-таки радовался: миновала пытка.

Увидѣлъ на столикѣ ломоть ржаного хлѣба и кружку кваса. Давеча, во время обыска, попросилъ ѣсть; плацъ-майоръ извинился, что поздно, на кухнѣ всѣ уже спятъ, и велѣлъ принести хлѣба съ квасомъ. Голицынъ съѣлъ и выпилъ все; давно уже такъ вкусно не ужиналъ.

Началъ укладываться. Снялъ халатъ и съ трудомъ поднялъ на койку отягченныя цѣпями ноги; хотѣлъ уже растянуться на плоскомъ, какъ блинъ, тюфякѣ, но взглянулъ на нестрядевую подушку безъ наволочки: на ней были жирныя пятна. Понюхалъ, поморщился. Посовой платочекъ Маринькинъ, еще неразвернутый, съ вышитой красной мѣткой *М.Т.*, лежалъ на столикѣ. Должно быть, прощаясь, успѣла-таки сунуть ему въ карманъ, а при обыскѣ забыли или нарочно оставили, сжалившись.

Разложилъ его такъ, чтобы не касаться щекою подушки. Отъ платочка пахло Маринькой. Улыбнулся — почему-то вспомнилъ, какъ въ ту первую и послѣднюю брачную ночь, когда она разбудила его поцѣлуемъ, — не сумѣлъ ее удержать, — «глупо» заснулъ.

Гдѣ-то близко, какъ будто надъ самымъ ухомъ его, заиграли, запѣли заунывную пѣсню куранты, какъ мѣдно-голосые ангелы. «Божья милость всѣхъ насъ спасетъ», послышалось ему привѣт-

ствіе мертвыхъ мертвому. И, продолжая улыбаться, онъ блаженно заснулъ, съ послѣднею мыслью: «Въ пасти Звѣря — какъ у Христа за пазухой».

Вчерашніе звуки, только въ обратномъ порядкѣ — сначала скрежещущій болтъ, потомъ засовы, запоры, задвижки и, наконецъ, щелкающій ключъ въ замкѣ — разбудили его по-утру. Вошелъ Лиліенъ-Анкернъ, спросилъ: «Какъ ваше здоровье?» и, не дожидаясь отвѣта, исчезъ.

Фейерверкеръ Шибаевъ, съ молодымъ, веселымъ лицомъ принесъ жидкаго чаю въ огромномъ оловянномъ чайникѣ и два куска сахару. Сахаръ держалъ изъ учтивости не на голой ладони, а въ складѣ мундирной полы: поставивъ и выложивъ все на столикъ, поклонился вѣжливо.

— Который часъ? — спросилъ Голицынъ.

Шибаевъ улыбнулся молча и съ вѣжливымъ поклономъ вышелъ.

Инвалидный солдатикъ-замухрышка вынесъ парашку и началъ подметать вѣникомъ полъ.

— Который часъ? — опять спросилъ Голицынъ.

Солдатикъ молчалъ.

— Какая на дворѣ погода?

— Не могу знать.

Отъ холода Голицынъ кутался въ одѣяло и грѣлся чаемъ. Оглядывалъ «сухенькій» номеръ: на облупленной штукатуркѣ стѣнъ голубая чер-

та свѣжей краски обозначала уровень воды во время послѣдняго наводненія, и темнѣли пятна; со свода и съ печной трубы едва не капало; воздухъ пропитанъ былъ душною, точно подземною, сыростью. А когда затопили печь изъ коридора, желѣзная труба, почти надъ самой головой арестанта, накалилась, потрескивая. Головѣ стало жарко, а ногамъ попрежнему — холодно.

Стѣны, продолжая низкій сводъ, округлялись до самаго пола, такъ что можно было стоять во весь ростъ только посрединѣ камеры, а по бокамъ надо было сгибаться. Въ затканномъ паутиною сводѣ кишѣли пауки, тараканы, стоножки и еще какіе-то невиданные гады, которые высовывались изъ щелокъ только на-половину. «Лучше не разглядывать», подумалъ Голицынъ и, опустивъ глаза, увидѣлъ, какъ что-то покатилось по полу: это была исполинская, рыжая водяная крыса.

Окно было густо замазано мѣломъ, такъ что въ камерѣ даже въ солнечные дни были вѣчныя сумерки. Въ дверяхъ прорублено оконце — «глазокъ», съ желѣзной рѣшеткой изнутри и темно-зеленой занавѣской снаружи. Часовой, шагавшій неслышно, въ валенкахъ, по коридору, устланному войлочными матами, иногда приподнималъ занавѣску и заглядывалъ въ камеру. Арестанту нельзя было пошевелиться, кашлянуть, чтобы не появился наблюдающій глазъ.

— Кто здѣсь? — спросилъ знакомый голосъ,

и Голицынъ увидѣлъ въ окнѣ лихо-закрученный усъ Левашева.

— Михайловъ,—отвѣтилъ голосъ Подушкина.

«Почему Михайловъ? Ахъ, да, Валеріанъ, сынъ Михайловъ», сообразилъ Голицынъ.

— Celui-ci a les fers aux bras et aux pieds,— сообщилъ кому-то Левашевъ, какъ будто показывалъ рѣдкаго звѣря. И Голицыну почудилось, что въ «глазкѣ» промелькнуло лицо великаго князя Михаила Павловича.

На стѣнахъ камеры были рисунки и надписи, большею частью полустертыя — должно быть, тюремщикамъ велѣно было соскабливать, — замогильная лѣтопись прежнихъ узниковъ. Уцѣлѣли немногія.

Подъ женской головкой стихи:

Ты на землѣ была мой Богъ,
Но ты ужъ въ вѣчность перешла.
Молись же тамъ...

Дальше стерто; остались только два слова: «тебя увидѣть».

Подъ мужскимъ портретомъ: «Братъ, я рѣшился на самоубійство». Подъ женскимъ: «Прощай, maman навѣки». И рядомъ—слова Господни: «Въ темницѣ бѣхъ, и посѣтисте Мя».

Открылась дверь. вошелъ священникъ въ пышно-шуршащей шелковой рясѣ. съ наперснымъ крестомъ и орденомъ.

— Князя Валерьяна Михайловича Голицына

честь имѣю видѣть? — стоя на порогѣ, церемонно раскланялся. — Не обезпокою?

— Сдѣлайте одолженіе, батюшка.

«Ну, слава Богу, коли попъ, значитъ, не пытка, а казнь», подумалъ Голицынъ и вспомнилъ Великаго Инквизитора въ «Донъ-Карлосѣ» Шиллера. Хотѣлъ подняться навстрѣчу гостю, но грузно опустился, гремя кандалами. Тотъ подскочилъ, поддержалъ.

— Не ушиблись? Полъ-пуда вѣсу въ ожерельицѣ, шутка сказать...

— Нѣтъ, ничего. Что-жъ вы стоите, садитесь, — пригласилъ Голицынъ.

Гость поклонился опять такъ-же церемонно и сѣлъ на стулъ.

— Позвольте представиться, о. Петръ Мысловскій, Казанскаго собора протоіерей, здѣшнихъ заключенныхъ духовный отецъ и, смѣю сказать, — другъ, чѣмъ и хвалюсь, ибо достойнѣйшихъ людей дружбой и похвалиться не грѣхъ.

«Шпіонъ, зубы заговариваетъ!» подумалъ Голицынъ и вглядѣлся въ него: ростъ огромный, сложенье богатырское: сановитъ, благообразенъ; великолѣпная рыжая борода съ просѣдью: такіе мужики бываютъ пятидесятилѣтніе; и лицо мужицкое, грубоватое, но доброе и умное; маленькія, закрытыя съ боковъ нависшими вѣками, треугольныя щелки глазъ, съ тѣмъ выраженіемъ

двойственнымъ, которое часто бываетъ у русскихъ людей: простота и хитрость.

— Ну, а когда-же казнь? — спросилъ Голицынъ, глядя на него въ упоръ.

— Какая казнь? Чья?

— Моя. А какая, вамъ лучше знать: разстрѣляютъ, повѣсятъ или отрубятъ голову?

— Что вы, князь, Богъ съ вами! — замахалъ на него руками Мысловскій.—Вотъ вамъ крестъ, — хоть и не подобаетъ, крестомъ іерея клянусь, — ни о какихъ казняхъ никто и не думаетъ. Да будто вы не знаете, что смертная казнь отмѣнена по законамъ Россійской имперіи?

Голицынъ еще не вѣрилъ, но такъ-же какъ вчера, когда миновала пытка, сердце у него захолонуло отъ радости.

— Казни нѣтъ, а пытка есть? — продолжалъ глядѣть на него въ упоръ.

— Въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ христіанскомъ государствѣ, послѣ златыхъ дней Александровыхъ, пытка! — покачалъ головой о. Петръ. — Ахъ, господа, господа, какія у васъ нехорошія мысли; извините-съ, прямо скажу, недостойныя, неблагородныя! Вамъ-же добра желаютъ, а вы себя и другихъ мучаете. Не хотите понять, съ кѣмъ дѣло имѣете. Да если-бы только вы знали милость государя неизрѣченную...

— Вотъ что я вамъ скажу, батюшка, — перебилъ Голицынъ. — Помните разъ навсегда: въ

государевыхъ милостяхъ я не нуждаюсь, лучше петля и плаха! Не трудитесь-же, ничего вы отъ меня не добьетесь. Поняли?

— Понялъ-съ. Какъ не понять! «Попъ, ступай вонъ! Ты для меня хуже собаки!» Вѣдь, и собаку такъ-бы не выгнали...

Голосъ его задрожалъ, глазки замигали, губы задергались, и онъ закрылъ лицо руками: «Здоровый мужикъ, а какой чувствительный!» удивился Голицынъ.

— Вы меня не такъ поняли, о. Петръ. Я не хотѣлъ васъ обидѣть...

— Эхъ, ваше сіятельство, гдѣ ужъ тутъ обиды считать! — отнялъ о. Петръ руки отъ лица и вздохнулъ. — Иной человѣкъ сорветъ сердце на комъ ни попало, и легче станетъ, ну, и на здоровье! Не дуракъ-же я, понимаю: пришелъ попъ къ арестанту, — отъ кого? Отъ начальства, — значитъ, негодяй, шпіонъ. А вѣдь, вы меня, сударь, въ первый разъ видѣть изволите. Пятнадцать лѣтъ въ казематахъ служу, въ семъ адѣ кромѣшномъ; бьюсь, какъ рыба объ ледъ. А изъ-за чего, какъ полагаете? Изъ-за такой дряни, что-ли? — указалъ на орденъ. — Да осыпь меня чинами, звѣздами, — дня не остался-бы на этой поганой должности, когда-бъ не чаялъ добра, хоть малаго: помочь, кому уже никто не поможетъ. Да если-бы не я, попъ недостойный, такъ

тутъ за васъ и заступиться-бы некому... А по дѣлу Четырнадцатаго интересъ имѣю особенный.

— Почему-же особенный?

— А потому что самъ изъ таковскихъ, — прищурился о. Петръ и зашепталъ ему на-ухо. — Хоть и простой мужикъ, а, благодареніе Богу, умъ здравый имѣю и сердце неповрежденное. Такъ вотъ, на порядки-то здѣшніе глядючи, мятежомъ распаляюсь неутолимымъ, терзаюсь, мучаюсь, — уйти-бы отъ грѣха, а вотъ не могу. Кажется, давно-бы привыкнуть пора, а какъ арестанта увижу, да еще вотъ въ этихъ желѣзныхъ рукавчикахъ, — такъ во мнѣ все и закипитъ, разбушуется: созданіе Божіе, паче къ свободѣ рожденное, человѣка видѣть въ цѣпяхъ — несносно сіе, возмутительно!

«Не инквизиторъ изъ Шиллера, а самъ Шиллеръ!» все больше удивлялся Голицынъ.

— О. Петръ, я очень виноватъ передъ вами, простите меня, — сказалъ и протянулъ ему руку.

Тотъ крѣпко сжалъ ее и вдругъ покраснѣлъ, замигалъ, всхлипнулъ и бросился къ нему на шею.

— Валерьянъ Михайловичъ, родной, дорогой, голубчикъ, только не гоните: авось, на что-нибудь и я сгожусь, вотъ ужо сами увидите! — обнималъ и цѣловалъ его съ нѣжностью.

— А что, мой другъ, у исповѣди и святого

причастія давно не бывали? — прибавилъ какъ будто некстати, но Голицыну показалось, что это и есть главное, зачѣмъ онъ пришелъ.

Освободившись изъ его объятій, онъ опять, какъ давеча, посмотрѣлъ на него въ упоръ: тѣ-же маленькія, подъ нависшими вѣками, треугольныя щелки глазъ съ выраженіемъ двойственнымъ: простота и хитрость. Сколько ни вглядывался, не могъ рѣшить, — очень хитеръ или очень простъ.

— Давно, — отвѣтилъ нехотя.

— А сейчасъ не желаете?

— Нѣтъ, не желаю.

«По русскимъ законамъ духовникъ обязанъ доносить о злоумышленіяхъ противъ высочайшихъ особъ, открываемыхъ на исповѣди», вспомнилось Голицыну.

О. Петръ какъ будто хотѣлъ еще о чемъ-то спросить, но вдругъ замолчалъ, потупился. Потомъ всталъ, заторопился.

— Къ вашему сосѣду, князю Оболенскому, тутъ сейчасъ, рядомъ, вотъ за этою стѣнкою. Кажется, пріятели?

— Пріятели.

— Поклонъ передать?

— Передайте.

Голицыну не понравилось, что о. Петръ съ такою легкостью сообщаетъ ему то, что нельзя аре-

станту знать, какъ будто они уже вступили въ заговоръ.

— Ахъ, чуть не забылъ! — спохватился Мысловскій, полѣзъ въ карманъ и вынулъ старый кожаный футляръ.

— Очки! — вскрикнулъ Голицынъ радостно.

— Откуда у васъ?

— Отъ господина Фрындина.

— Да, вѣдь, отнимутъ.Одну пару ужъ отняли.

— Не отнимутъ: получилъ для васъ разрѣшеніе.

Не понравилось и это Голицыну: черезчуръ съ услугами торопится; слишкомъ увѣренъ, что онъ приметъ ихъ, не имѣя чѣмъ заплатить.

— Господинъ Фрындинъ велѣлъ передать, что княгиня Марья Павловна здравствуетъ, на милость Божью уповаютъ крѣпко и васъ просятъ о томъ-же... Писать сейчасъ нельзя, — большія строгости; а потомъ черезъ меня можно будетъ, — оглянувшись на дверь, зашепталъ ему на ухо. — Все устроится, ваше сіятельство: и въ казематахъ люди живутъ. Только не унывайте, духомъ не падайте. Ну, храни васъ Богъ! — поднялъ руку, хотѣлъ благословить, но раздумалъ, еще разъ обнялъ и вышелъ.

Голицынъ уже вѣрилъ или почти вѣрилъ, что пытки и казни не будетъ; радовался, но радость вчерашняя, безоблачно-ясная, — «въ пасти Звѣря, какъ у Христа за пазухой», — помути-

лась, какъ будто осквернилась. Понялъ, что можетъ быть что-то страшнѣе, чѣмъ пытка и смерть. Пусть о. Петръ препростой и предобрый попъ, а для него, Голицына, опаснѣе всѣхъ шпіоновъ и сыщиковъ.

Фейерверкеръ Шибасвъ принесъ обѣдъ, щи съ кашею. Постное масло въ кашѣ такъ дурно пахло, что Голицынъ взялъ въ ротъ и не могъ проглотить, выплюнулъ. Ни ножей, ни вилокъ, — только деревянная ложка. «Ничего остраго,чтобъ не зарѣзался», догадался онъ.

Послѣ обѣда, плацъ-адъютантъ Трусовъ, молодой человѣкъ съ красивымъ и наглымъ лицомъ, принесъ ему картузъ табаку съ щегольскою, бисерною трубкою.

— Покурить не угодно-ли?

— Благодарю васъ. Я не курю.

— А развѣ это не ваше?

— Нѣтъ, не мое.

— Извините-съ, — усмѣхнулся Трусовъ; отъ этой усмѣшки лицо его сдѣлалось еще наглѣе; учтиво поклонился и вышелъ.

«Искушеніе трубкою, послѣ искушенія Тѣломъ и Кровью Господней», подумалъ Голицынъ съ отвращеніемъ.

Когда стемнѣло и зажгли ночникъ, тараканы по стѣнамъ закишѣли, зашуршали въ тишинѣ чуть слышнымъ шорохомъ.

Верхнее звено въ окнѣ оставалось незабѣлен-

нымъ; сквозь него чернѣла узкая полоска неба, и мигала звѣздочка.

Голицынъ вспомнилъ Мариньку. Чтобы не расчувствоваться, началъ думать о другомъ, — какъ-бы дать знакъ Оболенскому.

Присѣлъ на койку, постучалъ пальцемъ въ стѣну, приложилъ ухо: не отвѣчаетъ. Долго стучалъ безъ отвѣта. Стѣна была толстая: стукъ пальца не слышенъ. Изловчился и постучалъ тихонько желѣзнымъ болтомъ наручниковъ и, услыхавъ отвѣтный стукъ, обрадовался такъ, что, забывъ часового, застучалъ, загремѣлъ .

Вошелъ ефрейторъ Ничипоренко съ красною, пьяною рожею.

— Ты что это, сукинъ сынъ? Аль, мѣшка захотѣлъ?

— Какого мѣшка? — полюбопытствовалъ Голицынъ, не оскорбленный, а только удивленный руганью.

— А вотъ какъ посадятъ, увидишь, — проворчалъ тотъ и, уходя, прибавилъ такъ убѣдительно, что Голицынъ понялъ, что это не шутка:

— А то и выпорютъ!

Онъ легъ на койку, обернулся лицомъ къ стѣнѣ, дѣлая видъ, что спитъ, подождалъ и, когда все затихло, опять началъ стучать пальцемъ въ стѣну. Оболенскій отвѣтилъ.

Сперва стучали безъ счету, жадно, неутолимо, только-бы слышать отвѣтъ. Душа къ душѣ

рвалась сквозь камень; сердце съ сердцемъ вмѣстѣ бились: «Ты?» — «Я». — «Ты?» — «Я». Иногда отъ радости кровь въ ушахъ стучала такъ, что онъ уже не слышалъ отвѣта и боялся,— не будетъ. Нѣтъ, былъ.

Потомъ начали считать удары, то ускорять, то замедлять: изобрѣтали азбуку. Сбивались, путались, приходили въ отчаяніе, умолкали и опять начинали.

Стуча, Голицынъ уснулъ, и всю ночь снилось ему, что стучитъ.

Дни были такъ схожи, что онъ терялъ счетъ времени. Скатывалъ хлѣбные шарики и прилѣплялъ къ стѣнѣ въ рядъ: сколько дней, столько шариковъ.

Скуки почти не испытывалъ: было множество маленькихъ дѣлъ. Учился ходить въ кандалахъ. Кружился въ тѣснотѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, держась за спинку стула, чтобъ не упасть.

Единственный Мартынкинъ платокъ все еще служилъ ему наволочкой. Жалѣлъ его. Учился сморкаться въ пальцы; сначала было противно, а потомъ привыкъ. Замѣтилъ, что по-утру, когда плевалъ и сморкался, въ носу и во рту — черно отъ копоти. Лампада коптила, потому что свѣтильня была слишкомъ толстая. Вынулъ ее и раздѣлилъ на волокна; копоть прекратилась, воздухъ очистился.

Спалъ, не раздѣваясь: еще не умѣлъ, въ кан-

далахъ, снимать платье. Бѣлье загрязнилось,блохи завѣли. Можно было попросить свѣжаго — изъ дому черезъ Мысловскаго, но не хотѣлъ одолжаться. Долго терпѣлъ; наконецъ, возмутился, потребовалъ бѣлья у Подушкина. Принесли плохо простиранную,непросохшую пару солдатскихъ портковъ и рубаху изъ жесткой дерюги. Надѣлъ съ наслажденіемъ.

Однажды надымила печь. Открыли дверь въ коридоръ. Странное чувство охватило Голицына. дверь открыта, а выйти нельзя: пустота непроницаема. Сначала было странно. а потомъ — тяжко, невыносимо. Обрадовался, когда опять заперли дверь.

Съ Оболенскимъ продолжали перестукиваться, но все еще не понимали другъ друга. не могли найти азбуки. Стучали уже почти безнадежно. Пальцы распухли, ногти заболѣли. Погребенные заживо, бились головами о стѣны гроба. Наконецъ, поняли, что ничего не добьются. пока не обмѣняются писаной азбукой.

Въ оконной рамѣ у Голицына былъ жестяной вентиляторъ. Онъ отломилъ отъ него перышко и отточилъ на кирпичѣ, выступавшемъ изъ-подъ стѣнной штукатурки. Этимъ подобіемъ ножа отщепилъ отъ ножки кровати тонкую спицу. Снялъ копоти съ лампадной свѣтильни, развелъ водою въ ямкѣ на подоконникѣ. обмакнулъ спицу и написалъ на стѣнѣ азбуку: буквы въ клѣткахъ:

у каждой — число ударовъ; краткіе — обозначались точками; длинные — чертами. А на бумажкѣ, которою заткнуто было дырявое дно футляра изъ-подъ очковъ, написалъ ту-же азбуку, чтобы передать Оболенскому.

Каждое утро инвалидный солдатикъ-замухрышка приносилъ ему для умыванія муравленую чашку и оловянную кружку съ водою. Голицынъ самъ умываться не могъ: мѣшали наручники. Солдатикъ мылилъ ему руки, одну за другою, и лилъ на нихъ воду.

Однажды принесъ ему осколокъ зеркала. Онъ взглянулъ въ него и не узналъ себя, испугался: такъ похудѣлъ, осунулся, обросъ бородою: не князь Голицынъ, а «Михайловъ-каторжникъ».

Съ солдатикомъ не заговаривалъ, и тотъ упорно молчалъ, казался глухонѣмымъ. Но однажды вдругъ самъ заговорилъ:

— Ваше благородіе, извольте перейти поближе къ печкѣ, тамъ потеплѣе, — сказалъ шопотомъ, перенесъ табуретъ съ чашкою въ дальній уголъ у печки, куда глазъ часового не достигалъ, и посмотрѣлъ на Голицына долго, жалостно.

— Гошно, небось, въ казематѣ? Да что поѣлаешь, такъ, видно, Богу угодно. Терпѣть надобно, ваше благородіе. Господь любитъ терпѣніе, а тамъ, можетъ и помилуетъ.

Голицынъ взглянулъ на него: лицо скуластое, скучное, сѣрое, какъ сукно казенной шинели, а

въ маленькихъ, подслѣповатыхъ глазкахъ—такая доброта, что онъ удивился, какъ раньше ее не замѣтилъ.

Досталъ изъ кармана бумажку съ азбукой.

— Можешь передать Оболенскому?

— Пожалуй, можно.

Голицынъ едва успѣлъ ему сунуть бумажку, какъ вошелъ плацъ-майоръ Подушкинъ съ ефрейторомъ Ничипоренкой. Осмотрѣли печь, — труба опять дымила, — и вышли: ничего не замѣтили.

— Едва не попались, — шепнулъ Голицынъ, блѣдный отъ страха.

— Помиловалъ Богъ, — отвѣтилъ солдатикъ просто.

— А досталось-бы тебѣ?

— Да, за это нашего брата гоняютъ сквозь строй.

— Подведу я тебя, ужъ лучше не надо, отдай.

— Небось, ваше благородье, будьте покойны, доставлю въ точности.

Голицынъ почувствовалъ, что нельзя благодарить.

— Какъ твое имя?

Солдатикъ опять посмотрѣлъ на него долго, жалостно.

— Я, ваше благородье, человѣкъ мертвый,— улыбнулся тихой, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, мертвой, улыбкой.

Голицыну хотѣлось плакать. Въ первый разъ въ жизни, казалось, понялъ притчу о Самарянинѣ Милостивомъ — отвѣтъ на вопросъ: кто мой ближній?

Въ ту же ночь онъ велъ разговоръ съ Оболенскимъ.

— Здравствуй, — простучалъ Голицынъ.

— Здравствуй, — отвѣтилъ Оболенскій. — Здоровъ ли ты?

— Здоровъ, но въ желѣзахъ.

— Я плачу.

— Не плачь, все хорошо, — отвѣтилъ Голицынъ и заплакалъ отъ счастья.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однажды, часу въ одиннадцатомъ ночи, вошли въ камеру Голицына комендантъ Сукинъ съ плацъ-майоромъ Подушкинымъ и плацъ-адъютантомъ Трусовымъ; сняли съ него кандалы, а когда онъ переодѣлся изъ арестантскаго платья въ свое, — опять надѣли.

— Въ жмурки поиграемъ, ваше сіятельство, —ухмыльнулся плацъ-майоръ, завязалъ ему глаза платкомъ и надѣлъ черный миткалевый колпакъ на голову. Подхватили подъ руки, вывели на дворъ, усадили въ сани и повезли.

Проѣхавъ немного, остановились. Подушкинъ высадилъ арестанта и взвелъ на крыльцо.

— Не споткнитесь, ножку не зашибите, — хлопоталъ заботливо.

Провелъ черезъ нѣсколько комнатъ: въ одной слышался скрипъ перьевъ: должно быть, это была канцелярія; усадилъ на стулъ, снялъ повязку.

— Обождите, — сказалъ, и вышелъ.

Сквозь дырочку въ зеленыхъ шелковыхъ шпрмахъ Голицынъ видѣлъ, какъ шмыгали лакеи съ блюдами, — должно быть, гдѣ-то ужинали, — и флигель-адъютанты съ бумагами. Конвойные провели арестанта, закованнаго такъ, что онъ едва двигался; лицо закрыто было такимъ-же чернымъ колпакомъ, какъ у Голицына.

Онъ долго ждалъ. Наконецъ, опять появился Подушкинъ, завязалъ ему глаза и повелъ за руку.

— Стойте на мѣстѣ, — сказалъ и отпустилъ руку.

— Откройтесь, — произнесъ чей-то голосъ.

Голицынъ снялъ платокъ и увидѣлъ большую комнату съ бѣлыми стѣнами: длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ,съ бумагами,чернильницами, перьями и множествомъ горящихъ восковыхъ свѣчей въ канделябрахъ. За столомъ — человѣкъ десять, въ генеральскихъ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ, верхнемъ концѣ стола — военный министръ

Татищевъ; справа отъ него — великій князь Михаилъ Павловичъ, начальникъ штаба — генералъ Дибичъ, новый С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ — Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ; слѣва—бывшій оберъ-прокуроръ Синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ — единственный штатскій; генералъ-адъютанты: Чернышевъ, Потаповъ, Левашевъ, и, съ краю, флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ. За отдѣльнымъ столикомъ — чиновникъ пятаго класса,старенькій, лысенькій, — должно быть, дѣлопроизводитель.

Голицынъ понялъ, что это — Слѣдственная Комиссія или Комитетъ по дѣлу Четырнадцатаго.

Съ минуту длилось молчаніе.

— Приближьтесь, — проговорилъ, наконецъ, Чернышевъ торжественно и поманилъ его пальцемъ.

Голицынъ подошелъ къ столу, нарушая звономъ цѣпей тишину въ комнатѣ.

— Милостивый государь, — проговорилъ Чернышевъ, послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, возрастѣ, чинѣ, вѣроисповѣданіи, — въ начальномъ показаніи вашемъ генералу Левашеву вы на всѣ предложенные вопросы сдѣлали рѣшительное отрицаніе, отзываясь совершеннымъ невѣдѣніемъ о такихъ обстоятельствахъ, кои...

Голицынъ, не слушая, вглядывался въ Чернышева; лѣтъ за сорокъ, а хочетъ казаться двадцатилѣтнимъ юношей; пышный, черный парикъ въ мелкихъ завиткахъ, какъ шерсть на барашкѣ; набѣленъ, нарумяненъ; бровки вытянуты въ ниточки; усики вздернуты, точно приклеены; желтые, узкіе, съ косымъ, кошачьимъ разрѣзомъ, глаза, хитрые, хищные. «Претонкая, должно быть, бестія. — подумалъ Голицынъ. — Недаромъ говорятъ, самого Наполеона обманывалъ».

— Извольте-же объявить всю истину и назвать имена вашихъ сообщниковъ. Намъ уже и такъ извѣстно все, но мы желаемъ дать вамъ способъ заслужить облегченіе вашей участи чистосердечнымъ раскаяніемъ.

— Я имѣлъ честь доложить генералу Левашеву все, что о себѣ знаю, а называть имена почитаю безчестнымъ. — отвѣтилъ Голицынъ.

— Безчестнымъ? — возвысилъ голосъ Чернышевъ съ притворнымъ негодованіемъ. — Вы, сударь, не имѣете понятія о чести. Кто измѣняетъ присягѣ и возстаетъ противу законной власти, — не можетъ говорить о чести!

Голицынъ посмотрѣлъ на него такъ, что онъ понялъ: «Надъ арестантомъ закованнымъ можешь ругаться, подлецъ!» Чернышевъ чуть-чуть поблѣднѣлъ сквозь румяна, но смолчалъ, только переложилъ ногу на ногу и потрогалъ пальцами усики.

— Вы упорствуете, хотите насъ увѣрить, что ничего не знаете, но я представлю вамъ двадцать свидѣтелей, которые уличатъ васъ, и тогда уже не надѣйтесь на милость: вамъ не будетъ пощады!

Голицынъ молчалъ и думалъ со скукой: «Дурацкая комедія!»

— Послушайте, князь, — въ первый разъ поднялъ на него глаза Чернышевъ, и узкіе, желтые зрачки сверкнули злостью, уже непритворною, — если вы будете запираться, о, вѣдь, мы имѣемъ средства з а с т а в и т ь васъ говорить!

— «Въ Россіи есть пытка», объ этомъ мнѣ уже намедни генералъ Левашевъ сообщилъ. Но ваше превосходительство напрасно грозить изволите: я знаю, на что иду, — отвѣтилъ Голицынъ и опять посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Чернышевъ немного прищурился и вдругъ улыбнулся.

— Ну, если не хотите имена, не соблаговолите-ли сказать о цѣляхъ Общества? — заговорилъ уже другимъ голосомъ.

Обдумывая заранѣе, какъ отвѣчать на допросѣ, Голицынъ рѣшилъ не скрывать цѣлей Общества. «Какъ знать, — думалъ, — не дойдетъ ли до потомства прозвучавшій и въ застѣнкѣ гласъ вольности?»

— Наша цѣль была даровать отечеству правленіе законно-свободное, — заговорилъ, обра-

щаясь ко всѣмъ. — Возстаніе Четырнадцатаго— не бунтъ, какъ вы, господа, полагать изволите,а первый въ Россіи опытъ революціи политической. И чѣмъ была ничтожнѣе горсть людей, предпріявшихъ оный, тѣмъ славнѣе для нихъ, ибо хотя, по несоразмѣрности силъ и по недостатку лицъ, вольности гласъ раздавался не долѣе нѣсколькихъ часовъ, но благо и то, что онъ раздался и уже никогда не умолкнетъ. Стезя поколѣніямъ грядущимъ указана. Мы исполнили нашъ долгъ и можемъ радоваться нашей гибели: что мы посѣяли, то и взойдетъ...

— А позвольте спросить, князь, — прервалъ его Александръ Николаевичъ Голицынъ, дядюшка, съ такимъ видомъ, какъ будто не узналъ племянника, — если бы ваша революція удалась, что-бы вы съ нами со всѣми сдѣлали, — ну, хоть, напримѣръ, со мной?

— Если-бы ваше сіятельство не пожелали признать новыхъ порядковъ, мы попросили-бы васъ удалиться въ чужіе края, — усмѣхнулся Голицынъ, племянникъ, вспомнивъ, какъ нѣкогда дядюшка бранилъ его за очки: «И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ!»

— Эмигрировать?

— Вотъ именно.

— Благодарю за милость, — всталъ и низко раскланялся дядюшка.

Всѣ разсмѣялись. И начался разговоръ почти

свѣтскій. Рады были поболтать, отдохнуть отъ скуки.

— Ah, mon prince, vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans, — вздохнулъ Бенкендорфъ и прибавилъ съ тонкой усмѣшкой: — Нашъ народъ не созданъ для революцій: онъ уменъ ,оттого что тихъ, а тихъ, оттого что не свободенъ.

— Слово «свобода» изображаетъ лестное, но неестественное для человѣка состояніе, ибо вся жизнь наша есть отъ законовъ натуральныхъ безпрестанная зависимость, — проговорилъ Кутузовъ.

— Я математически увѣренъ, что христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, — противорѣчіе совершенное, — объявилъ дядюшка.

А великій князь повторилъ въ сотый разъ анекдотъ о женѣ Константина — Конституціи. И государевъ казачокъ «Ѳедорычъ», Адлербергъ. захихикалъ такъ подобострастно - беззвучно, что поперхнулся, закашлялъ.

Предсѣдатель Татищевъ, «русскій Фальстафъ», толстобрюхій, краснорожій, съ губами отвисшими, дремавшій послѣ сытнаго ужина, вдругъ пріоткрылъ одинъ глазъ и, уставивъ его на Голицына, проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Шельма! Шельма!

Голицынъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ: «Ша-

луны! Ну, да и я хорошъ: нашелъ съ кѣмъ и о чемъ говорить. Не судъ и даже не застѣнокъ, а лакейская!»

— Не будете-ли добры, князь, сообщить слова, сказанныя Рылѣевымъ въ ночь наканунѣ Четырнадцатаго, когда онъ передалъ кинжалъ Каховскому, — вдругъ, среди болтовни, возобновилъ допросъ Чернышевъ.

— Ничего не могу сообщить, — отвѣтилъ Голицынъ: рѣшилъ молчать, о чемъ-бы ни спрашивали.

— А вѣдь, вы при этомъ присутствовали. Можетъ быть, забыли? Такъ я вамъ напомню. Рылѣевъ сказалъ Каховскому: «Убей царя. Рано поутру, до возмущенія, ступай во дворецъ и тамъ убей». Помните? Что-жъ вы молчите? Говорить не хотите?

— Не хочу.

— Воля ваша, князь, но вы этимъ вредите не только себѣ. Отвергнувъ или подтвердивъ слова Рылѣева, вы уменьшили-бы вину его или Каховскаго и, можетъ быть, спасли-бы одного изъ двухъ, а запирательствомъ губите обоихъ.

«А вѣдь онъ правъ», подумалъ Голицынъ.

— Ну, такъ какъ-же? — продолжалъ Чернышевъ. — Не хотите сказать? Въ послѣдній разъ спрашиваю: не хотите?

— Не хочу.

— Шельма! Шельма! — проворчалъ себѣ подъ носъ Татищевъ.

Узкіе, желтые зрачки Чернышева опять, какъ давеча, сверкнули злостью.

— А княгиня знала о вашемъ участіи въ заговорѣ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Какая княгиня?

— Ваша супруга, — улыбнулся Чернышевъ ласково.

Голицынъ почувствовалъ, что кандалы тяжелѣютъ на немъ неимовѣрною тяжестью, ноги подкашиваются, — вотъ-вотъ упадетъ. Сдѣлалъ шагъ и схватился рукою за спинку стула.

— Присядьте, князь. Вы очень блѣдны. Нехорошо себя чувствуете? — сказалъ Чернышевъ, всталъ и подалъ ему стулъ.

— Жена моя ничего не знаетъ,—проговорилъ Голицынъ съ усильемъ и опустился на стулъ.

— Не знаетъ? — улыбнулся Чернышевъ еще ласковѣе.—Какъ-же такъ? Вѣнчались наканунѣ ареста, значитъ, по любви чрезвычайной. И ничего не сказали ей, не повѣрили тайны, отъ коей зависитъ участь ваша и вашей супруги? Извините, князь, не натурально, не натурально! Да вы не безпокойтесь: безъ крайней нужды, мы не потревожимъ княгини.

«Броситься на него и разбить подлецу голову желѣзами!» подумалъ Голицынъ.

— Ecoutez, Чернышевъ, c'est très probable,

que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien su, — проговорилъ великій князь.

Онъ давно уже хмурился, закрываясь листомъ бумаги и проводя бородкой пера по губамъ. «Le bourru bienfaisant, благодѣтельный бука» былъ свиду суровъ, а сердцемъ добръ.

— Слушаю-съ, ваше высочество, — поклонился Чернышевъ.

— Завтра получите, сударь, вопросные пункты: извольте отвѣчать письменно, — сказалъ Голицыну, подошелъ къ звонку и дернулъ за шнурокъ.

Плацъ-майоръ Подушкинъ съ конвойными появились въ дверяхъ.

— Господа, вы меня обо всемъ спрашивали, позвольте же и мнѣ спросить, — поднялся Голицынъ и обвелъ всѣхъ глазами съ блѣдной улыбкой на помертвѣвшемъ лицѣ.

— Что? Что такое? — опять проснулся Татищевъ и открылъ оба глаза.

— Il a raison, messieurs. Il faut être juste, laissons le dire son dernier mot, — улыбнулся великій князь, предвкушая одинъ изъ тѣхъ «каламбурчиковъ-карамбольчиковъ», коихъ былъ большимъ любителемъ.

— Да вы, господа, не бойтесь, я ничего, — продолжалъ Голицынъ все съ тою же блѣдной улыб-

кой, — я только хотѣлъ спросить, за что насъ судятъ?

— Дурака, сударь, валяете, — вдругъ разозлился Дибичъ. — Бунтовали, на цареубійство злоумышляли, а за что судятъ не знаете?

— Злоумышляли, — обернулся къ нему Голицынъ, — хотѣли убить, да вѣдь, вотъ, не убили-же. Ну, а тѣхъ, кто убилъ, не судятъ? Не мысленныхъ, а настоящихъ убійцъ?

— Какихъ настоящихъ? Говорите толкомъ, говорите толкомъ, чортъ васъ побери! — окончательно взбѣсился Дибичъ и кулакомъ ударилъ по столу.

— Не надо! Не надо! Уведите его поскорѣе! — вдругъ чего-то испугался Татищевъ.

— Ваши превосходительства, — поднялъ Голицынъ обѣ руки въ кандалахъ и указалъ пальцемъ сперва на Татищева, потомъ на Кутузова,— ваши превосходительства знаете, о чемъ я говорю?

Всѣ окаменѣли. Сдѣлалось такъ тихо, что слышно было, какъ нагорѣвшія свѣчи потрескиваютъ.

— Не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу: о цареубійствѣ 11 марта 1801 года.

Татищевъ побагровѣлъ, Кутузовъ позеленѣлъ; оба какъ будто привидѣніе увидѣли. Что участвовали въ убійствѣ императора Павла Перваго, объ этомъ знали всѣ.

— Вонъ! Вонъ! Вонъ! — закричали, повскакали, замахали руками.

Плацъ-майоръ Подушкинъ подбѣжалъ къ арестанту и накинулъ ему колпакъ на голову. Подхватили, потащили конвойные. Но и подъ колпакомъ Голицынъ смѣялся смѣхомъ торжествующимъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На слѣдующее утро комендантъ Сукинъ принесъ Голицыну запечатанный конвертъ съ вопросными пунктами, перо, бумагу и чернильницу.

— Не спѣшите, обдумайте, — сказалъ, отдавая пакетъ.

Въ этотъ день посадили его на хлѣбъ и воду. Онъ понялъ, что наказывали за вчерашнее.

Поздно вечеромъ вошелъ плацъ-адъютантъ Трусовъ и поставилъ на столъ тарелку съ бѣлой сдобной булкой, аппетитно-подрумяненной, похожей на тѣ, что нѣмецкіе булочники называютъ «розанчиками».

— Кушайте на здоровье.

— Благодарю васъ, я не голоденъ.

— Ничего, пусть полежитъ, ужо проголодаетесь.

— Унесите, — сказалъ Голицынъ рѣшительно, вспомнивъ искушеніе трубкою.

— Не обижайте, князь. Право-же, отъ чиста-

го сердца. Чувствительнѣйше прошу, скушайте. А то могутъ быть непріятности...

— Какія непріятности? — удивился Голицынъ.

Но Трусовъ ничего не отвѣтилъ, только ухмыльнулся; слащаво-наглое, хорошенькое личико его показалось Голицыну въ эту минуту особенно гадкимъ. Поклонился и вышелъ, оставивъ булку на столѣ.

До поздней ночи Голицынъ перестукивался съ Оболенскимъ. У обоихъ пальцы заболѣли отъ стучанья. Голицыну замѣняла ихъ обожженная палочка изъ вѣника, которымъ подметали полъ, а Оболенскому — карандашный огрызокъ.

— Я рѣшилъ молчать, о чемъ-бы ни спрашивали, — простучалъ Голицынъ, разсказавъ о допросѣ.

— Молчать нельзя: повредишь не только себѣ, но и другимъ, — отвѣтилъ Оболенскій.

— Чернышевъ говоритъ то-же, — возразилъ Голицынъ.

— Онъ правъ. Отвѣчать надо, лгать, хитрить.

— Не могу. Ты можешь?

— Учусь.

— Рылѣевъ, подлецъ, всѣхъ выдаетъ.

— Нѣтъ, не подлецъ. Ты не знаешь. Была у васъ очная ставка?

— Нѣтъ.

— Будетъ. Увидишь: онъ лучше насъ всѣхъ.

— Не понимаю.

— Поймешь. Если о Каховскомъ спросятъ, не выдавай, что убилъ Милорадовича. Вѣдь, и я ранилъ штыкомъ; можетъ быть, не онъ, а я убилъ.

— Зачѣмъ лжешь? Самъ знаешь, что онъ.

— Все равно, не выдавай. Спаси его.

— Его спасти, а тебя погубить?

— Не погубишь: всѣ за меня противъ него.

— Я лгать не хочу.

— Ты все о себѣ думаешь, — думай о другихъ. Идутъ. Прощай.

Послѣ разговора съ Оболенскимъ, Голицынъ задумался и забылся такъ, что не замѣтилъ, какъ, проголодавшись, началъ ѣсть булку. Опомнился, когда уже съѣлъ половину. Оставлять не стоило, съѣлъ всю.

Ночью проснулся отъ боли въ животѣ. Стоналъ и охалъ. Всю ночь промучился. Къ утру сдѣлалась рвота, такая жестокая, что думалъ,—умретъ. Но полегчало. Уснулъ.

— Какъ почивать изволили? — разбудилъ его Сукинъ.

— Прескверно. Тошнило.

— Что-нибудь съѣли?

— Трусовъ угостилъ булкой.

— Водой не запили?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ отъ этого. Надобно хлѣбъ водой

заливать. Ничего, пройдетъ. Сейчасъ будетъ лѣкарь.

— Не надо лѣкаря.

— Нѣтъ, надо. Сохрани Богъ, что-нибудь сдѣлается. У насъ тутъ строго: за жизнь арестантовъ головой отвѣчаемъ.

«Безъимянный», — такъ называлъ Голицынъ того замухрышку-солдатика, который оказался для него Самарянинымъ Милостивымъ,—узнавъ о ночномъ происшествіи, объявилъ, что Голицынъ отравленъ.

— Можетъ, ваше благородіе, чѣмъ не потрафили, — такъ вотъ они васъ и мучаютъ.

Пришелъ лѣкарь, тотъ самый, который былъ въ Зимнемъ дворцѣ, на допросѣ Одоевскаго, Соломонъ Моисеевичъ Элькинъ, должно быть, изъ выкрестовъ, черномазый, толстогубый, съ бѣгающими глазками, хитрыми и наглыми. «Прескверная рожа. Этакій, пожалуй, и отравить можетъ!» подумалъ Голицынъ.

Арестанта перевели на больничный паекъ — чай и жидкій супъ. Но онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба, который приносилъ ему потихоньку Безъимянный.

Два дня не ѣлъ, а на третій зашелъ къ нему Подушкинъ. Присѣлъ рядомъ, на койку, вздохнулъ, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и началъ:

— Что вы не кушаете?

— Не хочется.

— Полноте, кушайте, — вѣдь, заставятъ!

— Какъ заставятъ?

— А такъ: всунутъ машинку въ ротъ и нальютъ бульону, — насильно проглотите. А то въ «мѣшокъ» посадятъ.

— Какой мѣшокъ?

— А такіе карцеры есть подъ землею; сверху плита каменная съ дыркой для воздуху. Ну, тамъ не то, что здѣсь, — темно, сыро, нехорошо.

Помолчалъ, опять зѣвнулъ и прибавилъ:

— Не горюйте, все пройдетъ. Вотъ и генералъ Ермоловъ сидѣлъ въ царствованіе императора Павла Перваго, а какъ выпустили, со мной и не кланяется. Вотъ и съ вами также будетъ. Все пройдетъ, все къ лучшему.

— Вы «Кандида» читали, Егоръ Михайловичъ?

— Это насчетъ носа? Да-съ, имѣю съ Кандидомъ сіе преимущество: нельзя оставить съ носомъ!

Памятуя машинку и мѣшокъ, Голицынъ сталъ ѣсть.

Иногда заходилъ къ нему Сукинъ. Сѣдой, въ скобку подстриженный, съ грубымъ солдатскимъ лицомъ, напоминавшимъ старую моську, стоя на своей деревянной ногѣ, начиналъ издалека:

— Я, сударь мой, такъ разсуждаю: ежели можно жить гдѣ-нибудь счастливо, такъ это, конечно, въ Россіи: только не тронь никого, испол-

ній свои обязанности, — и свободы такой нигдѣ не найдешь, какъ у насъ, и проживешь, какъ въ царствіи Божіемъ.

Умолкалъ и, не дождавшись отвѣта, опять начиналъ:

— Вы, господа, пустое затѣяли: Россія столь обширный край, что не можетъ управляться иначе, какъ властью самодержавною. Если бы и удалось Четырнадцатое, такая бы пошла кутерьма, что вы и сами были бы не рады.

Опять умолкалъ, долго смотрѣлъ на Голицына; потомъ вынималъ платокъ, сморкался и вытиралъ глаза.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Глядючи на васъ, сердце кровью обливается... Ну, пожалѣйте вы себя, не упрямьтесь, отвѣтьте на пункты, какъ слѣдуетъ. Государь милостивъ, — все еще можетъ поправиться...

И такъ безъ конца. «Взять бы его за шиворотъ и вытолкать!» думалъ Голицынъ съ тихимъ бѣшенствомъ.

Послѣ ночного припадка, все еще былъ нездоровъ. Къ доктору Элькану не скрывалъ своего отвращенія и выжилъ его. Вмѣсто доктора заходилъ къ нему фельдшеръ. Авеніръ Пантелѣевичъ Затрапезный, тоже знакомый по допросу Одоевскаго; человѣчекъ низенькій, толстенькій, небритый, нечесаный, похожій на свою фамилію, забулдыга и пьяница, но честный, не глупый и,

какъ самъ рекомендовался, «якобинецъ отъявленный». Отъ него узнавалъ Голицынъ о томъ, что происходитъ въ крѣпости.

У полковника Пестеля, недавно арестованнаго въ Южной арміи, найденъ ядъ: хотѣлъ отравиться, чтобы избѣгнуть пытки. Подпоручикъ Заикинъ пытался убить себя, ударяясь головой объ стѣну; зналъ гдѣ зарыта Русская Правда, и тоже опасался пытки.

Подполковникъ Фаленбергъ, почти ни въ чемъ не замѣшанный, повѣривъ, что, въ случаѣ признанія, его простятъ и освободятъ немедленно, ложно обвинилъ себя въ умыслѣ на цареубійство, а когда его посадили въ крѣпость, помѣшался въ умѣ.

Девятнадцатилѣтній мичманъ Дивовъ, «младенецъ», какъ звали его тюремщики, доносилъ, что каждую ночь снится ему все одинъ и тотъ-же сонъ, будто закалываетъ государя кинжаломъ. Слышалъ голоса, имѣлъ видѣнія—доносилъ и о нихъ: и по этимъ доносамъ людей хватали и сажали въ крѣпость.

Поручикъ Анненковъ повѣсился на полотенцѣ, сорвался и поднятъ безъ чувствъ на полу камеры.

Корнетъ Свистуновъ проглотилъ осколки разбитаго лампаднаго шкалика.

Полковникъ Булатовъ повѣрилъ въ милость царскую, какъ въ милость Божью, а когда увидѣлъ, что обманутъ, рѣшилъ уморить себя голо-

домъ. Передъ нимъ ставили самую вкусную пищу, самое свѣжее питье; но онъ ни къ чему не прикасался, только грызъ пальцы и сосалъ изъ нихъ кровь, чтобы утолить жажду. Муки его продолжались двѣнадцать дней: должно быть, кормили насильно. Какъ ни строгъ былъ надзоръ, сумѣлъ обмануть сторожей: разбилъ себѣ голову объ стѣну.

«А что-то будетъ со мною?» думалъ Голицынъ, слушая эти разсказы.

На вопросные пункты все еще не отвѣтилъ. Сначала рѣшилъ молчать, запираться во всемъ. Но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше чувствовалъ, что нельзя молчать. Неотразимы были доводы Чернышева и Оболенскаго, врага и друга, что молчаніемъ губитъ не только себя, но и другихъ.

О. Мысловскій продолжалъ заходить почти каждый день, но только на минутку. Зайдетъ, поговоритъ, помолчитъ, какъ будто ожидая чего-то, и, не дождавшись, уйдетъ.

— А что, о. Петръ, какъ вы думаете, хорошо ли я дѣлаю, что запираюсь? — спросилъ однажды Голицынъ.

— Валерьянъ Михайловичъ, родной мой, дорогой, — обрадовался Мысловскій; видно было, что этого вопроса только и ждалъ, — чего же тутъ хорошаго? Нехорошо, нехорошо, неразсудительно и, даже прямо скажу, неблагородно. Вы губите...

— Ну, знаю, знаю! Гублю не только себя, но и другихъ. Всѣ вы точно сговорились... Ахъ, о. Петръ, и вы противъ меня! Я этого не ожидалъ отъ васъ...

— Другъ мой, поступайте по совѣсти, какъ Богъ вамъ внушитъ! — воскликнулъ о. Петръ и бросился его обнимать.

Въ тотъ же день Голицынъ отослалъ отвѣтъ въ Комиссію. Подтвердилъ все, въ чемъ его самого обвиняли, а на остальные вопросы отвѣтилъ незнаніемъ. Отослалъ утромъ, а вечеромъ Безъимянный принесъ ему записку Каховскаго:

«Голицынъ. участь моя въ вашихъ рукахъ. Рылѣевъ, подлецъ, всѣхъ выдаетъ. Ежели у васъ будетъ съ нимъ очная ставка, и онъ сошлется на васъ, что я убилъ Милорадовича, не выдавайте. Всѣ подлецы, кромѣ васъ».

Послѣ этой записки, Голицынъ всю ночь не спалъ. мучился. рѣшалъ. что ему дѣлать, но ничего не рѣшилъ, — понялъ, что само рѣшится.

Утромъ написалъ въ Комиссію, просилъ вернуть вопросные пункты. Вернули. Началъ писать новый отвѣтъ. Сдѣлалъ такъ, какъ Оболенскій совѣтовалъ: отвѣчалъ на каждый вопросъ съ точностью. стараясь только никому не повредить. никого не запутать. и для этого лгалъ. хитрилъ, вилялъ,- изворачивался.

Писалъ до поздней ночи. Кончивъ. легъ. Въ темнотѣ. при тускломъ свѣтѣ ночника. листки

отвѣта бѣлѣли на столикѣ. И каждый разъ, какъ онъ взглядывалъ на нихъ, чувствовалъ такое отвращеніе, что, казалось, вотъ-вотъ схватитъ и разорветъ. Но не разорвалъ. Отвернулся къ стѣнѣ, чтобы не видѣть, и, наконецъ, уснулъ.

На слѣдующій день отправилъ новый отвѣтъ въ Комиссію, а дня черезъ два Сукинъ поздравилъ его съ первою царскою милостью — снятіемъ ножныхъ желѣзъ. Вторая милость была посылка изъ дому: бѣлье, любимый старый халатъ, — тотъ самый, въ которомъ онъ ходилъ въ бабушкиномъ домѣ, въ желтой комнатѣ, когда выздоравливалъ, — и распечатанная записка Мариньки:

«Мой другъ, я здорова и столь благополучна, сколь возможно сіе въ моемъ положеніи. Береги и ты себя; ради Бога, не предавайся отчаянію. Не думай, что я могу существовать безъ тебя. Одна смерть разорветъ нашу связь. Я буду тамъ, гдѣ ты. Помни, что я говорила тебѣ: моя жизнь отъ тебя зависитъ, какъ нитка отъ иголки; куда иголка, туда и нитка. Храни тебя Богъ и Матерь Пречистая. Твоя навѣки, княгиня Марья Голицына».

Еще дня черезъ два, повезли его на второй допросъ въ Комиссію. Ввели въ ту же залу, съ тѣми же обрядами.

— Показанія Рылѣева по нѣкоторымъ пунктамъ несходны съ вашими. Вамъ будетъ дана оч-

ная ставка, — сказалъ Чернышевъ и позвонилъ. Конвойные ввели Рылѣева.

— Подтверждаете ли вы, Голицынъ, что въ ночь наканунѣ Четырнадцатаго Рылѣевъ сказалъ Каховскому, давая кинжалъ: «убей царя»?

— Подтверждаю.

— А вы, Рылѣевъ, что скажете?

— Я уже говорилъ вашему превосходительству, что согласенъ заранѣе со всѣмъ, что покажетъ Голицынъ. Я хорошенько не помню, что тогда говорилъ, но если онъ помнитъ, — значитъ, такъ и было... А вы, Голицынъ, помните?

— Помню, Рылѣевъ, — сказалъ Голицынъ и поднялъ на него глаза.

Опять, какъ тогда, въ Эрмитажѣ, — онъ и не онъ. Но негодованья, презрѣнья теперь уже не было, а только жалость безконечная: что съ нимъ сдѣлали? Исхудалъ, осунулся, какъ послѣ тяжкой болѣзни или пытки. Но не это самое страшное, а безоблачная ясность, тихость лица, какая бываетъ у мертвыхъ. «Ты его не знаешь: онъ лучше насъ всѣхъ», — вспомнилось Голицыну.

— Итакъ, Рылѣевъ, вы подговаривали Каховскаго?

— Подговаривалъ? Нѣтъ. Онъ самъ рѣшилъ, и я это зналъ. Но, можетъ быть, безъ меня ничего бы не сдѣлалъ. Я виноватъ больше, чѣмъ онъ, — отвѣтилъ Рылѣевъ и, помолчавъ, прибавилъ:

— Ваше превосходительство, я не скрываю не только дѣлъ и словъ моихъ, но и самыхъ тайныхъ помысловъ. Мнѣ часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного государя не только не произведетъ пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для цѣли Общества, ибо раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и все сіе неминуемо породитъ войну междуусобную. Съ истребленіемъ же всей фамиліи, поневолѣ всѣ партіи соединятся. Но, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ сего, да и самъ, наконецъ, обратился къ прежней мысли, что участь царствующаго дома въ правѣ рѣшить только Великій Соборъ. За симъ, покорнѣйше прошу Комиссію не приписывать того упорству моему, что я всего нынѣ показаннаго не открылъ прежде. Если что и скрывалъ, то щадя не столько себя, сколько другихъ. Признаюсь чистосердечно: я самъ себя почитаю главнѣйшимъ и, можетъ быть, единственнымъ виновникомъ Четырнадцатаго, ибо если бы съ самаго начала отказался участвовать, то никто бы не началъ. Словомъ, если для блага Россіи нужна казнь, то я одинъ ее заслуживаю и молю Создателя, чтобы на мнѣ все кончилось.

— Каховскій показываетъ, что графа Милорадовича убилъ Оболенскій, нанеся ему рану шты-

комъ,— продолжалъ Чернышевъ. — Подтверждаете ли вы, Рылѣевъ, что убилъ его не Оболенскій, а Каховскій, и самъ объ этомъ сказывалъ у васъ на квартирѣ, вечеромъ, Четырнадцатаго?

— Подтверждаю, — отвѣтилъ Рылѣевъ.

— Подтверждаете ли и вы, Голицынъ?

Голицынъ зналъ, что отвѣтомъ своимъ погубитъ одного изъ двухъ — Оболенскаго или Каховскаго. Кого же выберетъ?

— Ну что-жъ, опять замолчали? — посмотрѣлъ на него Чернышевъ съ усмѣшкой: думалъ, что поймалъ, — не отмолчится.

— Умоляю васъ, Голицынъ, отвѣтьте. — сказалъ Рылѣевъ. — Судьба Оболенскаго въ вашихъ рукахъ. Спасите невиннаго!

— Подтверждаю. — отвѣтилъ Голицынъ.

— Собственными глазами видѣли? — спросилъ Чернышевъ.

— Видѣлъ, — произнесъ Голицынъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто произносилъ смертный приговоръ Каховскому.

Чернышевъ опять позвонилъ и сказалъ:

— Введите Каховскаго.

Каховскій вошелъ. Все тотъ же: лицо тяжелое-тяжелое, точно каменное, съ нижнею губою надменно-оттопыренною, съ глазами жалобными, какъ у больного ребенка или собаки, потерявшей хозяина, съ невидящимъ взоромъ лунатика.

Голицына отвели въ сосѣднюю комнату и уса-

дили въ уголъ, за ширмами. Въ комнатѣ былъ докторъ Эльканъ съ фельдшеромъ Авениромъ Пантелѣевичемъ. Потомъ Голицынъ узналъ, что они просиживаютъ тутъ все время засѣданія Комиссіи: допрашиваемыхъ иногда выносили въ безчувствіи и тутъ-же пускали имъ кровь.

Сначала голоса изъ-за двери доносились глухо, но потомъ, когда дверь пріотворили, сдѣлались внятными.

— Вы, стало быть, солгали, Каховскій, оклеветали невиннаго?

— Оклеветалъ? Я? Я могъ быть злодѣй въ изступленіи, но подлецомъ и клеветникомъ никто меня не сдѣлаетъ. Будучи сами виновны, они смѣютъ меня оскорблять, называя убійцею. Цѣловали, благословляли, а теперь, какъ злодѣемъ, гнушаются. Ну, да все равно! Пусть что хотятъ на меня показываютъ, я оправдываться не буду. Этотъ...

Голицынъ понялъ, что «этотъ» — Рылѣевъ: Каховскій такъ ненавидѣлъ его, что не хотѣлъ называть по имени.

— Этотъ не можетъ меня оскорбить. Не оскорбляетъ ли болѣе себя самого? Одно скажу: я не узнаю его или никогда не зналъ...

— А на главный вопросъ вы такъ и не отвѣтили: кто убилъ графа Милорадовича?

— Я уже имѣлъ честь изъяснить вашему превосходительству: я выстрѣлилъ по Милорадови-

чу, но не я одинъ, — стрѣлялъ весь фасъ каре; а князь Оболенскій нанесъ ему рану штыкомъ. Я ли убилъ, или кто другой, не знаю. Принудить меня говорить противное никто и ничто не въ силахъ. Прошу меня больше не спрашивать, я отвѣчать не буду.

— Лучше не запирайтесь, Каховскій. На васъ показываютъ всѣ.

— Кто всѣ?

— Рылѣевъ, Бестужевъ, Одоевскій, Пущинъ, Голицынъ.

— Голицынъ? Не можетъ быть...

— Хотите очную ставку?

— Нѣтъ, не надо...

Онъ вдругъ замолчалъ.

— Извините, ваше превосходительство, — началъ опять, и слезы задрожали въ голосѣ, — минутная слабость, ребячество... Не плакать, а смѣяться должно. «Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ», какъ говоритъ нашъ безносый философъ. Послѣдній ударъ нанесенъ, послѣдняя связь порвана. И кончено, кончено, кончено! Одинъ я жилъ, одинъ умру!

— Итакъ, убійство вами графа Милорадовича вы подтверждаете?

— Подтверждаю, подтверждаю, обѣими руками подписываю. Я убилъ графа Милорадовича. И если бы государь подъѣхалъ къ каре, то и его убилъ бы. И всѣхъ, всѣхъ, — намѣренье и со-

гласье мое было на истребленіе всѣхъ членовъ царствующей фамиліи... Ну, вотъ, господа, чего же вамъ больше? Казните, дѣлайте со мной, что хотите. Прошу объ одной милости — приговора скорѣйшаго. Смерти я не боюсь и сумѣю умереть, какъ слѣдуетъ.

— Вмѣстѣ умремъ, Каховскій! Ты не одинъ, помни же, — вмѣстѣ! — воскликнулъ Рылѣевъ, и въ голосѣ его была такая мольба, что сердце у Голицына замерло: пойметъ ли тотъ, отвѣтитъ ли?

— Что онъ говоритъ? Что онъ говоритъ? Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, избавьте меня... Слушать противно...

— Полно, Каховскій, не горячитесь, — сказалъ Чернышевъ, всталъ и взялъ его за руку.

Подушкинъ выглянулъ изъ-за двери. Голицынъ — тоже.

— Будьте покойны, не трону, рукъ марать не желаю, — отвѣтилъ Каховскій и вдругъ обернулся къ Рылѣеву, какъ будто только теперь увидѣлъ его. — Ну, что, говори!

Рылѣевъ поднялъ на него глаза съ улыбкой:

— Я хотѣлъ сказать, Каховскій, что я тебя всегда...

— Что? Что? Что? — наступалъ на него тотъ, сжавъ кулаки.

— Эй, ребята! — позвалъ Чернышевъ.

Вбѣжалъ плацъ-майоръ съ конвойными.

— Любилъ и люблю, — кончилъ Рылѣевъ.

— Любишь? Такъ вотъ же тебѣ за твою любовь, подлецъ! — закричалъ Каховскій и кинулся на Рылѣева. Раздался звукъ пощечины.

Голицынъ вскрикнулъ и зашатался, какъ будто его самого ударили. Кто-то поддержалъ и усадилъ его на стулъ. Онъ потерялъ сознаніе.

Когда очнулся, фельдшеръ Затрапезный подносилъ ко рту его стаканъ съ водою. Зубы стучали о стекло; долго не могъ поймать губами край стакана; наконецъ, поймалъ, выпилъ и спросилъ:

— Что онъ съ нимъ сдѣлалъ? Убилъ?

— Ничего не убилъ, а только съѣздилъ подлеца по рожѣ, какъ слѣдуетъ, — отвѣтилъ Затрапезный.

И опять, какъ будто его самого ударили, Голицынъ почувствовалъ, что на лицѣ его горитъ пощечина, и, наслаждаясь болью и срамомъ, подумалъ:

«Такъ тебѣ и надо, подлецъ!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Ну, слава Богу, отвѣтили, и дѣло съ концомъ, — говорилъ о. Петръ Голицыну, зайдя къ нему въ камеру на слѣдующій день послѣ допроса. — Теперь ужъ все гладко пойдетъ. Будьте покойны, всѣхъ помилуетъ. Самъ говоритъ: «удивлю Россію и Европу!»

Маленькіе, подъ нависшими вѣками, треугольныя щелки глазъ свѣтились такою простодушною хитростью, что Голицынъ, сколько ни вглядывался, — не могъ рѣшить, очень онъ простъ или очень хитеръ.

— Государь самъ изволилъ читать вашъ отвѣтъ, — помолчавъ, прибавилъ Мысловскій съ таинственнымъ видомъ. — Его величество сдѣлалъ изъ него весьма выгодное заключеніе о вашихъ способностяхъ...

— Ну, будетъ, о. Петръ, уходите, — сказалъ Голицынъ, блѣднѣя.

О. Петръ не понялъ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Уходите! — повторилъ Голицынъ, еще больше блѣднѣя. — Я вашъ совѣтъ исполнилъ. Чего же вамъ еще нужно?

— Да что, что такое. Валерьянъ Михайловичъ, дорогой мой, голубчикъ? За что же вы на меня?..

— А за то, что вы, служитель Христовъ, не постыдились принять на себя обязанность презрѣннаго шпіона и сыщика!

— Богъ вамъ судья, князь. Вы оскорбляете человѣка, который ничего, кромѣ добра...

— Вонъ! Вонъ! — закричалъ Голицынъ, вскочилъ и затопалъ ногами.

О. Петръ ушелъ и съ того дня не появлялся. Голицынъ зналъ, что стоитъ ему сказать слово—

и онъ тотчасъ прибѣжитъ. Но не хотѣлъ, старался убѣдить себя, что не нуждается въ немъ и что всегда ему былъ противенъ этотъ «чувствительный плутъ».

Не только о.Петръ, но и всѣ его покинули.

«Наконецъ-то, въ покоѣ оставили», — сначала раловался онъ; но, когда почувствовалъ, что одиночество сомкнулось надъ нимъ, какъ вода надъ утопающимъ, стало страшно.

Хуже всего было то, что Оболенскаго перевели въ другую камеру. Перестукиванія кончились. Съ новымъ сосѣдомъ надо было все начинать сызнова. Вмѣсто Оболенскаго, посадили Одоевскаго. Когда Голицынъ постучалъ къ нему, тотъ отвѣтилъ такимъ непстовымъ грохотомъ,что часовые сбѣжались. И каждый разъ, какъ Голицынъ пробовалъ стучать, повторялось то же. Наконецъ, бросилъ, отчаялся. А съ другой стороны сидѣлъ полоумный Фаленбергъ; тотъ совсѣмъ не отвѣчалъ на стукъ. Тосковалъ и плакалъ о женѣ. Часто, среди ночи, когда все утихало, слышались его рыданья, сначала глухія, потомъ все болѣе громкія и кончавшіяся воплемъ раздирающемъ:

— Eudoxie! Eudoxie!

«Маринька! Маринька!» хотѣлось отвѣтить Голицыну такимъ же воплемъ.

Въ первые дни заключенія, когда онъ думалъ, что сейчасъ конецъ, — было легко. Но теперь, когда убѣдился, что конецъ можетъ быть черезъ

мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ, имъ овладѣла тоска безысходная.

Дни проходили за днями, такіе однообразные, что сливались, какъ въ безпамятствѣ бреда, въ одинъ сплошной, нескончаемый день. Налѣпленные для счета дней хлѣбные шарики смахнулъ со стѣны: потерялъ счетъ времени. Время становилось вѣчностью, и въ зіяющую бездну ея онъ заглядывалъ съ ужасомъ.

Разсудокъ разрушался, размалывался, какъ зерно между двумя жерновами, — между двумя мыслями: надо что-нибудь дѣлать, а дѣлать нечего.

Цѣлыми часами складывалъ на столѣ выломанныя изъ вентилятора жестяныя перышки въ различныя фигуры — звѣзды, кресты, круги, многоугольники.

Или, сидя на койкѣ, выдергивалъ безконечную нитку, которою пристегивалась простыня къ одѣялу, и навязывалъ узлы, одинъ на другой, такъ что подъ конецъ образовывался цѣлый клубокъ; тогда развязывалъ и снова навязывалъ.

Или слѣдилъ, какъ паукъ ткетъ паутину, и завидовалъ: дѣломъ занятъ — не соскучится.

Или, стоя на подоконникѣ, глядѣлъ сквозь дыру вентилятора на сосѣднюю глухую гранитную стѣну и крышу бастіона съ водосточнымъ жолобомъ, гдѣ иногда знакомая ворона садилась и каркала.

Или кружился по камерѣ и выдолбленныя на кирпичномъ полу ногами прежнихъ жильцовъ ямки еще глубже выдалбливалъ.

Или сочинялъ дурацкіе стишки и твердилъ ихъ безсмысленно, до одури:

Кто не знаетъ нашу участь,
Не повѣритъ тотъ никакъ,
Чтобъ за этакую глупость
Могли мучиться мы такъ.

Въ углу, гдѣ умывался, на стѣнѣ была надпись: «God demn your ayes».

— Кто это писалъ? — спросилъ Безъимяннаго.

— Англичанинъ.

— Что же съ нимъ сдѣлалось?

— Померъ.

— Отъ чего?

— Отъ спячки. День и ночь спалъ, во снѣ и померъ.

«Вотъ и я умру такъ же во снѣ», подумалъ Голицынъ.

Сдѣлался слезливъ, какъ баба. Когда звонили куранты заунывнымъ, точно похоронnымъ, звономъ, хотѣлось плакать. Когда фейерверкеръ Шибаевъ приносилъ обѣдъ или чай съ улыбкой особенно-ласковой, тоже навертывались слезы. Однажды перечелъ записку Марпиньки и какъ ребенокъ, расплакался. А когда часовой заглянулъ въ «глазокъ», стало стыдно: повернулся къ не-

му спиною, хотѣлъ удержать слезы и не могъ, — лились, неутолимыя, отвратительно-сладкія. «Вотъ что надѣлала крѣпость въ двѣ-три недѣли, а что будетъ дальше?» — подумалъ:

Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю;
И радостно, стецъ святой,
Свой жребій я благословляю.

А какъ дошло до дѣла, испугался, ослабѣлъ, не захотѣлъ погибать; любилъ жизнь, потому что любилъ Мариньку. Любовь — подлость: чтобы умереть, какъ слѣдуетъ, надо разлюбить, убить любовь, — изъ всѣхъ его страшныхъ мыслей это была самая страшная.

Съ каждымъ днемъ тоска усиливалась, терпѣнье истощалось; сердце выболѣло, мысли мѣшались, и ему казалось,что онъ сходитъ съ ума.Слѣдилъ за собою и въ каждомъ своемъ движеніи, словѣ, мысли находилъ признаки помѣшательства. Сначала былъ страхъ безумья, а потомъ страхъ этого страха. Сходилъ съ ума на мысли, что сойдетъ съ ума. «Ужъ скорѣе бы!» думалъ съ отчаяніемъ и, стоя въ углу, бился головой объ стѣну. Или разсматривалъ отточенное жестяное перо вентилятора: нельзя ли зарѣзаться?

Наконецъ, заболѣлъ. Сдѣлался жаръ, заколо въ боку, закашлялъ кровью. Комендантъ Сукинъ перепугался, позвалъ Элькана. Тотъ объя-

вилъ, что если больного не переведутъ въ лучшую камеру, то можетъ быть чахотка.

Голицынъ обрадовался. Всѣ муки его сразу кончились: смерть — свобода.

О. Петръ, узнавъ, что онъ боленъ, прибѣжалъ къ нему, а когда онъ сталъ извиняться, что оскорбилъ его въ послѣднее свиданіе, — не далъ ему говорить, бросился на шею и заплакалъ.

Началъ опять заходить каждый день. Чтобы развлечь больного, разсказывалъ городскіе слухи и новости.

Отъ него узналъ Голицынъ о прибытіи похоронnаго шествія съ тѣломъ покойнаго императора. Всѣ о немъ забыли такъ, какъ будто похоронили уже лѣтъ десять назадъ. А между тѣмъ, черезъ всю Россію, изъ Таганрога въ Петербургъ, медленно-медленно, больше двухъ мѣсяцевъ, тянулось похоронное шествіе, окруженное войсками, пѣшими и конными, съ авангардами и арьергардами, разъѣздами и патрулями, какъ военный походъ въ странѣ непріятельской. Опасались бунта. Въ народѣ шелъ слухъ, что государь не умеръ, и хоронятъ кого-то другого: въ Москвѣ, будто, хотятъ выбросить изъ гроба тѣло и таскать по улицамъ, а потомъ сжечь. «Принялъ я строжайшія мѣры къ совершенной безопасности безцѣннаго праха,—доносилъ графъ Орловъ-Денисовъ, оберъ-церемоніймейстеръ похоронъ. — Смѣю ручаться, что послѣдняя капля крови

моей застынетъ у подножія гроба августѣйшаго усопшаго, и черезъ хладный только трупъ мой насильствѣ достичь можетъ дерзновеннаго прикосновенія». По прибытіи тѣла въ Москву, запирали на ночь ворота въ Кремлѣ и у каждаго входа ставили заряженныя пушки. А въ Петербургѣ, будто, проведены были пороховые подкопы подъ всѣми улицами, отъ заставы до Казанскаго собора, по коимъ должно было слѣдовать шествіе; и въ подвалахъ собора спрятаны четыре бочки съ порохомъ; и въ каждомъ флашкоутѣ Троицкаго моста — тоже по бочкѣ, чтобы взорвать шествіе.

Еще болѣе странный слухъ сообщилъ Голицыну Авениръ Пантелѣевичъ: государь, будто-бы, умеръ отъ яду; Меттернихъ, злодѣй, отравилъ; лицо въ гробу почернѣло такъ, что узнать нельзя. А на живомъ государѣ тоже лица нѣтъ отъ страху, — не лучше покойника.

Но то, что Безъимянный разсказывалъ, было всего удивительнѣй.

Во время проѣзда государева тѣла, былъ въ Москвѣ изъ нѣкотораго села дьячокъ; а когда онъ вернулся въ село, стали его мужики спрашивать, что царя-де видѣлъ ли. «Какого, говоритъ, царя? Это не царя, а чорта везутъ!» Тогда одинъ мужикъ его ударилъ въ ухо и объявилъ попу, а попъ — начальству; и того дьячка взяли за караулъ. А еще сказываютъ, будто не царь въ гробу

и не чортъ, а простой русскій солдатъ. Когда государь жилъ въ Таганрогѣ, то хотѣли его убить изверги. И, свѣдавъ про то, государь вышелъ ночью изъ дворца къ часовому: «Хочешь, говорить, часовой, за меня умереть?»—«Радъ стараться, ваше величество!» И тогда государь надѣлъ солдатскій мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ, въ мундирѣ царскомъ, пошелъ во дворецъ. Вдругъ изъ пистолета по немъ выстрѣлили. Солдатъ померъ, а государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, неизвѣстно куда. Въ скиты, говорятъ, къ старцамъ, душу спасать, молиться, чтобы Господь Россію помиловалъ.

— Какъ знать, можетъ, и правда. — подмигнулъ о. Петръ Голицыну съ таинственнымъ видомъ, когда тотъ передалъ ему разсказъ Безъимяннаго.

— Что правда? — удивился Голицынъ.

— А то, что былъ мертвъ и се, живъ...

— Богъ съ вами, о. Петръ! Подумайте только, какая нелѣпость. Ужели всѣ генералы, адъютанты, придворные, всѣ сопровождавшіе тѣло его, весь Таганрогъ и сама императрица Елизавета Алексѣевна, — ужели всѣ они участвовали въ заговорѣ, чтобы обмануть Россію?

— Да, какъ будто не того, — согласился о. Петръ нехотя; но помолчалъ, подумалъ и прибавилъ еще таинственнѣе: — Темное дѣло, ваше сіятельство, темное!

И вдругъ, наклонившись къ уху его, зашепталъ:

— А солдатикъ-то, дѣйствительно, былъ, говорятъ, въ полковомъ гошпиталѣ, въ Таганрогѣ, больной при смерти, необыкновенно лицомъ на государя похожъ. Солдатикъ померъ, а государь выздоровѣлъ. Ну, и подмѣнили. Лейбъ-медикъ Вилье все дѣло сварганилъ. Прехитрая бестія!

— Да зачѣмъ? Кому это нужно?

— А кому это нужно, — тайна великая. Нынѣ сокровенно сіе, а, можетъ, когда и откроется. Нѣкій старецъ явится, святой угодникъ Божій, за всю Россію подвижникъ и мученикъ, отъ земли до неба столпъ огненный, Благословенный воистину. Имя же ему...

— Ну, что-жъ, говорите.

— А никому не скажете?

— Никому.

— Даете слово?

— Даю.

— Ѳедоръ Кузьмичъ, — прошепталъ о. Петръ благоговѣйнымъ шопотомъ.

— Ѳедоръ Кузьмичъ, — повторилъ Голицынъ, и что-то вѣщее, жуткое послышалось ему въ этомъ имени, какъ будто на одно мгновеніе онъ повѣрилъ, что такъ оно и есть: старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ—императоръ Александръ Павловичъ.

Вспомнилъ разговоръ въ Линцахъ съ Пе-

стелемъ и Софьинъ бредъ: «убить мертваго»; «былъ мертвъ — и се, живъ».

13-го марта Безъимянный объявилъ Голицыну:

— Царя нынче хоронять.

Сквозь верхнее незабѣленное звено окна видно было, что на дворѣ метелица; снѣгъ падалъ густыми, еще не мокрыми, но уже мягкими, какъ пухъ, мартовскими хлопьями.

Голицынъ закрылъ глаза и увидѣлъ медленно-тянущееся похоронное шествіе, съ чернымъ катафалкомъ и чернымъ гробомъ, подъ бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ.

Вдругъ загрохотали оглушительные пушечные выстрѣлы. Стѣны казематы дрожали, какъ будто рушились. Вспыхивало пламя, освѣщая камеру.

Онъ понялъ, что въ эту минуту въ соборѣ Петропавловской крѣпости опускаютъ въ могилу тѣло императора Александра Перваго.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крѣпостному начальству велѣно было стараться, чтобы никто изъ заключенныхъ не умеръ до окончанія дѣла. За Голицынымъ ухаживали: перемѣнили жесткую койку на мягкую; стали лучше кормить, давать книги: послѣ ножныхъ, сняли и ручные кандалы и, наконецъ, перевели въ

другую камеру, посуше. Но онъ жалѣлъ о прежней, темной и тѣсной, о ямкахъ отъ ногъ на кирпичномъ полу, о другѣ-паукѣ и пятнахъ сырости на штукатуркѣ стѣнъ, для него не пятнахъ, а лицахъ и образахъ.

Въ началѣ апрѣля уже выздоравливалъ. Когда почувствовалъ, что не умретъ, хотѣлъ огорчиться и не могъ. Пусть мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ заключенія, пусть новыя муки, еще неизвѣстныя, — только бы жить!

Въ новой камерѣ окно выходило на полдень. Внизу былъ ровъ, и стѣны бастіона отступали такъ, что было больше неба, чѣмъ въ прежней камерѣ, и, несмотря на глубокую, почти двухъаршинную впадину окна, солнце, въ началѣ апрѣля, стало заглядывать, ложась на бѣлую стѣну острымъ угломъ свѣта съ черною тѣнью рѣшетокъ.

Онъ садился въ этотъ уголъ и, зажмуривъ глаза, смотрѣлъ прямо на солнце. Ни о чемъ не думалъ, только впитывалъ свѣтъ и тепло, какъ растеніе. Солнце и онъ, — больше ничего и никого не нужно. А Маринька? Маринька — то, почему солнце свѣтитъ на землѣ. Казалось, только здѣсь, въ тюрьмѣ, въ первый разъ въ жизни, узналъ, что такое свобода и счастіе. Сначала стыдился, боялся, что такъ просто счастливъ, но потомъ понялъ, что опять — «все хорошо». «Какъ хорошо, Господи!» хотѣлъ молиться, но молитвы

не было, а было только воздыханіе къ Богу, вопросъ и отвѣтъ: «Здѣсь?» — «Здѣсь». И вся душа затихала тишиною послѣднею.

Съ о. Петромъ помирился окончательно. Понялъ, что хотя онъ и «плутъ», но плутовство у него, какъ часто бываетъ у русскихъ людей, съ добротою смѣшано, и даже такъ, что чѣмъ плутоватѣе, тѣмъ добрѣе. Можетъ быть, сначала кривилъ душою, служилъ и нашимъ и вашимъ; но, мало-по-малу, измѣнилъ тюремщикамъ и перешелъ на сторону узниковъ. Не умомъ, а сердцемъ угадывалъ, что это «злодѣи» — лучшіе люди въ Россіи. Полюбилъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ духовный отецъ — дѣтей своихъ.

— А вѣдь вы нашъ, о. Петръ, — сказалъ ему однажды Голицынъ.

— Наконецъ-то поняли, — весь просіялъ о. Петръ. — Вашъ, друзья мои, вашъ! Съ такими людьми жить и умереть!

12 апрѣля, въ Вербное воскресенье, вошелъ Мысловскій къ Голицыну, въ ризѣ, съ чашею въ рукахъ и сказалъ, что причащаетъ узниковъ.

— А вы, князь, не желаете? — спросилъ такъ же, какъ въ первое свиданіе, три мѣсяца назадъ, и Голицынъ такъ же отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не желаю.

— Почему же?

— Потому что не хочу смѣшивать Христа со Звѣремъ.

И онъ объяснилъ ему свою давнюю мысль о кощунственномъ соединеніи Кесарева съ Божьимъ, царства съ церковью.

— Ну, а если и такъ,вамъ-то за что погибать? Не вкушаетъ-ли голодный хлѣба и въ вертепѣ разбойничьемъ?

Голицынъ умолкъ, обезоруженный: такъ умилило и ужаснуло его это смиреніе, можетъ быть, не только о. Петра, но и всѣхъ, кто за нимъ.

— Вы знаете, о.Петръ, за что я къ злодѣямъ причтенъ, и знаете, что я ни въ чемъ не раскаиваюсь. И нераскаяннаго причастили бы?

— Причастилъ бы.

— И убійцу?

— Что вы, князь, Богъ съ вами, кого вы убили?

— Все равно, хотѣлъ убить — убить Звѣря во имя Христа. Можно во имя Христа убить, о. Петръ, какъ вы думаете?

О. Петръ стоялъ у окна. Лучъ солнца падалъ на золотую чашу въ рукахъ его, и она сіяла, какъ солнце. Руки его дрожали такъ, что казалось, — уронитъ чашу. Губы шевелились беззвучно: хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— Не знаю, — проговорилъ, наконецъ. — Я васъ не сужу. Богъ разсудитъ...

Голицынъ опустился на колѣни.

— Простите, о. Петръ! Если бы вы и могли,

я не могу... — прошепталъ онъ, поцѣловавъ руку его и палъ ницъ передъ чашею.

О. Петръ благословилъ его молча и вышелъ.

18 апрѣля, въ Свѣтлую ночь, Голицынъ не спалъ — все ждалъ чего-то, прислушивался. Но сквозь глухія стѣны каземата ни одинъ звукъ не проникалъ, тишина была мертвая. Всталъ на подоконникъ и выглянулъ сквозь дыру вентилятора; здѣсь, въ новой камерѣ, тоже выломалъ изъ него перышки. Увидѣлъ только темноту, какъ чернила, черную. Приложилъ ухо къ дырѣ и, какъ смутное жужжаніе пчелинаго улья, услышалъ глухой гулъ колоколовъ — пасхальный благовѣстъ.

Никогда, казалось, не чувствовалъ такъ, какъ здѣсь, въ казематѣ, погребенный заживо, что Христосъ воскресъ.

Въ маѣ начали водить арестантовъ на прогулку въ садикъ, внутри Алексѣевскаго равелина. Повели и Голицына.

Когда онъ переступилъ порогъ наружной двери, солнечный свѣтъ ослѣпилъ его такъ, что онъ закрылъ глаза руками. Свѣжій воздухъ останавливалъ дыханіе, и, какъ вышедшему на берегъ послѣ долгаго плаванія, ему казалось, что земля подъ нимъ качается. Фейерверкеръ Шибаевъ поддержалъ его подъ руку и повелъ въ садикъ.

Садикъ былъ треугольный, въ треугольникѣ высокихъ стѣнъ, какъ на днѣ колодца: стѣны — гранитныя, гладкія, голыя, безъ оконъ, снизу по-

росшія зеленымъ мхомъ и лишаями желто-сѣрыми, какъ дикія скалы, съ одной только дверцей, окованной желѣзомъ, съ желѣзной рѣшеткой.

Немного травки, нѣсколько кустиковъ сирени, бузины и черемухи, двѣ-три березки; между ними — деревянная полусломанная лавочка и, у одной изъ стѣнъ, дерновый холмикъ съ ветхимъ покачнувшимся крестикомъ, — какъ объяснилъ Шибаевъ, — могила, утонувшей во время наводненія, узницы, княжны Таракановой.

Садикъ былъ жалкій, а Голицыну казался Божьимъ раемъ. И, какъ первый человѣкъ въ раю или мертвецъ, вставшій изъ гроба, онъ глядѣлъ съ ненасытною жадностью на желтые цвѣты одуванчиковъ, на смолисто-клейкія лапки березовыхъ листиковъ, на голубое небо и тающія, какъ свѣтлый паръ, облака.

Заиграли куранты, какъ будто надъ самой головой его. Онъ взглянулъ вверхъ.

— Пожалуйте сюда, ваше благородіе, отсюда видать, — указалъ ему Шибаевъ на одинъ изъ угловъ треугольника. Голицынъ подошелъ, всталъ на рундукъ водосточнаго жолоба, прислонясь спиною къ стѣнѣ, и увидѣлъ ослѣпительно сверкавшую на солнцѣ, какъ огненный мечъ, золотую иглу Петропавловской крѣпости съ архангеломъ, трубящимъ въ трубу, какъ бы въ знакъ того, что узники выйдутъ на волю изъ этой живой могилы только въ воскресеніе мертвыхъ.

Опять вернулся въ середину садика и сѣлъ на лавочку. Шибаевъ что-то говорилъ, но онъ его не слышалъ. Тотъ понялъ, что Голицынъ хочетъ остаться одинъ; отошелъ, отвернулся и закурилъ трубочку.

Голицынъ долго глядѣлъ на тонкій бѣлый стволъ березки, потомъ вдругъ обнялъ его, прижался къ нему щекою и закрылъ глаза. Вспомнилъ Мариньку: «Выбѣгу, бывало, въ рощу; молодыя березки — тоненькія, какъ восковыя свѣчечки; кожица у нихъ такая мягкая, теплая, солнцемъ нагрѣтая, совсѣмъ какъ живая. Обниму, прижмусь щекою и ласкаюсь, цѣлую: миленькая, родненькая, сестричка моя!»

Когда Голицынъ вернулся въ свою новую, «свѣтлую» камеру, она показалась ему темнымъ и тѣснымъ гробомъ. Какъ будто на мгновеніе всталъ изъ гроба и опять упалъ: ужъ лучше-бъ не вставать. Рѣшилъ не ходить на прогулку. Отказался разъ, два, а потомъ не выдержалъ — пошелъ.

Березки уже распустились, и благоуханіе цвѣтущей сирени пахнуло въ лицо ему росною свѣжестью. Опять, какъ намедни, сѣлъ на лавочку, обнялъ березку, прижался щекою и закрылъ глаза. Такая тоска сжала сердце, что хотѣлось кричать, какъ отъ боли.

Вдругъ шорохъ шаговъ. Открылъ глаза, вскочилъ и выставилъ руки впередъ съ тихимъ крп-

комъ ужаса: казалось, что видитъ призракъ Мариньки.

— Валенька, свѣтикъ мой, родненькій! — бросилась къ нему, обняла, прильнула всѣмъ тѣломъ — живая, живая Маринька.

Что было потомъ, уже не помнили. Говорили, спѣшили, перебивали, не понимали другъ друга, смѣялись и плакали вмѣстѣ. Онъ вглядывался въ нее, удивлялся и не узналъ: какъ похудѣла, поблѣднѣла и расцвѣла новой прелестью,невѣдомой! Девятнадцатилѣтняя дѣвочка и уже взрослая женщина. Какое спокойное мужество! Ни страха, ни скорби—въ этихъ большихъ, темныхъ глазахъ, а только сила любви безконечная, какъ у Той, Всемогущей, на полотнѣ Рафаэлевомъ.

— Ты, Маринька, ты... Господи! Какъ ты сюда?..

— А что, не ждалъ, думалъ, не приду? А вотъ и пришла. Анкудинычъ провелъ.

— Какой Анкудинычъ?

— Ничипоренко. Аль не знаешь? Вонъ онъ стоитъ.

Голицынъ увидѣлъ стоявшаго поодаль, рядомъ съ Шибаевымъ, ефрейтора Ничипоренку, того самаго, который когда-то грозилъ ему розгами.

— Я, вѣдь, тутъ каждый день бываю въ крѣпости, будто бы въ церковь къ обѣднѣ хожу. Не знала, что ты въ равелинѣ сидишь. Съ бульвара-то, отъ церкви, окна казематовъ видны, всѣ въ

рядъ, одинакія, мѣломъ замазаны, — ничего не разобрать. А я все смотрю: думаю, какое окно твое? Надоѣла всѣмъ. Комендантъ ругается; разъ хотѣлъ изъ церкви вывести. Такъ я переодѣнусь, бывало, дѣвкой и такъ пробираюсь. А у Подушкина дочка, Аделаида Егоровна, старая дѣвица, предобрая. Влюбилась въ Каховскаго... Ахъ, Боже мой, сколько надо сказать, а я вздоръ болтаю! А знаешь, когда шелъ ледъ...

Начала и не кончила, должно быть, опять рѣшила, что вздоръ. Хотѣла разсказать, какъ однажды бабушкинъ дворецкій Ананій, тоже часто бывавшій въ крѣпости, напугалъ ее, будто бы князь боленъ при смерти. Кинулась въ крѣпость, а всѣ мосты разведены, — ледоходъ. Яличники отказывались ѣхать. Наконецъ, одного умолила: согласился за 25 рублей. Кинулъ ей веревку: надо было привязать ее къ чугунному кольцу, вбитому въ перила набережной, чтобы спуститься по обледенѣлымъ ступенямъ гранитной лѣстницы. Долго не могла справиться: мерзлая веревка — жесткая, чугунное кольцо — тяжелое, обледенѣлый гранитъ — скользкій, а руки — слабыя. Но ледъ, и чугунъ, и гранитъ — все побѣдили слабыя руки. Спустилась въ яликъ. Поплыли. Несущіяся навстрѣчу льдины громоздились, ломались, трещали — вотъ-вотъ опрокинутъ яликъ. Старый лодочникъ, блѣдный отъ страха, то ругался, то молился. А когда причалили къ другому берегу,

взглянулъ на нее съ восхищеніемъ: «Ахъ, хороша дѣвка!» должно быть, подумалъ, какъ всѣ о ней думали. Было поздно; ворота крѣпости заперты; часовой не пропускалъ. Сунула ему денегъ, — отперъ. Побѣжала на квартиру къ Подушкину. Аделанда Егоровна успокоила: князь былъ очень боленъ, но теперь лучше; докторъ обѣщаетъ, что скоро будетъ здоровъ. «А что это у васъ съ ручками-то, ваше сіятельство!» вдругъ вскрикнула старая дѣвица въ ужасѣ. Маринька взглянула на руки: перчатки въ лохмотьяхъ и ладони въ крови; ободрала кожу о ледяную веревку. Улыбнулась, вспомнила, какъ онъ цѣловалъ ей руки въ ладони.

— Отчего ты въ траурѣ? — спросилъ Голицынъ, когда помолчали, глядя другъ другу въ глаза и угадывая все, что не умѣли сказать. Только теперь онъ замѣтилъ, что она въ черномъ платьѣ и въ черной шляпкѣ съ траурнымъ вуалемъ.

— Похоронила бабиньку.

— А Нина Львовна здорова?

— Н-нѣтъ, не очень, — потупилась она и заговорила о другомъ.

Онъ понялъ, что она умоляетъ его не говорить о матери: хочетъ одна нести эту муку.

Подошелъ Ничипоренко.

— Пожалуйте, ваше сіятельство.

— Сейчасъ, Анкудинычъ, еще минутку...

— Никакъ нельзя. Комендантъ увидитъ, — бѣда будетъ.

Маринька достала изъ кармана пачку ассигнацій и сунула ему въ руку. Онъ покосился на нихъ: должно быть, — мало. Опять опустила руку въ карманъ, но тамъ ничего уже не было. Тогда сняла съ шеи золотую цѣпочку съ крестикомъ и отдала ему. Онъ отошелъ.

Опять заговорили, но уже безрадостно: чувствовали, что минута разлуки близка.

— Постой, что я хотѣла? Ахъ, да, — заторопилась, зашептала ему по-французски на-ухо. — Бѣжать, говорятъ, можно: теперь на Невѣ много судовъ заграничныхъ, близко къ крѣпости. Ѳома Ѳомичъ съ однимъ капитаномъ уже говорилъ и пачпортъ досталъ. А плацъ-адъютантъ Трусовъ за десять тысячъ...

— Трусовъ — негодяй; берегись его. Бѣжать нельзя. А если-бъ и можно, я не хочу.

— Отчего?

Онъ посмотрѣлъ на нее молча такъ, что она поняла.

— Ну, прости, милый, я, вѣдь, ничего не понимаю... А знаешь, о. Петръ говоритъ, что всѣхъ помилуютъ.

— Нѣтъ, Маринька, не помилуютъ. Да и не нужно намъ ихней милости.

— Ну, все равно, пусть хоть на край свѣта

сошлютъ, — будемъ вмѣстѣ! А если... — не кончила, но онъ понялъ: «Если умрешь, — и я съ тобою».

— Ваше сіятельство, — опять подошелъ Ничипоренко и взялъ ее за руку.

Она оттолкнула его, бросилась на шею къ Голицыну, обняла его такъ же какъ давеча, прильнула всѣмъ тѣломъ, поцѣловала, перекрестила:

— Храни тебя Матерь Пречистая!

И въ послѣднемъ взорѣ — ни страха, ни скорби, а только сила любви безконечная, какъ у Той, Всемогущей.

Когда онъ опомнился, ея уже не было, и опять казалось ему, что это было только видѣніе. Опустился на лавочку и долго сидѣлъ съ закрытыми глазами, не двигаясь. Вдругъ почувствовалъ на лицѣ холодныя капли и открылъ глаза. Набѣжало облачко; золотыя нити дождя на солнцѣ задрожали, зазвенѣли, какъ золотыя струны, нѣжными звонами. Падали крупныя капли, какъ свѣтлыя слезы, словно кто-то плакалъ отъ радости. Ярче зазеленѣла трава, забѣлѣли стволы березъ, и сирень задышала благоуханнѣе.

Онъ оглянулся: никого не было въ садикѣ; Шибаевъ вышелъ за дверцу, — должно быть, понялъ, такъ же какъ намедни, что онъ хочетъ остаться одинъ.

Голицынъ сталъ на колѣни, нагнулся, раздвинулъ влажную траву и припалъ губами къ зем-

лѣ. «Любить землю грѣхъ, надо любить небесное», — вспомнилъ и засмѣялся, заплакалъ отъ радости. Цѣловалъ землю и шепталъ:

— Земля, земля. Матерь Пречистая!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Записки С. П. Муравьева-Апостола.

«Россія гибнетъ, Россія гибнетъ. Боже, спаси Россію!» — такъ я молюсь, умирая.

Я знаю, что умру. Всѣ говорятъ, что смертной казни не будетъ, а я думаю, — будетъ. Но если-бъ и не было казни, я, кажется, умеръ бы: со сломанной ногой нельзя ходить — со сломанной душой нельзя жить.

Послѣ разбитія мятежнаго Черниговскаго полка, 4-го генваря, я привезенъ былъ въ Петербургъ, тяжело раненый, такъ что живу быть не чаяли. Но, вотъ, остался живъ: первою смертью не умеръ, чтобы умереть второю.

Мореплаватель, затертый льдами, кидаетъ бутылку въ море съ послѣднею отрадною мыслью: узнаютъ, какъ мы погибли. Такъ я кидаю въ

океанъ будущаго сіи записки предсмертныя — мое завѣщаніе Россіи.

Пишу на клочкахъ и прячу въ тайникъ: въ полу моей камеры одинъ изъ кирпичей подымается. Передъ смертью отдамъ кому-нибудь изъ товарищей: можетъ быть, сохранятъ.

Плохо пишу по-русски. Je dois avouer à ma honte que j'ai plus d'habitude de la langue francaise que du russe. Буду писать на обоихъ языкахъ. Такова ужъ наша судьба: чужіе на родинѣ.

Я провелъ дѣтство въ Германіи, Испаніи, Франціи. Возвращаясь въ Россію и завидѣвъ на Прусской границѣ казака на часахъ, мы съ братомъ Матвѣемъ выскочили изъ кареты и бросились его обнимать.

— Я очень рада, что долгое пребываніе на чужбинѣ не охладило вашей любви къ отечеству, —сказала маменька, когда мы поѣхали далѣе.— Но готовьтесь, дѣти, я должна сообщить вамъ страшную вѣсть: въ Россіи вы найдете то, чего еще не знаете, — рабовъ.

Мы только потомъ поняли эту страшную вѣсть: вольность — чужбина; рабство — отечество.

Мы — дѣти Двѣнадцатаго года. Тогда русскій народъ единодушнымъ возстаніемъ спасъ

отечество. То возстаніе — начало этого; Двѣнадцатый годъ — начало Двадцать Пятаго. Мы думали тогда: вѣкъ славы военной съ Наполеономъ кончился; наступили времена освобожденія народовъ. И неужели Россія, освободившая Европу изъ-подъ ига Наполеонова, не свергнетъ собственнаго ига? Россія удерживаетъ порывы всѣхъ народовъ къ вольности: освободится Россія, — освободится весь міръ.

Намедни папенька, зайдя ко мнѣ въ камеру и увидѣвъ мундиръ мой, запятнанный кровью, сказалъ:

— Я пришлю тебѣ новое платье.

— Не нужно, — отвѣтилъ я, — я умру съ пятнами крови, пролитой...

Я хотѣлъ сказать: «за отечество», но не сказалъ: я пролилъ кровь больше, чѣмъ за отечество.

Вотъ одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній младенческихъ. Не знаю, впрочемъ, самъ ли я это помню, или только повторяю то, что братъ Матвѣй мнѣ сказывалъ. Въ 1801 году, 12 марта, утромъ послѣ чаю, братъ подошелъ къ окну, — мы жили тогда на Фонтанкѣ, у Обухова моста, въ домѣ Юсупова, — выглянулъ на улицу и спросилъ маменьку:

— Сегодня Пасха?

— Нѣтъ, что ты, Матюша.

— А что-жъ, вонъ люди на улицѣ христосуются?

Въ эту ночь убитъ былъ императоръ Павелъ. Такъ соединила Россія Христа съ вольностью: царь убитъ — Христосъ воскресъ.

Кровавой чашѣ причастимся, —
И я скажу: Христосъ воскресъ!

Это — кощунство въ устахъ авеи Пушкина. Но онъ и самъ не зналъ, надъ какой святыней кощунствовалъ.

А вотъ мое показаніе Слѣдственной Комиссіи о бесѣдѣ съ Горбачевскимъ, членомъ Тайнаго Общества Соединенныхъ Славянъ:

«Утверждаемо было мною, что въ случаѣ возстанія, въ смутныя времена переворота, самая твердѣйшая наша надежда и опора должна быть привязанность къ вѣрѣ, столь сильно существующая въ русскихъ; что вѣра всегда будетъ сильнымъ двигателемъ человѣческаго сердца и укажетъ людямъ путь къ вольности. На что Горбачевскій отвѣчалъ мнѣ съ видомъ сомнѣнія и удивленія, что онъ полагаетъ, напротивъ, что вѣра противна свободѣ. Я тогда сталъ ему доказывать, что мнѣніе сіе совершенно ошибочно; что истинная свобода сдѣлалась извѣстною только со времени проповѣданія христіанской вѣры; и

что Франція, впавшая въ толикія бѣдствія во время своего переворота именно отъ вкравшагося въ умы безвѣрія, должна служить намъ урокомъ».

Философъ Гегель полагаетъ, что французскій переворотъ есть высшее развитіе христіанства и что явленіе онаго столь же важно, какъ явленіе самого Христа. Нѣтъ, не французскій переворотъ *былъ*, а переворотъ истинный *будетъ* такимъ. Якобинская же вольность безъ Бога — воистину «ужасъ» — la terreur — человѣкоубійство ненасытимое, кровавая чаша діавола.

Соединить Христа съ вольностью — вотъ великая мысль, великій свѣтъ всеозаряющій.

А, можетъ быть, никто никогда не узнаетъ, зачто я погибъ. Не стѣны каземата отдѣляютъ меня отъ людей, а стѣны одиночества. Съ людьми, на волѣ, я такъ же одинъ, какъ здѣсь въ тюрьмѣ.

Toujours rêveur et solitaire,
Je passerai sur cette terre.
Sans que personne m'ai connu:
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On connaîtra ce qu'on a perdu.

Такъ хвастать могъ только глупенькій маль-

чикъ. Увы, пришелъ мой конецъ, и никакимъ свѣтомъ не озарился міръ. Но мнѣ все еще кажется, что была у меня великая мысль, великій свѣтъ всеозаряющій; только сказать о нихъ людямъ я не умѣлъ. Знать истину и не умѣть сказать —самая страшная изъ мукъ человѣческихъ.

Единственный человѣкъ въ Россіи, который понялъ бы меня, — Чаадаевъ. Какъ сейчасъ помню наши ночныя бесѣды въ 1817 году, въ Петербургѣ, въ казармахъ Семеновскаго полка; мы тогда вмѣстѣ служили и вступили въ Союзъ Благоденствія. Помню лицо его, блѣдное,нѣжное, какъ изъ воску или изъ мрамора. тонкія губы съ вѣчною усмѣшкою, сѣро-голубые глаза, такіе грустные, какъ будто они уже конецъ міра увидѣли.

— Преходитъ образъ міра сего, новый міръ начинается,—говорилъ Чаадаевъ.—Къ послѣднимъ обѣтованіямъ готовится родъ человѣческій — къ Царствію Божьему на землѣ, какъ на небѣ. И не Россія ли, пустая, открытая, бѣлая, какъ листъ бумаги, на коемъ ничего не написано, — безъ прошлаго, безъ настоящаго, вся въ будущемъ—неожиданность безмѣрная, une immense spontanéité, — не Россія ли призвана осуществить сіи обѣтованія, разгадать загадку человѣчества?

И всѣ наши бесѣды кончались молитвою:

«Adveniat regnum tuum. Да пріидетъ царствіе Твое».

«Да будетъ одинъ Царь на землѣ, какъ на небѣ, — Іисусъ Христосъ». Это слова моего Катехизиса.

«Отъ умозрѣній до совершеній весьма далече», сказалъ однажды Пестель. И онъ же — обо мнѣ, брату моему Матвѣю: «Votre frère est trop pur».

Да, слишкомъ чистъ, потому что слишкомъ умозрителенъ. Чистота — пустота проклятая. Чистое умозрѣніе въ дѣланіи — донъ-кишотство, смѣшное и жалкое. Я ничего не сдѣлалъ, только унизилъ великую мысль, уронилъ святыню въ грязь и въ кровь. Но я все-таки пробовалъ сдѣлать; Пестель даже не пробовалъ.

Онъ былъ арестованъ Четырнадцатаго, въ самый день возстанія. Нѣкоторое время колебался и помышлялъ идти съ Вятскимъ полкомъ на Тульчинъ, арестовать главнокомандующаго, весь штабъ второй арміи и поднять знамя возстанія. Но кончилъ тѣмъ, что сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ его арестовали тотчасъ.

Умно поступилъ, умнѣе насъ всѣхъ: остался въ чистотѣ умозрѣнія.

Я могъ бы полюбить Пестеля; но онъ меня не любитъ — боится или презираетъ. Ясность ума у него безконечная. Но всего умомъ не поймешь. Я кое-что знаю, чего не знаетъ онъ. Надо бы намъ соединиться. Можетъ быть, переворотъ не удался, потому что мы этого не сдѣлали.

Внизъ катить камень легко, трудно — подымать вверхъ. Пестель катитъ камень внизъ, я подымаю вверхъ. Онъ хочетъ политики, я хочу религіи: легка политика, трудна религія. Онъ хочетъ бывшаго, я хочу небывалаго.

Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю, —

сказалъ Рылѣевъ. Христіанство — рабство: вотъ яма, въ которую катится все.

Пестель на Югѣ, Рылѣевъ на Сѣверѣ — два аѳея, два вождя Россійской вольности. А въ серединѣ — множество безчисленное малыхъ сихъ. «Нынче только дураки да подлецы въ Бога вѣруютъ», — какъ сказалъ мнѣ одинъ русскій якобинецъ, девятнадцатилѣтній прапорщикъ.

Не имѣя Бога, народъ почитаютъ за Бога.

— Съ народомъ все можно, безъ народа ничего нельзя, — воскликнулъ однажды Горбачевскій, заспоривъ со мной о демократіи.

— La masse n'est rien; elle ne sera que ce que veulent les individus qui sont tout. (Множество — ничто; оно будетъ только тѣмъ, чего хотятъ личности; личность — все), — отвѣтилъ я, возмутившись.

Знаю, что это не такъ; но если нѣтъ Бога, пусть мнѣ докажутъ, что это не такъ.

«Россія едина, какъ Богъ единъ», говоритъ Пестель, а самъ въ Бога не вѣруетъ. Но если нѣтъ Бога, то нѣтъ и единой, — нѣтъ никакой Россіи.

Качу камень вверхъ, а онъ катится внизъ — работа Сизифова. Я себя не обманываю, я знаю: если переворотъ въ Россіи будетъ, то не по моему Катехизису, а по Русской Правдѣ Пестеля. О немъ вспомнятъ, обо мнѣ забудутъ; за нимъ пойдутъ всѣ, за мной — никто. Будетъ и въ Россіи то же, что во Франціи, — свобода безъ Бога, кровавая чаша діавола.

Забудутъ, но вспомнятъ; уйдутъ, но вернутся. Камень, который отвергли зиждущіе, тотъ самый сдѣлается главою угла. Не спасется Россія, пока не исполнитъ моего завѣщанія: свобода съ Богомъ.

La Divinité se mire dans le monde. L'Es-

sense Divine ne peut se réaliser que dans une infinité de formes finies. La manifestation de l'Eternel dans une forme finie ne peut être qu'imparfaite: la forme n'est qu'un signe qui indique sa présence.

Всѣ дѣла человѣческія — только *знаки*. Я только подалъ знакъ тебѣ, о мой далекій другъ въ поколѣніяхъ будущихъ, какъ мановеніемъ руки, когда уже нѣтъ голоса, подаетъ знакъ умирающій. Не суди же меня за то, что я сдѣлалъ, а пойми, чего я хотѣлъ.

Мы о возстаніи не думали и не готовились къ оному, когда 22 декабря, ѣдучи съ братомъ Матвѣемъ изъ города Василькова, подъ Кіевомъ, гдѣ стоялъ Черниговскій полкъ, въ Житоміръ, въ корпусную квартиру, — на послѣдней станціи, отъ сенатскаго курьера, развозившаго присяжные листы, получили первую вѣсть о Четырнадцатомъ.

Въ корпусной квартирѣ узнали, что Тайное Общество открыто правительствомъ, и аресты начались. А на обратномъ пути въ Васильковъ мой другъ Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ Полтавскаго полка, сообщилъ мнѣ, что полковой командиръ Гебель гонится за мною съ жандармами.

Я рѣшилъ пробраться въ Черниговскій полкъ, чтобы тамъ поднять возстаніе. Я понималъ всю

отчаянность онаго: борьба горсти людей съ исполинскими силами правительства была верхъ безразсудства. Но я не могъ покинуть возставшихъ на Сѣверѣ.

Мы продолжали путь въ Васильковъ глухими проселками, скрываясь отъ Гебеля. Снѣгу было мало, колоть страшная; коляска наша сломалась. Мы наняли жидовскую форшпанку въ Бердичевѣ и едва дотащились къ ночи 28-го до селенія Трилѣсы, на старой Кіевской дорогѣ, въ 45-ти верстахъ отъ Василькова. Остановились въ казачьей хатѣ, на квартирѣ поручика Кузьмина. Измученные дорогой, тотчасъ легли спать.

Ночью прискакалъ Гебель съ жандармскимъ поручикомъ Лангомъ, разставилъ часовыхъ, разбудилъ насъ и объявилъ, что арестуетъ по высочайшему повелѣнію. Мы отдали ему шпаги, — рады были, что дѣло кончится безъ лишнихъ жертвъ, — и пригласили его напиться чаю.

Пока сидѣли за чаемъ, наступило утро, и въ хату вошли четверо офицеровъ, ротные командиры моего батальона, — Кузьминъ, Соловьевъ, Сухиновъ и Щепило — члены Тайнаго Общества, пріѣхавшіе изъ Василькова для моего освобожденія. Гебель вышелъ къ нимъ въ сѣни и началъ выговаривать за самовольную отлучку отъ ко-

мандъ. Произошла ссора. Голоса становились все громче. Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Убить подлеца!

Всѣ четверо бросились на Гебеля и, выхвативъ ружья у часовыхъ, начали его бить прикладами, колоть штыками и шпагами, куда попало, — въ грудь, въ животъ, въ руки, въ ноги, въ спину, въ голову. Роста огромнаго, сложенія богатырскаго, онъ перетрусилъ такъ, что почти не оборонялся, только всхлипывалъ жалобно:

— Ой, панья Матка Бога! Ой, свента Матка Марія!

Густавъ Ивановичъ Гебель — родомъ полякъ, но считаетъ себя русскимъ и никогда не говоритъ по-польски, а тутъ вдругъ вспомнилъ родной языкъ.

Часовые, большею частью, молодые рекруты, не подумали защитить своего командира. Всѣ нижніе чины ненавидѣли его за истязанія палками и розгами и называли не иначе, какъ «звѣремъ».

Офицеры били, били его и все не могли убить. Сѣни были тѣсныя, темныя: въ темнотѣ и тѣснотѣ, мѣшали другъ другу. Отъ ярости наносили удары слѣпые, невѣрные. Били безъ толку, какъ пьяные или сонные.

— Живучъ, дьяволъ! — кричалъ кто-то не своимъ голосомъ.

Добравшись до двери, Гебель хотѣлъ выско-

чить. Но его схватили за волосы, повалили на полъ и, навалившись кучею, продолжали бить. Думали, сейчасъ конецъ; но, собравъ послѣднія силы, онъ всталъ на ноги и почти вынесъ на своихъ плечахъ двухъ офицеровъ, Кузьмина и Щепилу, изъ сѣней на дворъ.

Въ это время мы съ братомъ уже были на дворѣ: выбили оконную раму и выскочили.

Не понимаю, что со мною сдѣлалось, когда я увидѣлъ израненнаго, окровавленнаго Гебеля и страшныя, какъ бы сонныя, лица товарищей.

Иногда во снѣ видишь чорта, и не то что видишь, а по вдругъ навалившейся тяжести знаешь, что это — онъ. Такая тяжесть на меня навалилась. Помню также, какъ разъ въ дѣтствѣ я убивалъ сороконожку, которая едва не ужалила меня; билъ, билъ ее камнемъ и все не могъ убить: полураздавленная, она шевелилась такъ отвратительно, что я, наконецъ, не вынесъ, бросилъ и убѣжалъ.

Такъ, должно быть, братъ Матвѣй убѣжалъ отъ Гебеля. А я остался: какъ будто, глядя на сонныя лица, тоже вдругъ заснулъ.

Схватилъ ружье и началъ его бить прикладомъ по головѣ. Онъ прислонился къ стѣнѣ, съежился и закрылъ голову руками. Я билъ по рукамъ. Помню тупой стукъ дерева по костямъ раздробляемыхъ пальцевъ; помню на указательномъ,

пухломъ и бѣломъ, золотое кольцо съ хризолитомъ, и какъ изъ подъ него брызнула кровь; помню, какъ онъ всхлипывалъ:

— Ой, панья матка Бога! Ой, свента Матка Марія!

Не знаю, — можетъ быть, мнѣ было жаль его и я хотѣлъ кончить истязаніе — убить. Но чувствовалъ, что удары — слабые, сонные, что такъ нельзя убить, и что этому конца не будетъ; а все-таки продолжалъ бить, изнемогая отъ омерзѣнія и ужаса.

— Бросьте, бросьте, Сергѣй Ивановичъ! Что вы дѣлаете? — крикнулъ кто-то, схватилъ меня за руку и оттащилъ.

Я опомнился и почувствовалъ, что ознобилъ себѣ пальцы о ружейный стволъ на морозѣ.

А тѣ все кончали и не могли кончить. То опоминались, переставали бить, то опять начинали. Кузьминъ такъ глубоко вонзалъ шпагу, что долженъ былъ каждый разъ дѣлать усиліе, чтобы выдернуть. Но казалось, что шпага проходитъ сквозь тѣло Гебеля, не причиняя вреда, какъ сквозь тѣло призрака, и что это уже не Гебель, а кто-то другой, безсмертный.

— Живучъ, дьяволъ!

Наконецъ, когда всѣ его на минуту оставили, онъ пошелъ къ воротамъ, шатаясь, въ безпамятствѣ, и вышелъ на улицу. Рядомъ была корчма, и стояли дровни. Онъ свалился на нихъ безъ

чувствъ. Лошади понесли на дворъ къ хозяину, управителю села. Тутъ сняли его, укрыли и отправили въ Васильковъ.

Гебель получилъ тринадцать тяжелыхъ ранъ, не считая легкихъ, но остался живъ и, должно быть, насъ всѣхъ переживетъ.

Такъ-то мы «кровавой чашѣ причастились».

Когда офицеры объявили солдатамъ о моемъ освобожденіи, успѣхъ былъ неимовѣрный. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, присоединились къ намъ и готовы были слѣдовать за мной, куда бы я ихъ ни повелъ. Въ тотъ же день, 29 декабря, съ пятой мушкатерскою ротою я выступилъ въ походъ на Васильковъ.

30-го, послѣ полудня, мы подошли къ городу. Противъ насъ была выставлена цѣпь стрѣлковъ. Но когда мы приблизились такъ, что можно было видѣть лица солдатъ, они закричали: «ура»! и соединились съ нашими ротами. Мы вошли въ городъ и достигли площади, безъ всякаго сопротивленія. Заняли караулами гауптвахту, полковой штабъ, острогъ, казначейство и городскія заставы.

Вечеромъ я отдалъ приказъ на слѣдующій

день, въ 9 часовъ утра, собраться всѣмъ ротамъ на площади.

Товарищи всю ночь готовились къ походу и прибѣгали ко мнѣ за приказами. Но я, запершись въ своей комнатѣ, никого не пускалъ. Мы съ Бестужевымъ исправляли и переписывали Катехизисъ.

Мысль объ ономъ была почерпнута нами изъ сочиненія господина де-Сальванди, «Don Alonzo ou l'Espagne», гдѣ изложенъ Катехизисъ, коимъ испанскіе монахи въ 1809 году возмущали народъ противъ ига Наполеонова.

Младенчество провелъ я въ Испаніи: батюшка мой, Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, былъ въ Мадридѣ посланникомъ. И вотъ захотѣлъ я повторить младенчество въ мужествѣ, перенести въ Россію Испанію.

— Ce sont vos chateaux d'Espagne, qui vous ont perdu, mon ami, — какъ изволилъ пошутить надо мной генералъ Бенкендорфъ на допросѣ въ Слѣдственной Комиссіи.

Кончивъ писать Катехизисъ, продиктовали его тремъ писцамъ полковой канцеляріи, велѣвъ изготовить двѣнадцать списковъ. Утромъ я призвалъ къ себѣ подпоручика Мазалевскаго, и, отдавъ ему запечатанный пакетъ со списками, велѣлъ надѣть партикулярное платье, пробраться

въ Кіевъ, съ тремя нижними чинами, въ шпеляхъ безъ погонъ, и пускать Катехизисъ въ народъ.

Мазалевскій исполнилъ мое порученіе въ точности. Пробрался глухими дорогами въ Кіевъ и велѣлъ нижнимъ чинамъ, разойдясь въ разныя стороны по Печерску и Подолу, подбрасывать списки въ подворотни, въ шинкахъ и кабакахъ. Такъ они и сдѣлали.

Должно быть, Катехизисъ мой, благая вѣсть о Царствіи Божіемъ, тамъ и понынѣ въ кабацкихъ подворотняхъ валяется. О, донъ-кишотство безпредѣльное!

Когда роты собрались на площади, я послалъ за полковымъ священникомъ.

О.Данила Кейзеръ (странное имя—изъ нѣмецкихъ колонистовъ, что ли?) — совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ, лѣтъ 26,худенькій, чахоточный, съ бѣлой, какъ ленъ, жидкой косичкой. — такія косички у деревенскихъ дѣвочекъ.

Когда я началъ изъяснять ему цѣль возстанія, онъ поблѣднѣлъ и затрясся, даже весь вспотѣлъ отъ страха.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе! Жена, дѣти...

Глядя на сего испуганнаго зайчика, воина

Царства Божьяго, понялъ я еще разъ, сколь отъ умозрѣній до совершеній далече.

Вотъ показаніе самого о. Данилы въ вопросныхъ пунктахъ Слѣдственной Комиссіи, изложенное для моего обличенія. Отвѣчая на пункты, я тогда же списалъ сіе показаніе, дабы сохранить для потомства.

«31-го декабря, придя ко мнѣ на квартиру, 2-ой гренадерской роты унтеръ-офицеръ въ боевой амуниціи, часу въ 11-мъ передъ обѣдомъ, объяснилъ мнѣ словесно приказъ подполковника Муравьева-Апостола, дабы я тотчасъ шелъ къ нему съ крестомъ для служенія молебна, гдѣ читать будутъ и катехизисъ. Почему я, бывъ объятъ величайшимъ страхомъ, не зналъ, къ кому прибѣгнуть для защиты, но не смѣлъ уже ослушаться и послалъ дьячка Ивана Охлестина въ полковую церковь для взятія молебной книжицы и сокращеннаго катехизиса и, когда оный дьячокъ возвратился ко мнѣ съ книгами, то я пошелъ съ причтомъ на квартиру Муравьева, гдѣ находилось довольно офицеровъ. По недавнему же моему опредѣленію въ полкъ, я не только оныхъ офицеровъ не зналъ, но и самого Муравьева въ первый разъ отъ роду видѣлъ, который мнѣ приказалъ никуда отъ него не отлучаться изъ квартиры, гдѣ я и стоялъ у порога съ полчаса передъ нимъ и находившимися тамъ офице-

рами; когда, подойдя ко мнѣ изъ оныхъ какой-то офицеръ спросилъ у меня, совсѣмъ ли я готовъ; на что я ему отвѣчалъ: «Молебная книжица и сокращенный печатный катехизисъ у меня есть». Но тотчасъ же офицеръ, взявъ у дьячка сказанный катехизисъ, развернулъ и сказалъ, что у нихъ есть свой писанный катехизисъ. Въ то время Муравьевъ, измѣнивъ свое слово, сказалъ мнѣ, что молебна служить не надобно, а что-нибудь покороче. Я же, видя такое странное дѣло, хотя и не разумѣлъ, что они между собою по-французски разговаривали, но, усмотрѣвъ на столѣ нѣсколько пистолетовъ заряженныхъ, часовыхъ въ комнатѣ и на дворѣ, съ заряженными ружьями, — испугался, и болѣе тогда, когда, мысленно полагалъ отсюда выйти, но не осмѣлился. А какъ Муравьевъ уже надѣлъ на себя родъ армянской шапки и шарфъ и, отходя съ офицерами къ построеннымъ на площади ротамъ, приказалъ мнѣ вмѣстѣ съ ними идти туда же; гдѣ онъ, подъѣхавъ верхомъ къ фронту, скомандовалъ, и нижніе чины составили кругъ, а офицеры, войдя на середину съ заряженными пистолетами и нѣкоторые съ кинжалами, окружили меня: и тогда я, по приказанію Муравьева, надѣлъ на себя ризы, съ причтомъ пропѣлъ «Царю Небесный», Отче Нашъ, тропарь Рождества Христова и кондакъ, а болѣе ничего по положенію уставному не дѣлалъ. И потомъ какой-то офицеръ далъ мнѣ

бумагу, которую я прежде никогда не видалъ и никогда не слыхалъ, что именно въ ней было написано: ибо тотъ или другой офицеръ, стоя за мной, читалъ наизусть оную, а я, будучи въ такомъ необыкновенномъ страхѣ, принужденъ былъ повторялъ ее, не помня, что въ ней содержалось. И произносилъ ли я при томъ уже какія другія слова, совершенно не помню».

Бѣдный о. Данила, россійской вольности невольный мученикъ!

Утро было солнечное. За ночь выпалъ первый снѣгъ. Зима стала и, какъ часто бываетъ на Украйнѣ, вдругъ весной сквозь зиму повѣяло. Въ тѣни — морозъ, а на солнцѣ таетъ. Воробьи чирикаютъ, воркуютъ голуби на солнечномъ угрѣвѣ золотыхъ церковныхъ куполовъ. Въ садахъ вишни и яблони, разубранныя инеемъ, стоятъ, какъ въ вешнемъ цвѣту, бѣлыя. И подъ снѣгомъ, темными кажутся бѣлыя стѣны казацкихъ мазанокъ, и еще грязнѣе — грязные домишки жидовскіе.

Глядя въ небо, голубое, глубокое, вспоминалъ я, какъ украинскія дѣвушки въ ночь подъ Рождество колядуютъ: «Бывай же здоровъ, да не самъ съ собою, а съ *милымъ Богомъ*». Въ миломъ небѣ — милый Богъ.

Роты построились на площади въ густую ко-

лонну, въ полной боевой амуниціи. Я сидѣлъ верхомъ передъ фронтомъ и знаменами.

О. Данила, ни живъ, ни мертвъ, читалъ катехизисъ такимъ слабымъ голосомъ, что почти ничего не было слышно. Бестужевъ подошелъ къ нему, взялъ у него бумагу и началъ громко, торжественно:

— «Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

«Для чего Богъ создалъ человѣка?

«Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

«Для чего же русскій народъ и воинство несчастны?

«Для того, что самовластные цари похитили у нихъ свободу.

«Что же нашъ святой законъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?

«Раскаяться въ долгомъ рабслѣпствіи и, ополчась противъ тиранства и нечестія, установить правленіе, сходное съ закономъ Божіимъ».

Казалось, не только солдаты, внимательно-жадные, и перепуганные Васильковскіе жители — городничій Притуленко, судья Драганчукъ, почтмейстеръ Безносиковъ, и канцелярист со щекою подвязанной, и степной баринъ-помѣщикъ, и старый казакъ сивоусый, и толстая баба-перекупка, и два тощихъ жида въ черныхъ ермолкахъ, съ рыжими пейсами, — не только всѣ эти люди, но и уныло-желтыя стѣны уѣзднаго

казначейства, полкового цейхгауза, провіантскихъ магазейновъ — съ несказаннымъ удивленіемъ слушали, какъ будто говоря: «Не то! Не то!» А воркующіе на угрѣвѣ голуби, и вишни въ снѣгу, какъ въ цвѣту, и слезы звонкой капели, и голубое, глубокое небо отвѣчали: «То самое! То самое!»

— «Христосъ рекъ: не будьте рабами человѣковъ, яко искуплены кровію Моею, — продолжалъ читать Бестужевъ все громче и торжественнѣе. — Міръ не внялъ святому повелѣнію сему и впалъ въ бездну бѣдствій. Но страданья наши тронули Всевышняго: днесь Онъ посылаетъ намъ свободу и спасеніе. Россійское воинство грядетъ возстановить вѣру и вольность въ Россіи, да будетъ одинъ царь на небеси и на земли — Іисусъ Христосъ».

Когда онъ кончилъ, наступила тишина, и въ тишинѣ раздался мой голосъ. Что я говорилъ, не помню. Помню только, что была такая минута, когда мнѣ казалось, что они вдругъ поняли все. Пусть я умру, ничего не сдѣлавъ, — за эту минуту умереть стоило!

Я снялъ шапку, перекрестился, поднялъ шпагу и закричалъ:

— Ребята! За вѣру и вольность! За Царя Христа! Ура!

— Ура! — отвѣтили сначала робко, сомнительно, а потомъ вдругъ несомнѣнно, неистово:

— Ура, Константинъ!

Глупо было кричать: «Ура, Іисусъ Христосъ!» —такъ вотъ кто-то и крикнулъ умно:«Ура, Константинъ!» и всѣ подхватили, обрадовались, — поняли, что это — «то самое, то самое».

И я тоже понялъ, какъ будто вдругъ заснулъ тѣмъ страшнымъ сномъ, какъ намедни, и увидѣлъ Гебеля,израненнаго окровавленнаго: онъ прислонился къ стѣнѣ, съежился, закрылъ руками голову, а я ружейнымъ прикладомъ билъ, билъ его — хотѣлъ убить и не могъ: «Живучъ, дьяволъ!»

Дьяволъ надо мной смѣялся смѣхомъ торжествующимъ:

— Ура, ура, ура, Константинъ!

Нѣтъ, больше не могу вспоминать: стыдно, страшно. Да и некогда: скоро смерть.

Пусть же другіе разскажутъ, чѣмъ кончился походъ мой за царя Христа или царя Константина: какъ четверо сутокъ кружились мы все на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто заколдованномъ, между Васильковымъ и Бѣлою Церковью, около Трилѣсъ, гдѣ избирали Гебеля; все ждали помощи, но никто не помогъ, — всѣ обманули, предали. Сначала столько было охотниковъ, что мы не знали, какъ отъ нихъ отдѣлаться, а потомъ офицеры стали, одинъ за другимъ, отставать, убѣгать къ начальству въ Кіевъ, кто какъ могъ, — иные даже въ плаффрокахъ. И духъ въ войскѣ

упалъ. Когда солдаты просили у меня позволенія «маленько пограбить», а я запретилъ, — начались ропоты: «Не за царя Константина, а за какую-то вольность идетъ Муравьевъ!» — «Одинъ Богъ на нѣбѣ, одинъ царь на землѣ, — Муравьевъ обманываетъ насъ!»

Еще въ Васильковѣ, по питейнымъ домамъ были шалости. А во время похода, у каждой корчмы, впереди по дорогѣ, ставились часовые, но они же напивались первые.

Никогда не забуду, какъ пьяненькій солдатикъ, изъ шинка вываливаясь, кричалъ съ матерной бранью:

— Никого не боюсь! Гуляй, душа! Теперь вольность!

По всѣмъ шинкамъ разговоры пошли объ имѣемой быть рѣзанинѣ: «Надо бы два дня ножи вострить, а потомъ рѣзать: указъ вышелъ отъ царя, чтобы рѣзать всѣхъ пановъ и жидовъ, такъ чтобы и на свѣтѣ ихъ не было».

Въ шинкѣ у Мордки Шмулиса казакъ изъ Чугуева сказывалъ: «Якъ бы рѣзанина тутъ началась, то я бъ не требовалъ ни пики, ни ратища, а только шпицу застругавши да осмоливши, снизалъ бы на нее семьдесятъ пановъ да семьдесятъ жидковъ». А какой-то солдатъ изъ Бѣлой Церкви обѣщалъ: «Когда запоютъ: «Христосъ

воскресе», въ Свѣтлую заутреню, тогда и начнутъ рѣзать».

Такъ-то соединилъ народъ Христа съ вольностью!

Пусть другіе разскажутъ, какъ шесть лучшихъ ротъ моего батальона, краса и гордость полка, превратились въ разбойничью шайку, въ пугачевскую пьяную сволочь. Не успѣлъ я опомниться, какъ это ужъ сдѣлалось: какъ молоко скисаетъ въ грозу, такъ сразу скисло все.

Тогда-то понялъ я самое страшное: для русскаго народа вольность значитъ буйство, распутство, злодѣйство, братоубійство неутолимое; рабство — съ Богомъ, вольность — съ дьяволомъ.

И кто знаетъ, согласись я быть атаманомъ этой разбойничьей шайки, новымъ Пугачевымъ, — можетъ быть они бы меня и не выдали: отовсюду бы слетѣлись мнѣ на помощь дьяволы. Пошли бы мы на Кіевъ, на Москву, на Петербургъ и, пожалуй, царствомъ Россійскимъ тряхнули бы.

3-го января, во второмъ часу пополудни, на высотахъ Устимовскихъ, близъ селенія Пологи, встрѣтили насъ четыре эскадрона Маріупольскихъ гусаръ съ двумя орудіями, подъ командой генералъ-майора Гейсмара. Начальство струсило такъ, что противъ моей тысячной горсти

двинуло изъ Кіева почти всѣ полки 3-го корпуса. Отрядъ Гейсмара былъ только развѣдкою. Мы знали, что въ этомъ отрядѣ всѣ командиры — члены Тайнаго Общества, а что наканунѣ арестовали ихъ и замѣнили другими, — не знали. Обрадовались, что идутъ къ намъ на помощь, обезумѣли отъ радости — въ чудо повѣрили. И не мы одни, — солдаты тоже, всѣ до послѣдняго.

Опять такой же былъ день лучезарный, какъ 31-го; такое же небо голубое, глубокое, милое— съ «милымъ Богомъ». И опять, какъ тогда, на Васильковской площади, была такая минута, когда мнѣ казалось, что они все поняли, и разбойничья шайка — Божье воинство.

Солдаты шли прямо на пушки съ мужествомъ безтрепетнымъ. Грянулъ выстрѣлъ, ядро просвистѣло надъ головами. Мы все шли. Завизжала картечь. Огонь былъ убійственный. Раненые падали. Мы все шли — въ чудо вѣрили.

Вдругъ меня по головѣ точно палкой ударили. Я упалъ съ лошади и уткнулся лицомъ въ снѣгъ. Очнувшись, увидѣлъ Бестужева. Онъ поднималъ меня и вытиралъ лицо мое платкомъ: оно было залито кровью. Платокъ вымокъ, а кровь все лилась. Я раненъ былъ картечью въ голову.

Ефрейторъ Лазыкинъ, любимецъ мой, подошелъ ко мнѣ. Я не узналъ его: такъ неестествен-

но сморщился и такъ странно, по-бабьи, всхлипывалъ:

— За что ты насъ погубилъ, извергъ, сукинъ сынъ, анаѳема!

Вдругъ поднялъ штыкъ и бросился на меня. Кто-то защитилъ. Солдаты окружили насъ и повели къ гусарамъ.

Я потомъ узналъ, что побросали ружья и сдались, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, когда поняли, что чуда не будетъ.

Вечеромъ перевезли насъ подъ конвоемъ въ Трилѣсы — опять это мѣсто проклятое, — и посадили въ пустую корчму. Братъ Матвѣй досталъ кровать и уложилъ меня. Отъ потери крови изъ неперевязанной раны у меня дѣлались частые обмороки. Трудно было лежать: братъ поднялъ и положилъ къ себѣ на плечо мою голову.

Противъ насъ въ углу, на соломѣ, лежалъ Кузьминъ, тоже раненый: всѣ кости праваго плеча раздроблены были картечной пулей. Должно быть, боль была нестерпимая, но онъ скрывалъ ее, не простоналъ ни разу, такъ что никто не зналъ, что онъ раненъ.

Стемнѣло. Подали огонь. Кузьминъ попросилъ брата подойти къ нему. Тотъ молча указалъ на мою голову. Тогда Кузьминъ съ усиліемъ подползъ, пожалъ ему руку тѣмъ тайнымъ пожатіемъ, по коему Соединенные Славяне узнавали

своихъ, и опять отползъ въ свой уголъ. Никому говорить не хотѣлось; всѣ молчали.

Вдругъ раздался выстрѣлъ. Я упалъ безъ чувствъ. Когда очнулся, — сквозь пороховой дымъ, еще наполнявшій комнату, увидѣлъ въ углу, на соломѣ, Кузьмина съ головой окровавленной. Выстрѣломъ въ високъ изъ пистолета, спрятаннаго въ рукавѣ шинели, онъ убилъ себя наповалъ.

«Свобода или смерть», — клялся и клятву исполнилъ.

На Устимовской высотѣ погибъ и младшій братъ мой, Ипполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, девятнадцатилѣтній юноша.

31-го декабря, передъ самымъ выступленіемъ нашимъ въ походъ, онъ подъѣхалъ на почтовой тройкѣ прямо на Васильковскую площадь. Только-что блистательно выдержавъ экзаменъ въ Школѣ Колонновожатыхъ, произведенъ былъ въ офицеры и назначенъ въ штабъ 2-ой арміи. Выѣхалъ изъ Петербурга 13-го, съ вѣстью къ намъ отъ Сѣвернаго Общества о началѣ возстанія и съ просьбой о помощи.

Я хотѣлъ его спасти, умолялъ ѣхать дальше, но онъ остался съ нами. Больше всѣхъ вѣрилъ въ чудо. Тутъ же, на площади, обмѣнялся съ Кузьминымъ пистолетами, тоже поклялся: «Свобода или смерть», и клятву исполнилъ. На Устимов-

ской высотѣ, видя, что я упалъ, пораженный картечью, и думая, что я убитъ, убилъ себя выстрѣломъ въ ротъ.

4-го января, на разсвѣтѣ, подали сани, чтобы везти насъ съ братомъ Матвѣемъ въ Бѣлую Церковь. Мы просили конвойныхъ позволить намъ проститься съ Ипполитомъ. Конвойные долго не соглашались; наконецъ, повели насъ въ нежилую хату. Здѣсь, въ пустой, темной и холодной комнатѣ, на голомъ полу, лежали голыя тѣла убитыхъ: должно быть, гусары не постыдились ограбить ихъ — раздѣли до-нага. Между ними и тѣло Ипполита. Нагота его была прекрасна, какъ нагота юнаго бога. Лицо не обезображено выстрѣломъ, — только на лѣвой щекѣ, подъ глазомъ, маленькое темное пятнышко. Выраженіе лица гордо-спокойное.

Братъ помогъ мнѣ встать на колѣни. Я поцѣловалъ мертваго въ губы и сказалъ:

— До свиданія!

Странно: совѣсть мучаетъ меня за всѣхъ, кого я погубилъ, но не за него—чистѣйшую жертву чистѣйшей любви.

Я тогда сказалъ: «до свиданія», и теперь уже знаю, что свиданіе будетъ скоро. Ты первый встрѣтишь меня *тамъ*, мой Ипполитъ, мой ангелъ съ бѣлыми крыльями!

Завтра, 12 іюля, объявляютъ приговоръ.

Приговоръ объявленъ: Пестеля, Рылѣева, Каховскаго, Бестужева-Рюмина и меня — четвертовать. Но, «сообразуясь съ высокомонаршею милостью», приговоръ смягченъ: «повѣсить». Сочли милостью замѣнить четвертованіе висѣлицей. А я все-таки думаю, что насъ разстрѣляютъ: никогда еще въ Россіи офицеровъ не вѣшали.

Тотъ же приговоръ и надъ убитыми — Кузьминымъ, Щепилой, Ипполитомъ Муравьевымъ-Апостоломъ: «четвертовать»; но такъ какъ нельзя четвертовать и вѣшать мертвыхъ, то «по оглашенію приговора, поставя на могилѣ ихъ, вмѣсто крестовъ, висѣлицы, — прибить на оныхъ имена ихъ къ посрамленію вѣчному».

Свалятъ всѣхъ, какъ собакъ, въ одну общую яму, могилу безкрестную, должно быть, тамъ, въ Бѣлой Церкви, близъ высотъ Устимовскихъ.

«Бѣлая Церковь» — имя вѣщее. Да, будетъ, будетъ надъ ними Церковь Бѣлая!

Помню свиданіе мое съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Онъ обѣщалъ насъ всѣхъ помиловать, обнималъ меня, цѣловалъ, плакалъ:

«Я, можетъ быть, не менѣе васъ достоинъ жалости. Je ne suis qu'un pauvre diable».

Бѣдный діаволъ, самый бѣдный изъ діаволовъ! Прости ему Господь: онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

Завтра казнь. Разстрѣляютъ ли, повѣсятъ, мнѣ все равно — только бы скорѣй. Приму смерть, какъ лучшій даръ Божій.

Братъ Матвѣй мнѣ завидуетъ: говоритъ, что смерть была бы для него блаженствомъ. Только о самоубійствѣ и думаетъ. Хочетъ уморить себя голодомъ. Я ему пишу, заклинаю памятью покойной матушки не посягать на свою жизнь: «Душа, бѣжавшая съ своего мѣста прежде времени, получитъ гнусную обитель и съ тѣми, кого любила, разлучена будетъ навѣки». Пишу, а самъ думаю: со сломанной ногой нельзя ходить — со сломанной душой нельзя жить.

Братъ Матвѣй не хочетъ жить, а Бестужевъ— умирать. 23 года — почти ребенокъ. Смертнаго приговора не ждалъ, до послѣдней минуты надѣялся. Тоскуетъ, ужасается. Вотъ и сейчасъ слышу: мечется по камерѣ, бьется, какъ птица въ клѣткѣ. Не могу я этого вынести!

Братъ Матвѣй и Бестужевъ — противоположныя крайности. Одинъ слишкомъ тяжелъ, другой слишкомъ легокъ: какъ двѣ чаши вѣсовъ, а я между ними — какъ стрѣлка вѣчно-дрожащая. Братъ Матвѣй совсѣмъ не вѣрилъ въ чудо, Бестужевъ совсѣмъ вѣрилъ, а я полувѣрилъ. Можетъ быть, оттого и погибъ.

Видѣлъ во снѣ Ипполита и маменьку. Такая радость, какой никогда наяву не бываетъ. Оба говорили, что я — глупенькій, не знаю чего-то главнаго.

Сижу въ 12-мъ номерѣ Кронверкской куртины, а рядомъ со мной, въ 11-мъ, перевели Валеріана Михайловича Голицына изъ Алексѣевскаго равелина. Когда казематы наполнились такъ, что не хватало мѣста, — перегородили ихъ, на подобіе клѣтокъ, деревянными стѣнами. Бревна изъ сырого лѣса разсохлись; между ними — щели. Въ одну изъ такихъ щелей переговариваемся съ Голицынымъ. Люблю его. Онъ *все* понимаетъ: тоже другъ Чаадаева. Жаль, что записывать некогда. Говорили о Сынѣ и Духѣ, о Землѣ Пречистой Матери. И такъ же, какъ во снѣ, я чувствовалъ, что не знаю чего-то главнаго.

Отдамъ Голицыну эти листки; пусть прочтетъ

и передастъ о. Петру Мысловскому: онъ обѣщалъ сохранить.

Въ послѣдніе дни пишу свободно, не прячу. Никто за мной не слѣдитъ. Чернилъ и бумаги даютъ вволю. Балуютъ — ласкаютъ жертву.

Но надо кончать: сегодня ночью — казнь. Запечатаю бутылку и брошу въ океанъ будущаго.

Солнце заходитъ — мое послѣднее солнце. И сегодня такое же кровавое, какъ всѣ эти дни. Отъ палящаго зноя и засухи горятъ лѣса и торфяныя болота въ окрестностяхъ города. Въ воздухѣ — гарь. Солнце восходитъ и заходитъ, какъ тускло-красный шаръ, а днемъ рдѣетъ сквозь дымъ, какъ головня обгорѣлая.

О, это кровавое солнце, кровавый факелъ Евменидъ, можетъ быть, для насъ надъ Россіей взошедшее и уже незакатное!

Я видѣлъ сонъ.

Съ возставшими ротами, шайкой разбойничьей, я прошелъ по всей Россіи побѣдителемъ. Всюду — вольность безъ Бога — злодѣйство, братоубійство неутолимое. И надо всей Россіей, чернымъ пожарищемъ — солнце кровавое, кровавая чаша діавола. И вся Россія — разбойничья шайка, пьяная сволочь — идетъ за мной и кричитъ:

— Ура, Пугачевъ-Муравьевъ! Ура, Іисусъ Христосъ!

Мнѣ уже не страшенъ этотъ сонъ, но не будетъ ли онъ страшенъ внукамъ и правнукамъ?

Нѣтъ, Чаадаевъ неправъ: Россія не бѣлый листъ бумаги,—на ней уже написано: *Царство Звѣря*. Страшенъ царь-Звѣрь; но, можетъ быть, еще страшнѣе Звѣрь-народъ.

Россія не спасется, пока изъ нѣдръ ея не вырвется крикъ боли и раскаянія, котораго отзвукъ наполнитъ весь міръ.

Слышу поступь тяжкую: Звѣрь идетъ.

Россія гибнетъ, Россія гибнетъ. Боже, спаси Россію!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Когда я вступаю въ казематъ Сергѣя Ивановича, мною овладѣваетъ такое же благоговѣйное чувство, какъ при вшествіи въ алтарь передъ божественною службою». Эти слова о. Мысловскаго вспомнилъ Голицынъ, когда прочелъ Записки Муравьева. «Завѣщаніе Россіи».

Окно камеры было открыто: въ эти іюльскіе, нестерпимо-знойные дни начальство позволило открывать окна: иначе арестанты задохлись бы. Въ ночной тишинѣ доносился съ Кронверкскаго вала глухой стукъ топора и молота. Голицынъ, пока читалъ, не слышалъ его; но, дочитавъ, прислушался.

«Стукъ-стукъ-стукъ». Тишина — и опять: «стукъ-стукъ-стукъ». — «Что они дѣлаютъ?» думалъ онъ.

Еще съ утра замѣтилъ на валу работающихъ плотниковъ: что-то строили; то поднимали, то опускали два черныхъ столба. Генералъ-адъютантъ верхомъ, въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, глядѣлъ въ лорнетъ на работу плотниковъ. Потомъ всѣ ушли.

И вотъ опять: «стукъ-стукъ-стукъ». Подошелъ къ окну, выглянулъ. Іюльская ночь была свѣтлая, но въ воздухѣ, какъ всѣ эти дни, — гарь, дымъ и мгла. Во мглѣ, на валу, копошились тѣни; то поднимали, то опускали два черныхъ столба. «Что они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ?» думалъ Голицынъ.

А въ сосѣдней камерѣ слышался шопотъ: Муравьевъ сквозь щель въ стѣнѣ шептался съ Бестужевымъ, приготовлялъ его къ смерти.

Голицынъ легъ на койку и закутался съ головой въ одѣяло. Вспомнилъ вчерашній разговоръ съ о. Петромъ о пяти осужденныхъ на смерть:

«Не пугайтесь того, что я вамъ скажу, — говорилъ Мысловскій. — Ихъ поведутъ на висѣлицу, но въ послѣднюю минуту прискачетъ гонецъ съ царскою милостью». — «Да, вѣдь, конфирмація уже подписана», возражалъ Голицынъ. — «Конфирмація — декорація!» пепталъ о. Петръ съ таинственнымъ видомъ.

И другіе слухи о помилованіи вспоминалъ Голицынъ съ жадностью.

Все тюремное начальство увѣрено было, что смертной казни не будетъ. «Помилуютъ, — твердилъ плацъ-майоръ Подушкинъ: — смертная казнь отмѣнена по законамъ Россійской имперіи: развѣ можетъ государь нарушить законъ?» — «Помилуютъ, — твердили часовые: — самъ государь виноватъ въ Четырнадцатомъ; за что же казнить?»

А императрица Марія Ѳеодоровна получила, будто бы, отъ государя письмо, въ которомъ онъ успокаивалъ ее, что крови по приговору не будетъ. Императрица Александра Ѳеодоровна на колѣняхъ умоляла о помилованіи. «Удивлю Россію и Европу», — обѣщалъ государь герцогу Веллингтону.

На приговоръ Верховнаго Суда отвѣтилъ, что «не соизволяетъ не только на четвертованіе,яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, яко казнь, однимъ воинскимъ преступленіемъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы

и, словомъ, ни на какую казнь, съ пролитіемъ крови сопряженную». Судьи рѣшили: «повѣсить»; вѣдь, петля тоже безъ крови. Но, можетъ быть, ошиблись: не повѣсить, а помиловать?

Напрасно Голицынъ кутался съ головою въ одѣяло: «Стукъ-стукъ-стукъ». Тишина—и опять: «Стукъ-стукъ-стукъ».

«Кто же казнитъ? Царь или Россія, Звѣрь или Царство Звѣря?» — вдругъ подумалъ онъ и вскочилъ въ ужасѣ. Тамъ, на валу, то поднимаются, то опускаются два черные столба, и на нихъ судьба Россіи колеблется, какъ на страшныхъ вѣсахъ. «Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! О, если бы ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему; но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ, ибо придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то что ты не узналъ времени посѣщенія твоего».

Голицынъ упалъ на колѣни и соединилъ свой шопотъ съ долетавшимъ изъ-за стѣны предсмертнымъ шопотомъ:

— Россія гибнетъ, Россія гибнетъ! Боже, спаси Россію!

Рылѣевъ, когда вышелъ отъ него о. Петръ, исповѣдавъ и причастивъ его, вынулъ часы и посмотрѣлъ: девятнадцать минутъ перваго. Зналъ, что придутъ за нимъ въ три. Оставалось два часа сорокъ одна минута. Положилъ часы на столъ и слѣдилъ, какъ ползетъ стрѣлка: девятнадцать, двадцать, двадцать одна минута. Ну, что-жъ, страшно? Нѣтъ, не страшно, а только удивительно. Похоже на то, что вычиталъ въ астрономической книжкѣ: если бы человѣкъ попалъ на маленькую планету, то могъ бы подымать шутя самыя страшныя тяжести; огромные, валящіеся на него, камни отшвыривать, какъ легкіе мячики.

Или еще похоже на «магнитное состояніе» (когда-то занимался месмэризмомъ и тоже объ этомъ вычиталъ): въ тѣло ясновидящей вонзаютъ иголку, а она ея не чувствуетъ. Такъ онъ вонзалъ въ душу свою иглы, пробовалъ одну за другой, — не уколетъ ли?

Страхъ не кололъ, а злоба? Вспомнилъ злобу свою на государя: «Обманулъ, оподлилъ, развратилъ, измучилъ, надругался — и вотъ теперь убиваетъ». Но и злобы не было. Понялъ, что сердиться на него, все равно, что бить кулакомъ по стѣнѣ, о которую ушибся.

А стыдъ? Бывало, раскаленнымъ желѣзомъ жегъ стыдъ, когда вспоминалъ, какъ на очной ставкѣ Каховскій ударилъ его по лицу и закричалъ: «подлецъ!» Но теперь и стыдъ не жегъ:

потухъ, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Пусть не узнаетъ Каховскій, пусть никто никогда не узнаетъ, что онъ, Рылѣевъ, не подлецъ, — довольно съ него и того, что онъ самъ это знаетъ.

Еще одну послѣднюю, самую острую иглу попробовалъ — жалость. Вспомнилъ Наташу. Началъ перебирать ея письма. Прочелъ:

«Ахъ, милый другъ мой, не знаю сама, что я. Между страхомъ и надеждою, жду рѣшительной минуты. Представь себѣ мое положеніе: одна въ мірѣ съ невинною сиротою! Тебя одного имѣли и все счастіе полагали въ тебѣ. Молю Всемогущаго, да утѣшитъ меня извѣстіемъ, что ты невиненъ. Я знаю душу твою: ты никогда не желалъ зла, всегда дѣлалъ добро. Заклинаю тебя, не унывай, въ надеждѣ на благость Господню и на состраданіе ангелоподобнаго государя. Прости, несчастный мой страдалецъ. Да будетъ благость Божія съ тобою! Фуфайку и два ночныхъ колпака пришлю съ бѣльемъ. Настенька здорова. Она думаетъ, что ты въ Москвѣ. Я ее предупреждаю, что скоро поѣдемъ къ папенькѣ. Она рада, суетится, спрашиваетъ: скоро ли?»

Тутъ же — рукою Настеньки — большими дѣтскими буквами:

«Миленькой папенька, цалую вашу ручку. Пріѣзжайте поскорѣе, я по васъ скучилась. Поѣдемте къ бабинькѣ».

Вдругъ почувствовалъ, что глаза застилаетъ

что-то. Неужели слезы? Пройдя сквозь мертвое тѣло, игла вонзилась въ живое. Больно? Да, но не очень. Вотъ и прошло. Только подумалъ: хорошо, что не захотѣлъ предсмертнаго свиданія съ Наташей; напугалъ бы ее до смерти: живымъ страшны мертвые; чѣмъ роднѣе, тѣмъ страшнѣе.

Вспомнилъ, что надо ей написать. Сѣлъ за столъ, обмакнулъ перо въ чернила, но не зналъ, что писать. Принуждалъ себя, сочинялъ: «Я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ!»

Усмѣхнулся. Намедни о. Петръ сообщилъ ему отказъ архіереевъ, членовъ Верховнаго Суда, подписать смертный приговоръ: «Какая будетъ сентенція, отъ оной не отрицаемся, но поелику мы духовнаго сана, то къ подписанію оной приступить не можемъ». Такъ и у него все выходитъ «поелику».

Давеча, перебирая Наташины письма, нашелъ свои черновыя записки къ ней, большею частью, о дѣлахъ денежныхъ и хозяйственныхъ. Заглянулъ и въ нихъ.

«Надобно внести въ ломбардъ 700 рублей... Портному, жиду Яухце, отдай долгъ, если узнаешь, что Каховскій не можетъ заплатить... Акціи мои лежатъ въ бюро, въ верхнемъ ящикѣ, съ лѣвой стороны... Въ деревнѣ вели овесъ и сѣно про-

дать... Отпустить бы на волю старосту Конона; да жаль, честный старикъ, нынче такихъ не сыскать»...

Какъ человѣкъ, глядя на свой старый портретъ, удивляется, такъ онъ удивлялся: «неужели это я?»

Вдругъ стало тошно.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ, какъ смрадная могила;
Душа изъ тѣла рвется вонъ...

Смрадомъ смерти отъ жизни пахнуло. Должно быть, не только мертвые живымъ смердятъ, но и живые — мертвымъ.

Взглянулъ на образъ, — не помолиться ли? Нѣтъ, молитва кончена. Теперь уже все — молитва: дышитъ — молится, и будетъ въ петлѣ задыхаться — будетъ молиться.

Опять о чемъ-то задумался, но странно, какъ будто безъ мыслей. Мыслей не видно было, какъ въ колесѣ быстро-вертящемся не видно спицъ. Только повторялъ съ удивленіемъ возростающимъ: «Вотъ оно, вотъ оно, то — то — то!»

Усталъ, прилегъ. Подумалъ: «какъ бы не заснуть; говоритъ, осужденные на смерть особенно крѣпко спятъ», — и заснулъ.

Проснулся отъ стука шаговъ и хлопанья две-

рей въ корридорѣ. Вскочилъ, бросился къ часамъ: четвертый часъ. Загремѣли замки и засовы. Ужасъ оледенилъ его, какъ будто всего съ головой окунули въ холодную воду.

Но когда взглянулъ на лица вошедшаго плацъ-майора Подушкина и сторожа Трофимова, — ужасъ мгновенно прошелъ, какъ будто онъ снялъ его съ себя и передалъ имъ: имъ страшно, а не ему.

— Сейчасъ, Егоръ Михайловичъ? — спросилъ Подушкина.

— Нѣтъ, еще времени много. Я бы не пришелъ, да тамъ что-то торопятъ, а все равно, не готово...

Рылѣевъ понялъ: не готова висѣлица. Подушкинъ не смотрѣлъ ему въ глаза, какъ будто стыдился. И Трофимовъ — тоже. Рылѣевъ замѣтилъ, что ему самому стыдно. Это былъ стыдъ смерти, подобный чувству обнаженности: какъ одежда снимается съ тѣла, такъ тѣло — съ души.

Трофимовъ принесъ кандалы, арестантское платье, — Рылѣевъ былъ во фракѣ, какъ взятъ при арестѣ, — и чистую рубашку изъ послѣдней присылки Наташиной: по русскому обычаю надѣваютъ чистое бѣлье на умирающихъ.

Переодѣвшись, онъ сѣлъ за столъ и, пока Трофимовъ надѣвалъ ему желѣза на ноги, началъ писать письмо къ Наташѣ. Опять все выходило «поелику»; но онъ уже не смущался: пойметъ и

такъ.Одно только вышло отъ сердца:«Мой другъ, ты счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Слова не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Да будетъ Его святая воля».

Вошелъ о.Петръ. Заговорилъ о покаяніи, прощеніи, о покорности волѣ Божьей. Но, замѣтивъ, что Рылѣевъ не слушаетъ, кончилъ просто:

— Ну, что, Кондратій Федоровичъ, можетъ быть, еще что прикажете?

— Нѣтъ, что же еще? Кажется, все, о. Петръ, — отвѣтилъ Рылѣевъ такъ же просто и улыбнулся, хотѣлъ пошутить: «А конфирмація-то не декорація!» Но, взглянувъ на Мысловскаго, увидѣлъ, что ему такъ стыдно и страшно, что пожалѣлъ его. Взялъ руку его и приложилъ къ своему сердцу.

— Слышите, какъ бьется?

— Слышу.

— Ровно?

— Ровно.

Вынулъ изъ кармана платокъ и подалъ ему.

— Государю отдайте. Не забудете?

— Не забуду. А что сказать?

— Ничего. Онъ ужъ знаетъ.

Это былъ платокъ, которымъ Николай утиралъ слезы Рылѣева, когда онъ на допросѣ плакалъ у ногъ его, умиленный, «растерзанный» царскою милостью.

Подушкинъ вышелъ и вернулся съ такимъ видомъ, что Рылѣевъ понялъ, что пора.

Всталъ, перекрестился на образъ; перекрестилъ Трофимова, Подушкина и самого о. Петра, улыбаясь ему, какъ будто хотѣлъ сказать: «Да, теперь ужъ не ты — меня, а я — тебя». Крестилъ во всѣ стороны, какъ бы друзей и враговъ невидимыхъ; казалось, дѣлалъ это не самъ, а кто-то приказывалъ ему, и онъ только слушался. Движенія были такія твердыя, властныя, что никто не удивился, всѣ приняли, какъ должное.

— Ну, что-жъ, Егоръ Михайловичъ, я готовъ, — сказалъ, и всѣ вышли изъ камеры.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Каховскій остался вѣренъ себѣ до конца: «Я жилъ одинъ — одинъ умру».

Встрѣчаясь въ коридорѣ съ товарищами, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, никому не подавалъ руки: продолжалъ считать всѣхъ «подлецами». Ожесточился, окаменѣлъ.

Дни и ночи проводилъ за чтеніемъ. Книги посылала ему плацъ-майорская дочка, Аделанда Егоровна. Окно его камеры выходило прямо на окна квартиры Подушкина. Старая дѣвица влюбилась въ Каховскаго. Сидя у окна, играла на гитарѣ и пѣла:

Онъ, сидя въ башнѣ за стѣнами,
Лишенъ тамъ, бѣдненькій, всего.
Жалѣть бы стали вы и сами,
Когда бъ увидѣли его!

Каховскій имѣлъ сердце нѣжное, а глаза близорукіе: лица ея не видѣлъ, — видѣлъ только платья всѣхъ цвѣтовъ радуги — голубыя, зеленыя, желтыя, розовыя. Она казалась ему прекрасною, какъ Донъ-Кихоту — Дульцинея.

На книги набросился съ жадностью. Особенно полюбилъ «Божественную Комедію». Путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, бывалъ въ Италіи и немного понималъ по-итальянски.

Фарината и Капаней приводили его въ восхищеніе. «Quel magnanimo, сей великодушный» —Фарината дельи-Уберти мучается въ шестомъ кругѣ ада, на огненномъ кладбищѣ эпикурейцевъ-безбожниковъ. Когда подходятъ къ нему Данте съ Виргиліемъ, онъ приподнимается изъ огненной могилы, —

До пояса, съ челомъ такимъ надменнымъ,
Какъ будто адъ имѣлъ въ большомъ презрѣньи.
Come avesse lo inferno in gran dispitto.

А исполинъ Капаней, одинъ изъ семи вождей, осаждавшихъ Ѳивы, низринутый въ адъ за богохульство громами Зевеса, подобно древнимъ титанамъ, — лежитъ, голый, на голой землѣ, подъ вѣчнымъ ливнемъ огненнымъ.

Кто сей великій,
Что,скорчившись, лежитъ съ такимъ презрѣньемъ,
Что мнится, огнь его не опаляетъ?

спрашиваетъ Данте Виргилія, а Капаней кричитъ ему въ отвѣтъ:

Qual fui vivo, tal son morto!
Каковъ живой, таковъ и мертвый!
Да разразитъ меня Зевесъ громами,
Не дамъ ему я насладиться мщеньемъ!

Каховскій самъ былъ похожъ на этихъ двухъ великихъ презрителей ада.

Когда въ послѣднюю ночь передъ казнью о. Петръ спросилъ его на исповѣди, прощаетъ ли онъ врагамъ своимъ:

— Всѣмъ прощаю, кромѣ двухъ подлецовъ— государя и Рылѣева, — отвѣтилъ Каховскій.

— Сынъ мой, передъ святымъ причастіемъ, передъ смертью... — ужаснулся о. Петръ. — Богомъ тебя заклинаю: смирись, прости...

— Не прощу.

— Такъ что же мнѣ съ тобою дѣлать? Если не простишь, я тебя и причастить не могу.

— Ну, и не надо.

О. Петръ долженъ былъ взять грѣхъ на душу, причастить нераскаяннаго.

А когда пришелъ Подушкинъ съ Трофимовымъ вести его на казнь, Каховскій взглянулъ на нихъ такъ, «какъ будто адъ имѣлъ въ большомъ презрѣньи».

— Пошелъ на смерть, будто вышелъ въ другую комнату закурить трубку, — удивлялся Подушкинъ.

— Павелъ Ивановичъ Пестель есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, — говаривалъ о. Петръ. — Математикъ глубокій; и въ правоту свою вѣритъ, какъ въ математическую истину. Вездѣ и всегда равенъ себѣ. Ничто не колеблетъ твердости его. Кажется, одинъ способенъ вынести на раменахъ своихъ тяжесть двухъ Альпійскихъ горъ.

— Я даже не разслышалъ, что съ нами хотятъ дѣлать; но все равно, только бы скорѣе! — сказалъ Пестель послѣ приговора.

А когда пасторъ Рейнботъ спросилъ его, готовъ ли онъ къ смерти:

— Жалко мѣнять старый халатъ, да дѣлать нечего, — отвѣтилъ Пестель.

— Какой халатъ?

— А это нашъ русскій поэтъ Дельвигъ сказалъ:

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться намъ жалко:
Такъ съ неохотою мы старый мѣняемъ халатъ.

— Вѣрите ли вы въ Бога, Herr Pestel?

— Какъ вамъ сказать? Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse. Сердцемъ не вѣрю, но умомъ знаю, что должно

быть что-то такое, что люди называютъ Богомъ. Богъ нуженъ для метафизики, какъ для математики нуль.

— Schrecklich! Schrecklich!—прошепталъ Рейнботъ и началъ говорить о безсмертіи, о загробной жизни.

Пестель слушалъ, какъ человѣкъ, которому хочется спать;наконецъ, прервалъ съ усмѣшкою:

— Говоря откровенно, мнѣ и здѣшняя жизнь надоѣла. Законъ міра — законъ тождества: *а* есть *а*, Павелъ Ивановичъ Пестель есть Павелъ Ивановичъ Пестель. И это 33 года. Скука несносная! Нѣтъ, ужъ лучше ничто. Тамъ ничто, но вѣдь и здѣсь тоже. Изъ одного ничто въ другое. Хорошій сонъ — безъ сновидѣній, хорошая смерть — безъ будущей жизни. Мнѣ ужасно хочется спать, господинъ пасторъ.

— Schrecklich! Schrecklich!

Отъ причастія отказался рѣшительно.

— Благодарю васъ. это мнѣ совершенно не нужно.

Когда же Рейнботъ началъ убѣждать его раскаяться, онъ, подавляя зѣвоту, сказалъ:

— Aber, mein lieber Herr Reinbot, wollen wir uns doch besser etwas uber die Politik unterhalten.

И заговорилъ объ англійскомъ парламентѣ. Рейнботъ всталъ.

— Извините, господинъ Пестель, я не могу

говорить о такихъ вещахъ съ человѣкомъ, идущимъ на смерть.

Пестель тоже всталъ и подалъ ему руку.

— Ну, что-жъ, доброй ночи, господинъ Рейнботъ.

— Что сказать вашимъ родителямъ?

По лицу Пестеля, одутловатому, блѣдно-желтому, сонному, — онъ въ эту минуту былъ особенно похожъ на Наполеона послѣ Ватерлоо. — пробѣжала тѣнь.

— Скажите имъ, — проговорилъ онъ чуть дрогнувшимъ голосомъ. — что я совершенно спокоенъ, но не могу думать о нихъ безъ терзающаго горя. Передайте это письмо сестрѣ Софи.

Письмо было на французскомъ языкѣ, коротенькое:

«Тысячу разъ благодарю тебя, дорогая Софи, за тѣ строки, которыя ты прибавила къ письму нашей матери. Я чрезвычайно растроганъ нѣжнымъ твоимъ участіемъ и твоею дружбою ко мнѣ. Будь увѣрена, мой другъ, что никогда сестра не могла быть нѣжнѣе любима, чѣмъ ты мной. Прощай, моя дорогая Софи. Твой нѣжный братъ и искренній другъ, Павелъ».

Передавъ письмо, онъ пошелъ съ Рейнботомъ къ двери, какъ будто выпроваживалъ его. Но въ дверяхъ остановился, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ съ улыбкой:

— Доброй ночи, господинъ пасторъ. Ну скажите же, скажите мнѣ просто: доброй ночи!

— Я ничего не могу вамъ сказать, господинъ Пестель. Я только могу...

Рейнботъ не кончилъ, всхлипнулъ, обнялъ его и вышелъ.

«Ужасный человѣкъ! — вспоминалъ впослѣдствіи. — Мнѣ казалось, что я говорю съ самимъ діаволомъ. Я оставилъ жестокосердаго, поручивъ его единой милости Божьей».

Переодѣваясь, чтобы идти на казнь, Пестель замѣтилъ, что потерялъ золотой натѣльный крестикъ, подарокъ Софи. Испугался, поблѣднѣлъ, затрясся, какъ будто вдругъ потерялъ все свое мужество. Долго искалъ, шарилъ дрожащими пальцами. Наконецъ, нашелъ. Бросился цѣловать его съ жадностью. Надѣлъ и сразу успокоился.

Въ ожиданіи Подушкина, сѣлъ на стулъ, опустилъ голову и закрылъ глаза. Можетъ быть, не спалъ, но имѣлъ видъ спящаго.

Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ боялся смерти, по собственнымъ словамъ, «какъ послѣдній трусъ и подлецъ». Похожъ былъ на трепещущую въ клѣткѣ птицу, когда кошка протягиваетъ за нею лапу. Иногда плакалъ отъ страха, какъ маленькія дѣти, не стыдясь. А иногда удивлялся:

— Что со мной сдѣлалось? Никогда я не былъ трусомъ. Вѣдь, вотъ, стоялъ же подъ картечью на Устимовской высотѣ и не боялся. Почему же теперь такъ перетрусилъ?

— Тогда ты шелъ на смерть вольно, а теперь — насильно. Да ты не бойся, что боишься, и все пройдетъ, — утѣшалъ его Муравьевъ, но видѣлъ, что утѣшенья не помогаютъ: Бестужевъ боялся такъ, что казалось, не вынесетъ, сойдетъ съ ума или умретъ, въ самомъ дѣлѣ, «какъ послѣдній трусъ и подлецъ».

Муравьевъ зналъ, чѣмъ успокоить его. Бестужевъ боялся, потому что все еще надѣялся, что «конфирмація — декорація», и что въ послѣднюю минуту прискачетъ гонецъ съ царскою милостью. Чтобы побѣдить страхъ, надо было отнять надежду. Но Муравьевъ не зналъ, надо ли это дѣлать: не покрываетъ ли кто-то глаза его святымъ покровомъ надежды?

Бестужевъ сидѣлъ рядомъ съ Муравьевымъ, въ 13-мъ номерѣ Кронверкской куртины. Между ними была такая же стѣна изъ бревенъ, какъ та, что отдѣляла Муравьева отъ Голицына, и такая же въ стѣнѣ щель. Они составили койки такъ, что лежа могли говорить сквозь щель.

Въ послѣднюю ночь передъ казнью, Муравьевъ читалъ Бестужеву Евангеліе на французскомъ языкѣ: по-славянски оба понимали плохо.

— «Пришли въ селеніе, называемое Геѳсима-

нія; и Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: Посидите здѣсь, пока Я помолюсь. И взялъ съ Собою Петра, Іакова и Іоанна; и началъ ужасаться»...

— Погоди, Сережа, — остановилъ его Бестужевъ. — Это что же такое, а?

— А что, Миша?

— Неужели такъ и сказано: «ужасаться»?

— Такъ и сказано.

— Чего же Онъ ужасался? Смерти, что ли?

— Да, страданій и смерти.

— Какъ же такъ, Богъ смерти боится?

— Не Богъ, а человѣкъ. Онъ — Богъ и человѣкъ вмѣстѣ.

— Ну, пусть человѣкъ. Да развѣ людей безстрашныхъ мало? Вонъ Сократъ цикуту выпилъ, ноги омертвѣли, — а все шутилъ. А это, что же такое? Вѣдь, это, какъ я?

— Да, Миша, какъ ты.

— Но, вѣдь, я же подлецъ?

— Нѣтъ, не подлецъ. Ты, можетъ быть, лучше многихъ безстрашныхъ людей. Надо любить жизнь, надо бояться смерти.

— А ты не боишься?

— Нѣтъ, боюсь. Меньше твоего, но, можетъ быть, хуже, что меньше. Вонъ Матюша и Пестель, тѣ совсѣмъ не боятся, и это совсѣмъ нехорошо.

— А Ипполитъ?

— Ипполитъ не видѣлъ смерти. Кто очень лю-

битъ, тотъ уже смерти не видитъ. А мы не очень любимъ: намъ нельзя не бояться.

— Ну, читай, читай!

Муравьевъ продолжалъ читать. Но Бестужевъ опять остановилъ его.

— А что, Сережа, ты какъ думаешь, о. Петръ — честный человѣкъ?

— Честный.

— Что-жъ онъ все вретъ, что помилуютъ? О гонцѣ слышалъ?

— Слышалъ.

— Зачѣмъ же вретъ? Вѣдь, никакого гонца не будетъ? Ты какъ думаешь, не будетъ, а? Сережа, что жъ ты молчишь?

По голосу его Муравьевъ понялъ, что онъ готовъ опять расплакаться безстыдно, какъ дѣти. Молчалъ — не зналъ, что дѣлать: сказать ли правду, снять святой покровъ надежды, или обмануть, пожалѣть? Пожалѣлъ, обманулъ:

— Не знаю, Миша. Можетъ быть, и будетъ гонецъ.

— Ну, ладно, читай! — проговорилъ Бестужевъ радостно. — Вотъ что прочти — Исаіи пророка, — помнишь, у тебя выписки.

Муравьевъ сталъ читать:

— «И будетъ въ послѣдніе дни:

«Перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои — на серпы; не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать.

«Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида.

«Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей: ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море.

«И будетъ: прежде нежели они воззовутъ, Я отвѣчу; они еще будутъ говорить, и Я уже услышу.

«Какъ утѣшаетъ кого-либо мать, такъ утѣшу я васъ»...

— Стой, стой! Какъ хорошо! Не Отецъ, а Мать... А, вѣдь, это все такъ и будетъ?

— Такъ и будетъ.

— Нѣтъ, не будетъ, а есть! — воскликнулъ Бестужевъ. — «Да пріидетъ Царствіе Твое», это въ началѣ, а въ концѣ: «Яко Твое *есть* царствіе». Есть, уже есть... А знаешь, Сережа, когда я читалъ Катехизисъ на Васильковской площади, была такая минута...

— Знаю.

— И у тебя?.. А, вѣдь, въ такую минуту и умереть не страшно?

— Не страшно, Миша.

— Ну, читай, читай... Дай руку!

Муравьевъ просунулъ руку въ щель. Бестужевъ поцѣловалъ ее, потомъ приложилъ къ губамъ. Засыпалъ и дышалъ на нее, какъ будто и во снѣ цѣловалъ. Иногда вздрагивалъ, всхлипы-

валъ, какъ маленькія дѣти во снѣ, но все тише, тише и, наконецъ, совсѣмъ затихъ, заснулъ.

Муравьевъ тоже задремалъ.

Проснулся отъ ужаснаго крика. Не узналъ голоса Бестужева.

— Ой-ой-ой! Что это? Что это? Что это?

Заткнулъ уши, чтобы не слышать. Но скоро все затихло. Слышался только звонъ желѣзъ, надѣваемыхъ на ноги, и увѣтливый голосъ Трофимова:

Сонный человѣкъ, ваше благородіе, какъ дитя малое: всего пужается. А проснется — посмѣется...

Муравьевъ подошелъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей его отъ Голицына, и заговорилъ сквозь щель:

— Прочли мое «Завѣщаніе»?

— Прочелъ.

— Передадите?

— Передамъ. А помните, Муравьевъ, вы мнѣ говорили, что мы чего-то главнаго не знаемъ?

— Помню.

— А развѣ не главное то, что въ «Завѣщаніи»: Царь Христосъ на землѣ, какъ на небѣ?

— Да, главное, но мы не знаемъ, какъ это сдѣлать.

— А пока не знаемъ, Россія гибнетъ?

— Не погибнетъ. — спасетъ Христосъ.

Помолчалъ и прибавилъ шопотомъ:

— Христосъ и еще Кто-то.

«Кто-же?» хотѣлъ спросить Голицынъ и не спросилъ: почувствовалъ, что объ этомъ нельзя спрашивать.

— Вы женаты, Голицынъ?

— Женатъ.

— Какъ имя вашей супруги?

— Марья Павловна.

— А сами какъ зовете?

— Маринькой.

— Ну поцѣлуйте же отъ меня Мариньку. Прощайте. Идутъ. Храни васъ Богъ!

Голицынъ услышалъ на дверяхъ сосѣдней камеры стукъ замковъ и засововъ.

Когда пятерыхъ, подъ конвоемъ павловскихъ гренадеръ, вывели въ коридоръ, они перецѣловались всѣ, кромѣ Каховскаго. Онъ стоялъ въ сторонѣ, одинъ, все такой же каменный. Рылѣевъ взглянулъ на него, хотѣлъ подойти, но Каховскій оттолкнулъ его молча глазами: «Убирайся къ чорту, подлецъ!» Рылѣевъ улыбнулся: «Ничего, сейчасъ пойметъ».

Пошли: впереди Каховскій, одинъ; за нимъ Рылѣевъ съ Пестелемъ, подъ руку: а Муравьевъ съ Бестужевымъ, тоже подъ руку, заключали шествіе.

Проходя мимо камеръ, Рылѣевъ крестилъ ихъ и говорилъ протяжно-пѣвучимъ, какъ бы зовущимъ, голосомъ:

— Простите, простите, братья!

Услышавъ звукъ шаговъ, звонъ цѣпей и голосъ Рылѣева, Голицынъ бросился къ оконцу-«глазку» и крикнулъ сторожу:

— Подыми!

Сторожъ поднялъ занавѣску. Голицынъ выглянулъ. Увидѣлъ лицо Муравьева. Муравьевъ улыбнулся ему, какъ будто хотѣлъ спросить: «Передадите?» — «Передамъ», отвѣтилъ Голицынъ тоже улыбкой.

Подошелъ къ окну и увидѣлъ на Кронверкскомъ валу, на тускло-красной зарѣ, два черныхъ столба съ прекладиной и пятью веревками.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всѣхъ осужденныхъ по дѣлу Четырнадцати — ихъ было 116 человѣкъ, кромѣ пяти приговоренныхъ къ смертной казни, — выводили на экзекуцію — «шельмованіе». Собрали на площади передъ Монетнымъ дворомъ, построили отдѣленіями по роду службы и вывели черезъ Петровскія ворота изъ крѣпости на гласисъ Кронверкской куртины, большое поле-пустырь: здѣсь когда-то была свалка нечистотъ, и теперь еще валялись кучи мусора.

Войска гвардейскаго корпуса и артиллерія съ заряженными пушками окружили осужденныхъ

полукольцомъ. Глухо, въ туманѣ, били барабаны, не нарушая предразсвѣтной тишины. У каждаго отдѣленія пылалъ костеръ и стоялъ палачъ. Прочли сентенцію и начали производить шельмованіе.

Осужденнымъ велѣли стать на колѣни. Палачи сдирали мундиры, погоны, эполеты, ордена и бросали въ огонь. Надъ головами ломали шпаги. Подпилили ихъ заранѣе, чтобы легче переламывать; но иныя были плохо подпилены, и осужденные отъ ударовъ падали. Такъ упалъ Голицынъ, когда палачъ ударилъ его по головѣ камеръ-юнкерскою шпагою.

— Если ты еще разъ ударишь такъ, то убьешь меня до смерти, — сказалъ онъ палачу, вставая.

Потомъ надѣли на нихъ полосатые больничные халаты. Разбирать ихъ было некогда: одному на маленькій ростъ достался длинный, и онъ путался въ полахъ; другому на большой — короткій; толстому — узкій, такъ что онъ едва его напяливалъ. Нарядили шутами. Наконецъ, повели назадъ въ крѣпость.

Проходя мимо Кронверкскаго вала, они шептались, глядя на два столба съ перекладиной:

— Что это?

— Будто не знаете?

— Да ужъ очень на н е е не похоже.

— А вы ее видѣли?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Никто не видѣлъ: это за нашу память — первая.

— Первая, да, чай, не послѣдняя.

— Штука нехитрая, а у насъ и того не сумѣли: нѣмецъ построилъ.

— Изъ русскихъ палача не нашли: латыша какого-то аль чухну выписали.

— Да и то, говорятъ, плохонькій: пожалуй, не справится.

— Кутузовъ научитъ: онъ мастеръ — на царскихъ шеяхъ выученъ!

Смѣялись: такъ иногда люди смѣются отъ ужаса.

— И чего копаются? Въ два часа назначено, а теперь ужъ пятый.

— Въ Адмиралтействѣ строили; на шести возахъ везли; пять прибыло, а шестой, главный, съ перекладиной, гдѣ-то застрялъ. Новую дѣлали, вотъ и замѣшкались.

— Ничего не будетъ. Только пугаютъ. «Конфирмація — декорація». Прискачетъ гонецъ съ царскою милостью.

— Вонъ, вонъ, кто-то скачетъ, видите?

— Генералъ Чернышевъ.

— Ну, все равно, будетъ гонецъ.

И опять на нее оглядывались.

— На качели похожа.

— Покачайтесь-ка!

— Нѣтъ, не качели, а вѣсы, — сказалъ Голицынъ. Никто не понялъ, а онъ подумалъ: «На этихъ вѣсахъ Россія будетъ взвѣшена».

Къ столбамъ на валу подскакали два генерала, Чернышевъ и Кутузовъ. Спорили о толщинѣ веревокъ.

— Тонки, — говорилъ Чернышевъ.

— Нѣтъ, не тонки. На тонкихъ петля туже затянется, — возражалъ Кутузовъ.

— А если не выдержатъ?

— Помилуйте, мѣшки съ пескомъ бросали,— восемь пудъ выдерживаютъ.

— Сами дѣлать пробу изволили?

— Самъ.

— Ну, такъ вашему превосходительству лучше знать, — усмѣхнулся Чернышевъ язвительно, а Кутузовъ побагровѣлъ — понялъ: царя удавить сумѣлъ, сумѣетъ — и цареубійцъ.

— Эй, ты, не забылъ сала? — крикнулъ палачу.

— Минэ-ванэ,минэ-ванэ... — залепеталъ чухонецъ, указывая на плошку съ саломъ.

— Да онъ и по-русски не говоритъ, — сказалъ Чернышевъ и посмотрѣлъ на палача въ лорнетъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, бѣлобрысый и курносый, немного напоминавшій императора Павла I. Видъ имѣлъ удивленный и растерянный, какъ спросонокъ.

— Ишь, розиня, все изъ рукъ валится. Смотрите, бѣды надѣлаетъ. И гдѣ вы такого дурака нашли?

— А вы, что-жъ не нашли умнаго? — огрызнулся Кутузовъ и отъѣхалъ въ сторону.

Въ эту минуту пятеро осужденныхъ выходили изъ воротъ крѣпости. Въ воротахъ была калитка съ высокимъ порогомъ. Они съ трудомъ подымали отягченныя цѣпями ноги, чтобы переступить порогъ. Пестель былъ такъ слабъ, что его должны были приподнять конвойные.

— Когда взошли на валъ и проходили мимо висѣлицы, онъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— C'est trop. Могли бы и разстрѣлять.

До послѣдней минуты не зналъ, что будутъ вѣшать.

Съ вала увидѣли небольшую кучку народа на Тронцкой площади. Въ городѣ никто не зналъ, гдѣ будутъ казнить: одни говорили — на Волковомъ полѣ, другіе — на Сенатской площади. Народъ смотрѣлъ молча, съ удивленіемъ: отвыкъ отъ смертной казни. Иные жалѣли, вздыхали, крестились. Но почти никто не зналъ, кого и за что казнятъ: думали, — разбойниковъ или фальшиво-монетчиковъ.

— Il n'est pas bien nombreux, notre publique, — усмѣхнулся Пестель.

Опять, въ послѣднюю минуту, что-то было не

готово, и Чернышевъ съ Кутузовымъ заспорили, едва не поругались.

Осужденныхъ посадили на траву. Сѣли въ томъ же порядкѣ, какъ шли: Рылѣевъ рядомъ съ Пестелемъ, Муравьевъ—съ Бестужевымъ, а Каховскій — въ сторонѣ, одинъ.

Рылѣевъ, не глядя на Каховскаго, чувствовалъ, что тотъ смотритъ на него своимъ каменнымъ взглядомъ: казалось, что, если бы только остались на минуту одни, — бросился бы на него и задушилъ бы. Тяжесть давила Рылѣева: точно каменныя глыбы навалпвались, — и онъ уже не отшвыривалъ ихъ, какъ человѣкъ на маленькой планетѣ — легкіе мячики: глыбы тяжелѣли неимовѣрною тяжестью.

— Странная шапка. Должно быть, не русскій? — указалъ Пестель на кожаный треухъ палача.

— Да, вѣрно, чухопешъ, — отвѣтилъ Рылѣевъ.

— А рубаха красная. C'est le goût national, палачей одѣваютъ въ красное, — продолжалъ Пестель и, помолчавъ, указалъ на второго палача, подручнаго: — А этотъ маленькій похожъ на обезьяну.

— На Николая Ивановича Греча, — усмѣхнулся Рылѣевъ.

— Какой Гречъ?

— Сочинитель.

— Ахъ, да, Гречъ и Булгаринъ.

Пестель опять помолчалъ, зѣвнулъ и прибавилъ:

— Чернышевъ не нарумяненъ.

— Слишкомъ рано: не успѣлъ нарядиться, — объяснилъ Рылѣевъ.

— А костры зачѣмъ?

— Шельмовали и мундиры жгли.

— Смотрите, музыканты, — указалъ Пестель на стоявшихъ за висѣлицей, передъ эскадрономъ лейбъ-гвардіи Павловскаго гренадерскаго полка, музыкантовъ.—Подъ музыку вѣшать будутъ, что-ли?

— Должно быть.

Такъ все время болтали о пустякахъ. Разъ только Рылѣевъ спросилъ о Русской Правдѣ, но Пестель ничего не отвѣтилъ и махнулъ рукой.

Бестужевъ, маленькій, худенькій, рыженькій, взъерошенный, съ дѣтскимъ веснушчатымъ личикомъ, съ не испуганными, а только удивленными глазами, похожъ былъ на маленькаго мальчика, котораго сейчасъ будутъ наказывать, а,можетъ быть, и простятъ. Скоро-скоро дышалъ,какъ будто всходилъ на гору: иногда вздрагивалъ, всхлипывалъ, какъ давеча, во снѣ; казалось, вотъ-вотъ расплачется, или опять закричитъ не своимъ голосомъ: «Ой-ой-ой! Что это? Что это?» Но взглядывалъ на Муравьева и затихалъ,только спрашивалъ молча глазами: «Когда же конецъ?»

— «Сейчасъ», отвѣчалъ ему Муравьевъ также молча, и гладилъ по головѣ, улыбался.

Подошелъ о. Петръ съ крестомъ. Осужденные встали.

— Сейчасъ? — спросилъ Пестель.

— Нѣтъ, скажутъ, — отвѣтилъ Рылѣевъ.

Бестужевъ взглянулъ на о. Петра, какъ будто и его хотѣлъ спросить: «Когда же гонецъ?» Но о. Петръ отвернулся отъ него съ видомъ почти такимъ же потеряннымъ, какъ у самого Бестужева. Вынулъ платокъ и вытеръ потъ съ лица.

— Платокъ не забудете? — напомнилъ ему Рылѣевъ давешнюю просьбу о платкѣ государевомъ.

— Не забуду, не забуду, Кондратій Федоровичъ, будьте покойны... Ну, что-жъ они... Господи! — заторопился о. Петръ, оглянулся: можетъ быть, все еще ждалъ гонца, или думалъ: «Ужъ скорѣе бы!» и подошелъ къ оберъ-полицеймейстеру Чихачеву, который, стоя у висѣлицы, распоряжался послѣдними приготовленіями. Пошептались, и о. Петръ вернулся къ осужденнымъ.

— Ну, друзья мои... — поднялъ крестъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— Какъ разбойниковъ, провожаете, о. Петръ, — сказалъ за него Муравьевъ.

— Да, да, какъ разбойниковъ, — пролепеталъ Мысловскій; потомъ вдругъ заглянулъ прямо въ глаза Муравьеву и воскликнулъ торжественно:

— «Аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раю!»

Муравьевъ сталъ на колѣни, перекрестился и сказалъ:

— Боже, спаси Россію! Боже, спаси Россію! Боже, спаси Россію!

Наклонился, поцѣловалъ землю и потомъ — крестъ.

Бестужевъ подражалъ всѣмъ его движеніямъ, какъ тѣнь, но, видимо, уже не сознавалъ, что дѣлаетъ.

Пестель подошелъ ко кресту и сказалъ:

— Я, хоть и не православный, но прошу васъ, о. Петръ, благословите и меня на дальній путь.

Тоже сталъ на колѣни; тяжело-тяжело, какъ во снѣ, поднялъ руку, перекрестился и поцѣловалъ крестъ.

За нимъ — Рылѣевъ, продолжая чувствовать на себѣ каменно-давящій взглядъ Каховскаго.

Каховскій все еще стоялъ въ сторонѣ и не подходилъ къ о. Петру. Тотъ самъ подошелъ. Каховскій опустился на колѣни медленно, какъ будто нехотя, такъ же медленно перекрестился и поцѣловалъ крестъ. Потомъ вдругъ вскочилъ, обнялъ о. Петра и стиснулъ ему шею руками такъ, что, казалось, задушитъ.

Выпустивъ его изъ объятій, взглянулъ на Рылѣева. Глаза ихъ встрѣтились. «Не пойметъ», подумалъ Рылѣевъ, и страшная тяжесть почти раз-

давила его. Но въ каменномъ лицѣ Каховскаго что-то дрогнуло. Онъ бросился къ Рылѣеву и обнялъ его съ рыданіемъ.

— Кондратъ... братъ... Кондратъ... Я тебя... Прости, Кондратъ... Вмѣстѣ? Вмѣстѣ? — лепеталъ сквозь слезы.

— Петя, голубчикъ... Я же зналъ... Вмѣстѣ! Вмѣстѣ! — отвѣтилъ Рылѣевъ, тоже рыдая.

Подошелъ оберъ-полицеймейстеръ Чихачевъ и прочелъ сентенцію. Она кончалась такъ:

— «Сихъ преступниковъ за ихъ тяжкія злодѣянія повѣсить».

На осужденныхъ надѣли длинныя, отъ шеи до пятъ, бѣлые рубахи-саваны и завязали ихъ ремнями вверху, подъ шеями, въ серединѣ, пониже локтей, и внизу, у щиколокъ, такъ что тѣла ихъ были спеленуты. На головы надѣли бѣлые колпаки, а на шеи — четыреугольныя черныя кожи; на каждой написано было мѣломъ имя преступника и слово: «Цареубійца». Имена Рылѣева и Каховскаго перепутали. Чихачевъ замѣтилъ ошибку и велѣлъ перемѣнить кожи. Это была для всѣхъ страшная шутка, а для нихъ самихъ — нѣжная ласка смерти.

Кутузовъ подалъ знакъ. Заиграла музыка. Осужденныхъ повели. Висѣлица стояла на помостѣ; на него надо было всходить по деревянному откосу, очень отлогому. Всходили медленно, потому что скованными и связанными ногами

могли дѣлать только самые маленькіе шаги. Конвойные поддержпвали и подталкивали ихъ сзади.

Въ это время палачи намазывали веревки саломъ. Старый унтеръ, гренадеръ, стоявшій съ краю шеренги, у висѣлицы, поглядывалъ на палачей и хмурился. Зналъ, какъ вѣшаютъ людей: во время походовъ Суворовскихъ, въ царствѣ Польскомъ,жидковъ-шпіоновъ перевѣшалъ съ дюжину. Видѣлъ, что веревки смокли отъ ночной росы: сало не пристанетъ, — туги будутъ; петля слабо затянется и можетъ соскользнуть.

Осужденные взошли на помостъ и стали въ рядъ, лицомъ къ Троицкой площади. Стояли въ такомъ порядкѣ, справа налѣво: Пестель, Рылѣевъ. Муравьевъ, Бестужевъ, Каховскій.

Палачъ надѣвалъ петли. Въ эту минуту лица всѣхъ осужденныхъ были одинаковы: спокойны и какъ будто задумчивы.

Когда уже петля была на шеѣ Пестеля, въ сонномъ лицѣ его промелькнула мысль. Если бы можно было выразить ее словами, онъ думалъ такъ: «За ничто умираю или за что-то? Узнаю сейчасъ».

Колпаки опускали на лица.

— Господи, къ чему это? — сказалъ Рылѣевъ. Ему казалось, что не только отъ пальцевъ, но и отъ желтаго, обтянутаго лоснящейся кожей, лица чухонца пахнетъ саломъ. Страшная тяжесть опять навалилась. Но Каховскій улыбнулся ему,

— и эту послѣднюю тяжесть онъ отшвырнулъ, какъ легкій мячикъ.

Улыбнулся и Муравьевъ Бестужеву: «Будетъ гонецъ?» — «Будетъ».

Палачи сбѣжали съ помоста.

— Готово? — крикнулъ Кутузовъ.

— Готово! — отвѣтилъ подручный.

Чухонецъ изо всей силы дернулъ за желѣзное кольцо въ кругломъ отверстіи, сбоку эшафота. Доска изъ-подъ ногъ осужденныхъ, какъ дверца люка, опустилась, и тѣла повисли.

«У-хъ!» глухимъ гуломъ прогудѣло отъ кучки народа на Троицкой площади до войска, окружавшаго висѣлицу: вся толпа, какъ земля отъ свалившейся тяжести, ухнула. Не сразу поняли: было пятеро, осталось двое, — гдѣ же трое?

— Э, чортъ! Что такое? Что такое? — закричалъ Кутузовъ съ лицомъ перекошеннымъ, пришпорилъ лошадь и подскакалъ.

О. Петръ выронилъ крестъ, вебѣжалъ на помостъ и заглянулъ сначала въ дыру, а потомъ— на три болтавшихся петли. Понялъ: сорвались.

Унтеръ былъ правъ: на смокшихъ веревкахъ петли не затянулись, какъ слѣдуетъ, и соскользнули съ шей. Повисли двое — Пестель и Бестужевъ, а трое—Каховскій, Рылѣевъ и Муравьевъ — сорвались.

Тамъ, въ черной дырѣ, копошились, страшные, бѣлые, въ бѣлыхъ саванахъ.

Колпаки упали съ лицъ. Лицо Рылѣева было окровавлено. Каховскій стоналъ отъ боли. Но взглянулъ на Рылѣева, — и опять, какъ давеча, улыбнулись другъ другу:«Вмѣстѣ?»—«Вмѣстѣ».

Муравьевъ былъ почти въ обморокѣ, но какъ глубоко-спящій просыпается съ неимовѣрнымъ усиліемъ, такъ онъ очнулся, открылъ глаза и взглянулъ вверхъ: увидѣлъ, что Бестужевъ виситъ: узналъ его по маленькому росту. «Ну, слава Богу, — подумалъ, — иной гонецъ иного Царя уже возвѣстилъ ему жизнь!» А что самъ будетъ сейчасъ умирать не второю, а третьей смертью, — не подумалъ. Опять закрылъ глаза и успокоился съ послѣднею мыслью: «Ипполитъ... маменька»...

Музыка затихла. Въ тишинѣ, изъ кучки народа на Троицкой площади, послышался вопль, визгъ: тамъ женщина билась въ припадкѣ. И опять, какъ давеча, по всей толпѣ, отъ площади до висѣлицы, прошло глухимъ гуломъ содроганіе ужаса. Казалось, еще минута, — и люди не вынесутъ: бросятся, убьютъ палачей и сметутъ висѣлицу.

— Вѣшать! Вѣшать! Вѣшать скорѣй!— кричалъ Кутузовъ. — Эй, музыка!

Снова заиграла музыка. Трехъ упавшихъ вытащили изъ дыры. Взойти на помостъ они уже не могли: взнесли на рукахъ. Опустившуюся доску подняли. Пестель досталъ до нея носками и

ожилъ: по замершему тѣлу пробѣжала новая судорога. Бестужевъ не досталъ, благодаря малому росту: онъ одинъ отъ второй смерти избавился.

Опять накинули петли и опустили доску. На этотъ разъ всѣ повисли, какъ слѣдуетъ.

Былъ часъ шестой. Солнце восходило въ туманѣ, такъ же какъ всѣ эти дни, тускло-красное. Прямо противъ солнца, между двумя черными столбами, на пяти веревкахъ висѣли пять неподвижно-вытянутыхъ тѣлъ, длинныхъ-длинныхъ, бѣлыхъ, спеленутыхъ. И солнце, тускло-кровавое, не запятнало кровью бѣлыхъ савановъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наканунѣ казни, государь уѣхалъ, или, какъ иные говорили, «бѣжалъ» въ Царское. Каждыя четверть часа туда посылали фельдъегерей, прямо съ мѣста казни. Съ послѣднимъ Кутузовъ отправилъ донесеніе:

«Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ и со стороны зрителей, коихъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнію устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ — сорвались, но вскорѣ опять были повѣше-

ны и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу».

Въ тотъ же день начальникъ главнаго штаба, генералъ Дибичъ, писалъ государю:

«Фельдъегерь доставитъ Вашему Величеству донесеніе генерала Кутузова объ исполненіи приговора надъ мерзавцами. Войско вело себя съ достоинствомъ, а злодѣи съ тою низостью, которую мы видѣли съ самаго начала».

«Благодарю Бога, что все окончилось благополучно, — отвѣтилъ государь Дибичу. — Я хорошо зналъ, что герои 14-го не выкажутъ при семъ случаѣ болѣе мужества, чѣмъ слѣдуетъ. Совѣтую вамъ, мой милый, соблюдать сегодняшній день величайшую осторожность».

14-го іюля отслужено было благодарственное молебствіе на Сенатской площади. Войска окружали походную церковь, поставленную у памятника Петра, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 14-го декабря стояло каре мятежниковъ. Митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ ряды войскъ и кропилъ ихъ святою водою.

Послѣдняя ектенія возглашалась торжественно, съ колѣнопреклоненіемъ:

«Еще молимся о еже пріятіи Господу Спасителю нашему исповѣданіе и благодареніе насъ, недостойныхъ рабовъ Своихъ, яко отъ неистствующія крамолы, злоумышлявшія на испроверженіе вѣ-

ры православныя и престола и на разореніе царства Россійскаго, явилъ есть намъ заступленіе и спасеніе Свое».

«Ихъ казнь — казнь Россіи? Нѣтъ, пощечина. Ну, да ничего; съѣдятъ. Правъ Каховскій: подлая страна, подлый народъ. Погибнетъ Россія... А, можетъ быть, и гибнуть нечему: никакой Россіи нѣтъ и не былъ».

Такъ думалъ Голицынъ, сидя въ своей новой камерѣ, въ Невской куртинѣ, куда перевели его послѣ экзекуціи, 13-го іюля. Онъ уже зналъ, что казнь совершилась, — фейерверкеръ Шибаевъ успѣлъ ему объ этомъ шепнуть, — но больше ничего не зналъ. Въ эти дни послѣ казни, арестанты содержались съ такою же строгостью, какъ въ первые дни заключенія. Никуда не выпускали ихъ изъ камеръ; разговоры и перестукиванія кончились; сторожа опять онѣмѣли; на всѣ вопросы былъ одинъ отвѣтъ: «Не могу знать».

Въ самый день казни Подушкинъ потихоньку передалъ Голицыну записку отъ Мариньки. Плацъ-майорская дочка, Аделаида Егоровна, умолила объ этомъ отца. Записка была нераспечатана.

«Мой другъ, я давно тебѣ не писала, не имѣя духу и не желая черезъ постороннихъ сообщить страшную вѣсть. Прошлаго Іюня мѣсяца, 29 числа, скончалась маменька. Хотя она уже съ Ген-

варя мѣсяца хворала, но я столь скораго конца не чаяла. Не могу себя избавить отъ мысли терзающей, что я, хотя и невольная, виновница сего несчастія. Нѣтъ горьше муки, какъ позднее раскаяніе, что мы недостаточно любили тѣхъ, кого уже нѣтъ. Но лучше не буду объ этомъ писать: ты самъ поймешь. Итакъ, я теперь совершенно одна на свѣтѣ, ибо Ѳома Ѳомичъ, хотя и любитъ меня, какъ родную, и готовъ отдать за меня жизнь, но, по старости своей (онъ очень постарѣлъ съ бабушкиной смерти, бѣдненькій, и ниѣ совсѣмъ, какъ дитя малое) для меня опора слабая. Но ты за меня не бойся, мой другъ. Я теперь знаю, что человѣкъ, когда это нужно, находитъ въ себѣ такія силы, какихъ и не подозрѣвалъ. Я не измѣнила и никогда не измѣню твердому упованію на милость Божію и на покровъ Царицы Небесной Заступницы нашей, Стѣны Нерушимой, всѣхъ скорбящихъ Матери. Только теперь узнала я, сколь святой покровъ Ея могущественъ. Каждый день молюсь Ей со слезами за тебя и за всѣхъ васъ, несчастныхъ. Много еще хотѣла бы объ этомъ писать, но не умѣю. Прости, что такъ плохо пишу. Я пережила ужасные дни, получивъ извѣстіе, что второй разрядъ, въ коемъ и ты состоишь, приговоренъ къ смертной казни. Я, впрочемъ, знала, что не переживу тебя, и это одно меня укрѣпило. Вообрази же радость мою, получивъ извѣстіе, что смертная казнь замѣнена

каторгою — и радость еще большую, что намъ, женамъ, разрѣшено будетъ за мужьями слѣдовать. Всѣ эти дни мы съ княгиней Екатериною Ивановною Трубецкою — какая прекрасная женщина! — хлопотали о семъ и теперь уже имѣемъ почти совершенную увѣренность, что разрѣшеніе будетъ получено. Мнѣ больше ничего не нужно, какъ только быть съ тобою и раздѣлить твое несчастіе. Вотъ и опять не знаю, какъ сказать. Помнишь, больной, въ бреду, ты все повторялъ: «Маринька, маменька»...

Онъ больше не могъ читать; письмо выпало изъ рукъ. «Зачѣмъ такое письмо въ такой день?» — подумалъ. Самъ не зналъ, какое въ немъ чувство сильнѣе — радость или отвращеніе къ собственной радости. Вспомнилъ самую страшную изъ всѣхъ своихъ мыслей, ту, отъ которой въ Алексѣевскомъ равелинѣ едва не сошелъ съ ума: любовь — подлость; любовь къ живымъ, радость живыхъ — измѣна мертвымъ; нѣтъ любви, нѣтъ радости, ничего нѣтъ, — только подлость и смерть — смерть честныхъ, подлость живыхъ.

На слѣдующій день, 14-го іюля, вечеромъ, зашелъ къ нему о. Петръ. Такъ же, какъ тогда, въ Вербное воскресеніе, когда Голицынъ отказался отъ причастія, онъ держалъ чашу въ рукахъ, но по тому, какъ держалъ, видно было, что она пустая.

Старался не глядѣть въ глаза Голицыну; былъ

растерянъ и жалокъ. Но Голицынъ не пожалѣлъ его, какъ Рылѣевъ. Посмотрѣлъ на него изъ подъ очковъ долго, злобно и усмѣхнулся:

— Ну, что, о. Петръ, дождались гонца? Конфирмація — декорація?

О. Петръ тоже хотѣлъ усмѣхнуться, но лицо его сморщилось. Онъ сѣлъ на стулъ, поднесъ чашу ко рту, закусилъ край зубами, тихо всхлипнулъ, потомъ все громче и громче; поставилъ чашу на столъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

«Экая баба!» — думалъ Голицынъ, продолжая смотрѣть на него молча, злобно.

— Ну-съ, извольте разсказывать, — проговорилъ, когда тотъ немного затихъ.

— Не могу, мой другъ. Потомъ когда-нибудь. а сейчасъ не могу...

— Могли на казнь вести, а разсказать не можете? Сейчасъ же, сейчасъ же разсказывайте! — крикнулъ Голицынъ грозно.

О. Петръ посмотрѣлъ на него испуганно, вытеръ глаза платкомъ и началъ разсказывать, сперва нехотя, а потомъ съ увлеченіемъ; видимо, въ разсказѣ находилъ усладу горькую.

Когда дошелъ до того, какъ сорвались и снова были повѣшены, поблѣднѣлъ, опять закрылъ лицо руками и заплакалъ. А Голицынъ разсмѣялся.

— Эка земелька Русь! И повѣсить не умѣютъ, какъ слѣдуетъ. Подлая! Подлая! Подлая!

О.Петръ вдругъ пересталъ плакать, отнялъ руки отъ лица и взлянулъ на Голицына робко.

— Кто подлая?

— Россія.

— Какъ вы страшно говорите, князь.

— А что? За отечество обидѣлись? Ничего, проглотите!

Оба замолчали.

Окно камеры выходило на Неву, на западъ. Солнце закатывалось, такое же красное, но менѣе тусклое, чѣмъ всѣ эти дни: дымная мгла немного разсѣялась. Вдали, за Невою, пылали стекла въ окнахъ Зимняго дворца краснымъ пламенемъ, какъ будто пожаръ былъ внутри. Красное пламя заливало и камеру. Давеча, во время разсказа, о. Петръ взялъ чашу со стола и теперь все еще держалъ ее въ рукахъ. Золотая чаша въ красномъ лучѣ сверкала ослѣпительно, какъ второе солнце.

Голицынъ взглянулъ на нее, всталъ, подошелъ къ о. Петру, положилъ ему руку на плечо и проговорилъ все такъ же грозно:

— Теперь понимаете, почему я не хотѣлъ причаститься? Теперь понимаете?

— Понимаю,—прошепталъ о.Петръ и, взглянувъ на него, — даже въ красномъ свѣтѣ, увидѣлъ, что лицо его мертвенно-блѣдно.

Опять помолчали.

— Гдѣ похоронили? — спросилъ Голицынъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ о. Петръ. — Никто не знаетъ. Одни говорятъ, — тутъ же, у висѣлицы, во рву съ негашеною известью; другіе, — на островѣ Голодаѣ, на скотскомъ кладбищѣ; а иные, — зашили, будто, въ рогожи, навязали камни, положили въ лодку, отплыли на взморье и бросили въ воду.

— А панихидку-то я отслужилъ, какъ же-съ! — помолчавъ, прибавилъ съ простодушно-лукавою усмѣшкою. — Нынче парадъ былъ на Сенатской площади, благодарственное молебствіе за ниспроверженіе крамолы. Святою водою войска и площадь кропили, очищали отъ крови — все крови боятся—да, чай, и святою водою крови не смыть. Владыка митрополитъ служилъ со всѣмъ духовенствомъ, соборне. Ну, а я не пошелъ. Матушка протопопица говоритъ: «Ужъ очень много говоритъ, ты себѣ позволяешь, о. Петръ! Смотри, какъ бы не налетѣло отъ архіерея по потылицѣ». — «Ну, и пусть, говорю, пусть налетитъ»! Отпустилъ Казанскую съ другими попами, а самъ не пошелъ, облачился въ черныя ризы, да панихидку и отслужилъ по пяти рабамъ Божіимъ новопреставленнымъ. «Со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ, Сергѣя, Михаила, Петра, Павла, Кондратія, идѣ же праведные упокояются. Пріими, Господи, въ миръ Твой»... Ну, да ужъ что говорить, — приметъ, небось, приметъ!

Вдругъ поднялся во весь ростъ и воскликнулъ торжественно:

— Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ: какъ святые, умерли. Какъ готовыя спѣлыя гроздья, упали на землю, но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный. Вѣнцовъ мученическихъ сподобились, и не отнимутся отъ нихъ вѣнцы сіи во вѣки вѣковъ. Слава Господу Богу! Аминь.

Опять, какъ тогда, въ Вербное воскресеніе, Голицынъ сталъ на колѣни и сказалъ:

— Благословите, о. Петръ.

Тотъ поднялъ руку.

— Нѣтъ, чашею.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — благословилъ его о. Петръ, касаясь чашею лба, груди и плечъ; потомъ далъ поцѣловать ее. Когда Голицынъ приложилъ къ ней губы, красно-кровавый лучъ солнца упалъ на золотое дно, и, казалось, что чаша наполнилась кровью.

О. Петръ молча обнялъ его и хотѣлъ выйти.

— Постойте, — сказалъ Голицынъ, разстегнулъ воротъ рубахи, пошарилъ за пазухой, вынулъ пачку листковъ и отдалъ ему.

— Что это? — спросилъ о. Петръ.

— Записки Муравьева, «Завѣщаніе Россіи». Велѣлъ вамъ отдать. Сохраните?

— Сохраню.

Еще разъ обнялъ его и вышелъ изъ камеры.

Голицынъ долго сидѣлъ, не двигаясь, не чув-

ствуя, какъ слезы текли по лицу его, и смотрѣлъ на заходящее солнце — небесную чашу, полную кровью. Потомъ опустилъ глаза и увидѣлъ на столѣ Маринькино письмо. Теперь уже зналъ, зачѣмъ такое письмо въ такой день.

Вспомнилъ слова Муравьева: «Поцѣлуйте отъ меня Мариньку!» Взялъ письмо и поцѣловалъ, прошепталъ:

— Маринька... маменька!

Вспомнилъ, какъ, послѣ свиданія съ нею въ саду Алексѣевскаго равелина, цѣловалъ землю: «Земля, земля, Матерь Пречистая!» И какъ Муравьевъ, въ послѣднюю минуту передъ висѣлицей, тоже цѣловалъ землю. Вспомнилъ предсмертный шопотъ его сквозь щель стѣны: «Не погибнетъ Россія, — спасетъ Христосъ и еще Кто-то». Тогда не зналъ, Кто, — теперь уже зналъ.

Радость, подобная ужасу, пронзила сердце его, какъ молнія:

— Россію спасетъ Мать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стр.
Глава первая	7
» вторая	28
» третья	32
» четвертая	42
» пятая	67
» шестая	76
» седьмая	87
» восьмая	98
» девятая	106
» десятая	128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава первая	150
» вторая	158
» третья	167
» четвертая	171
» пятая	181
» шестая	189
» седьмая	197
» восьмая	206
» девятая	216
» десятая	222
» одиннадцатая	228
» двѣнадцатая	233

ВТОРАЯ КНИГА.

ПОСЛѢ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

	Стр.
Глава первая	241
» вторая	252
» третья	267
» четвертая	283
» пятая	300
» шестая	320
» седьмая	334

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая	347
» вторая	369
» третья	380
» четвертая	396
» пятая	406
» шестая	418
» седьмая	451
» восьмая	461
» девятая	474
» десятая	487

Книгоиздательство „РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“.

Вышли изъ печати:

„ДАРЪ ЗЕМЛѢ“, сборникъ новыхъ стихотвореній К. Д. Бальмонта. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО“ и другіе разсказы И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„СУЛАМИѲЬ“ и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„НАВОЖДЕНІЕ“ и другіе разсказы гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **12 фр.**

„НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША“, повѣсть И. Шмелева. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ДЕРЕВНЯ“, поэма И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„14 ДЕКАБРЯ“, романъ Д. С. Мережковскаго. Цѣна: **15 фр.**

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

Сборникъ избранныхъ разсказовъ З. Н. Гиппіусъ; **„Путники“**, Бориса Зайцева; **„Гамбринусъ“** и другіе разсказы А. И. Куприна; **„Сборникъ избранныхъ разсказовъ“** Н. А. Тэффи; **„Новые разсказы“** Ивана Наживина; **„Хромой баринъ“**, гр. А. Н. Толстого, и другіе.

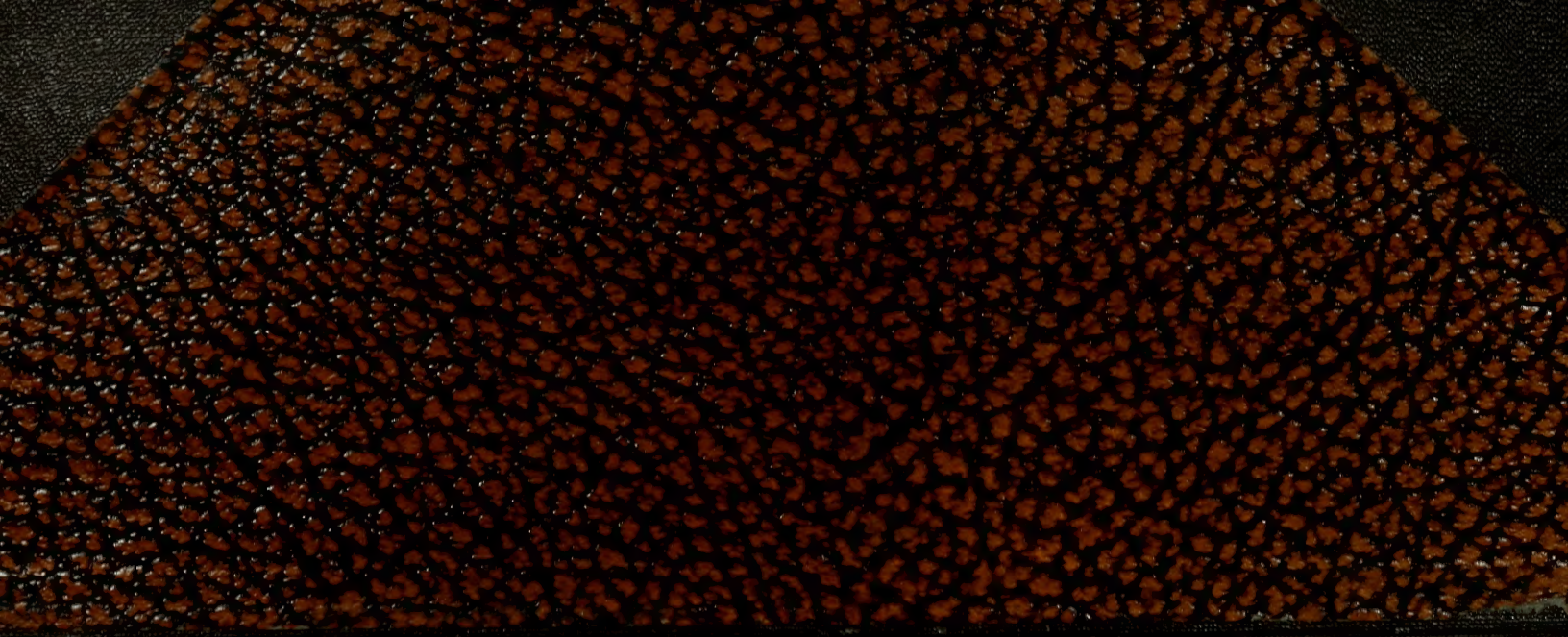
Продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы.

По первому письменному требованію (“ROUSSKAIA ZEMLIA“, 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижѣ.

PG 3467 M4C5
Merezhkovskiĭ, Dmitriĭ Sergeevich
Chetyrnadtsatoe dekabria

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY



UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 12 02 03 020 9